

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2019 Том 10 № 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:
denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:
novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:
lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарлова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory):

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика* (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика) издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://193.232.218.56/web-local/fak/tj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 25.06.2019. Выход в свет 28.06.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 37,20. Тираж 500 экз. Заказ № 638. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2019 VOLUME 10 No. 2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *I.L. Pankratova*
Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

Вестника Российского университета дружбы народов

Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика

Новоспасская Н.В. (Москва, Россия). Основные направления изучения фразеоресурсов 233

ЧАСТЬ 1. ФРАЗЕОРЕСУРСЫ

Сидоренко К.П. (Санкт-Петербург, Россия). Цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова в русской речи (к 250-летию со дня рождения) 238

Ломакина О.В. (Москва, Россия), Мокиенко В.М. (Санкт-Петербург, Россия). Крылатика в современном культурном контексте 256

Макарова А.С. (Москва, Россия). Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиадискурсе 273

Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. (Санкт-Петербург, Россия). Стереотипное представление о коте и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков 288

Новоспасская Н.В., Раадранириана А.М.М., Лазарева О.В. (Москва, Россия). Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий 301

Нелюбова Н.Ю. (Москва, Россия). Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран 323

Шуран О.В. (Луганск, Украина). Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты 336

Герасимова С.В. (Москва, Россия). Архетип и логос печи и камина 353

Садыхова А.П. кызы (Баку, Азербайджан). Варианты фразеологических единиц, содержащих теонимы, в азербайджанском языке 373

Иванов Е.Е. (Могилев, Беларусь). Аспекты эмпирического понимания афоризма 381

Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург, Россия). Прецедентное имя в публицистическом тексте: образ Швондера как средство характеристики и оценки 402

Dugalich N.M., Gishkaeva L.N. (Москва, Россия). Precedence as a category of a policode text of political cartoons in the arabic and french languages (**Дугалич Н.М., Гишкаева Л.Н. (Москва, Россия).** Прецедентность как категория креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках) 418

ЧАСТЬ 2. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

Филиппова И.Н. (Мытищи, Россия). Фактор адресата в диахронии поэтического перевода	435
Шетэля В., Морослин П.В. (Москва, Россия). Способы перевода названий видов оружия на русский язык в романе Г. Сенкевича «Пан Володыевский»	451
Семенова С.Н. (Краснодар, Россия). Классификация предлогов жанра «повесть» как произведения художественной литературы (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках)	457
Переволочанская С.Н. (Москва, Россия). Номинация как смысловой вектор пушкинской мысли	475
Загуменнов А.В. (Вологда, Россия). Церковный раскол XVII века как «намекаемое» содержание: к постановке проблемы когноминции события в культуре (на материале текстов первой половины семнадцатого столетия)	493
Mukhortov D.S., Zhovner E.A. (Moscow, Russia). Us-versus-them polarization in the US presidential debates of 2000 (Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. (Москва, Россия). «Свои» и «чужие» в американских предвыборных дебатах 2000 года)	499
Kakzhanova F.A. (Karaganda, Kazakhstan). The Kazakh language has the aspect category in its matrix (Какжанова Ф.А. (Караганда, Казахстан). О категории аспекта в казахском языке)	513
Vavilova Zh.E. (Kazan, Russia), Broadbent J.T. (Adelaide, Australia). Fossilization, communicative rationality and communication strategies in second language learning (Вавилова Ж.Е. (Казань, Россия), Бродбент Дж.Т. (Аделаида, Австралия). Фоссилизация, коммуникативная рациональность и коммуникационные стратегии в обучении иностранному языку	522
Yuryeva Yu.B. (Moscow, Russia). Address form as a reflection of ethno-cultural style of communication (based on British and Canadian English) (Юрьева Ю.Б. (Москва, Россия). Форма обращения как отражение этнокультурного стиля коммуникации (на материале британского и канадского вариантов английского языка))	532

CONTENTS

FROM EDITORIAL BOARD.

SPECIAL ISSUE.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics

Novospasskaya, N.V. (Moscow, Russia). Main directions of phraseological studies	233
--	-----

PART 1. PHRASE RESOURCES

Sidorenko, K.P. (St. Petersburg, Russia). Quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov in Russian speech (the 250-th anniversary of the birth)	238
---	-----

Lomakina, O.V. (Moscow, Russia) & Mokienko, V.M. (St. Petersburg, Russia). Winged words in a modern cultural context	256
---	-----

Makarova, A.S. (Moscow, Russia). Realization of Transformation and creative Potential of the Krylatika in Media Discourse	273
--	-----

Alyoshin, A.S. & Zinovyeva, E.I. (St. Petersburg, Russia). Stereotypic idea of a tom-cat and a cat through the prism of comparative phraseological units of Russian and Swedish languages	288
--	-----

Novospasskaya, N.V., Raadraniriana, A.M.M. & Lazareva, O.V. (Moscow, Russia). Image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasian linguocultures on the material of paremia	301
--	-----

Nelyubova, N.Yu. (Moscow, Russia). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries	323
--	-----

Shkuran, O.V. (Lugansk, Ukraine). Language units with sacred semantics: linguoculturological and lexicographic aspects	336
---	-----

Gerasimova, S.V. (Moscow, Russia). Archetype and logos of furnace and fireplace	353
--	-----

Sadigova, A.P. kyzy (Baku, Azerbaijan). Options of phraseological units containing teonima in the Azerbaijan language	373
--	-----

Ivanov, E.E. (Mogilev, Belarus). Aspects of empirical understanding of aphorism	381
--	-----

Seliverstova, E.I. (St. Petersburg, Russia). The precedent name in the mass media text: image of Shvonder as a mean of characterization and estimation	402
---	-----

Dugalich, N.M. & Gishkaeva, L.N. (Москва, Россия). Precedence as a category of a policode text of political cartoons in the arabic and french languages	418
--	-----

PART 2. PRAGMALINGUISTICS

Filippova, I.N. (Mytishchi, Russia). Recipient factor in poetic translation diachrony	435
Szetela, V. & Moroslin, P.V. (Moscow, Russia). Ways of translating names of weapons in the Henryk Sienkiewicz's novel "Pan Wołodyjowski"	451
Semenova, S.N. (Krasnodar, Russia). Classification of prepositions of story genre as a work of fiction (on material of A.S. Pushkin's story "The Queen of Spades" in Russian and English)	457
Perevolochanskaya, S.N. (Moscow, Russia). Nomination as the principal axis of Pushkin's thought	475
Zagumennov, A.V. (Vologda, Russia). The church separation of the XVII century as "nameeeee" content: presentation of the problem of cognominal events in the culture (on the material of texts of the first half of the seventeenth century)	493
Mukhortov, D.S. & Zhovner, E.A. (Moscow, Russia). Us-versus-them polarization in the US presidential debates of 2000	499
Kakzhanova F.A. (Karaganda, Kazakhstan). The Kazakh language has the aspect category in its matrix	513
Vavilova, Zh.E. (Kazan, Russia) & Broadbent, J.T. (Adelaide, Australia). Fossilization, communicative rationality and communication strategies in second language learning	522
Yuryeva, Yu.B. (Moscow, Russia). Address form as a reflection of ethno-cultural style of communication (based on British and Canadian English)	532

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК Вестника Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика

УДК 81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-233-237

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОРЕСУРСОВ

Н.В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Второй выпуск 2019 года научного журнала Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика посвящен разнообразию подходов к изучению фразеологии языка в теоретическом и практическом, в том числе сопоставительном, осмыслении. Открывает выпуск статья **К.П. Сидоренко (Санкт-Петербург, Россия)**, в которой изучается особый объект фразеологии — цитатная единица. Работа выполнена на материале литературных образов, цитат, крылатых выражений и созданных на их базе фразеологизмов из басен И.А. Крылова. Исследование крылатых единиц продолжают статья **О.В. Ломакиной (Москва, Россия)** и **В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)**, в которой рассматриваются этапы становления терминосистемы крылатологии как раздела фразеологии и проводится анализ функционирования крылатых единиц в современных текстах различных дискурсов, и работа **А.С. Макаровой (Москва, Россия)**, в которой раскрывается функционирование крылатых выражений в медиадискурсе на примере трансформационного и креативного вариантов фольклоризма «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок и хватит за бочок» в медиаконтенте сайта «Православные смеются».

В статье **А.С. Алёшина и Е.И. Зиновьевой (Санкт-Петербург, Россия)** исследуются фразеологизмы русского и шведского языков на основании доминирующих характеристик, которыми наделяется кот/кошка и которые служат для оценки качеств человека. Отражение стереотипных представлений о социальном устройстве как части языковой картины мира на материале русского, малагасийского, французского и испанского языка рассмотрено в статье **Н.В. Новоспасской**,

А.М.М. Раадранириана и **О.В. Лазаревой (Москва, Россия)**, в которой анализируются пословицы, описывающие роль и место женщины в обществе и семье, и работа **Н.Ю. Нелобовой (Москва, Россия)**, в которой рассматривается отражение основных ценностей представителей франкоязычных стран и этноспецифических исторических, географических и социолингвистических факторов в пословицах французского языка.

Исследованию языковых единиц с сакральной семантикой посвящены работы **О.В. Шкуран (Луганск, Украина)**, в которой представлен ряд этнолингвомаркеров в составе устойчивых языковых единиц и описана сакрализация данных смыслов в русской православной культуре; и **С.В. Герасимовой (Москва, Россия)**, в которой исследуется архетипический символ «печь» и описан сакральный логос, к которому он восходит; а также статья **Садыховой Айтен Пилага кызы (Баку, Азербайджан)**, в которой описаны мифологические и демонические компоненты фразеологических единиц азербайджанского языка.

Продолжает выпуск, посвященный фразеоресурсам, работа **Е.Е. Иванова (Могилев, Беларусь)** о дифференциальных признаках эмпирической квалификации афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы.

С особенностью функционирования устойчивых сочетаний различных типов сближается явление прецедентности, исследование которого в данном выпуске журнала представлено в работе **Е.И. Селиверстовой (Санкт-Петербург, Россия)**, в которой рассмотрены прецедентные феномены — имена героев литературных произведений — как эмоционально-оценочная составляющая текста на примере фигуры героя повести М. Булгакова «Собачье сердце» Швондера, и статья **Н.М. Дугалич** и **Л.Н. Гишкаевой (Москва, Россия)**, в которой прецедентность раскрывается на материале вербального и иконического компонентов поликодового текста политической карикатуры на арабском и французском языках.

Вторая часть выпуска журнала Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика посвящена ряду теоретических проблем прагмалингвистики. Ее открывает статья **И.Н. Филипповой (Мытищи, Россия)**, в которой изучается фактор адресата и когнитивный диссонанс автора и реципиента в условиях одноязычия и в условиях межъязыковой коммуникации на материале поэтического перевода романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Тему перевода продолжает работа **В. Шетэля** и **П.В. Морослина (Москва, Россия)**, в которой описаны особенности перевода с польского языка на русский лексики тематической группы *холодное оружие* на примере работы с текстом исторического романа Генрика Сенкевича.

Художественный текст А.С. Пушкина как объект исследования объединяет статьи **С.Н. Семенов (Краснодар, Россия)**, в которой представлена сравнительная классификация предлогов жанра в русском и английском языках на материале повести «Пиковая дама», и **С.Н. Переволочанской (Москва, Россия)**, описывающая смысловую валентность слова, привязанную к первичному образу (архетипу), и ее способность разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе. Исследование проведено на материале единиц двух синонимических рядов с доминантами «арап» и «негр».

Исследование **А.В. Загуменнова (Вологда, Россия)**, выполненное в традициях системного подхода Г.П. Мельникова, посвящено текстам первой половины семнадцатого столетия, в которых как во вторичной моделирующей системе автор прослеживает воспроизводимость событий и итогов церковного раскола второй половины XVII века.

В статье **Д.С. Мухортова и Е.А. Жовнер (Москва, Россия)** представлена одна из важнейших категорий политического дискурса — категория «свои-чужие»; в работе рассмотрены тексты дебатных выступлений Дж. Буша-мл. и Альберта Гора с позиций прагматического подхода.

В статье **Ф.А. Какжановой (Караганда, Казахстан)** с позиций прагмалингвистики исследуются особенности реализации грамматической категории аспекта, которая формально отсутствует в казахском языке, что особенно важно при осуществлении переводов на казахский язык.

Завершают выпуск две работы, посвященные коммуникации: статьи **Ж.Е. Вавиловой (Казань, Россия)** и **Дж.Т. Бродбент (Аделаида, Австралия)** о фоссилизации с позиций теории языка и философии коммуникации и **Ю.Б. Юрьевой (Москва, Россия)**, в которой раскрываются формы обращения в сопоставительном аспекте как отражение этнокультурного стиля на материале британского и канадского вариантов английского языка.

FROM EDITORIAL BOARD. SPECIAL ISSUE RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics

УДК 81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-233-237

MAIN DIRECTIONS OF PRASEOLOGICAL STUDIES

Natalia V. Novospasskaya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The second issue of 2019 RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics is devoted to the diversity of approaches to theoretical, practical, and comparative phraseology studies. The issue opens with an article by **K.P. Sidorenko (St. Petersburg, Russia)**, dedicated to a special object of phraseology — a quotation unit; the study was carried out on the material of literary images, quotations, winged expressions and the idioms created based on fables by I.A. Krylov's. **O.V. Lomakina (Moscow, Russia)**

and **V.M. Mokienko (St. Petersburg, Russia)** also represent the study of winged expressions in the article, where the authors examine the stages of the wing words terminology formation as a section of phraseology and analyze the functioning of winged units in modern texts of various discourses. The work by **A.S. Makarova (Moscow, Russia)** reveals the functioning of winged expressions in the media discourse on the example of transformational and creative versions of the folklorism «Bayu-bayushki-bayu...» (Russian lullaby) in the media content of the site «The Orthodox laugh».

The article by **A.S. Aleshin and E.I. Zinovieva (St. Petersburg, Russia)** explores phraseological units of the Russian and Swedish languages based on the dominant characteristics allotted to a male/female cat that serve to assess human qualities. **N.V. Novospasskaya, A.M.M. Raadraniriana and O.V. Lazareva (Moscow, Russia)** consider the reflection of stereotypical ideas about the social structure as a part of the language worldview on the material of the Russian, Malagasy, French, and Spanish languages in the article where the authors analyze proverbs describing the role and place of women in society, family, and at work. The article by **N.Yu. Nelyubova (Moscow, Russia)** describes the reflection of the core values of French-speaking countries representatives and ethno-specific historical, geographical, and sociolinguistic factors in the French proverbs.

The work by **O.V. Shkuran (Lugansk, Ukraine)** is devoted to the study of linguistic units with sacred semantics. In her article the author examines a number of ethno-linguistic markers as part of stable language units and describes the sacralization of these meanings in Russian Orthodox culture. The study by **S.V. Gerasimova (Moscow, Russia)** investigates the archetypal symbol of furnace and describes the sacred logos it goes back to. The research by **A.P. Sadigova (Baku, Azerbaijan)** focuses on the mythological and demonic components of the phraseological units in the Azerbaijani language.

Our issue dedicated to phraseological resources also presents the work by **E.E. Ivanov (Mogilev, Belarus)**, which describes the differential features of the empirical qualification of aphorism as a verbal means of expressing general judgments and a universal generalization of reality in the form of a phrase.

The phenomenon of precedence is associated with the peculiarity of the functioning of set expressions of various types. The study of precedence in this issue is presented in the work by **E.I. Seliverstova (St. Petersburg, Russia)**, which examines precedent phenomena — the names of heroes in literary works — as an emotional and evaluative component of the text on the example of the hero of M. Bulgakov's novel «The Heart of a Dog» Shvonder. The article by **N.M. Dugalich and L.N. Gishkaeva (Moscow, Russia)** considers precedence on the material of the verbal and iconic components in the creolized texts of a political cartoon in the Arabic and French languages.

The second part of the issue of the RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics is devoted to a number of theoretical problems of pragmalinguistics. It begins with the article by **I.N. Filippova (Mytishchi, Russia)**, which considers the addressee factor and the cognitive dissonance between the author and the recipient in terms of monolingual and cross-lingual communication based on the poetic translation of the novel in verse by A.S. Pushkin «Eugene Onegin». **V. Szetela** and

P.V. Moroslin (Moscow, Russia), who describe the peculiarities of the translation of the lexical set *cold weapon* from the Polish language into Russian on the example of working with a historical novel text written by Henryk Sienkiewicz, continue the topic of translation.

The literary text by A.S. Pushkin as an object of research assembles the articles by **S.N. Semenova (Krasnodar, Russia)**, which presents a comparative classification of genre prepositions in the Russian and English languages based on the story «The Queen of Spades», and **S.N. Perevolochanskaya (Moscow, Russia)**, that describes the semantic valence of a word, attached to the primary image (archetype), and its ability to deploy the energy of meaning in a textual perspective; the study was performed on the material of the units of two synonymic rows with the dominants «moor» and «negro».

The research by **A.V. Zagumennov (Vologda, Russia)**, performed in the tradition of G.P. Melnikov' system approach, is devoted to the texts of the first half of the seventeenth century, in which, as in the secondary modeling system, the author traces the reproducibility of events and the outcome of the church split in the second half of the XVII century.

The article by **D.S. Mukhortov and E.A. Zhovner (Moscow, Russia)** deals with one of the most important categories of political discourse — the category «us-versus-them»; the paper reviews the texts of debates between G.W. Bush and Al Gore from the standpoint of pragmatic and semantic approaches.

The work by **F.A. Kakzhanova (Karaganda, Kazakhstan)** considers from the standpoint of pragmalinguistics the peculiarities of the implementation of the grammatical category of the aspect, which is formally absent in the Kazakh language but is especially important when translating into Kazakh.

Two works on communication give the finishing touches to our issue: **Zh.E. Vavilova (Kazan, Russia)** and **J.T. Broadbent (Adelaide, Australia)** focus on fossilization from the standpoint of the theory of language and the philosophy of communication; and **Yu.B. Yuryeva (Moscow, Russia)** investigates the address forms in a comparative aspect as a reflection of the ethno-cultural style on the material of British and Canadian variants of the English language.

ЧАСТЬ 1. ФРАЗЕОРЕСУРСЫ

УДК 821.161.1-191:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255

ЦИТАТЫ ИЗ БАСЕН ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА В РУССКОЙ РЕЧИ (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

К.П. Сидоренко

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, Россия, 191186

Статья посвящена некоторым вопросам функционирования цитатных единиц из басен И.А. Крылова (собственно цитат, литературных образов, крылатых выражений и созданных на их базе фразеологизмов). Авторское слово рассматривается с позиций интертекстовой динамики, учитывающей комплекс проблем интертекстовой деривации, связанной с вариантносью, нормативной подвижностью, частотностью, фразеологизованностью, сегментацией, ассоциативной активностью, полидискурсивностью, многообразием и противоречивостью иллюстративных контекстов. Выделяются типы интертекстовых контаминаций на фоне контаминаций фразеологических. Особо рассматривается вопрос о басенных образах как интертекстовых единицах. Интертекстовая энергия басен Крылова, входящих в круг русской словесной культуры, направлена от исходной морали как основы произведения к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с нарративными проводниками, косвенной событийностью, развитием разнообразных структурно-семантических парадигм и основана на определенной организации используемых выражений. Описание интертекстовых единиц может быть ориентировано на два пути учета и обработки материала. Во-первых, это обращение к «ядерной» части круга словесной культуры. Количество произведений того или иного автора здесь обычно относительно невелико, но велико количество самих авторов, представленных в словарях. В сборниках крылатых выражений Крылову в целом посвящено примерно 50—60 словарных статей. Во-вторых, возможны издания, посвященные интертекстовому потенциалу одного автора, когда учитывается практически всё или почти всё, что выходит за рамки исходного текста, количество словарных статей увеличивается в разы, что позволяет определить статус авторской идиоматики в интертекстовой картине мира. В этом случае становится возможным осмыслить цитирование в широком понимании как употребление авторского слова за рамками авторского текста. Учету подлежат разнородные цитатные единства: фразеологизмы, паремии, собственно цитаты, нередко обыгрываемые, слова-сегменты этих единств, литературные образы. Интертекстовая динамика является функциональным условием жизни этого материала. Это прежде всего многочисленные изменения, фразеосемантическое моделирование, сегментация, дисперсность, фразеологическое и интертекстовое контаминирование, ассоциативная подвижность. Показательно, что прошедшие два века показали последовательную преемственность и значительное типологическое сходство в чередовании бесконечных употреблений басенного слова Крылова.

Ключевые слова: цитата, интертекстовая единица, интертекстовое пространство, фразеологизм, сегментация, функциональная дисперсия, контаминация, ассоциативность, полидискурсивность

ВВЕДЕНИЕ

Цитатные единицы как особый объект изучения последовательно рассматривались в теоретических работах по истории русского литературного языка, фразеологии и лингвокультурологии [1—5].

Басни Крылова условно можно разделить на известные или относительно известные, точно или приблизительно узнаваемые, цитатные единицы из которых воспринимаются как крылатые выражения (фразеологизмы, поговорки), и «необщезвестные», полузабытые или забытые, известные обычно тому, кто специально занимается Крыловым.

К первой группе относятся, например, «Ворона и Лисица» (*в зобу дыханье спёрло*), «Слон и Моська» (*ай Моська! знать, она сильна, что лает на Слона*), «Квартет» (*пленишь своим искусством свет*), «Лебедь, Щука и Рак» (*да только воз и ныне там*), «Ларчик» (*а ларчик просто открывался*), «Кот и Повар» (*а Васька слушает, да ест*), «Волк на псарне» (*волк, ночью, думая залезть в овчарню, попал на псарню*), «Любопытный» (*слона-то я и не заметил*) и др. Они дают как устойчивые выражения, так и свободные цитаты, но в целом обилие таких вроде бы случайных употреблений весьма внушительно.

Ко второй группе можно отнести такие произведения, как «Медведь в сетях» (*так лучше бы ты мертвых ел и оставлял живых в покое*), «Мор зверей» (*кто посмирней, так тот и виноват*), «Огородник и Философ» (*великий краснойбай, названный друг природы*), «Пестрые Овцы» (*лев бы и хорош, да всё злодеи волки*) и др. Корпус басен Крылова объединен автором в 9 книг (около двухсот), некоторые публикуются в собраниях сочинений поэта как приложение [6]. Обработка художественных, публицистических, учебных, научно-популярных и научных текстов, словарей, писем, ресурсов Интернета показала, что большинство басен Крылова так или иначе отразились в русской интертекстовой динамике и могут быть объектом лексикографической систематизации [7].

1. ВЕКТОРЫ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ДЕРИВАЦИИ

Лингвистическое осмысление материала позволяет утверждать, что интертекстовая деривация идет по двум направлениям: во-первых, выделяются случаи, когда основой интертекстового шага является смысловая доминанта, нравоучительная основа басни обыгрывается и применяется расширительно; во-вторых, когда смысловая доминанта пересекается с новым контекстом условно, занимает фоновое положение или размывается, при этом на первый план выходят текстовые актуализаторы басенной морали. Возникает вопрос о содержательной доминанте или доминантах текста-источника, которые «представляют собой своего рода метатекст» [8. С. 115]. Соответственно к первой группе можно отнести, например, выражение *а где настух дурак, там и собаки дуры* («Волк и Волчонок»), слова Волка, который начал Волчонок *приучать отцовским промыслом питаться*:

[Загол.] *Кто остановит собак убийц?* [В тексте] *Не проходит и месяца, чтобы из какого-нибудь российского города не пришла трагическая новость о нападении собаки на человека* (К. Ильин. Угличская газета. 2008. 8 апреля). [В реакции посетителей сайта] *А где настух дурак, там и собаки дуры!* (И.А. Крылов. URL: <http://uglich.ru <2008>>).

Вместе с тем слова из басни «Щука» и *Щуку бросили в реку*, исходно употребляющиеся в иронической характеристике наказания, обернувшегося благом, встречаем в заметке о разведении рыб, что не имеет отношения к басенной морали:

В Киеве сенсационно бросят щуку в реку. Второго декабря, впервые за 28 лет, в Киеве пройдет «зарыбление» аборигенными видами рыб (Новости по-киевски. 2009. 27 ноября).

Типологическим пределом функциональных вариаций можно считать многочисленные иллюстрации в научной и научно-популярной литературе.

Комплексный подход, в том числе уровневая характеристика, может быть рассмотрен как аспект при определении соотношения языковой единицы с соответствующим источником. Так, М. Рак обращает внимание на такую методику при характеристике польских регионализмов [9. С. 161—170].

Так, в ряду примеров существительных со значением собирательности (типа «хламье», «мужичье», «вишенье» и т.п.) встречаем *оконье* («Фортуна и Нищий»):

Существительные среднего рода с суффиксом [-j] (орфографически слова на -ье) имеют собирательное значение «группа однородных лиц, предметов, названных мотивирующим словом»... оконье: бедняжка-нищенский под оконьем таскался» (Крылов. Русская грамматика <1982>).

2. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННОСТЬ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Основу корпуса цитат, восходящих к басням Крылова, составляют выражения, соотносимые, прежде всего, с традиционным фразеологическим материалом в широком понимании. Даже редкие выражения, по сути, являются потенциальными фразеологизмами или поговорками и могут употребляться совершенно естественно, производя впечатление чего-то «своего», знакомого. Так, готовую поговорку представляет собой выражение из басни «Лев и Барс» в оценке неискренней поддержки, лукавой похвалы:

Обсуждая разногласия [Московского Патриархата с Русской Православной церковью за рубежом]... думаю, что этого автора вполне можно отнести к «нейтральному» обозревателю, памятуя при этом известную мораль басни Крылова: «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет» (Н. Шевельчинский. «Всяк человек ложь». Православная Русь. 2004. № 18).

Примеры афористических высказываний такого рода весьма многочисленны, например: *быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое* («Лев и Человек»); *а мне, за песни и за сон, не надобен ни миллион* («Откупщик и Сапожник»); *погода к осени дождливей, а люди к старости болтливей* («Плотичка»); *с разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет* («Роцца и Огонь»); *свежесть лишь вода движеньем сохраняет* («Пруд и Река»); *сила без ума сокровище плохое* («Лев и Человек»); *худые песни Соловью в когтях у Кошки* («Кошка и Соловей»); *чем больше чистит он, тем только больше пятен* («Голик»); *чем нравом кто дурней, тем более кричит и ропщет на людей* («Волк и Кукушка») и др.

3. СТЕПЕНЬ ЦИТАТНОСТИ

Регулярно встречаются функциональные варианты басенных отрывков: это и прямая цитата с отсылкой к Крылову, и заковыченные слова, и цитата скрытая, и фрагмент полного высказывания, выполняющий функцию аллюзии или реминисценции. Нередко басенный фрагмент вводится с изменениями, нарушением точности цитирования, что является одним из законов текстовой адаптации «чужого слова». Так, слова *уж брать, так брать, а то и когти что марасть* («Вороненок») были в измененном виде употреблены А.С. Пушкиным в значении «если уж предпринимать что-л., так что-то важное, существенное»:

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне <...> Если брать, так брать — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения жить в Опочке или в Риге; черт ли в них? а просить или о въезде в столицы, или о чужих краях (А.С. Пушкин — П.А. Плетневу, 4—6 декабря 1825 г.).

Подобное свободное цитирование свидетельствуют о глубине вхождения авторского слова в живую речь.

Иногда встречается лишь намек на текст Крылова, заместитель собственно цитаты. Например, басня «Оракул» заканчивается моралью: *«Судей таких видали, Которые весьма умны бывали, Пока у них был умный секретарь»*. У Пушкина встречаем отсылку к басне в стихотворении «Послание к цензору», причем интертекстовый шаг поддерживается и композиционным сходством (финал стихотворения):

*И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.*

Свободное обыгрывание Крылова Пушкиным не редкость. Так, слова из басни «Лисица и Осел» *и я его лягнул: пускай ослиные копыта знает* («о смелости перед некогда сильным противником») дают сегментацию цитаты:

*...Геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осёл:
Дух века вот куда зашёл!
(А.С. Пушкин. Езерский)*

Ср. также близкие типологически интертекстовые вкрапления, соотносимые с текстом басни «Мартышка и Очки» (*очков с полдюжины себе она достала*), неоднократно употребленных при описании сложностей подбора очков, например:

[Загол.] *«Где достала очки мартышка?» «Очкарики» остались недовольны»* (Лит. газета. 1986. № 26).

Обилие инотекстовых вкраплений стимулирует возникновение «скрытых смыслов» [10. С. 581] и многочисленные трансформации [11. С. 236].

4. СЕГМЕНТАЦИЯ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Автономность цитатной единицы возникает вследствие «дробления текста» [12. С. 176], при этом цитатный фрагмент стремится к функциональной самостоятельности. Например, слова **а смотришь, помаленьку то домик выстроит, то купит деревеньку** («Лисица и Сурок») употребляются в иронической оценке нечистых на руку предпринимателей, политиков, в осуждении корысти, прикрываемой патриотизмом и т.п. Исходное единство сохраняется, хотя скрытая цитата употребляется усеченно:

*...Науки и словесность у нас в самом блистательном состоянии. Укажу вам на книгопродавцев. **Посмотрите**, как они разживаются: **то домик выстроят, то купят деревеньку**. Чем же? Торговлею. Какою? Книжною (К.Н. Батюшков. Похвальное слово сну. Письмо к редактору «Вестника Европы» <1816>).*

Типичным будет и разделение паремии на два сегмента:

Имя «патриот» — как награда от потомков предкам. Если же человек сам себя одевает в имя «патриот» — это всё равно, что он присваивает чужие награды... Не похоже ли это на некоторых отечественных «патриотов», не стесняющихся одевать майки с гербом РФ, но при этом «выстраивающих домики», то бишь виллы, на чужих морских берегах и «скупающих деревеньки», то бишь земли, по всей России! (А. Степанисhev. Патриотизм — последнее прибежище негодяев?) (интернет-газета ZONA KZ. 2009. 23 дек. URL: <http://rusedin.ru/author/stepanishev/index.html>).

Названия музыкальных инструментов в басне «Квартет» (**достали нот, баса, альты, две скрипки**) получают автономный интертекстовый статус и могут обрабатываться как вокабульные единицы, например:

*Вы, конечно, знаете эту басню Крылова. Называется она «Квартет». Слово это имеет не одно значение. Как и название интервала — кварта... оно происходит от латинского *quartus* — четвертый. Что называют словом «квартет»? Прочтите снова строки басни: «**Затеяли сыграть квартет...**» Значит, прежде всего, **квартет** — это название произведения... Наиболее часто квартеты пишут для **двух скрипок, альты и виолончели**. Крылов имел в виду именно такой **квартет**: «**басом**» раньше называли **виолончель** (Л.В. Михеева. Музыкальный словарь в рассказах <2009>).*

5. МОНОДИСКУРСИВНОСТЬ И ПОЛИДИСКУРСИВНОСТЬ ЦИТАТНОЙ ЕДИНИЦЫ

Рассмотрение текста как художественного феномена предполагает осмысление его «внедрения» в новые контексты-дискурсы. Басенное творчество Крылова в этом отношении обладает несомненными особенностями. Содержание и цитатный потенциал ряда басен универсален, т.е. полидискурсивен, может быть применен к открытому ряду контекстов, свободно расширяет интертекстовое пространство. Возникает сочетание различных дискурсов, что определяет особенности рассмотрения басенного текста как ресурса интертекста. Так, художественные достоинства и патриотическая основа басни «Волк на псарне» определили чрезвычайную популярность этого произведения. Это едва ли не единственная басня Крылова, которая в учебных пособиях последовательно комментировалась прежде

всего в контексте Отечественной войны 1812 года [13. С. 29]. Однако необходимость комментирования басен Крылова, часто создававшихся как реакция на конкретные события, возникает уже в XIX в. [14. С. 4]: исходный дискурс-контекст, необходимый для адекватного восприятия содержания произведения в соответствии с авторским замыслом, уходит в содержательную периферию. Так произошло, например, с известной басней «Демьянова уха», при этом ее место в круге словесной культуры только упрочилось. Басня «Волк на псарне» занимает несколько иное положение. Собственно событийная ее основа сводится к следующему: агрессор превращается в жертву в результате просчета; смертельная опасность нависает над агрессором; следует категорический отказ от примирения, предлагаемого агрессором для своего спасения. Однако этим содержание басни не исчерпывается, нарративные сопроводители в развитии полидискурсивности начинают преобладать в цитировании: периферийные для смысловой доминанты басни интертекстовые единицы по употреблению могут превосходить опорные сегменты текста [15. С. 27].

Участки, реализующие полидискурсивность интертекстовых единиц (здесь — цитат), сводятся к следующему:

1. Историческая основа (контекст) басни как актуализация исходного дискурса. Первые цитации басни, в дальнейшем многократно воспроизводимые, связаны с отражением событий Отечественной войны 1812 г. Например:

*Однажды, после сражений под Красным, объехав с трофеями всю армию, полководец сел на открытом воздухе, среди приближённых к нему генералов и многих офицеров, вынул из кармана рукописную басню И.А. Крылова и прочел ее вслух. При словах: «**Ты сер, а я, приятель, сед**», произнесённых им с особенною выразительностью, он снял фуражку и указал на свои седины (И.И. Быстров. Отрывки из записок моих об Иване Андреевиче Крылове <1846>).*

Этот случай получает дальнейшую литературную обработку, басня пересказывается, сопровождаясь точными или свободными цитатами.

2. Бытовые происшествия, частная жизнь, текущие события, разного рода курьезы. В частности:

***Волк попал не на псарню и не в овчарню**; он просто затесался в казармы, на полковой двор, и, перескочив через забор, забежал прямо в швальню (В.И. Даль. Сказка о Георгии Храбром и о волке <1836>);*

*Минувшей ночью французский военный корабль был атакован сомалийскими пиратами, которые были взяты в плен. Так им и надо. **Волк, думая залезть в овчарню, попал на псарню** (URL: <http://diana-bosch.livejournal.com> <2009>);*

*Дорогой Гриша! Прости, что долго не писал (**забудем прошлое, уставим общий лад**) (С.А. Есенин — Г.А. Панфилову, конец февраля — март 1913).*

Последовательно басня цитируется в применении к России XXI в.:

*После Сталина, после сталинского поколения руководителей новые руководители в силу естественных причин уже не имели необходимого жизненного опыта, чтобы достаточно принципиально сказать в адрес Запада: «**Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью вашу я давно натуру знаю**» (О.С. Шенин. Мужской разговор // Дуэль. 2007. 30 янв.).*

Содержание басни может присутствовать в контексте крыловской афористики как вопрос-загадка, дающий метатекстовый комментарий:

Эти притчи звериного стиля [басни Крылова] содержат большие идеологии, нежели политические системы, экономические теории и этнические выкладки. <...> Жизнь в бюрократической машине — это «Волк на псарне». Влезет в овчарню какой клан сдуру, а там пасутся силовые псы — псаря кричат: «ахти, ребята, вор! и миг ворота на запор; в минуту псарня стала адом». Возникает дело за превышения или злоупотребления (О. Судаков. Звериный код государства <2009>).

3. В учебно-методических или научных материалах:

...И вместо растерянности, отчаяния, просьб мы слышим величественное начало стиха, точно заговорил император: «И начал так: «Друзья, к чему весь этот шум?» Здесь не только величественно это «и начал так», точно речь идет о спокойном и очень торжественном начале (Л.С. Выготский. Психология искусства <1987>);

Наступление Волка прерывает решительное контрнаступление распоряжающегося инициативой сильного и хорошо осведомлённого Ловчего («ставить на место»), его доводит до конца «гончих стая». Прямолинейный иттурм Ловчего тем более необходим, чем красноречивее, хитрее, умнее и сильнее Волк (А.П. Ершова. Режиссура как практическая психология <2010>).

Интертекстовый потенциал басни этим не исчерпывается, и ее функциональный ряд остается открытым.

6. АССОЦИАТИВНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ ЦИТАТЫ

Сила басенного текста Крылова такова, что цитата может возникать как реакция на тему, слово и т.п. В результате образуются ассоциативные структуры, обладающие интертекстовой самодостаточностью: в словаре крылатых выражений в этом случае дефиниция может сводиться к комментарию типа «как реакция на...». Здесь типичным будет разбивавшееся выше положение о том, когда цитатный фрагмент не соотносится с басенной содержательной доминантой и опирается на нарративные сопроводители.

Нередко слово-сегмент в буквальном значении выступает как текстовый стимул. Например:

Название блюда (*уха*) последовательно дает реакцию *демянова уха*, исходное значение — «назойливое угощение или услужливость», являющееся основой басни «Демьянова уха», выступает лишь как интертекстовый фон:

В январе мы начали уже помышлять об обеде, который хотели дать у себя в день рождения Ивана Андреевича <...> Разумеется, была стерляжья уха под именем демьяновой ухи и всё, что можно было придумать тонкого, роскошного и вместе соответствующего гастрономическим вкусам Крылова (Е.А. Карлгоф. Жизнь прожить — не поле перейти <1881>).

Не случайны многочисленные названия ресторанов рыбной кухни под названием «Демьянова уха». Отметим, что имена собственные у Крылова образуют свою весьма витиеватую систему и заслуживают особого изучения с позиций интертекстематики. Весьма перспективным представляется развитие «поэтонимо-

графии как нового направления авторской лексикографии» [16. С. 39], изучающей онимную составляющую языка писателя.

Иногда интертекстовая единица вводится как реакция на двойной стимул. Так, начало басни «Петух и Жемчужное Зерно» (*навозну кучу разрывая, Петух нашёл Жемчужное Зерно*) разделяется, образуя ассоциативную структуру, осложненную текстовой парадигмой стимула (*жемчужное зерно > жемчуг > золотой зуб*). Оба стимула (*жемчужное зерно* и *навозна куча*) соотносятся и с универбацией (*жемчужное зерно > жемчуг, навозна куча > навоз*), актуализирующей бытовую конкретику:

Новая перспектива: свобода в жемчуге: У доктора Смирнова на виду золотой зуб. «Спрячьте его, а то реквизируют». — «Я нарочно показываю, хочу поменять на навоз. Вот, братец мой, навозу-то! Всё навоз и навоз!» — «Наверно, есть, петух, помните! нашёл жемчужное зерно!» Доктор не понял меня и не мог понять (М.М. Пришвин. Дневники. 1920).

В свою очередь, стимул может соотноситься с двумя баснями (реакциями). Ассоциативное стремление микротекста к мегатексту (басня > книга басен) дает расширение интертекстового пространства и возникновение стимула, соотносящегося с двумя баснями («Зеркало и Обезьяна» и «Обезьяны»):

«Слушай, ты понимаешь, что твой ученик — обезьяна? Только что спрыгнул с ветки, да зацепился навеки, на ней и останется! Природу не перевернешь. Дедушка Крылов что говорил? Я удавилась бы с тоски, когда бы на нее чуть-чуть была похожа... — „Зеркало и Обезьяна“, вспомнила?» — «Кто обезьян видал, те знают, как жадно всё они перенимают... — „Обезьяны“, — парировала Лиза. — В последних изданиях — хоть чуть, чтобы ты знала! (Анафема. Правдивая история-буфф <2009>. URL: <http://www.russianlife.nl/anafema.htm>).

При употреблении цитатных вкраплений типичным будет нивелирование предметной конкретики стимула. Ситуативная соотнесенность слова, совпадающего с сегментом цитаты, ослабляется, размывается. Например, в статье о проблемах промышленного производства *сыра* встречаем:

В ней [басне «Ворона и Лисица»], как известно, фигурирует кусочек сыра. В нашей же современной версии — более полутора тысяч тонн сыров твердых <...> В результате чего три открытых акционерных общества недополучили порядка 1,1 миллиарда рублей. Выходит, руководители стали неким подобием крыловской вороны, которая, попавшись на уловку лисы, из собственного рта уронила кусочек сыра (Рэспубліка [Беларусь]. 2008. 24 апр.).

Также достаточно регулярно встречается словообразовательное усложнение стимула. Заключительные слова басни «Стрекоза и Муравей» (*Ты всё пела? Это дело: Так поди же, попляши!*) образуют интертекстовую ассоциативную структуру в результате деления цитаты на вопрос и ответ, соответствующие стимулу и реакции. При этом в новом тексте собственно стимул может быть соотнесен с сегментом цитаты через словообразовательный шаг (*пела > песня, певец*):

[Загол.] *Так поди же, попляши!* [В тексте] *Суд Пензы признал студента местного приборостроительного колледжа виновным в публичном унижении и оскорблении преподавателей. Осенью прошлого года обвиняемый разместил в Интернете*

нецензурную *песню* для свободного скачивания, в которой последними словами называл сотрудников колледжа <...> В итоге «*певца*» приговорили к шести месяцам исправительных работ (Учительская газета. 2008. 5 мая).

Таким образом реализуются «эвфемистические возможности» фразеологической периферии [17. С. 401—404], к которой можно отнести и исследуемый нами материал, функциональным условием которого является многомерная трансформация, приспособление исходных образов, характерных для фразеологии и паремииологии [18—21].

7. КОНТАМИНАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ И КОНТАМИНАЦИЯ ИНТЕРТЕКСТОВАЯ

Еще одной функциональной особенностью цитатного материала является контаминирование, т.е. объединение в речи двух и более интертекстовых единиц. Фразеологическое контаминирование осмыслялось лингвистами по-разному. А.М. Бабкин писал о контаминации как о явлении, приводящем к образованию новой фразеологической единицы [22. С. 104]. Резко полемизируя с этой точкой зрения, А.И. Молотков воспринимал контаминацию как неправильность, которая объясняется «плохим знанием говорящим фразеологии русского языка» [23. С. 203]. Обе точки зрения, по сути, показывают два аспекта этого явления — фразеологическую деривацию в широком понимании, сопровождающуюся необходимой структурно-семантической модификацией [24, 25] которая закономерно сталкивается с сопротивлением фразеологической нормы, кодифицированной во фразеографии.

Интертекстовое контаминирование дает новое единство цитатного характера, когда собственно фразеологический аспект является только частью вопроса. Крайними случаями проявления такого объединения будут, с одной стороны, наложение или соединение цитатных фрагментов (контактная контаминация) и, с другой — наличие двух и более отделенных друг от друга цитатных фрагментов (дистантная контаминация), т.е. отсутствие линейной целостности, синтагматическая дисперсия. Цитатный континуум в данном случае можно понимать как совокупность цитат разного типа и разного происхождения в рамках анализируемого текста (текстового фрагмента), интертекстовое пространство при этом организуется как интертекстовое поле. Континуум и контаминирование нередко функционально совмещаются и взаимодействуют. Фразеологическая контаминация может быть только контактной (за исключением случаев текстового обыгрывания), тогда как контаминирование цитатных единиц допускает введение разделенных цитатных вкраплений, дающих «эффект» интертекстовой целостности.

При учете источников объединенных единиц представляется целесообразным разграничивать микротекстовую, мегатекстовую и макротекстовую типы контаминаций.

Микротекстовая контаминация — объединение фрагментов, восходящих к одной басне. Микротекст — автономная текстовая единица, включенная в состав мегатекста, в нашем случае это «басня — собрание басен». Очевидно, что подоб-

ное инклюзивное соотношение вариативно. Так, собрание басен И.А. Крылова разделяется на девять книг, однако в массовых изданиях такое деление, как правило, не соблюдается, и избранные басни даются как целостное собрание, не распределяющееся по книгам. Как показывает наш опыт, авторское разделение басен на книги в рамках собрания обычно не имеет значения и в интертекстовой динамике ослаблено.

Популярное выражение *лебедь, рак и щука* (в шуточной оценке несогласованности усилий при решении общих задач) является соединением названия басни «*Лебедь, Щука и Рак*» с первым стихом «*Однажды Лебедь, Рак да Щука*». При этом в свободном употреблении «*Лебедь, Рак и Щука*» нередко выступают как название самой басни. Вместе с тем два цитатных фрагмента в каждом случае не теряют своей идентичности, входя в цитатный континуум (в предложение вводятся измененные слова заключения басни — «*Да только воз и ныне там*»):

Послушаешь, например, дебаты наших парламентариев и сразу вспоминаешь легендарное «Лебедь, Рак и Щука», — и становится понятным, почему экономический воз нашей страны всё топчется на одном месте (В. Лебедева. Возвращение к истокам. Христианский сайт «Для ТЕБЯ». 1998. 1 мая. URL: <http://www.foru.ru/article.21.html>).

Фрагменты басни в новом тексте разграничены, возникает контаминация дистантная.

Объединение исходно несмежных стихов басни «Ворона и Лисица» с неточностями, свойственными свободному цитированию, можно квалифицировать как контактную микротекстовую контаминацию («*Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок*»):

Уж сколько раз твердили миру, да только всё не впрок. Мы очень любим наступать на те же грабли (URL: <http://zsite.narod.ru> <2008>).

Ср. пример совмещения цитатного континуума с микротекстовой контаминацией, также основанной на усечении исходного фрагмента как следствия свободного цитирования (*Свинья под Дубом* + *Свинья под Дубом вековым Наелась желудей досыта, до отвала; Наевшись, выпалась под ним; Потом, глаза продравши, встала И рылом подрывать у Дуба корни стала*):

В известной басне «Свинья под Дубом», в которой, как оказалось, описывается базовый стереотип поведения украинской политической элиты, главная героиня, нажравшись желудей, принялась подрывать своим рылом у дуба корни (А. Окара. Украинские волки против человеко-свиней. Истеблишмент. Запорожская газета, хроника настоящего. URL: <http://establishment.com.ua/articles> <2007>).

Мегатекстовая контаминация. Мегатекст — объединение микротекстов, в нашем случае — собрание басен. В этом случае нередко толчком для введения цитаты может быть текстовый стимул, слово, соотносимое с двумя и более микротекстами.

Как намек на две басни И.А. Крылова («Слон на воеводстве» — *В родню был толст, Да не в родню был прост*; «Муха и Пчела» — *За мною только лишь*

и дела: Лететь по балам, по гостям... Когда б ты видела, как я пирую там!
можно воспринимать противопоставление «**муха — слон**» в письме Н.В. Гоголя:

[В характ. И.А. Крылова] *Крылова нигде не попал [так в источн.], чтобы напомнить ему за портрет. Этот блюдолиз, несмотря на то, что породю слон, летает как муха по обедам* (Н.В. Гоголь — М.П. Погодину, 20 февр. 1833 г.).

Макротекстовая контаминация. Макротекст — «Совокупность высказываний или текстов, объединенных содержательно или ситуативно, а также связанных на основе структурно-композиционного и культурного единства», «объединение всех существующих в культурном пространстве текстов» [26. С. 216].

Например, объединение измененной скрытой цитаты из «Русалки» Пушкина (*Невольно к этим грустным берегам Меня влечёт неведомая сила*) со словами из басни Крылова (*Крестьянин ахнуть не успел, Как на него медведь насел*) дает макротекстовую контаминацию, основанную на связях внутри круга словесной культуры:

В писании сказано: Он ахнуть не успел, как на него медведь насел. Так и я: Ахнуть не успел, как уже невидимая сила опять влечёт меня в таинственную даль. Сегодня еду в Петербург, оттуда в Берлин и так далее (А.П. Чехов — М.В. Киселевой, 11 марта 1891 г.).

Примеры расширения интертекстового пространства довольно многочисленны. Соотносимый с двумя разными текстами глагол **внимать** дает сочетание вкраплений из басни «Осел и Соловей» и стихотворения А.С. Пушкина «История стихотворца» в шуточной оценке способов выражения мыслей, чувств:

«Свисток» явился просто и скромно, без официальных [так в источнике] представлений; высказал свою задачу, заявил свои тенденции, и — зацелкал, засвистал на тысячу ладов» [«Осел и Соловей»].

Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчание; «внимало всё тогда любимцу и певцу Авроры» [«Осел и Соловей»], *то есть собственно зари, пробудившую спавшую московскую Русь, — внимало всё, но не всё хотело сознаться и показать вид, что внимает. Бесхитростная и откровенная публика внимала и не скрывала своего мнения; некоторые господа «внимали свист уже привычным ухом»* [«История стихотворца»], *уставаясь в землю лбом* [«Осел и Соловей»] (М.А. Антонович «Свисток» и его время <1863>).

Комплексной интертекстовой единицей можно считать шуточное соединение стихов из разных поэтических произведений (центон), например:

*Ночь, улица, фонарь, аптека
Затеяли играть квартет.
Живи еще хоть четверть века
Дери смычком — всё толку нет.
Навозну кучу разрывая,
Летит кибитка удалая и т.д.*

(Поиграем? Немножко центонов по Крылову <2008>. URL: <http://rezoner.livejournal.com>).

Показательно, что речевые модификации, в том числе и фразеологические контаминации, воспринимаются не только как закономерное явление, но и становятся особым аспектом при функциональном описании русской фразеологии [27. С. 174].

8. БАСЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ КАК ИНТЕРТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

Несколько слов о литературных образах как проявлении цитатной рефлексии. При ослаблении собственно цитатной функции возникает отсылка к басенному образу как представителю цитаты (крылатого выражения) или целого текста. Для словарной обработки Крылова — это, прежде всего, имена персонажей животных (*Медведь, Лев, Обезьяна, Орёл, Ворона, Ворон, Собака, Лошадь, Лисица* и др.), имеющие полидискурсивную и монодискурсивную ориентацию. Однако образ может присутствовать эксплицитно, втягивая в цитирование басенный текст.

Один зооним может соотноситься с разными баснями, соответственно за каждым стоит свой цитатный ряд и свой мотивационный процесс, при этом нередко происходит эпонимическая переориентация [28. С. 116] Так, басня Крылова «Ворона» (1825) иногда ошибочно в филологических работах называется иначе — «Ворона в павлиньих перьях». Такая интерпретационная вольность дала жизнь и фразеологизму *ворона в павлиньих перьях*, в словарях крылатых слов возводимому к басне Крылова. Однако здесь мы имеем дело с недоразумением. Предшественники Крылова обращались к мотиву, положенному в основу басни, при этом показательно, что и само название басни имеет деривационную историю: Эзоп — «Сойка и Голуби», Федр — «Надменная Галка и Павлин», Лафонтен — «Сойка, украшенная перьями Павлина», Сумароков — «Коршун в павлиньих перьях», Херасков — «Сорока в чужих перьях», Хвостов — «Ворона в павлиньих перьях». Имплицируя фразеосемантическую заголовочную модель, Крылов дает новое название — «Ворона», явно имея в виду непосредственно текст и название басни Д.И. Хвостова [29. С. 47], сохраняя при этом и употребленный предшественником словообразовательный вариант «*павлиным*»: «*Утыкавши себе павлиным перьем хвост, Ворона с Павами пошла гулять спесиво*». Как это нередко и бывало у Крылова, его басенный текст сосредоточивает и перерабатывает «чужое», превращая в «свое». Еще раз отметим, что в научных работах и словарях крылатых слов выражение *Ворона в павлиньих перьях* нередко соотносится только с Крыловым, однако эта связь будет опосредованной. Такое положение вообще характерно для интертекстовой деривации в целом и в словарях крылатых слов должно снабжаться соответствующими пометами и комментированием. Крылатое выражение употребляется в словообразовательно модернизированном виде (*павлиных > павлиньих*):

...Вы [Краевский] нас притесняли, эксплуатировали нами [так в источн.], приписывали себе наши труды и щеголяли, как известная птица павлиньими перьями (И.И. Панаев. Литературные воспоминания <1861>);

Анна Акимовна всегда боялась, чтобы не подумали про нее, что она гордая, выскочка или *ворона в павлиньих перьях* (А.П. Чехов. Бабье царство <1894>).

Однако именно собственно крыловский текст басни продуктивен в цитировании:

«Так вот та литературная известность, которой я добивался?» — говорит фельетонист, поправляя разбитые очки, перевязанные ниточкой, и вместо слез по лицу его катятся капли холодного пота; а внутренний голос пробуждается

в нем последний раз, указывает ему на его бессилие и ничтожество и с злобною насмешкою говорит ему: **И если карлой сотворён, То в великаны не тянися!** (И.И. Панаев. Петербургский фельетонист <1841>).

Ряд употребления цитат мог бы быть продолжен:

*По образу своих мыслей и по темпераменту Крылов был несомненный консерватор — не в политическом смысле, а в обыденном, так как ни о какой политике он никогда не думал <...> В басне «Ворона в павлиньих перьях» Крылов говорил о том, что каждый должен **держаться звания, в котором рождён** и что **простолюдин со знатью не должен родниться** (Н.А. Котляревский. Литературные направления Александровской эпохи <1907>);*

*<...> философ и политик вместе, больше, нежели кто-нибудь, напоминает Матрёну Крылова: **и сделалась моя Матрёна ни Пава, ни Ворона** (В.Г. Белинский. Повести и рассказы П. Каменского <1838>);*

*Пословиц в собственном смысле Крылов использовал мало <...> Отражением народных пословиц считаем еще: <...> **зовёт он смерть: она у нас не за горами, а за плечами** (Крестьянин и Смерть);*

***Что ж вышло? новая родня ей колет глаз поперком** (Ворона) (А.С. Орлов. Язык русских писателей <1948>);*

*Зиждущий талант Иронианского оказывается чужим талантом, внимательное изучение Маколея оказывается призраком; **павлиньи перья** взяты на прокат, да ещё без спросу; блестящая лекция не что иное, как тайный перевод с французского (Д.Н. Писарев. Наша университетская наука <1863>).*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интертекстовая энергия басен Крылова, входящих в круг русской словесной культуры, направлена от исходной морали как основы произведения к вовлечению в явное или скрытое цитирование фрагментов, соотносимых с нарративными сопроводителями, косвенной событийностью, развитием разнообразных структурно-семантических парадигм и основана на определенной организации используемых единиц: «Инвентаризация языкового (прежде всего паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделить ядро и периферию состава» [30. С. 306; 31. С. 687; 32. С. 73]. При этом описание интертекстовых единиц может быть ориентировано на два пути учета и обработки материала.

Во-первых, это обращение к «ядерной» части круга словесной культуры. Количество произведений того или иного автора здесь обычно относительно невелико, но велико количество самих авторов, представленных словарях. Такой подход осуществлен в классических изданиях М.И. Михельсона, Н.С. и М.Г. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой. Крылов в целом представлен примерно 50—60 словарными статьями.

Во-вторых, возможны словари, посвященные интертекстовому потенциалу одного автора, когда учитывается практически всё или почти всё, что выходит за рамки исходного текста, количество словарных статей увеличивается в разы, что позволяет определить статус авторской идиоматики в интертекстовой картине мира. Расплывчатость понятия «современная русская фразеология» с точки зрения хронологических показателей [33. С. 399] позволяет говорить о преемственности и востребованности классического текстового наследия. Становится возможным осмыслить цитирование в широком понимании как употребление авторского

слова за рамками авторского текста, консервативность ведет к обновлению старого [34. С. 40]. Учету подлежат разнородные цитатные единства: фразеологизмы, паремии, собственно цитаты, нередко обыгрываемые, слова-сегменты этих единств, литературные образы. Интертекстовая динамика является функциональным условием жизни этого материала. Это прежде всего многочисленные изменения, фразеосеманическое моделирование, сегментация, дисперсность, фразеологическое и интертекстовое контаминирование, ассоциативная подвижность. Показательно, что прошедшие два века показали последовательную преемственность и значительное типологическое сходство в черед бесконечных употреблений басенного слова Ивана Андреевича Крылова.

© Сидоренко К.П., 2019

Дата поступления: 1.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В.В.* Язык и стиль басен Крылова // Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 148—181.
2. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2001.
3. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004.
4. *Skládana J.* Slová z hlbín dávnych vekov. Bratislava: Veda, 1999.
5. *Mokienko V.M.* Intertexteme und Text in slavischen Sprachen // Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen: Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana. Hrsg. Tilman Berger, Karl Gutschmidt. München: Verlag Otto Sagner, 2003. P. 162—186.
6. *Крылов И.А.* Басни. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. *Сидоренко К.П.* О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4/.
8. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2018.
9. *Rak M.* Regionalizmy frazeologiczne — nowe ujęcia zagadnienia // *Polszczyzna mówiona ogólna i regionalna*. Kraków: Uniwersytet Jagelloński, 2008. P. 161—170.
10. *Pstryga A.* Czytając rosyjską publicystykę: semantyka rozumienia, interpretacja, przekład i frazeografia rosyjsko-polska // *Przegląd rusycystyczny*. 2008. No 4 (124). P. 58—69.
11. *Никитина Т.Г.* Фразеологические трансформации в лексикографическом отображении (из песни слова не выкинешь) // Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 236—244.
12. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
13. *Гордин М.А.* Отечественная война 1812 года на фоне басен И.А. Крылова. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2012.
14. *Кеневич В.Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1878.
15. *Walter H.* Procesy nicologizacji we współczesnej frazeologii rosyjskiej i słowiańskiej // *Przegląd rusycystyczny*. 2008. No 4 (124). P. 27—39.
16. *Федотова К.С.* Поэтонимография как новое направление авторской лексикографии // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 39—53. doi: 10.17223/22274200/11/3.
17. *Ковиова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016.
18. *Бредис Е.М., Бредис М.А.* Антипословицы в роли газетных заголовков (на материале публикаций германских СМИ) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТППО, 2018. С. 209—214.

19. *Mieder W.* Proverbs are never out of Season Popular wisdom in the Modern Age. New York: Oxford Univ. Press, 1993.
20. *Chlebda W.* Fatum i nadzieja: Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan. Opole: Uniwersytet Opolski, 1995.
21. *Гайнанишин М.В., Чаньшиева З.З.* Интердискурсивный характер смыслового развертывания кореферентных метафор // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20 (1). С. 43—56.
22. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л.: Наука, 1970.
23. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
24. *Naciscione A.* Phraseological Units in Discourse: towards applied Stilistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.
25. *Mlacek J.* K internacionalizácii súčasnej slovenskej frazeológii // Mlacek J. Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok: Katolícka univerzita, 2007. P. 243—260.
26. *Данилевская Н.В.* Макротекст // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, 2003. С. 216—221.
27. *Колобова Е.А.* К вопросу о характеристике контаминированных фразеологизмов // Вестник Костром. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 174—176.
28. *Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 2006.
29. *Хвостов Д.И.* Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб.: При Импер. Акад. наук, 1802.
30. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин: междунар. исторический журнал. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18.
31. *Kováčová V.* Frazeologická kompetencia slovenskej strednej generácie (na materiáli biblickej frazeológii) // Słowo. Tekst. Czas. XI: Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Red. M. Hordy, W. Mokijenko, T. Szutkowski, H. Walter. Szczecin; Greifswald: Uniwersytet Szczeciński, 2012. P. 686—693.
32. *Бухаркин П.Е.* Интертекстуальность и риторическая словесность (предварительные замечания) // Интертекстуальный анализ: принципы и границы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 65—79.
33. *Дидковская В.Г.* Современная фразеология: словарь и текст // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Вел. Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-та, 2011. С. 399—403.
34. *Stepanowa L.* Frazeologia rosyjska dzisiaj // Przegląd rusycystyczny. 2008. No 4 (124). P. 40—49.

УДК 821.161.1-191:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255

QUOTES FROM THE FABLES OF IVAN ANDREEVICH KRYLOV IN RUSSIAN SPEECH (The 250-th anniversary of the birth)

K.P. Sidorenko

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Moika River Embankment, 48, St. Petersburg, Russia, 191186

Abstract. The article is devoted to some questions of functioning of quotation units from I.A. Krylov's fables (actually quotations, literary images, winged expressions and phraseological units created on their basis). The author's word is considered from the standpoint of intertext dynamics, taking into account

the complex problems of intertext derivation associated with variation, normative mobility, frequency, segmentation, associative activity, polydiscursivity, diversity and inconsistency of illustrative contexts, types of intertextile contaminations on the background of the phraseological contamination. Intertextual energy of the fable, within the terms of the Russian verbal culture, directed from the source of morality as the foundation works to engage in explicit or implicit citation of the fragments, correlated with the narrative escorts, consequential historical events and the development of a variety of structural-semantic paradigms and based on a specific organization of the units used. Description of intertext units can be focused on two ways of accounting and processing of material. First, it is an appeal to the “nuclear” part of the circle of verbal culture. The number of works of an author is usually relatively small, but a large number of authors themselves. In the dictionaries of the winged expressions as a whole is represented by about 50—60 dictionary entries of Krylov. Secondly, there may be publications on the intertext potential of one author, when taken into account almost all or almost everything that goes beyond the source text, the number of dictionary entries increases significantly, which allows to determine the status of the author’s idioms in the intertext picture of the world. In this case, it becomes possible to understand the citation in the broadest sense as the use of the author’s word outside the author’s text. The revised citation heterogeneous unity: idioms, actual quotes, often playing off of segments of these unities, literary images. Intertext dynamics is a functional condition for the life of this material. It is primarily numerous changes frazeological modeling, segmentation, dispersion, associative movement. It is significant that the past two centuries have shown consistent continuity and significant typological similarity in a series of endless uses of the fabled word Krylov.

Key words: quote, intertextual unit, interactive space, idioms, segmentation, functional dispersion, contamination, associativity, polydiscursivity

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1990). Language and style of Krylov’s fables. In *Vinogradov, V.V. Selected works. Language and style of Russian writers from Karamzin to Gogol*. Moscow: Nauka. pp. 148—181. (In Russ.).
2. Shulezhkova, S.G. (2001). Winged expressions of the Russian language, their sources and development. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
3. Stepanov, Y.S. (2004). Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow: Academic project. (In Russ.).
4. Skládana, J. (1999). Words from the depths of ancient ages. Bratislava: Veda. (In Slovak.).
5. Mokienko, V.M. (2003). Intertexteme and Text in Slavic languages. *Berger, T., Gutschmidt, K., editors. Functional description of Slavic languages: Contributions to the XIII International Slavist Congress in Ljubljana*. Munich, Otto Sagner. pp. 162—186. (In Germ.).
6. Krylov, I.A. (1956). Fables. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sci. Publ. (In Russ.).
7. Sidorenko, K.P. (2016). On the principles of the dictionary of intertextual units from I.A. Krylov’s fables, *Russian Journal of Lexicography*, 1 (9), 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4/. (In Russ.).
8. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.).
9. Rak, M. (2008). Phraseological regionalism — new staff issue. In *Polish spoken General and regional*. Cracow, Jagiellonian Univ. Publ. pp. 161—170. (In Pol.).
10. Pstryga, A. (2008). Reading Russian journalism: semantics of understanding, interpretation, translation and Russian-Polish phraseography. *Russian Studies Review*, 4 (124), 58—69. (In Pol.).
11. Nikitina, T.G. (2018). Phraseological transformations in lexicographic representation (you can’t throw words out of a song). *Tretyakov I.Yu., editor. Life phraseology — phraseology in the life: a compilation of scientific articles to the anniversary of Professor A. M. Melerovich*. Kostroma: Kostroma Univ. Press. pp. 236—244. (In Russ.).
12. Piegay-Gros, N. (2008). Introduction to the theory of intertextuality. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).

13. Gordin, M.A. (2012). Patriotic war of 1812 against the background of I.A. Krylov's fables. Saint Petersburg: Pushkin Foundation Publ. (In Russ.).
14. Kenevich, V.F. (1878). Bibliographic and historical notes to Krylov's fables. Saint Petersburg, Glazunov. (In Russ.).
15. Walter, H. (2008). Processes of neologisation in contemporary Russian and Slavic phraseology. *Russian Studies Review*, 4 (124), 27—39. (In Pol.).
16. Fedotova, K.S. (2017). Poetonymography as a new field of author lexicography. *Russian Journal of Lexicography*, 11, 39—53. doi: 10.17223/22274200/11/3. (In Russ.).
17. Kovshova, M.L. (2016). Linguistic and cultural method in phraseology: Culture Codes. Moscow: LENAND. (In Russ.).
18. Bredis, E.M. & Bredis, M.A. (2018). Antislavery in the role of newspaper headlines (based on publications of the German media). In *Multiparadigm contexts phraseology in the twenty-first century*: Proceedings of the intern. sci. conf. Tula, TPPO. pp. 209—214. (In Russ.).
19. Mieder, W. (1993). Proverbs are never out of Season Popular wisdom in the Modern Age. New York: Oxford Univ. Press.
20. Chlebeda, V. (1995). Fate and hope: Sketches for the image of language self-consciousness of today's Russians. Opole: Opole Univ. Press. (In Pol.).
21. Gaynanshin, M.F. & Chanysheva, Z.Z. (2016). Interdiscursive character of Semantic development of coreferential metaphors. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 43—56. (In Russ.).
22. Babkin, A.M. (1970). Russian phraseology, its development and sources. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
23. Molotkov, A.I. (1977). Fundamentals of phraseology of the Russian language. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
24. Naciscione, A. (2001). Phraseological Units in Discourse: towards applied Stilistics. Riga: Latvian Acad. of Culture Publ.
25. Mlacek, J. (2007). The internationalisation of contemporary Slovak phraseology. In *Mlacek, J. Studies and state on phraseology*. Ruzomberok: Catholic Univ. Press. pp. 243—260. (In Slovak).
26. Danilevskaya, N.V. (2003). Macrotext. In *Encyclopedic Dictionary of Russian Language Stilistics*. Moscow: Flinta. pp. 216—221. (In Russ.).
27. Kolobova, E.A. (2008). To the question about the characteristics of the contaminated idioms. *Vestnik of Kostroma state University*, 4, 174—176. (In Russ.).
28. Dyadechko, L.P. (2006). "Winged words sound", or Russian eptology: textbook. Kiev: Kiev Univ. Press. (In Russ.).
29. Khvostov, D.I. (1802). Selected parables from the best writers of Russian poems. Saint Petersburg: Imper. Acad. of Sci. (In Russ.).
30. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of Rusyn paremiology (against the background of Ukrainian and Russian languages), *Rusin*, 54 (4), 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.).
31. Kováčová, V. (2012). Phraseologic competence of Slovak middle generation (on the Bible materials). In *Hordy, M., Mokijenko, V., Shutkovski, T., Walter, H., editors. Word. Text. Time. XI. Slavonic phraseology in onomasiologic, linguistic, cultural and phraseographic aspects*. Szczecin; Greifswald: Szczecin Univ. Press. pp. 686—693. (In Slovak).
32. Bukharkin, P.E. (2018). Intertextuality and rhetorical literature (preliminary remarks). *Intertextual analysis: principles and boundaries*. Saint Petesburg: St. Petersburg Univ. Press. pp. 65—79. (In Russ.).
33. Didkovskaya, V.G. (2011). Modern phraseology: dictionary and text. In *Literary and dialect phraseology: history and development*. Velikiy Novgorod: Novgorod Univ. Press. pp. 399—403. (In Russ.).
34. Stepanowa, L. (2008). Russian phraseology today, *Russian Studies Review*, 4 (124), 40—49. (In Pol.).

Для цитирования:

Сидоренко К.П. Цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова в русской речи (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 238—255. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255.

For citation:

Sidorenko, K.P. (2019). Quotes from the fables of Ivan Andreevich Krylov in Russian speech (the 250-th anniversary of the birth). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 238—255. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255.

Сведения об авторе:

Сидоренко Константин Павлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; *сфера научных интересов*: русская фразеология; *e-mail*: sidorenko274@yandex.ru

Information about the authors:

Sidorenko Konstantin Pavlovich, Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia, *Interests*: Russian Phraseology; *e-mail*: sidorenko274@yandex.ru

УДК 316.77:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272

КРЫЛАТИКА В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

О.В. Ломакина¹, В.М. Мокиенко²

¹Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, Россия, 115184

²Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, Россия, 195249

Статья посвящена анализу функционирования крылатых единиц в современных текстах, относящихся к различным дискурсам. Несмотря на сосуществование различных терминов (*крылатая единица, крылатое выражение, интертекстема, прецедентный текст, текстовая реминисценция, этноним, этнологизм, логоэпистема, коммеморат* и др.), суть языковых единиц, обозначаемых этими терминами, сводится к их главной характеристике — прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде. В статье рассматриваются этапы становления терминосистемы крылатологии как раздела крылатологии, называются имена учёных, внесших значительный вклад в развитие этой отрасли. Показано, что, несмотря на терминологическую разобщённость и становление метаязыка крылатики, крылатология как раздел фразеологии занимает устойчивые позиции как в российской, так и в европейской лингвистике благодаря реализации функционального потенциала крылатики в текстах различных стилей и жанров. Авторы отмечают перспективы исследования, связанные с изучением функционального потенциала крылатики. В ходе исследования были рассмотрены демотиваторы, где крылатые единицы *В России две беды — дураки и дороги* (Н.В. Гоголь) и *Рождённый ползать — летать не может* (М. Горький) используются в вербальной части и получают текстообразующее значение. Рассмотрены неологизмы *Я — Шарли (Je suis Charlie) — Я не Шарли, Крым наш, вежливые люди*, появление которых возникло благодаря современному культурному контексту. В статье анонсируется необходимость создания прагматически заряженного словаря «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений». Актуальность проведённого исследования обусловлена рассмотрением крылатики в современных текстах различных жанров.

Ключевые слова: крылатые единицы, функциональный потенциал, демотиватор, язык публицистики, хештег

ВВЕДЕНИЕ

Анализ современных текстов различной функционально-стилистической направленности [1—7] показал широкое распространение крылатики — свода крылатых единиц (КЕ), функционирующих в русском языке.

Процесс становления метаязыка крылатологии продолжается, что проявляется в терминологической разобщённости при обозначении предмета исследования (сосуществование терминов *крылатая единица, крылатое выражение, интертекстема, прецедентный текст, текстовая реминисценция, этноним, этнологизм, логоэпистема, коммеморат* и др.), однако суть языковых единиц, обозначаемых этими терминами, сводится к их главной характеристике — прямой зависимости от источника, их воспроизводимости и узнаваемости в готовом виде. Этот разряд

фразеологических единиц занял прочное место в языке, став одним из маркёров современного культурного контекста. «Развитие крылатологии не сводится к процессу заимствования, но оно немислимо и невозможно вне взаимодействия и взаимовлияния культур» [8. С. 232].

Цель данной статьи — определить особенности использования крылатики в *современном культурном контексте*, под которым понимаем условия существования, учитывающие время и место появления и функционирования языковых единиц.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы проведённого исследования включают описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретном употреблении, систематизацию и обобщение при анализе использования крылатики, функционирующей в конкретном тексте (см. работы А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко, И.П. Смирнова, А.Е. Супруна, П.Х. Торопа, С.Г. Шулежковой, Й. Гомолач, С. Чмейрковой, Я. Гофмановой, П. Мареша, Т. Жилки и др.); элементы интертекстуального анализа, предполагающего установление связи с претекстом, а также выявление роли интертекстуальных элементов в построении текста (М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Н.А. Фатеева и др.). Интертекстуальными называются «такие текстообразующие элементы, которые, имплицитно или эксплицитно присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации, аллюзии, реминисценции и способствуют расширению смысловых границ текста» [9. С. 155].

Амбивалентностью материала и сложностью его поиска продиктован доминирующий методологический принцип — приём сплошной выборки из сетевых источников (URL: <http://www.demotivatory.ru>, <http://www.yandex.ru> — в Рунете), национального корпуса русского языка (НКРЯ), современной газетной периодики. Верификация материала проходила по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2009) и словарю «Крылатые слова» Н.С. и М.Г. Ашукиных (1988).

КРЫЛАТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ, СОСТОЯНИЕ НАУКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начавшееся в 1980-е гг. активное изучение и лексикографическое описание особого разряда фразеологических единиц, имеющих «печать авторства» (С.Г. Шулежкова), обладающих двуплановой семантической структурой (Б.С. Шварцкопф), которая учитывает авторское и современное значение, позволяют говорить о существовании такого раздела фразеологии, как *крылатика* (В.М. Мокиенко) / *крылатология* (С.Г. Шулежкова) / *эптология* (Л.П. Дядечко). Однако предпосылки появления этого направления были обозначены ещё в работе Г. Бюхмана «Крылатые слова» (1864 г.).

В современной лингвистике сосуществуют различные номинации для обозначения единиц крылатологии. Так, в своих теоретических исследованиях и лексикографических работах Н.С. и М.Г. Ашукины (1988) [10], Л.Ф. Щербачук [11] использовали термин *крылатые слова*, Л.П. Дядечко — *эпонимы* [12], Е.Е. Ива-

нов — *крылатые афоризмы* [13, 14], Ю.Н. Караулов — *прецедентные тексты* [15], В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова — *логоэпистемы* [16], К.П. Сидоренко — *интертекстовые единицы* [7], А.И. Супрун — *текстовые реминисценции* [17].

Прокомментируем наиболее распространённые термины.

К.П. Сидоренко при составлении «Словаря крылатых слов Пушкина» использовал термин *интертекстема* как родовое обозначение крылатых слов и выражений. Под интертекстемой учёный понимает «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста — грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, — вовлеченный в межтекстовые связи» [18. С. 317]. В основе предложенного определения лежат лингвистические показатели, а обнаружение межтекстовых связей позволяет отнести обозначенное понятие к литературоведению, семиотике и культурологии, поскольку межтекстовая связь может представлять собой последовательность любых знаков, любую форму коммуникации. Анализ интертекстем-пушкинизмов, сопровождаемый культурологическим комментарием, был положен в основу лексикографического издания — «Словаря крылатых слов Пушкина» [19].

Активно употребляемый сегодня термин *прецедентные тексты*, введённый Ю.Н. Карауловым, обозначает тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении», «имеющие сверхличностный характер», «обращение к которым неоднократно возобновляется в дискурсе этой личности» [15. С. 216]. Автор при этом подчеркивает национальный характер прецедентных текстов и их связь преимущественно с литературными истоками. И.В. Арнольд к прецедентным текстам относит не только художественные тексты, но и фольклорные жанры (песни, мифы, сказки) и молитвы [20. С. 426]. Приведём одно из наиболее полных определений рассмотренного термина: «Прецедентный текст — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; ПТ знаком любому среднему члену лингвокультурного сообщества... обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы» [21. С. 27]. Суммируя сказанное, прецедентными текстами считают Библию, произведения художественной литературы, тексты песен, рекламные слоганы, публицистические тексты, политические лозунги различных эпох, популярные цитаты (в том числе и классиков марксизма-ленинизма) и т.д. [ср. 21—23]. Нетрудно увидеть, что материал этого рода во многом покрывается как традиционным обозначением *крылатые слова и выражения*, так и новейшим термином *интертекстема*.

Несмотря на процесс становления метаязыка крылатики, за последние два десятилетия этот раздел фразеологии значительно сформировался в методологическом плане. Одним из первых серьёзных трудов по крылатологии является монография С.Г. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие» (2002), содержащая важные сведения: дифференциальные признаки (раздельнооформленность, воспроизводимость, устойчивость структуры, стабильность семантики, связь с источником) [24. С. 28—29], источники образования

крылатики, этапы крылатизации единиц. Распространённой стала точка зрения С.Г. Шулежковой, обозначившая родовым термином *крылатая единица* (КЕ) этот разряд фразеологизмов, к которому относятся *крылатые слова* (КС) и *крылатые выражения* (КВ), являющиеся разноструктурными единицами. Впоследствии украинская исследовательница Л.П. Дядечко в книге «„Крылатый слова звук“, или Русская эптология» (2006) сделала обзор существующих работ, показав степень изученности проблемы и обозначив проблемные зоны этого раздела фразеологии, что определило научный поиск учёных.

Наличие терминологического конфликта, заключающегося в использовании параллельно употребляющихся терминов, доказывает, с одной стороны, что метаязык крылатологии находится в стадии становления, с другой — широту трактовок исследователей при понимании этого языкового явления.

Наблюдается терминологическая асимметрия в отечественной и зарубежной крылатологии. А.С. Макарова связывает это с разным пониманием данного языкового явления: «...зарубежные фразеологи фактически не уделяют внимания рассматриваемой проблематике, то есть КВ ими не изучаются как особые языковые единицы и не выделяются в отдельную группу устойчивых выражений. Кроме того, научное сотрудничество осложняется отсутствием единой терминологической базы, которое было выявлено при сравнительном изучении русской и французской фразеологии». <...> Термины *крылатые слова* и *крылатые выражения* утвердились в немецкой, английской, славянской лингвистике, в отличие от французской [8. С. 231].

Европейские исследователи связывают изучение крылатики с категорией интертекстуальности. Наличие претекста, зримо или аллюзийно присутствующего в данном тексте, — главная черта интертекстуальности, что И.В. Арнольд обозначила как двойственность знака: с одной стороны, он принадлежит данному, новому тексту, с другой — уже некогда созданному [20. С. 376]. В европейской (в частности немецкой) филологической традиции интертекстуальность охватывает такие явления, как заимствование, интерпретация тем, сюжетов, цитация различных типов, плагиат, аллюзия, парафраза, пародия, экранизация, литературные эпиграфы [25]. Большинство учёных характеризуют интертекстуальность именно с позиций такой амбивалентности, которая в какой-то мере отражается в вариантах терминологического обозначения интертекстуальности. Так, в богемистике, наряду со словом *intertextualita* [26 и др.], употребляется и термин *intertextovost* [27; 28 и др.], который один из исследователей уточняет со ссылкой на английские соответствия: «...благодаря уже прижившемуся термину метатекстовость мы отдаём предпочтение термину *intertextovost* перед более употребительным международным соответствием *intertextualita* (англ. *intertextuality*, фр. *intertextualité*, пол. *intertextualność*)» [28. С. 9]. Стоит назвать и описательный термин *mezitextové navazování* (межтекстовая соотнесённость), синонимичный названным [29. С. 117].

Сегодня с уверенностью можно сказать, что, несмотря на терминологическую разобщённость и становление метаязыка крылатики, «крылатые выражения представляют собой стройную систему языковых единиц» [24. С. 28], а это направ-

ление фразеологии занимает устойчивые позиции как в российской, так и в европейской лингвистике благодаря реализации функционального потенциала КЕ в текстах различных стилей и жанров.

Интертекстуальный анализ, первоначально ставивший целью поиск «текста в тексте» и изучавший проблему влияния одного текста на другой, сегодня проводится применительно к текстам разных стилей и жанров. Перспективным для нас представляется несколько векторов проведения подобных исследований: 1) выявление текстообразующего значения КЕ не только для текстов традиционных жанров публицистики и художественной литературы, но и для гибридных креолизованных текстов новых жанров (например, рекламных объявлений, блогов, разных форм интернет-мемов и под.); 2) определение актуализированных КЕ в визуальных жанрах интернет-коммуникации; 3) создание новых словарей КЕ, в словарной статье которых будут учитываться примеры употребления КЕ в креолизованных текстах; 4) установление взаимовлияния культурного контекста при выявлении мифологической и психологической основы художественного произведения (мифологема — архетип — психологический портрет).

КРЫЛАТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ДЕМОТИВАТОРА

Признано, что крылатика является неотъемлемым элементом в ряде интернет-жанров, прежде всего в интернет-мемах и его формах — демотиваторах, комиксах, плакатах, карикатурах [2; 30]. Демотиваторы, в отличие от других форм мемов, трёхкомпонентны и содержат следующие элементы: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительную надпись, набранную мелким шрифтом. Таким образом, можно говорить о демотиваторе как многоярусном тексте, поэтому характеристика его вербального компонента представляется наиболее интересной.

Рассмотрим примеры, в которых КЕ имеют текстообразующее значение.

КЕ *В России две беды — дураки и дороги* (Н.В. Гоголь) является одним из самых частотных элементов демотиваторов (рис. 1—4).

Рис. 1 / Fig. 1

Рис. 2 / Fig. 2

Рис. 3 / Fig. 3

Рис. 4 / Fig. 4

Во всех примерах КЕ представлена в трансформированном виде: происходит усечение компонентного состава КЕ за счёт сокращения и выделения ключевых компонентов. В первом случае вербальный компонент *Две беды — дураки и дороги* дополнен комментарием, сформулированным в вопросительном предложении *Америка выбрала хорошие дороги, что же выбрать России?* Таким образом, автор апеллирует к авторитету США как идеальной стране, при этом визуальный компонент подкрепляет вербальный. В основе вербального компонента рис. 2 — пример комплексного преобразования КЕ (*Две беды России встретились и дураки*). Третий пример представляет собой контаминацию ФЕ *два в одном* и варианта рассматриваемой КЕ — вычленение компонентов КЕ *дураки и дороги*. В основе вербального компонента четвёртого демотиватора — языковая игра, в основе которой гоголевское КЕ.

КЕ *Рождённый ползать — летать не может* представляет собой афоризм, получивший распространение в языке благодаря стихотворению в прозе М. Горького «Песня о Соколе» 1895 г. (итоговый вариант — 1899 г.), хотя представляет собой авторскую интерпретацию строчки из басни «Мужик и корова» русского поэта-баснописца XVIII в. И.И. Хемницера (1745—1784): «Скакать корова не училась. // А потому и должно знать: // Кто ползать родился, тому уж не летать» [10. С. 302—303]. КВ характеризует «трусливое поведение, неспособность на жертвенный поступок, на подвиг» [31. С. 305]. Проанализируем два демотиватора, где употребляется данная КЕ.

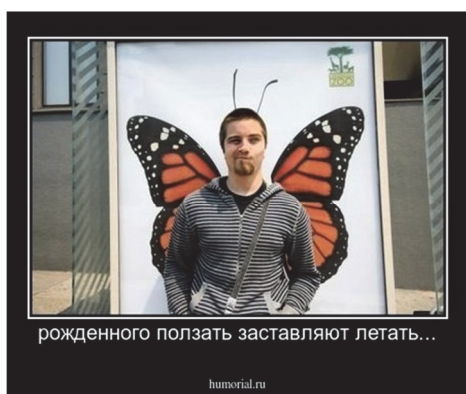

Рис. 5 / Fig. 5

Рис. 6 / Fig. 6

Вербальная часть представляет собой комплексное варьирование КВ, приводящее к изменению плана содержания и плана выражения рассматриваемой единицы. В первом демотиваторе трансформирование КЕ приводит к полной смысловой деформации единицы. Вербальная часть второго демотиватора представляет собой парцелляцию: первая строка — трансформ КЕ, а комментарий — расширение КЕ. Отметим также, что для современных демотиваторов считается нормой отсутствие знаков препинания, которое наблюдается в части комментария.

Новый жанр интернет-дискурса демонстрирует органичное использование крылатики. «Поскольку для правильного восприятия интернет-мема необходимы пресуппозитивные знания, благодаря которым будет понятно содержание — единство вербального и визуального компонентов, знание фонда КЕ и владение им помогает не только при порождении, но и в процессе понимания текстов этого жанра» [30. С. 42—43].

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ КРЫЛАТИКИ

Формирование фонда КЕ — процесс постоянный, что отражает незамкнутость крылатики. Основным источником пополнения крылатики в последние десятилетия, по наблюдению С.Г. Шулежковой, являются синтетические виды искусства: песни, кинофильмы, телепередачи и др. [24. С. 168]. Наши данные подтверждают этот тезис: в последние годы прошли этап крылатизации различные единицы, в том числе названия кинофильмов («50 оттенков серого», «Движение вверх», «Турецкий гамбит») и телепередач («Последний герой», «Здорово жить»), песенные («Это не шутки: Мы встретились в маршрутке») и рекламные строки (Просто добавь воды; Сколько вешать в граммах?).

Этапы крылатизации выражений, описанные С.Г. Шулежковой, включают воспроизведение цитаты с указанием на источник, графическое выделение, использование в качестве сильной позиции — заголовка, появление системных отношений [24. С. 239—241]. Однако в современном языке обозначенные этапы трансформировались, что связано с изменением общего культурного контекста: во-первых, влиянием Интернета на скорость распространения выражения и его тиражируемость, во-вторых, существованием общего медиапространства как среды для активной «жизни» потенциальной крылатики. Таким образом, первый этап крылатизации отсутствует, второй является факультативным, а третий и четвертый до настоящего времени актуальны.

Употребление КЕ в качестве заголовка как сильной позиции текста можно считать отличительной чертой современной публицистики, поскольку он по сравнению с другими композиционными частями газетной статьи несёт особую коммуникативную нагрузку. «Современный заголовок с учётом всё увеличивающейся временной компрессии выполняет и информативную функцию, представляя собой свёрнутый текст: читатель должен представлять картину дня, лишь просмотрев заголовки. Желание автора статьи привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию заголовка» [3. С. 37].

Согласно нашей картотеке, включающей около 1000 единиц, извлечённых приёмом сплошной выборки из российских газет последних пяти лет (2014—н.2019 гг.), в функции заголовка авторы чаще используют КЕ (более 60%), менее употребительны идиомы (около 30%), пословицы единичны.

Несомненно, авторы не могут не учитывать тот факт, что крылатика «увеличивает силу воздействия текста и способствует реализации коммуникативно-прагматической цели публикации», «являясь одним из самых ярких и действенных средств языка в аспекте воздействия на читателя» [32. С. 199].

Современный читатель владеет неким прецедентным минимумом (по аналогии с выделенным Г.Л. Пермяковым паремиологическим минимумом), благодаря пресуппозиции происходит понимание значения единицы, а различные актуализаторы (прежде всего субституты) служат средством привлечения читателя и вовлечения его в круг обсуждаемых проблем. Потенциальные КЕ, многократно тиражируясь, приобретая серийность (многократные преобразования, чаще — одного типа), становятся не только частью «топа» фразеосредств (фразеологического минимума журналистов), но полноправными КЕ, попадающими впоследствии в соответствующие словари и справочники. Если в эпоху печатных СМИ верификация в первую очередь проводилась по лексикографическим источникам, то в сетевом обществе фактор повторяемости и трансформируемости может говорить о крылатизации выражения.

Современный культурный контекст воспринял ряд неологизмов, ставших, как показывает языковой материал, крылатыми.

Галлицизм *Я — Шарли* (*Je suis Charlie*) — «лозунг, с которым европейцы вышли на демонстрации в знак протеста против теракта, совершенного в редакции французского сатирического еженедельника “Charlie Hebdo”» [см. подробнее: 33. С. 433]. Этот галлицизм стал полноправной КЕ, что доказывает широкий функциональный потенциал и лексикографическая фиксация: «*Я — Шарли* — универсальная формула выражения солидарности или протеста против любой несправедливости» [34. С. 238].

Приведём примеры, в которых КЕ выступает в качестве заголовка и является текстовой доминантой, при этом получает семантизацию в контексте:

Я не Шарли [название статьи] («Комсомольская правда», 11.01.15)

Я — Шарли.net [название статьи]. *Теперь те, кто «Я — Шарли», говорят, что назвать себя так — это была акция против убийства людей, которые имеют альтернативное мнение. Любое другое. И мнение, оскорбляющее мусульман, тоже. <...> Можно оттолкнуться от этого, немножечко подпрыгнуть и взять шире — это была акция за то, что убивать вообще нельзя. «Я — Шарли» — это практически флешмоб в поддержку божественной заповеди «не убий!». Тогда получается, что каждый нормальный человек: не преступник, не маньяк — он — Шарли. <...> В любом случае теперь всем нам как-то надо определиться: Шарли мы или люди с собственными именами и фамилиями, которые способны отделить белое от черного, а смешную карикатуру от образчика цинизма и мерзости. И, определившись, запустить новый хештег — ШарлиNet. Ведь только на нет — суда нет. А всё другое должно быть судимо по делам его* («Московский комсомолец», 06.11.15).

При интерпретации данных примеров важно учитывать культурный контекст. Если в первом случае автор пишет буквально по горячим следам, сразу же после теракта, то второй пример употребления КЕ в статье, написанной после крушения российского пассажирского самолета Airbus A321 в Египте, иллюстрирует факт различных этапов крылатизации — от использования графического маркёра до полноправного вхождения в язык, выраженного в создании фразеологически насыщенного контекста с употреблением паремии *На нет — суда нет*, библеизма *судимо по делам его*, образовании хештега.

Наша картотека содержит серийные примеры трансформаций КЕ, употребляемого в различных функциональных разновидностях языка:

*Иногда мне становится стыдно что я живу в Европе, в старой лицемерной Европе... Фашистские каратели: порошенко, яценюк, кличко и прочие подонки развязали Гражданскую войну, на которой гибнут украинцы и русские. Европейские политики молча наблюдают за массовыми убийствами мирных жителей, женщин, детей на Украине... Но все выходят на массовое шествие в Париже против террора — верх лицемерия. Мне жаль погибших журналистов, но все мы, жители Европы, находимся на войне с реакционным исламом, уже не один год... Гибнут простые люди в Англии, Испании, Германии, Франции и будут ещё гибнуть... Но десятки погибших от взрывов в этих странах не идут ни в какое сравнение с тысячами погибших украинцев... Мы успокоимся только тогда, когда через 2—3 года увидим порошенко, яценюка, кличко и прочих убийц в камере Гаагского трибунала осуждённых за геноцид собственного народа... **Я не Шарли. Я — Донецк. Я — Луганск** (URL: <https://www.inpearls.ru/>)*

*Что, чёрт возьми, творится в этом мире?
Не разглядеть мне сквозь огонь и дым
Я не Шарли, я — Су-24,
И где таблички с именем моим? (С. Ефимов)*

Я не Шарли.

*Я в Грозном дом печати.
И зритель из Норд-Оста тоже я.
Я факел из Одессы, так и знайте!
Я в Горловке убитая семья.*

Я не Шарли!

*Я дети из Беслана.
Я из Донецка сгорбленная мать.*

Я Стенин,

Корнелюк,

Волошин с Кляном.

Я не умею просто рисовать (И. Мацигура. URL: <https://www.stihi.ru/2015/01/11/8306>).

Приведённые примеры демонстрируют незамкнутость крылатики, «свидетельствуют о высокой степени освоенности» КЕ [24. С. 232].

Связь с социально-политическим контекстом имеют КЕ *Крым наш* и *вежливые люди*, особенностью которых является региональная маркированность [35. С. 62].

Сначала неологизм *вежливые люди* употребляется в кавычках:

Армянск вместо Славянска был условной реальностью, отмененной «вежливыми людьми» («Известия», 29.06.2014).

Заголовок *«Вежливые люди Михалкова готовы занять фонд кино»* («Собеседник», 26.9.—2.10.18) доказывает процесс крылатизации выражения: употребляется без графического выделения и вхождения в систему языка (здесь наблюдается изменение коннотации).

Преобразование КЕ доказывает не только факт вхождения в язык, но и стремление его к ядру фонда КЕ. Например, заголовок *«АфонНеНаш»* («Собеседник», 24—30.10.18) представляет собой комплексное варьирование КЕ: субституция, трансформация по линии отрицания сопровождается графически путём слитного написания и использования прописных букв для обозначения нового слова, что делает данный заголовок похожим на хештег. Замена компонента *Крым — Афон* объясняется ситуацией, сложившейся на Украине в связи с расколом церкви, положительная коннотация, присущая исходной единице, меняется.

Как показали представленные контексты, фонд прецедентных текстов, формирующий крылатику и обогащающий фразеологию, располагает богатым арсеналом единиц, которые могут использоваться в различных дискурсивных практиках, создавать «рамку» текстов.

КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ» КАК ПРИМЕР ПРАГМАТИЧЕСКИ ЗАРЯЖЕННОГО СЛОВАРЯ

Поскольку словарь не просто фиксирует какую-либо единицу — аффикс, слово, фразеологизм, а запечатлевает языковую реальность, является источником культурологической информации, то «на современном этапе создание каждого нового лексикографического произведения должно базироваться на разработке целого ряда лингвистических проблем: лексикологических, семасиологических, грамматических, стилистических и др.» [36. С. 9]. Действительно, любой создаваемый словарь должен учитывать господствующую научную парадигму и ориентироваться на потенциального «читателя», а значит, быть прагматически заряженным.

Создаваемый нами словарный проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» призван восполнить пробел в знании школьниками свода КЕ, функционирующих в русском языке. Отбор таких единиц осуществлялся нами с помощью методики лингвистического эксперимента — социолингвистического опроса информантов разных городов России, а также с учетом ФГОС по литературе для средней школы РФ. Кроме того, опрос был призван получить данные о ментальном лексиконе и составить коллективный языковой портрет современной молодежи.

Самым важным стало выявление ядерной и периферийной зоны КЕ с учётом фактора частотности. Более 70% опрошенных сообщили, что они знают, употребляют, умеют объяснить такие КЕ, как *Всё образуется* (Л.Н. Толстой); *Любви все*

возрасты покорны (А.С. Пушкин); *Мамынькин сынок* (Д.И. Фонвизин); *Медвежья услуга* (И.А. Крылов); *Мы в ответе за тех, кого приручили* (А. Сент-Экзюпери), что позволяет назвать эти единицы когнитивно ядерными. Противоположную группу составили КЕ, значение которых незнакомо более 70% анкетированных: *Осетрина второй свежести* (М.А. Булгаков); *Поверять алгебру гармонией* (А.С. Пушкин); *Наступить на горло собственной песне* (В.В. Маяковский); *В карете прошлого далеко не уедешь* (М. Горький), что вызывает беспокойство и необходимость дополнительной работы.

При определении источника крылатики были получены следующие данные: более 70% обучающихся не смогли назвать источник появления КВ *Осетрина второй свежести* (М.А. Булгаков); *Охота к перемене мест* (А.С. Пушкин); *Пациент скорее жив, чем мёртв* (А.Н. Толстой); *Поверять алгеброй гармонию* (А.С. Пушкин). Ядерными КЕ при точном определении источника являются единицы из художественной литературы: более 70% респондентов дали правильный ответ (*Алые паруса* — А. Грин; *Быть или не быть* — У. Шекспир; *Гений чистой красоты* — А.С. Пушкин; *Герой нашего времени* — М.Ю. Лермонтов; *Доктор Айболит* — К.И. Чуковский; *К нам едет ревизор* — Н.В. Гоголь; *Отцы и дети* — И.С. Тургенев; *Служить бы рад — прислуживаться тошно* — А.С. Грибоедов; *Тварь я дрожащая или право имею* — Ф.М. Достоевский; *Что такое хорошо и что такое плохо?* — В.В. Маяковский; *Я к Вам пишу. Чего же боле?* — А.С. Пушкин). Информация о нахождении КЕ у 40% анкетированных (*Тварь я дрожащая или право имею* — Ф.М. Достоевский; *Что такое хорошо и что такое плохо?* — В.В. Маяковский; *Я к Вам пишу. Чего же боле?* — А.С. Пушкин) в пассивном словарном запасе (знаю, не употребляю, не умею объяснить) позволяет говорить о периферии в современном языке.

Таким образом, одним из значимых критериев выявления наиболее употребительных КЕ и отбора материала для нового словаря стало составление эптологического портрета современной молодёжи. Этот опрос показал также «слабые места» в знании КЕ учащимися, подсказал способы активизации соответствующих знаний и помог охарактеризовать особенности языковой личности современного выпускника, выделив речевые доминанты. Важным аспектом является изучение речи учащихся-билингвов в условиях полиэтничного общества. Важным критерием отбора материала (в том числе и контекстного) для словаря стало определение частотности употребления крылатых слов и выражений того или иного писателя-классика. Такая частотность определялась как на основе имеющейся у составителей картотеки, так и на основе последовательного анализа лексикографического опыта предшественников, отразивших уже большой массив материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое распространение крылатики в современной речи, серийность использования, появление новых единиц говорит об актуальности изучения данного раздела фразеологии. Анализ использования КЕ в современном культурном контексте показал, что одной из главных функций крылатики является текстообразующая функция.

КЕ употребляются в текстах разных стилей и жанров, в том числе только утверждающихся. Крылатика — неотъемлемая часть вербальной части демотиватора, для адекватного понимания которого необходимы пресуппозитивные знания, в противном случае замысел авторов будет непонятен. КЕ, выступающие в качестве слогана и комментария, чаще используются в трансформированном виде, что доказывает незамкнутость крылатики как системы.

Если традиционно учёные называли такие источники появления КЕ, как мифология, литература, синтетические виды искусства, то недавние исторические события, т.е. современный культурный контекст, дали жизнь неологизмам *Я — Шарли (Je suis Charlie) — Я не Шарли, Крым наш, вежливые люди*, употребление которых в сильной позиции текста доказывает факт их вхождения в язык.

Современный культурный контекст даёт импульс для создания нового типа словаря. Проект «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений» — пример прагматически заряженного словаря, составляемого для безошибочного владения богатым фондом крылатики, повышения уровня языковой грамотности, расширения ментального лексикона школьников. Рассматривая словарь как интертекст, мы предлагаем в качестве иллюстративного материала привлекать не только публицистические тексты или отрывки из произведений художественной литературы, но и тексты новые жанров, в основе которых лежит крылатика.

© Ломакина О.В., Мокиенко В.М., 2019

Дата поступления: 1.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Куныгина О.В., Ломакина О.В., Макарова А.С.* Интернет-портал «Православие и мир» как пример современного религиозного дискурса // *Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы*. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2019. С. 192—197.
2. *Ломакина О.В.* Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект // *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы междунар. науч. конф.* Тула: ТППО, 2018. С. 254—260.
3. *Ломакина О.В.* Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // *Русский язык за рубежом*. 2019. № 1. С. 37—41.
4. *Ломакина О.В.* Язык Л.Н. Толстого как источник крылатики: из опыта анализа современного употребления крылатых выражений в современной публицистике (на материале интернет-статей) // *Новая экономика и региональная наука*. 2016. № 2 (5). С. 213—217.
5. *Ломакина О.В., Макарова А.С.* Современный заголовок как пример реализации функционального потенциала крылатики в публицистическом дискурсе // *Жизнь фразеологии — фразеология в жизни: сборник научных статей к юбилею профессора А.М. Мелерович* / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова; предисл. А.Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 180—186.
6. *Мокиенко В.М. И.А.* Крылов на перекрёстке эпох: традиции и инновации // *Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике: сборник научных статей* / отв. ред. К.С. Акопян. Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. С. 107—117.

7. Сидоренко К.П. Интертекстовые единицы из диалогии И. Ильфа и Е. Петрова в современной речи // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2018): сборник научных трудов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 312—316.
8. Макарова А.С. Современная крылатология: становление терминологического аппарата // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4. № 1. С. 223—242. Modern krylatology (Winged words studying): Genesis of terminology.
9. Савченко А.В. Интертекстуальность как характеристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Tankový prarog») // II Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы международной научной конференции. 12—14 сентября 2000 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 155—157.
10. Аиукин Н.С., Аиукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; образные выражения. М.: Художественная литература, 1987.
11. Щербачук Л.Ф. Крилаті вислови в мові творів Лесі Українки // Тези доповідей та повідомлень наукової конференції до 125-ї річниці від дня народження „Літературний феномен Лесі Українки”. Сімферополь, 1996. С. 35—38.
12. Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учебное пособие. Киев: Киев. нац. ун-т им. Т.Г. Шевченка, 2006.
13. Іваноў Я.Я. Да складання слоўніка “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц” (лексікаграфічны матэрыялы) // Філолагічний часопіс. 2018. Вип. 2 (11). С. 16—33.
14. Іваноў Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н.э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік Магіл'ёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
16. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения // Материалы IX Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: доклады и сообщения рос. ученых. М., 1999. С. 252—260.
17. Супрун А.И. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17—29.
18. Сидоренко К.П. Интертекстовые интерпретаторы в «Словаре крылатых выражений Пушкина» // Слово. Фраза. Текст: сборник научных статей к 60-летию М.А. Алексеенко. М.: Азбуковник, 2002. С. 317—330.
19. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, Фолио-Пресс, 1999.
20. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
21. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999.
22. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73—76.
23. Chlebda W. Рец. на кн.: Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999 // Studia i szkice slawistyczne. Literatura — Kultura — Język. 1. Pod redakcją Wojciecha Chlebdy i Ireny Światłowskiej-Prędoty. Opole: Uniwersytet Opolski, 2002. P. 257—263.
24. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
25. Сидоренко К.П. Интертекстематика (Пушкинский текст в интертекстовой динамике: лингвистический аспект). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002.

26. Kraus J. K problematice institucionálního diskurzu // *Stylistika*, 9. Opole, 2000. S. 103—116.
27. Hoffmannová J. K charakteristice postmoderního textu // *SaS*. 1992. 53. P. 171—184.
28. Homoláč J. Intertextovost a utváření smyslu v textu. Praha, 1996.
29. Čmejrková S. Reklama a intertextualita aneb Vlasy děláj' člověka // *Stylistika*, 9. Opole, 2000. P. 117—136.
30. Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецептов // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2018. № 437. С. 36—44. doi: 10.17223/15617793/437/5.
31. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2009. Т. 2.
32. Макарова А.С. Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
33. Макарова А.С. Я — Шарли / Я не Шарли — две стороны одной медали? (на материале публицистического дискурса франкоязычных и англоязычных массмедиа) // *Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы международной научной конференции* / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2017. С. 431—441.
34. Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии / русская часть: С.Г. Шулежкова, А.А. Осипова, О.Е. Чернова, Н.В. Позднякова, А.Н. Михин; немецкая часть: Х. Вальтер, О.В. Михина; Науч.-исслед. словарная лаб. НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.Н. Носова; Грайфсвальдский ун-т им. Эрнста Морица Арндта; под ред. С.Г. Шулежковой (гл. ред.), А.А. Осиповой. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати»; Greifswald: ErnstMoritz-Arndt-Universität, 2016.
35. Богданович Г.Ю. Междисциплинарная платформа дискурсологии: крымский контекст // *Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания: тезисы докладов участников всерос. научно-практической конференции с международным участием*. Симферополь: Изд-во Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 2018. С. 62—63.
36. Алёшина Л.В. Словарь авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2002.

УДК 316.77:81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272

WINGED WORDS IN A MODERN CULTURAL CONTEXT

Olga V. Lomakina¹, Valerij M. Mokienko²

¹St. Tikhon's Orthodox University
Novokuznetskaya Str., 23B, Moscow, Russia, 109451

²St. Petersburg State University
Universitetskaya Embankment, 11, Saint Petersburg, Russia, 199034

Abstract. The article analyses functioning of winged expressions in contemporary texts falling into different types of discourse. Despite coexistence of different terms (*winged unit*, *winged expression*, *intertexteme*, *precedent text*, *text reminiscence*, *epitonym*, *epitologism*, *logoepisteme*, *commemorate*, etc.), the essence of the linguistic units described by these terms comes down to the main characteristics thereof — direct dependence on the source, reproducibility and recognisability thereof. The article reviews development stages of the winged unit study term system as part of the winged unit study, names scholars

who have significantly contributed to the development of this field. It shows that despite the terminology divergence and the early days of the winged unit study metalanguage, this study as part of phraseology has assumed a stable position both in the Russian and European linguistics owing to the winged unit study functional potential realisation in different text styles and genres. The authors define research directions related to the winged unit study functional potential. As part of the study there were reviewed demotivators where the winged units *В России две беды — дураки и дороги* (*Russia has two problems: pinheads and roads*) (N.V. Gogol) and *Рождённый ползать — летать не может* (*He who was born to slither cannot fly*) (M. Gorky) are used in the verbal part and acquire the text forming meaning. There have been studied the neologisms *Я — Шарли* (*Je suis Charlie*) — *Я не Шарли* (*I am not Charlie*), *Крым наш* (*Crimea is ours*), *вежливые люди* (*the polite people*) that appeared owing to the modern cultural context. The article uncovers the need for the creation of the pragmatically loaded dictionary ‘Classics of Russian Literature Mirrored by Winged Expressions’. The relevancy of the study undertaken is stemming from the review of winged expressions in modern different genre texts.

Key words: catchwords (winged words), functional potential, demotivator, journalism language, hashtag

REFERENCES

1. Kunygina, O.V., Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2019). Internet portal “Orthodoxy and Peace” as an example of modern religious discourse. In *Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems*. Chelyabinsk. pp. 192—197. (In Russ.).
2. Lomakina, O.V. (2018). Catchwords (winged words) in the Internet discourse: functional and pragmatic aspect. In *Polyparadigmatic Phraseology Contexts in the 21st Century*. Tula. pp. 254—260. (In Russ.).
3. Lomakina, O.V. (2019). Catchwords (winged words) in the role of a modern newspaper headline: composition, usage trends. In *Russian Language Abroad*, 1, 37—41. (In Russ.).
4. Lomakina, O.V. (2016). Language of L.N. Tolstoy as a source of catchwords (winged words): from the experience of analyzing modern use of catchwords (winged words) in modern publicism (based on internet articles). *New Economy and Regional Science*, 2 (5), 213—217. (In Russ.).
5. Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2018). Modern heading as an example of realisation of the functional potential of krylatology in the journalistic discourse. In *Life phraseology — phraseology in life: a collection of scientific articles for the anniversary of prof. A.M. Melerovich*. Kostroma. pp. 180—186. (In Russ.).
6. Mokienko, V.M. (2018). I.A. Krylov at the crossroads of epochs: traditions and innovations. In *Russian language at the intersection of epochs: traditions and innovations in Russian studies*. Erevan. pp. 107—117. (In Russ.).
7. Sidorenko, K.P. (2018). Intertext units from the dilogy of I. Ilf and E. Petrov in modern speech. In *Press and the word of St. Petersburg (St. Petersburg readings — 2018)*. Sankt-Peterburg. pp. 312—316. (In Russ.).
8. Makarova, A.S. (2018). Modern krylatology (winged words studying): genesis of terminology. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 4 (1), 223—242. (In Russ.).
9. Savchenko, A.V. (2001). Intertextuality as a characteristic of the epoch (on the material of the novel “Tankový prapor” by J. Škvoretsky). In *Second Slavistic readings in the memory of prof. P.A. Dmitriev & prof. G.I. Safronov*. Sankt-Peterburg. pp. 155—157. (In Russ.).
10. Ashukin, N.S. & Ashukina, M.G. (1988). Catchwords (winged words): Literary quotes; Figurative expressions. Moscow. (In Russ.).
11. Shcherbachuk, L.F. (1996). Catchwords (winged words) in the works of Lesia Ukrainka. In *Abstracts of reports and reports of the scientific conference to the 125th anniversary of the birth of «Lesya Ukrainka Literary Phenomenon»*. Simferopol'. pp. 35—38. (In Ukrainian).

12. Dyadechko, L.P. (2006). «Winged words sound», or Russian eptology. Kiev. (In Russ.).
13. Ivanov, E.E. (2018). About compiling a dictionary «Winged aphorisms in the Belarusian language: from the Bible of the sources» (lexicographical materials), *Philological diary*, 2 (11), 16—33. (In Belarusian).
14. Ivanov, E.E. (2011). Winged aphorisms in the Belarusian language: Foreign literature and VIII of the sources in folklore — XX century: the explanatory dictionary. Mogilev. (In Belarusian).
15. Karaulov, Yu.N. (2010) Russian language and language personality. Moscow. (In Russ.).
16. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1999). Units of the semiotic system of the Russian language as a subject of description and assimilation. In *Proceedings of the IX Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature*. Moscow. pp. 252—260. (In Russ.).
17. Suprun, A.I. (1995) Text reminiscences as a linguistic phenomenon. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 6, 17—29. (In Russ.).
18. Sidorenko, K.P. (2002). Intertext interpreters in «Pushkin's Catchwords (winged words) dictionary». In *Word. Phrase. Text*. Moscow. pp. 317—330. (In Russ.).
19. Mokienko, V.M. & Sidorenko, K.P. (1999). Pushkin's Catchwords (winged words) dictionary. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
20. Arnol'd, I.V. (1999). Semantics. Stylistics. Intertextuality. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
21. Gudkov, D.B. (1999). Case name and case law. Moscow. (In Russ.).
22. Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (1994). How texts become precedent. In *Russian Language Abroad*, 1, 73—76. (In Russ.).
23. Chlebeda, W. (2002). Book Review: Gudkov, D.B. (1999) Case name and case law. Moscow. (In Russ.). In *Studia i szkice slawistyczne. Literatura — Kultura — Język*. Opole. pp. 257—263. (In Russ.).
24. Shulezhkova, S.G. (2002). Catchwords (winged words) of the Russian language, their sources and development. Moscow. (In Russ.).
25. Sidorenko, K.P. (2002). Intertextology (Pushkin text in intertext dynamics: linguistic aspect). Sankt-Peterburg. (In Russ.).
26. Kraus, J. (2000). The issue of institutional discourse. In *Stylistika*, 9, 103—116. (In Czech).
27. Hoffmannová, J. (1992). The characteristics of postmodern text. *SaS*, 53, 171—184. (In Czech).
28. Homoláč, J. (1996). Intertextuality and text formation. Praha. (In Czech).
29. Čmejrková, S. (2000). Advertising and Intertextuality. *Stylistika*, 9, 117—136. (In Czech).
30. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2018). Fictional text as a basis for the internet meme: based on the study of modern receptions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 437, 36—44. DOI: 10.17223/15617793/437/5. (In Russ.).
31. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2009). Great dictionary of Catchwords (winged words) of the Russian language. Magnitogorsk—Greifswald. (In Russ.).
32. Makarova, A.S. (2016). The Features of Phraseologisms-Gallicisms Functioning in Modern French and Russian Publicism. Moscow. (In Russ.).
33. Makarova, A.S. (2017). JE SUIS CHARLIE / JE NE SUIS PAS CHARLIE — different sides of the same coin? (exemplified by English and French journalist discourse of mass media). In *The image of Russia in the conditions of the information war of the late XX — early XXI century. Trends in the renewal of political discourse*. Magnitogorsk. pp. 431—441. (In Russ.).
34. Give the world a chance! Dictionary of modern political slogans of Russia and Germany (2016) Magnitogorsk — Greifswald. (In Russ., in German).
35. Bogdanovich, G.Yu. (2018). Interdisciplinary Discourse Platform: Crimean Context. In *Discourse: possibility of interpreting humanitarian knowledge*. Simferopol'. pp. 62—63. (In Russ.).
36. Aleshina, L.V. (2002). Dictionary of author's t neoplasms in the context of modern domestic lexicography. [dissertation]. Orel: Orel State University. (In Russ.).

Для цитирования:

Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 256—272. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.

For citation:

Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Winged words in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 256—272. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-256-272.

Сведения об авторах:

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славистики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; *научные интересы*: функциональная лингвистика; фразеология; лексикография и семантика; сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет; *научные интересы*: проблемы взаимодействия языка и культуры, исторические корни славянской лексики и фразеологии; *e-mail*: mokienko40@mail.ru

Information about the authors:

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor at the Department of General Linguistics and Slavic Studies, Faculty of Philology, St. Tikhon's Orthodox University (Russia); *research interests*: functional linguistics; phraseology; lexicography and semantics; comparative linguistics; *e-mail*: rusoturisto07@mail.ru

Valerij M. Mokienko, Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Philology Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russia); *research interests*: problems of interaction of language and culture, historical roots of Slavic vocabulary and phraseology; *e-mail*: mokienko40@mail.ru

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09064 «Классики русской литературы в зеркале крылатых выражений».

Acknowledgment: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 17-29-09064 “Classics of Russian literature in the mirror of popular expressions”.

УДК 81'373:81'42:070
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО И КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КРЫЛАТИКИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

А.С. Макарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Лихов пер., 6, Москва, Россия, 127051

Современный процесс медиатизации всех сфер общественной жизни сказывается как на объёме речетворчества, так и на самих медиатекстах. Массовость и полилоговая открытость медийного дискурса позволяют рассматривать крылатые выражения как средство для представления и реализации фразеологических инноваций. Роль масс-медиа в формировании новых устойчивых оборотов активно изучается, что говорит об их значении в данном процессе, так как именно медийный дискурс демонстрирует наиболее ярко актуальное употребление и жизнеспособность фразеологических инноваций в языке и речи. Медийный дискурс обладает большим количеством способов воздействия на массового адресата, и, как свидетельствуют последние исследования российских медиатекстов, фонд крылатых выражений как интегральная часть фразеологического корпуса национального языка широко применяется в нём. Разнообразные фразеоресурсы (идиомы, крылатые выражения, паремии, афоризмы и пр.) часто используются как в сильной позиции текста — заглавии или концовке публикации, так и при создании медиатекстов, соединяющих вербальную и визуальную части, в которых наиболее наглядно реализуется их трансформационный и креативный потенциал, многократно усиливающий их лингвопрагматическое воздействие на адресата. Анализ медиаконтента сайта «Православные смеются» выявил тенденцию творческого употребления фольклоризма «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок и ухватит за бочок», ещё не зафиксированного лексикографической практикой, а также его вариантов, являющихся результатом различных приёмов трансформации устойчивых языковых единиц. Структурно-семантические преобразования различных разрядов фразеологических единиц являются эффективным средством реализации особой экспрессии в медиатексте. Раньше основным источником крылатых единиц считалась художественная литература, сегодня ситуация меняется, и лидерство принадлежит синтетическим видам искусства (кино, телевидение, эстрада и т.д.). Анализируемое потенциальное крылатое выражение имеет не один источник появления: наряду с русским и немецким фольклором это немецкая литература, а актуализировалось выражение в советском мультипликационном фильме «Бременские музыканты». При анализе публикаций данного сайта применялись междисциплинарные методы изучения медиаконтента: дискурсивный, описательно-аналитический, лингвокультурологический и медиалингвистический. Проводимое исследование показало, что функционирование рассматриваемого потенциального крылатого выражения и его трансформов подтверждает тезис о том, что данные языковые единицы являются востребованными и массово эксплуатируемыми в современных медиатекстах, так как обладают продуктивными механизмами смыслообразования.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, крылатое выражение, трансформ, крылатика

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современный вектор лингвистических исследований направлен на изучение медиадискурса (Л.С. Большакова 2008 [1]; Т.Г. Добросклонская 2008 [2], 2016 [3]; И.В. Ерофеева 2009 [4]; М.И. Конюшевич 2014 [5]; S. Gajda 2010 [6]; T. A. Van Dijk

2013 [7] и др.). Такой выбор объясняется тем, что «понятие массмедийного дискурса (или медиадискурса) прочно вошло в обиход гуманитарной науки, что является вполне закономерным следствием активного распространения как концепции дискурса вообще, так и дискурсивного анализа в частности» [8. С. 181], активными процессами развития последнего и целым рядом причин:

- ◆ медиадискурс — это часть масс-медийной среды, которая используется большинством современного информационного общества;

- ◆ медиадискурс — представляет собой виртуальное общение без границ, таким образом, внимание пользователей сосредоточено на медиаконтенте, распространяемом в интернет-пространстве;

- ◆ медиадискурс — это неотъемлемая часть повседневной реальности, которая накладывает отпечаток на все аспекты нашего существования;

- ◆ в медиатекстах лингвистические тенденции ярко проявляют себя через употребление как готовых форм, так и их трансформов, образованных путём разнообразных приёмов, за которыми стоят обширные фоновые знания;

- ◆ медиадискурс предоставляет уникальную возможность интерактивного общения через медиаконтент.

Следует подчеркнуть, что «медиатекст представляет собой динамическую сложную единицу высшего порядка, в структуру которой входят единицы не только вербального уровня (медиатекст может включать графическое изображение, видеоряд, аудио-материал и т.д.)» [9. С. 51]. Однако особая роль в построении медиатекстов принадлежит фразеоресурсам языка (идиомам, паремиям, крылатым единицам, афоризмам и пр.). Как показывают исследования последних лет (Н.А. Бабарика 2009 [10]; Х. Вальтер 2016 [11]; Л.П. Дядечко 2006 [12]; К.В. Каменев 2009 [13]; О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко 2017 [14]; А.О. Теплякова 2012 [15]; С.Г. Шулежкова 2013 [16]; С.Г. Шулежкова, А.С. Макарова 2016 [17]; Ж. Финк 2016 [18] и др.), наиболее востребованными являются крылатые выражения (далее — КВ). Это говорит в пользу того, что крылатологический фонд национального языка является самым подвижным, постоянно пополняемым разделом фразеологии, что объясняет востребованность и появление новых КВ, дополненных медийным компонентом.

В связи с этим цель данной статьи — выявить особенности креативного употребления КВ, используемых в медиадискурсе, проанализировать взаимосвязь вербального компонента и иконической части медиатекста и доказать интерактивное употребление КВ-трансформов в Сети. «Предмет изучения интернет-дискурса — полимодальный текст, представляющий собой 2D- или 3D-проекцию, «текст в тексте», поэтому следует исследовать как вербальное наполнение и визуальный / аудиовизуальный ряд, так и скрытые смыслы» [19. С. 36].

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Медиатексты представляют собой прецедентные феномены, то есть они обладают интертекстуальным характером, иными словами, сохраняют информацию о претексте, об историческом или культурном феномене, об информационном

ресурсе, которые послужили источником их создания. Следовательно, медийный контент отличается особой культурной коннотацией, которую адресат способен или должен уметь идентифицировать, а иногда получает её благодаря использованию в этой роли [20].

Структура медиатекстов амбивалентна: они, как правило, состоят из двух негомогенных частей, которые относятся к разным семиотическим системам — вербальной и невербальной. Основным компонентом вербальной части является слоган-подпись, а иконическая часть представляет собой рисунок, фотографию, таблицу, видеоролик и т.д. В разных жанрах медиатекстов они встречаются в разнообразных комбинациях, вместе с тем возможность декодирования и, как следствие, интерактивная коммуникация гарантируется пресуппозицией, то есть включённостью в культурный контекст, наличием фоновых знаний адресата. От кругозора не только адресата, но и адресанта (так как медиаконтент может создавать любой пользователь Интернета) зависит коммуникативный и прагматический эффект публикации.

Материалом исследования послужил медиатекст, созданный путём преобразования строчек популярной колыбельной песни «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок и ухватит за бочок», опубликованный нами на сайте «Православные смеются» и вызвавший бурную ответную реакцию в комментариях.

Учитывая специфику анализируемого материала, были использованы, кроме описательно-аналитического метода, предусматривающего анализ использования различных фразеологических средств в конкретных речевых условиях, междисциплинарные методы, предложенные Т.Г. Добросклонской для анализа медиаконтента:

- ◆ дискурсивный, основанный на концепции дискурса и позволяющий проследить взаимосвязь между языковой и экстралингвистической стороной текста;
- ◆ лингвокультурологический, основанный на выявлении культурно значимых компонентов текста и помогающий составить представление о культурологическом аспекте данного произведения медиаречи, его национально-культурной специфике;
- ◆ медиалингвистический, направленный на анализ текста с точки зрения системы параметров описания медиатекста, то есть способ его создания и воспроизведения, канал распространения, функционально-жанровый тип, тематическая доминанта и пр. [3. С. 15].

В данной статье мы также постараемся доказать, что используемые песенные строки есть не что иное, как потенциальное КВ.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Неослабевающий интерес лингвистов, и в первую очередь лингвистов-фразеологов, к КВ понятен: они полифункциональны, то есть, «кроме наименования предметов, явлений, отражают систему ценностей, несут культурную информацию, служат средством номинации» [21. С. 37]. «Будучи экономным способом

интерпретации описываемых фактов и событий... КВ создают особую экспрессию, всегда востребованную читателем и позволяющую быстрее наладить контакт с аудиторией, удерживая её внимание в ходе чтения» [22. С. 255]. Обозначенные свойства КВ идеальны для сочетания рационального и эмоционального в медиатексте, где в соединении с медийным компонентом их лингвопрагматическое воздействие увеличивается многократно.

Сегодня главным источником пополнения фонда крылатики стали синтетические виды искусства (кино, эстрада, телефильмы, сериалы и т.д.) [23. С. 168]. Одной из главных черт употребления КВ в современном языке является более частое использование КВ-трансформов, а не их инвариантов, что подтверждается исследованиями языка масс-медиа. Трансформации языковых единиц говорят о факте развития языка, а употребление различных модификаций фразеологизмов и КВ в медиапространстве подтверждает их креативные возможности, незамкнутость структуры.

В связи с вышеизложенным обратимся к истории возникновения заявленного в статье выражения. Оно не зафиксировано в словарях КВ, так как известно, что лексикографическая практика отстаёт от реального употребления того или иного оборота в речи. Однако функционирование выражения в Интернете и других текстах позволяет сделать вывод, что перед нами КВ, восходящее к русскому фольклору, но приобретшее широкую известность и популярность благодаря синтетическому жанру — мультипликационному фильму «Бременские музыканты», снятому в 1969 г. на сюжет сказки известных немецких писателей-сказочников братьев Гримм. Слова для песни, написанные поэтом Ю. Энтиным, позаимствованы из русской народной колыбельной:

Баю-баюшки-баю
Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
Придёт серенький волчок,
Он ухватит за бочок
И потащит во лесок,
Под ракитовый кусток.
К нам, волчок, не ходи,
Нашу Сашу не буди [24].

Для сравнения приведём текст песни «Баю-баюшки-баю» из м/ф:

Баю-баюшки-баю, не ложися на краю.
Я всегда ложуся с краю и спокойно засыпаю.
Баю-баюшки-баю, не ложися на краю.
Не могу я спать у стенки. Упираются коленки.
Лягу я на край! Не ложись!
Лучше не мешай! Не ложись!
Лягу, так и знай! Не ложись, не ложись!
Придёт серенький волчок —
И укусит за бочок! [25].

При сравнении двух колыбельных обнаруживается лексическая замена глагольного компонента оригинала *ухватит* на *укусит*, местоимение *он* на сочини-

тельный союз *и*, начальное четверостишие колыбельной поэт разделил, употребив первые строки в начале, а последние в конце куплета песни.

Таким образом, обнаруживается два источника потенциального КВ — это русский фольклор и немецкая литература, вместе с тем сюжет немецкой сказки также восходит к немецкому фольклору [26. С. 166]. В словах песни, написанной для м/ф, происходит прирастание нового смысла, в том числе благодаря видеоряду, где герои имитируют пение, игру на музыкальных электроинструментах и одежду музыкантов рок-групп, популярных в 60-е годы XX века в западных странах (рис. 1). Сочетание вербальной и видеочастей создают иронию, а прекрасная музыка и юмористические стихи способствуют лёгкому запоминанию, следовательно, и последующему воспроизведению песни.

Рис. 1 / Fig. 1

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

При определении типологии преобразований КВ мы исходим из классификации, предложенной А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в книге «Фразеологизмы в русской речи» (1997). Авторы выделяют семантические и структурно-семантические преобразования. К первому типу относятся «семанτικο-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру ФЕ», ко второму — «смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ» [31. С. 23].

Анализ медиатекстов, содержащих КВ, выявил такие структурно-семантические преобразования, не приводящие к нарушению семантического тождества КВ, как: изменение компонентного состава (импликация, экспликация, субституция), грамматические преобразования, полная деформация и др. Самым распространённым способом изменения компонентного состава анализируемого КВ является комплексный приём (3 медиатекста). Два примера содержат приём лексической субституции, приводящей к языковой игре (далее — ЯИ). Текст, который стал отправной точкой для исследования, содержит приём полной деформации означенной языковой единицы. Все виды трансформаций служат для актуализации КВ в медиаконтексте.

Курсы кусания за бочок

Рис. 2 / Fig. 2

Перейдём к анализу медиатекстов.

Первый пример (рис. 2) представляет собой неразрывное соединение вербальной и визуальной частей. Именно этот медиатекст был опубликован нами на сайте «Православные смеются».

От базовых компонентов остался один семантический осколок *за бочок*, другой базовый глагольный компонент *укусит* заменяется на морфологический преобраз — *кусание*. Новый лексический компонент *курсы* привязан к иконической части — рисунку, выполненному в юмористической манере и представляющему класс с учителем-волком у доски. На доске висит плакат, на котором нарисован спящий маленький мальчик, а разные части тела ребёнка обозначены стрелками и подписаны, чтобы ученики-волчата не перепутали, где находится бочок.

Интересно, что реакция пользователей сайта подтвердила наличие знаний претекста, более того, данный медиатекст вызвал у многих в памяти неожиданные, но вполне логичные ассоциации (рис. 3). Среди учеников-волчат внимательный читатель разглядел ёжика, который знает ответ, потому что является единственным, кто тянет руку.

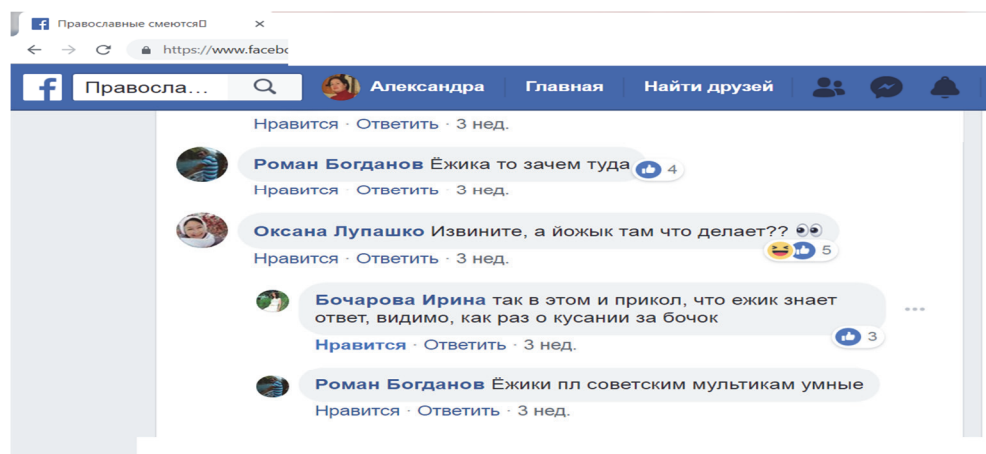

Рис. 3 / Fig. 3

Медиакомпонент рассмотренного текста, в основе которого популярный до сих пор м/ф, заставил вспомнить другие советские м/ф, где героем является ёжик («Ёжик в тумане», «Палочка-выручалочка» и др.), подтвердив таким образом прецедентный характер как КВ, так и производных медиаконтекстов.

Рассмотрим медиатексты, содержащие комплексный приём преобразования КВ.

Первый пример (рис. 4) представляет собой фотографию настоящего волка, однако выражение морды животного не злое, а скорее хитрое, он как будто улыбается. Этим объясняется преобразование (импликация + грамматические изменения + игра со знаками препинания), которое обнаруживается в вербальной части.

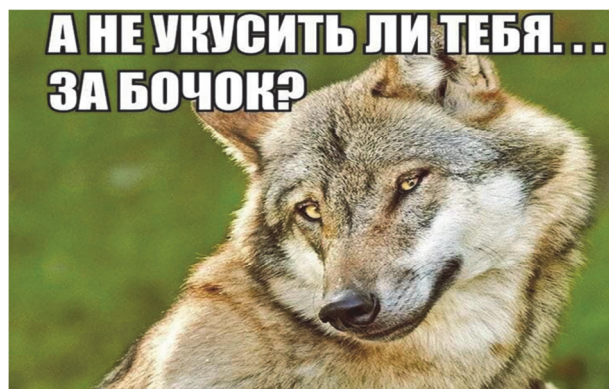

Рис. 4 / Fig. 4

От инварианта сохранился базовый компонент — семантический конденсат — *за бочок*, глагольный компонент *кусать* употреблён в отрицательной неопределённой форме. Новое выражение преобразуется в вопрос, расширенный за счёт введения частицы *ли* и игры со знаками препинания: многоточием и вопросительным знаком в конце. Появляется дополнительная юмористическая тональность благодаря союзу *а*, который стоит в начале вопроса.

Следующий медиатекст (рис. 5) создан по известной и активно эксплуатируемой модели демотиватора, поэтому начинается с вопросительного наречия *когда*.

Рис. 5 / Fig. 5

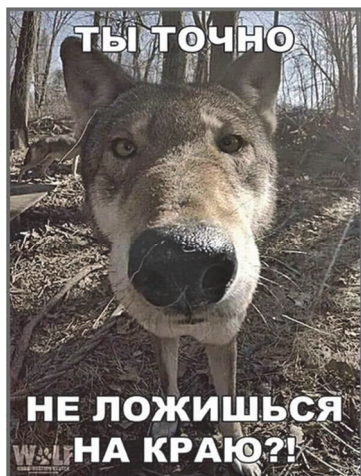

Рис. 6 / Fig. 6

Из базовых компонентов выражения автор медиатекста использовал лишь вербальное словосочетание *не ложиться на краю*, изменив императивную форму на вопросительную и расширив его за счёт прибавления местоимения *ты* и наречия *точно*. Слоган-подпись набран печатными буквами белого цвета и расположен (*ты точно*) над визуальной частью и под ней (*не ложишься с краю?!).* Отметим, что вопрос усилен дополнительно восклицательным знаком — привлечение внимания пользователя через графическое решение. Медийная составляющая данной публикации — фотография волка, который стоит очень близко к фотокамере и смотрит прямо в объектив, из-за чего его морда смешно деформируется, увеличивается нос, а лапы становятся непропорционально маленькими и тонкими. В результате кажется, что голова волка с огромным носом держится на тонких лапках. Все эти преобразования имеют цель рассмешить и поднять настроение пользователя.

Рис. 7 / Fig. 7

Автор прибегает к нескольким приёмам трансформации выражения: экспликация + грамматическое изменение + трансформация по линии отрицания. К стержневому компоненту *за бочок* вводятся указательное местоимение *тот* и отрицательная частица *не*, а глагольный компонент *укусит* ставится в прошедшее время *укусил*.

Ниже приведём особый ответ (рис. 6) на публикацию, снова подтверждающий наличие у пользователей пресуппозиции — фоновых знаний. Здесь представлен комплексный приём преобразования (импликация + экспликация + грамматическое изменение + игра со знаками препинания) первой части куплета «Не ложися на краю».

Рассмотрим два примера, содержащих лексическую субституцию, в результате которой в новом образовании появляется ЯИ. Благодаря субституции становится возможным переосмысление исходного смысла КВ, продиктованное темами публикации [27].

В первом медиатексте заменяется стержневой компонент *бочок* на *бачок*, что иллюстрируется медийным компонентом.

Но фото волк кусает сливной бачок унитаза, а языковой механизм ЯИ строится на сходстве звучания слов *бочок* — *бачок*. Функции ЯИ в медиадискурсе очень разнообразны: экспрессивная, сатирическая, высмеивающая, характеризующая. В рассмотренном примере мы обнаружи-

ваем одну из важнейших функций ЯИ — языкотворческую. По мнению В.З. Санникова, ЯИ — один из путей обогащения языка, «...преследует не только сиюминутные интересы (заинтриговать, заставить думать, смутить), но она призвана выполнять и другую цель — развивать мышление и язык» [28. С. 25].

В последнем примере (рис. 8) замена приводит к изменению семантики выражения:

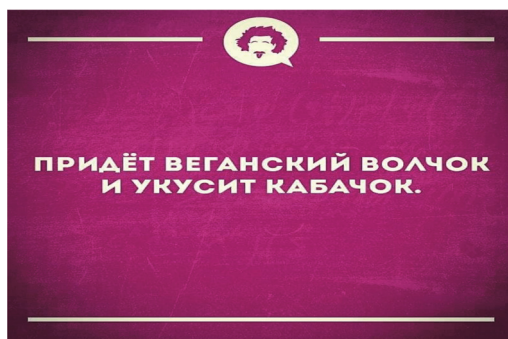

Рис. 8 / Fig. 8

В качестве субститута могут использоваться лексемы, соответствующие задуманному. В данном случае обыгрывается популярное направление вегетарианства — веганство. Благодаря выбору именно таких лексем и замене *серенький* на *веганский*, *бочок* на *кабачок* в сочетании со словом *волчок* (волк — животное-хищник) комический эффект усиливается, «сами же модифицированные языковые единицы приобретают коннотации новизны и индивидуальности» [29. С. 25], при этом прагматика медийного компонента сведена практически к нулю, лишь яркий цвет медиатекста может привлечь внимание пользователя. Здесь важен преобразованный текст и особая экспрессия ЯИ, которая оказывается многоплановой и многофункциональной, служит созданию прагматического эффекта неожиданности, что в результате приводит к более сильному воздействию на читателя, так как данные преобразования КВ требуют от него особой сосредоточенности на содержании медиатекста.

Анализ показал, что авторы не только знают данный фольклоризм, но и творчески его используют, а будучи преобразованным в медиатекст, он может являться завуалированным метаязыковым комментарием. Полученные трансформированные медиатексты имеют окказиональный характер и подтверждают креативность пользователей медиаконтента, «демонстрируя индивидуальный способ его образо-моделирования» [21. С. 39], культурная компетенция которого реализуется в достраивании трансформов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целях привлечения внимания читателя современные масс-медиа используют устойчивые выражения различного происхождения, которые являются ретрансляторами культурной традиции в языке, так как несут в себе культурологическую

информацию и представляют собой микротексты. Однако наиболее востребованы языковые единицы, восходящие к синтетическим видам искусства.

Известно, что частое употребление КВ приводит к автоматизации их восприятия, снижает выразительные возможности и уменьшает информативную ценность. Трансформация является эффективным средством реализации особой экспрессии в медиатексте. Что же касается окказионального употребления, то, например, ЯИ, построенная на фонетической ассоциативной валентности слов (рис. 8), может привести к изменению плана содержания устойчивого выражения. При полной деформации КВ (рис. 2) возникает аллюзия, которая не оставляет читателя равнодушным, так как он должен разгадать зашифрованный инвариант, восстановить его, благодаря чему читатель вовлекается в своеобразную фразеологическую игру и его внимание приковано к медиатексту. Однако именно наличие образной и языковой повторяющейся модели (рис. 4—6) позволяет с большей уверенностью говорить о семантическом параллелизме анализируемых трансформов: компоненты и их сочетания, которые соотносятся с семантическими осколками фразеологического значения, обозначают в то же время единичную ситуацию, передаваемую в целом смысловым содержанием КВ в данном контексте.

Из анализа рассмотренных примеров очевидно, что креативность и продуктивность создания медиатекстов, в основе которых лежит постоянно увеличивающаяся временная компрессия, способствуют и стимулируют интерактивность общения в Сети, что проявляется в процессе тиражирования разных КВ. «Желание автора... привлечь внимание к опубликованному материалу, необходимость репостов и большого количества скачиваний выдвигает на первый план прагматическую функцию» [21. С. 37] рассмотренных медиатекстов.

В заключение отметим, что потенциальное КВ *Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придёт серенький волчок — И укусит за бочок!*, как и его трансформ, подтверждают тезис о том, что КВ — это одно из востребованных и массово эксплуатируемых фразеосредств в современных масс-медиа, которые являются продуктивной областью для выявления механизмов смыслообразования в современном медиадискурсе. Обладая культурно-семантическим потенциалом, КВ как любой фразеологизм «...интерпретируется носителем языка в пространстве культуры — тот, кто воспроизводит фразеологизм, и тот, кто его воспринимает... мгновенно „достраивают“ семантику фразеологизма культурными „добавками“, объём и содержание которых зависят от культурной компетенции носителей языка» [30. С. 28].

© Макарова А.С., 2019

Дата поступления: 1.03.2019

Дата приема в печать: 10.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Большакова Л.С.* О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 48—51.
2. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. [электронный ресурс]: М., 2008. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

3. *Добросклонская Т.Г.* Методы анализа видео-вербальных текстов // *Медиалингвистика*. 2016. № 2 (12). С. 13—25.
4. *Ерофеева И.В.* Аксиология медиатекста в российской культуре (ценностная рефлексия журналистики начала XXI века). Чита: Забайкал. гос. гум. пед. ун-т, 2009.
5. *Конюшевич М.И.* Концовка газетного текста. Статья первая. Язык и речь // *Медиалингвистика*. 2014. № 1 (14). С. 89—100.
6. *Gajda S.* Nowe media w perspektywie lingwistycznej // *Styl — dyskurs — media / red. B. Wo-gołębska, M. Worsowicz. Łódź, 2010.*
7. *Van Dijk T. A.* Political discourse and ideology // *Ethnolinguistics*. No 15. 2013.
8. *Добросклонская Т.Г.* Массмедийный дискурс как объект научного описания // *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2014. № 13 (184). Вып. 22. С. 181—187.
9. *Уварова Е.А.* Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. 2015. № 5. С. 47—54.
10. *Бабарика Н.А.* Античные истоки и источники интернационального фонда крылатых слов и выражений // *Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: сборник науч. статей; под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. Минск: Издатель Змицер Колас, 2010. С. 253—256.*
11. *Вальтер Х.* Немецкие политические плакаты с периода Веймарской республики до наших дней // *Германия — Россия: Вербальные и визуальные средства современного публицистического дискурса: коллективная монография. Грайфсвальд: ун-т им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд, Германия, 2016. С. 64—79.*
12. *Дядечко Л.П.* «Крылатый слова звук», или Русская эптология. Киев: КНУ им. Т. Шевченко, 2006.
13. *Каменев К.В.* Фиксация в современных словарях крылатых единиц, восходящих к синтетическим жанрам искусства // *Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова*. 2009. № 2 (24). С. 115—119.
14. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Роль крылатики в интернет-дискурсе: к постановке проблемы // *Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14—15 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 247—254.*
15. *Теплякова А.О.* функций крылатых слов в речи // *Фразеология во времени и пространстве. Greifswald — Sankt Petersburg, 2012. С. 149—151.*
16. *Шулежкова С.Г.* Национальное и интернациональное в фонде крылатых единиц современного русского языка // *Материалы XV Международного съезда славистов 20—27 августа 2013 г. Минск, Беларусь, 2013. С. 47—51.*
17. *Шулежкова С.Г., Макарова А.С.* Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке лозунгов современной Европы // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 4. С. 65—73.
18. *Финк Ж.* О фразеосхемах в заглавиях хорватского публицистического дискурса // *Медиалингвистика*. 2016. № 3 (13). С. 83—91.
19. *Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю.* Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецепций // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2018. № 437. С. 36—44. doi: 10.17223/15617793/437/5.
20. *Куныгина О.В., Ломакина О.В., Макарова А.С.* Интернет-портал «Православие и мир» как пример современного религиозного дискурса // *Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сб. материалов III конференции РММIS (Post massmedia in the modern informational society). Челябинск, 28—29 марта 2019 г. / под общ. ред. М.В. Загидуллиной. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. С. 190—195.*

21. Ломакина О.В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. 2019. № 1. С. 37—41.
22. Макарова А.С. Особенности трансформаций крылатых выражений-галлицизмов в функции заголовка медиатекста (сопоставительный аспект) // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14—15 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 254—259.
23. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.
24. URL: <http://www.stihi-rus.ru/deti/pesni.htm> (дата обращения: 12.02.2019).
25. URL: https://rostext.ru/text/tekst_pesni_bayubayushkibayu_6198103_1492360p88176185.html (дата обращения: 12.02.2019).
26. Бредис М.А. Германия: страницы истории страны, языка и культуры. М.: Издательство «Де'Либри», 2018.
27. Макарова А.С. Культурный потенциал названий кинофильмов советского и российского периодов (на материале текстов православного публицистического дискурса) // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе». Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 91—96.
28. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Языки славянской культуры. М., 2002.
29. Макарова А.С. Языковая игра в современной периодике как способ воздействия на читателя // Славянское культурное пространство: материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Москва, 4—5 июня 2012 г.: доклады / науч. ред. В.А. Степаненко. М.: Про100 Медиа, 2012. С. 22—25.
30. Ковшова М.Л. Интеракция языка и культуры в действии: на примере культурной интерпретации фразеологизмов // Живодействующая связь языка и культуры: материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: в 2 т. М., Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. Т. 1. С. 27—33.

Словари

31. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь: ок. 1000 единиц. 2-е изд., стер. М.: русские словари: Астрель: АСТ, 2005.

УДК 81'373:81'42:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287

REALIZATION OF TRANSFORMATION AND CREATIVE POTENTIAL OF THE KRYLATIKA IN MEDIA DISCOURSE

Alexandra S. Makarova

St. Tikhon's Orthodox University
Likhov per., 6, Moscow, Russia, 127051

Abstract. The modern process of the mediatisation of all spheres of public life affects both the volume of speech creation and the media texts themselves. The mass character and the multi-language openness of media discourse allow us to consider winged units as a means for representing and imple-

menting phraseological innovations. The role of mass media in the formation of new sustainable turns is being actively studied, which speaks of their significance in this process, since it is the media discourse that demonstrates most clearly the current usage and viability of phraseological innovations in language and speech.

The media discourse has a large number of ways of influencing the mass addressee, and, as recent studies of Russian media texts show, the fund of winged units as an integral part of the phraseological corpus of the national language is widely used in it. Various phrase resources (idioms, winged expressions, paremias, aphorisms, etc.) are often used both in a strong text position — the title or ending of the publication, and in the creation of media texts connecting the verbal and visual parts in which their transformational and creative potential is most clearly realized, multiplying their linguo-pragmatic effect on the addressee. The analysis of the media content of the site “Orthodox Laughs” revealed the tendency of creative use of folklorism “Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Придет серенький волчок — И укусит за бочок!”, which has not yet been fixed by lexicographical practice, as well as its variants that are the result of various methods of transformation language units.

Structural and semantic transformations of various categories of phraseological units are an effective means of implementing specific expression in the media text. Previously, fiction was considered the main source of winged units, today the situation is changing, and the leadership belongs to synthetic art forms (cinema, television, pop, etc.). The analyzed potential winged unit has not one source of appearance: along with Russian and German folklore, this is German literature, but the expression in the Soviet animated film “The Bremen Town Musicians” was actualized. In analyzing the publications of this site, interdisciplinary methods of studying media content were used: discursive, descriptive-analytical, linguocultural, and media linguistic. The conducted research has shown that the functioning of the considered potential winged unit and its transforms confirms the thesis that these language units are in demand and widely used in modern media texts, since they have productive mechanisms of meaning formation.

Key words: media discourse, media text, winged expression, transform, krylatika

REFERENCES

1. Bolshakova, L.S. (2008). On the Content of the Concept of “polycode Text”. *Vestnik of Novgorod State University*, 49, 48—51. (In Russ.)
2. Dobrosklonskaya, T.G. (2008). Medialinguistics: systematic Approach to Learning the Language of the Media: Moscow, 2008 URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf> (accessed: 26.02.2019). (In Russ.)
3. Dobrosklonskaya, T.G. (2016). Methods for Analyzing video-verbal Texts. *Medialinguistics*, 2 (12), 13—25. (In Russ.)
4. Erofeeva, I.V. (2009). Axiology of the Media Text in the Russian Culture (Value Reflection of Journalism of the Beginning of the XXI Century). Chita: Transbaikalian State University Publ. (In Russ.)
5. Konyushevich, M.I. (2014). The Ending of the Newspaper Text. Article One. Language and Speech. *Medialinguistics*, 1 (14), 89—100. (In Russ.)
6. Gajda, S. (2010). Nowe media w perspektywie lingwistycznej. In *Styl — dyskurs — media*. B. Bogoleńska, M. Worsowicz (Eds). Łódź. (In Polish).
7. Van Dijk, Teun Adrianus (2013). Political Discourse and Ideology. *Ethnolinguistics*, 15.
8. Dobrosklonskaya, T.G. (2014). Mass Media Discourse as an Object of scientific Description. *Scientific Statements. Humanities Series*, 13 (184), release 22, 181—187. (In Russ.)
9. Uvarova, E.A. (2015). Media Text and Media Discourse: on the Problem of Concept Correlation. *Vestnik MGOU. Series: Linguistics*, 5, 47—54. (In Russ.)
10. Babarika, N.A. (2010). Antique Origins and Sources of the international Fund of Winged Words and Expressions. Slavic Phraseology and Paremiology in the XXI Century. In *Collection of scientific articles*. E.E. Ivanova & V.M. Mokienko (Eds.). Minsk: Publisher Zmitser Kolas. pp. 253—256. (In Russ.)

11. Walter, H. (2016). German political Posters from the Period of the Weimar Republic to the present Day. In *Germany — Russia: Verbal and Visual Means of Modern Publicistic Discourse: A Collective Monograph*. Graifswald: university them. Ernst Moritz Arndt Graifswald Publ. pp. 64—79. (In Russ.).
12. Dyadechko, L.P. (2006). “Winged words sound”, or Russian Eptology. Kiev: KNU them. T. Shevchenko Publ. (In Russ.).
13. Kamenev, K.V. (2009). Fixing in modern Dictionaries of Winged Units, going back to synthetic Art Genres. In *Problems of History, Philology, Culture*. Magnitogorsk State Technical University G.I. Nosova, 2 (24). pp. 115—119. (In Russ.).
14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2017). The Role of Krylatka in the Internet Discourse: to the Formulation of the Problem. Firsov’s Readings. Linguistics in the XXI century: Interdisciplinary Paradigms: materials of reports and messages of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 14—15, 2017. Moscow: RUDN Publ. 2017. pp. 247—254. (In Russ.).
15. Teplyakova, A.O. (2012). Functions of Winged Words in Speech. Phraseology in Time and Space. Greifswald — Saint Petersburg Publ. pp. 149—151. (In Russ.).
16. Shulezhkova, S.G. (2013). National and international in the Fund of Winged Units of the modern Russian Language. In *Materials of the XV International Congress of Slavists August 20—27*. Minsk. pp. 47—51. (In Russ.).
17. Shulezhkova, S.G. & Makarova, A.S. (2016). Winged Expressions of French Origin in the international Block of modern Europe Slogans, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 65—73. (In Russ.).
18. Fink, J. (2016). On Phraseoshemes in Croatian Publicistic Discourse Titles. *Medialinguistics*, 3 (13), 83—91. (In Russ.).
19. Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2018). Fictional Text as a Basis for the Internet Meme: based on the Study of modern Receptions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo Universiteta*, 437, 36—44. doi: 10.17223/15617793/437/5. (In Russ.).
20. Kunygina, O.V., Lomakina, O.V. & Makarova, A.S. (2019). Orthodoxy and the World Website as an Example of modern religious Discourse. Post massmedia in the modern informational society: achievements and problems: Proceedings of the III Conference of PMMIS, Chelyabinsk, March 28—29, 2019, M.V. Zagidullina (Eds.). Chelyabinsk: Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. pp. 190—195. (In Russ.).
21. Lomakina, O.V. (2019). Catchwords (Winged Words) in the Role of a modern Newspaper Headline: Composition, Usage Trends. *Russian language abroad*, 1, 37—41. (In Russ.).
22. Makarova, A.S. (2017). Peculiarities of Transformations winged Gallicism Epressions in the Function of the Media Text Header (comparative Aspect). III Firsov’s Readings. Linguistics in the XXI century: Interdisciplinary Paradigms: Materials of Reports and Messages of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 14—15, 2017. Moscow: RUDN. pp. 254—259. (In Russ.).
23. Shulezhkova, S.G. (2002). The winged Expressions of the Russian Language, their Sources and Development. Moscow: “Azbukovnik”. (In Russ.).
24. URL: <http://www.stihi-rus.ru/deti/pesni.htm> (accessed: 12.02.2019).
25. URL: https://rostext.ru/text/tekst_pesni_bayubayushkibayu_6198103_1492360p88176185.html (accessed: 12.02.2019).
26. Bredis, M.A. (2018). Germany: Pages of the Country’s History, Language and Culture. Moscow: Publishing House “De’Libri”, 2018. (In Russ.).
27. Makarova, A.S. (2019). Cultural Potential of the Titles of the Films of the Soviet and Russian Periods (on the Material of the Texts of the Orthodox journalistic Discourse). National Codes in Language and Literature. Modern Languages in the new Conditions of Communication: a Collection of Articles on the Materials of the International Scientific Conference “National codes in language and literature”. Nizhny Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo Publ. pp. 91—96. (In Russ.).

28. Sannikov, V.Z. (2002). *Russian Language in the Mirror of the Language Game*. 2nd edition. Languages of Slavic Culture. Moscow. (In Russ.)
29. Makarova, A.S. (2012). The Language Game in modern Periodicals as a Way of Influencing the Reader. Slavic cultural Space. Materials of the international scientific-practical Conference dedicated to the Day of Slavic Literature and Culture. Moscow, June 4—5, 2012: Reports V.A. Stepanenko (Eds.). Moscow: Pro100 Media. pp. 22—25. (In Russ.)
30. Kovshova, M.L. (2010). Interaction of Language and Culture in Action: on the Example of the cultural Interpretation of phraseological Units. Live—Life Relationship of Language and Culture: Materials of the Intern. scientific Conf., dedicated to the Anniversary of the Doctor of Philology, Professor V.N. Telia; In 2 t. Moscow, Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo Publ. V. 1. pp. 27—33. (In Russ.)

Dictionary

31. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (2005). *Idioms in Russian: Dictionary: approx. 1000 units*. 2nd ed., Sr. Moscow: Russian Dictionaries: Astrel: AST. (In Russ.)

Для цитирования:

Макарова А.С. Реализация трансформационного и креативного потенциала крылатики в медиа-дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 273—287. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287.

For citation:

Makarova, A.S. (2019). Realization of Transformation and creative Potential of the Krylatika in Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 273—287. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-273-287.

Сведения об авторе:

Макарова Александра Стефановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии и иностранных языков богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; *научные интересы*: Функциональная лингвистика. Семантика. Фразеология, крылатология. Лексикография и фразеография. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Лингвистический анализ текста; *e-mail*: aleste_63@mail.ru

Information about the author:

Alexandra S. Makarova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance Philology and Foreign Languages of the Theological Faculty of St. Tikhon's Orthodox University of Humanities; *research interests*: Functional linguistics. Semantics. Phraseology, cryptologia. Lexicography and phraseography. Comparative-historical, typological and comparative linguistics. Linguistic analysis of the text; *e-mail*: aleste_63@mail.ru

УДК [811.161.1:811.113.6]³73

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300

СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КОТЕ И КОШКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ

А.С. Алёшин¹, Е.И. Зиновьева²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
Проспект Большевиков, 22 корп. 1, Санкт-Петербург, Россия, 193232

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье предпринимается попытка выявления стереотипного представления о распространенных домашних животных (коте и кошке) на материале устойчивых сравнений русского и шведского языков, характеризующих человека. Целью исследования является выявление доминирующих характеристик, которыми наделяются кот и кошка в русской языковой картине мира на фоне шведской и которые предназначены для оценки человека. Источниками материала послужили словари русских устойчивых сравнений, фразеологический словарь шведского языка, данные «Национального корпуса русского языка» и «Национального корпуса шведского языка». Основными методами, используемыми в исследовании, являются методы сплошной и направленной выборки материала, лексикографического, контекстуального и сопоставительного анализа. Приводится идеографическая классификация русских фразеологизмов, позволяющая выявить релевантные для русской языковой картины мира признаки сравнения, выявляются доминантные в каждой группе основания сравнения, свидетельствующие о важности соответствующего признака для носителей языка, анализируются гендерные различия в использовании фразеологических единиц русского языка с эталонами «кот» и «кошка», особенности употребления русских устойчивых сравнений в контекстах художественной литературы. Проводится сопоставительный анализ с компаративными фразеологизмами с эталоном «*en katt*» шведского языка. Новизна исследования заключается в выявлении сходных и различных характеристик, позволяющих составить «портретное» описание домашних животных, служащих эталонами устойчивых сравнений, выявить релевантные признаки для русской и шведской языковых картин мира. Вектор изучения направлен от эталонов устойчивых сравнений к их основаниям. В результате проведенного исследования делаются выводы о большей номинативной плотности фразеологизмов с компонентами «кот / кошка» в русском языке по сравнению со шведским, различиях в гендерной отнесенности, обусловленной отсутствием родовой дифференциации шведского эталона сравнения, при том, что в русском языке замена компонента «кот» на «кошка» ведет к изменению значения фразеологизма, большей детализации стереотипных представлений в русском языке, в особенности в таких идеографических группах устойчивых сравнений, как характеристики внешности и поведения, и большей пейоративности русских фразеологизмов по сравнению со шведскими. Выявленные эквивалентные единицы в двух языках, а также наличие одних и тех же идеографических групп устойчивых сравнений обусловлены многовековым наблюдением народов — носителей языков за универсальными чертами внешнего облика и поведения животных.

Ключевые слова: устойчивые сравнения, эталон, основание сравнения, стереотипное представление

ВВЕДЕНИЕ

Компаративные фразеологизмы составляют отдельный разряд фразеологических единиц во всех европейских языках. Они отличаются наличием сравнительной семантики и формальными признаками компаративности в виде сравнительных союзов. В отечественных исследованиях для номинации данных единиц используется термин «устойчивые сравнения», который будет принят в данной статье в качестве рабочего. Устойчивые сравнения (далее — УС) — это «воспроизводимые языковые единицы, характеризующиеся логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» [1. С. 331]. Исследователи справедливо отмечают оценочную функцию как основную для данного разряда фразеологизмов (см., например, [2]).

Актуальными направлениями современных фразеологических исследований являются сопоставительное [например, 3—12 и др.] и лингвокультурологическое [13—16 и др.]. В большинстве современных исследований также анализируются идеографические разряды УС одного языка в сопоставлении с другим (например, работы последних лет: [17—23 и др.] и / или приводится тематическая классификация эталонов УС в одном языке на фоне другого [13; 24; 25 и др.], изучаются национальные стереотипные представления, вербализованные в УС [26; 27], лингвокультурологический потенциал УС [22; 23; 25 и др.]. Вектор изучения отличается двунаправленностью: от оснований (признаков) УС к их эталонам и в обратную сторону. Объектом исследования служат большие языковые массивы славянских, германских, арабского, китайского и других языков, что позволяет сделать выводы об идеографических лакунах УС в том или ином языке, уникальности или универсальности эталонов УС.

Новизна данной статьи заключается в детальном рассмотрении традиционных стереотипных представлений, стоящих за эталонами УС, называемыми таких равным образом распространенных домашних животных, как кот и кошка, в русской и шведской культуре. Вслед за В.Н. Телия мы считаем, что эталон — «это характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [15. С. 241—242].

Целью статьи является выявление набора доминирующих характеристик, которыми наделяются кот и кошка в русской языковой картине мира на фоне шведской и которые служат для оценки человека. Источниками материала явились словари русских устойчивых сравнений [28, 29] и фразеологический словарь шведского языка [30], данные «Национального корпуса русского языка» [31] и «Национального корпуса шведского языка» [32]. В исследовании используются методы сплошной и направленной выборки материала, лексикографического, контекстуального, и сопоставительного анализа, стилистической и эмоционально-экспрессивной характеристики.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Существительные «кот» и «кошка» являются эталонами большого количества УС русского языка. УС с этими эталонами характеризуют человека с различных точек зрения: внешность, физические качества, свойства личности, черты поведения, эмоциональное состояние, межличностные отношения. Одновременно анализ объекта — образов-эталонов сравнения позволяет нарисовать «портрет» самих животных на материале данного разряда фразеологических единиц. В словарях устойчивых сравнений русского языка приведено 29 УС с эталоном «кот» и 48 УС с эталоном «кошка» [28; 29]. Классификация этих единиц позволяет выделить и сгруппировать признаки, лежащие в основе сравнения.

1. *Внешность*

Доминантными в этой группе УС являются фразеологизмы, дающие неодобрительную характеристику худому, плохо выглядящему человеку — мужчине (УС с эталоном «кот»):

как паршивый кот, худой (тощий, ободранный) как облезлый (драный, ободраный) кот и женщине (УС с эталоном «кошка»): как дохлая кошка, как паршивая (шелудивая) кошка, худая (тощая, ободранная) как драная (облезлая, ободранная) кошка. В данном случае образом-эталонном выступает *худой, шелудивый, ободранный кот / кошка.*

Жалкого, обессиленного, резко постаревшего, обрюзгшего мужчину сравнивают со старым котом — *как старый кот.* Необходимо отметить, что в «Национальном корпусе русского языка» (далее — НКРЯ) эталон *старый кот* используется с такими окказиональными, но вербализующими традиционные в обиходно-культурном опыте представления основаниями сравнений, как *улыбаться, есть рыбу, потягиваться во сне, жмуриться, фукать и жить на печке* [31].

О располневшем и похотливом мужчине говорят «*вид как у кота*». Длинные, редкие, торчащие вверх или в разные стороны усы мужчины характеризуются УС *усы как у кота*. См., например:

«— Плевна, Плевна, Плевночка, — бормотал старик, разглядывая карту и сердито дуя в усы, отчего они начинали *топорщиться как у кота*, что являлось признаком крайнего неудовольствия» (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)) [31].

При характеристике походки также используется эталон — существительное мужского рода — *кот*: *походка у кого-л. как у кота* — «О чьей-л. мягкой, осторожной, вкрадчивой походке» [28. С. 192]. А эталоном сравнения когтей выступает существительное женского рода — *кошка* — *когти как у кошки*.

Что касается характеристики взгляда и глаз, то в данных УС эталонами могут быть как кот, так и кошка, но изменение эталона в этих случаях ведет к изменению значения фразеологизма:

взгляд у кого-л. как у кота. Неодобр. 1. «О чьем-л. горящем взгляде» [28. С. 192]: «А отчего это у вас *глаза как у кота?*» (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928—1940)) [6]. 2. «О чьем-л. похотливом, вождедеющем взгляде» [28. С. 192]; *взгляд у кого-л. (немигающий) как у кошки* — «О чьем-л. немигающем, упорно отчужденном взгляде»;

глаза у кого-л. как у kota. Неодобр. 1. ‘О круглых горящих глазах’. 2. ‘О чьих-л. похотливых, вожделеющих, масляных глазах (при взгляде на молодую и симпатичную женщину)’;

глаза у кого-л. (светятся) как у кошки — 1. ‘О больших, округло-открытых зеленых или желтоватых глазах (чаще женских)’ [28. С. 192]: «Она меня тормозила в темноте, а глаза у нее всё еще сияли и блестели, как у кошки» (А.А. Андропова. Вариант нормы (2008)) [31]. 2. ‘О чьих-л. светящихся, отблескивающих в темноте глазах’. 3. ‘О чьих-л. сияющих, блестящих (от предвкушения чего-л. приятного, нетерпения, радости и т.п.) глазах’ [28. С. 192].

В материалах НКРЯ УС *глаза как у кошки* употребляется с оценочным основанием — *злые* и цветообозначением — *желто-зеленые*:

«У Сэм густые каштановые волосы и злые жёлто-зелёные глаза, как у кошки» (Н. Желунов. Рагомор (2007)) [31].

В большинстве случаев признак сравнения опускается:

«Ленка выслушала, вцепилась в меня, *глаза как у кошки*, волосы растрепаны» (Е. Завершнева. Высотка (2012));

«Ее почти не видно, одни *глаза как у кошки*» (Н. Мордюкова. Казачка (2005)) [31].

УС (*выглядеть*) *как кот в сапогах*. Ирон. или Шутл. ‘О смешном, забавном до нелепости человеке, надевшем чрезмерно большую, не по ноге обувь’ [28. С. 191] используется применительно и к мужчине, и к женщине. Например:

«В кирзе этой *как кот в сапогах*» (А. Анфиногенов. А внизу была земля (1982)) [31].

2. *Физические качества*

В этой группе русских УС употребляется только эталон «кошка», в большинстве случаев характеризующий как женщину, так и мужчину: *видеть в темноте как кошка*, *гибкая как кошка* [редко о мужчине], *живуч (живуча) как кошка*, *лазять (карабкаться) как кошка*, *ловкий как кошка*, *прыгать как кошка*, *глаза (зрение) у кого-л. как у кошки*, *слух как у кошки*.

Например:

«Вале казалось, что они идут уже к Верхнедуванной, но это было не так: Сережка *видел в темноте, как кошка*» (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943—1951));

«Ишь ты! Значит, *гибкая, как кошка?* — Еще гибче!» (В. Михальский. Одинокому везде пустыня (2003));

«Он желт лицом, худощав и сух; по всем приметам, слабосилен и немощен, а *живуч, как кошка*, и все походы выносит без всяких заболеваний» (Д.А. Фурманов. Мятаж (1924));

«Это навсегда... Я поняла, что *живуча, как кошка*. Моя способность адаптироваться в новых условиях была бесподобной» (Екатерина Маркова. Чужой звонок (1990—2000));

«Наш друг кошка, — скрипуче произнес Электроник, стуча мелом по доске, и пояснил: — В темноте у Рэсси стопроцентное *зрение, как у кошки*» (Е. Велтистов. Рэсси — неуловимый друг (1971)) [31].

3. *Эмоциональное состояние человека* описывают также только УС с эталоном «кошка»: *влюблена в кого-л. как кошка* [влюблен как кошка используется

чрезвычайно редко], влюбляться (влюбиться) в кого-л. как кошка, словно кошки скребут на душе (на сердце).

Из УС этой группы самым частотным в материалах НКРЯ является УС *влюблена как кошка* (14 вхождений):

«От Ильи она тоже будет терпеть всё, что угодно, пока тот ее не бросит, — *влюблена, как кошка*» (Н. Катерли. На два голоса // «Звезда», 2003);

«Через полчаса, я потом узнал, они были уже в гараже, и он уже сиденья раскинул для простора любви, и через пару дней она оказалась в него *влюблена как кошка*, без всяких комплексов» (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)) и др. [31].

4. **Свойства личности** характеризуют УС с обоими эталонами: *влюбчива (любвеобильна) как кошка* — о женщине и *льстивый как кошка* — о лицах обоего пола. Неодобрительное УС *прихотлив как кот* имеет значение 'об очень разборчивом, привередливом человеке'. При замене эталона существительным женского рода — *прихотлив как кошка* — УС приобретает второе значение: 'о крайне церемонном, жеманном, эксцентрично меняющем свои желания, настроения человеке'.

5. **Межличностные отношения** описываются УС с эталонами и «кот», и «кошка»: *словно черная кошка пробежала между кем-л., жить как кошка с собакой и лад у кого-л. как у кошки с собакой, льнуть (ласкаться, ластиться) к кому-л. как кошка, носиться с кем-л. как кошка с котятками, ткнуть (тыкнуть) кого-л. куда как кота мордой, душить / задушить кого-л. как кошку*. Например:

«Сергей Ломанов-старший и Владимир Янко долгое время работали вместе в сборной России, но затем между наставниками *словно черная кошка пробежала*» (Васильев А. Как не помирились Сергей Иванович и Владимир Владимирович // Советский спорт, 2008.12.17);

«Смысл фразы *«Живут как кошка с собакой»* знают все — плохо живут, лаются-кусаются-царапаются, одним словом — скандалят» (Д. Зыков. Как кошка с собакой // «Наука и жизнь», 2008) [31].

6. Самую объемную группу составляют УС, **характеризующие поведение**.

Доминантной чертой, фиксируемой фразеологизмами, является блудливое поведение: *как блудливый кот, как мартовский кот, блудлив как кот, похотлив как кот, вести себя как наблудивший кот*. Ср. также *блудлива как кошка*. Поведение мартовского кота раскрывают такие основания сравнений, как *пропадать, забазлать*:

«Саша постоянно *пропадал* где-то, *как мартовский кот*» (Токарева В. Своя правда // «Новый Мир», 2002);

«Вдруг, всю процессуальную тягомотину отбросив, сельский милиционер, нахватившись в больнице городских словечек, отгёр тётку от шкафа и *забазлал, как мартовский кот*» (А. Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997) [31].

УС отмечают шkodливое и вороватое поведение кота: *вести себя как нашкодивший кот, вороватый как кот*. Стереотипное представление о поведении нашкодившего кота может конкретизироваться в контексте:

«Она должна знать, чему она подвергает свою жизнь и жизнь своих сотрудников, принесших рапорт о своих злоключениях прямоком на порог ее дома, *как нашкодивший кот приносит задушенную птицу*» (Т. Устинова. Персональный ангел (2002)) [31].

В таком случае эталон-образ превращается в эталон-ситуацию.

В УС отмечаются и некоторые другие черты поведения: *жмуриться / зажмуриться* (*жмурить / зажмурить*) *глаза как кот*, *метаться как угорелый кот* (ср. *бегать* (*носиться, метаться*) *как угорелая кошка*), *облизываться на что-л. как кот на сметану*, *смотреть (глядеть) на что-л. как кот (кошка) на сало (на масло)*, *урчать (мурлыкать) как кот* (ср. *мурлыкать (урчать) как кошка*), *тереться о кого-л. как кот*. Близкое по форме УС с эталоном «кошка» имеет другое значение *тереться вокруг кого-л. как кошка* синонимично *лнуть (ласкаться, ластиться) к кому-л. как кошка* и означает ‘О ласково (обычно лицемерно или притворно), дружески или любовно лнущей к кому-л. женщине (часто с корыстными целями)’, *ходить (ступать, расхаживать) как кот*. ‘О мягко, осторожно ходящем, ступающем человеке’ [28. С. 192]. (Ср. *ходить как кошка*).

Только с эталоном «кошка» функционируют в русском языке такие сравнения, как *играть с кем-л. как кошка с мышкой*, *караулить (подстерегать, сторожить) как кошка добычу*, *красться / подкрасться (подкрадываться) к кому-л., к чему-л. как кошка*; *таскать что-л. с собой как кошка котят*, *умываться как кошка (обычно о детях)*, *фыркать как кошка*, *царапаться как (дикая) кошка и шипеть как (разъяренная) кошка* — чаще о женщинах, *смотреть (глядеть) на кого-л. как кошка на мышь*.

В НКРЯ наиболее употребительным является УС *играть как кошка с мышкой*:

«А она всё знала и играла со мной, *как кошка с мышкой*» (Н. Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003);

«Он просто так *играет, как кошка с мышкой*, а я реагирую искренне, непосредственно и переживаю очень болезненно и серьезно» (Л. Иванова. Искренне ваша грешница (2000)) [31].

В шведском языке для обозначения кота и кошки используется одно и то же слово *en katt*. Существует специальное слово *en katta*, применяющееся только к кошке, но оно малоупотребительно в современном шведском языке, и УС с этим эталоном не используются. Фразеологический словарь шведского языка фиксирует 11 УС с эталоном *en katt*: *se ut som en dränkt katt* (выглядеть как утопленная кошка), *smidig som en katt* (гибкий как кошка), *seglivad som en katt* (живучий как кошка), *spy som en katt* (тошнить как кота), *gå som katten kring het gröt* (ходить как кот вокруг горячей каши), *vara som hund och katt* (быть как кошка с собакой), *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря), *fräsa som en (arg) katt* (шипеть как (злая) кошка), *spinna som en katt* (мурлыкать как кошка), *ögon, runda som en katts* (глаза круглые как у кота), *att tassa tyst som en katt* (ходить тихо как кошка) [30].

Как и в русском языке, шведские УС с рассматриваемым эталоном обозначают особенности поведения человека, его внешности, физических качеств и отношений между людьми.

Эквивалентными являются такие УС русского и шведского языков, как: *гибкий как кошка* — *smidig som en katt*, *живучий как кошка* — *seglivad som en katt*, *жить как кошка с собакой* — *vara som hund och katt*, *шипеть как злая кошка* — *fräsa som en (arg) katt*, *мурлыкать как кошка* — *spinna som en katt*, *глаза круглые как у кота* — *ögon, runda som en katts*, *ходить тихо как кошка* — *att tassa tyst som en katt*.

Однако в шведском языке не наблюдается столь сильно выраженной пейоративной оценки в УС с эталоном *en katt*, как в их русских аналогах. В шведских УС отсутствует представление о коте (кошке) как о блудливом животном, являющееся устойчивым стереотипом в русском языковом сознании. В свою очередь в УС русского языка не находит отражения такой признак, как нетерпение — *gå som katten kring het gröt* (ходить как кот вокруг горячей каши), безэквивалентными относительно русского языка являются и шведские УС *spy som en katt* (тошнить как кота) и *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря).

Важно отметить, что анализ употребления рассматриваемых шведских УС в контекстах художественной литературы и интернета позволяет говорить об их практически равномерном гендерном распределении. Все перечисленные выше единицы могут использоваться для характеристики как мужчины, так и женщины. Это касается даже такого УС, как *fräsa som en (arg) katt* (шипеть как (злая) кошка), аналог которого в русском языке имеет явную гендерную отнесенность:

«Han är röd av ilska och fräser som en arg katt. — Он красный от злости и шипит как злая кошка» (Wahlström G. Följa en främling);

«Lisas ögon blir kolsvarta och hon fräser som en retad katt. — Глаза Лизы становятся чёрными как уголь, и она шипит как разъярённая кошка» (Hagmar P. Klara och Star) [32].

Отдельно следует остановиться на безэквивалентном относительно русского языка УС *kär som en klockarkatt* (влюблен как кот пономаря). Исследователь шведского фольклора Маргарета Хельквист пишет, что выражение, известное в шведском языке с XVIII века, связано с оборотом *klockarkärlek* (пономарская любовь), означающим особую любовь, слабость к чему-то и явившимся неправильным переводом французского *amour de clocher* (любовь к родным местам), а также с влиянием французского УС *amoureux comme un chatte* (влюблённый как кошка) [33. С. 132]. Примечательно, что в толковом словаре шведского языка приводятся контексты употребления в XVIII веке сравнения *kär som en klockarkatta* (влюблённая как кошка пономаря), где в качестве эталона употребляется гендерно маркированное слово *katta*, а также слова *klockarkatt* (кот пономаря) в значении «пономарь» [34. С. 1317]. Вероятно, нельзя исключать происхождение УС *kär som en klockarkatt* от *kär som en klockare* (влюблённый как пономарь).

ВЫВОДЫ

Благодаря существующей в русском языке грамматической категории рода УС с эталонами «кот» и «кошка» могут иметь гендерные различия. Часть из них используется применительно к лицам обоего пола, но некоторые совпадающие по составу УС, с одним и тем же основанием сравнения, имеют разное значение и употребляются только применительно к лицам мужского или женского пола. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство УС с исследуемыми эталонами имеют презрительную и неодобрительную коннотацию. Незначительная часть проанализированных УС отличается шутливой и ироничной окраской. Русские УС могут употребляться в речи без оснований сравнения, признак сравнения

выявляется из контекста. При этом говорящий либо опирается на существующую в языковом сознании носителя языка пресуппозицию (при опущенном признаке сравнения), либо приводится окказиональное основание сравнения, проясняющее, что именно имеется в виду. Контекст может конкретизировать, раскрывать существующее основание сравнения, при этом эталон-образ расширяется до эталона-ситуации.

Стереотипное представление о коте и кошке в русских УС выглядит следующим образом. Кот внешне непривлекателен, если он худой, облезлый, ободраный и старый. Он, как и кошка, отличается мягкой тихой походкой. Животное блудливо, похотливо (особенно в марте), вредливо и воровато. Любит масло, сало и сметану, кот, как и кошка, прихотлив. Как и кошка, кот урчит (мурлычет) и жмурится от удовольствия, мечется в случае паники. Кошка гораздо лучше «прорисована» в исследуемом фрагменте русской языковой картины мира. Она тоже не привлекательна, если худая, шелудивая и ободранная; блудлива, но отличается влюбчивостью; гибкая, ловкая, у нее хорошие зрение и слух. Кошка заботится о котятках. Она лицемерна и лстлива, может больно царапаться, фыркать и злобно шипеть. Любит играть с пойманной мышкой, тихо подкрадываться к добыче.

Проведенное сопоставление со шведским языком позволяет сделать следующие выводы. При общем совпадении идеографических групп УС с эталонами *кот/кошка* в русском языке и *en katt* в шведском, что связано с многовековыми наблюдениями двух народов за универсальными чертами внешнего облика и поведения живущих рядом с людьми домашних животных, стереотипное представление о коте и кошке в системе УС двух языков имеет существенные различия. Наблюдается различная номинативная плотность УС русского и шведского языков: 77 УС русского языка с эталонами *кот/кошка* и 11 УС шведского языка с эталоном *en katt*. В русском языке худые животные служат эталоном для описания внешности человека, большую роль при характеристике внешности мужчины играют «усы как у кота», отдельно выделяется образ-эталон «старый кот». При описании внешности шведскими УС акцент ставится только на мокром человеке («утопленной» кошке). В русском языке детальнее представлены такие идеографические УС, как поведение и межличностные отношения. В современном шведском языке отсутствует гендерное различие, ярко выраженное в русском языке существительными мужского и женского рода *кот* и *кошка*. Кроме того, шведский эталон *en katt* не имеет очевидной пейоративной окраски, и для шведского языкового сознания нерелевантно представление о коте как о блудливом и похотливом животном.

Выявленные различия важно учитывать в русско-шведской межкультурной коммуникации, в преподавании русского и шведского языков и при составлении двуязычного словаря устойчивых сравнений.

© Алёшин А.С., Зиновьева Е.И., 2019

Дата поступления: 20.12.2018

Дата приема в печать: 2.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Подчаха О.В.* Особенности многозначности устойчивых сравнений // Преподаватель XXI век. 2012. № 1 (2). С. 329—335.
2. *Бойко Л.Г.* Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2008. № 5 (29). С. 94—97.
3. *Ая У.* Русские пословицы на фоне эстонских: к концепции тематического лингвокультурологического словаря // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2011. № 5 (59). С. 43—47.
4. *Балонкина О.В.* Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. № 423. С. 5—14. doi: 10.17223/15617793/423/1.
5. *Бредис М.А.* Деньги и богатство в пословицах разных народов (на материале русского, латышского, немецкого и английского языков) // Вестник Орловского ун-та. 2012. № 4 (24). С. 234—238.
6. *Кузнецова И.В.* Biblical phraseology and language game // Studia Slavica. Budapest. 2013. P. 127—141. doi: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
7. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9.
8. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне русского и украинского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18.
9. *Нгуен Тхань Ха.* Сравнительное изучение фразеологизмов русского и вьетнамского языков: типы межъязыковых фразеологических эквивалентов // Преподаватель XXI век. Ч. 2. М., 2015. С. 319—323.
10. *Пи Цзянькунь.* Ложь, неправда и кривда как фрагмент русского паремиипространства (на фоне китайского языка) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Филология. 2014. Т. 1. № 2. С. 244—252.
11. *Юань Линь.* Стереотипное представление о госте в русских пословицах (на фоне китайских) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2016. № 1 (105). С. 148—152.
12. *Kovzele O., Korolova J.* Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material) // 4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August. Albena, 2017. P. 645—643.
13. *Кулик А.Э.* Национально-культурная специфика русских и корейских устойчивых сравнений // Русский язык за рубежом. 2012. № 5. С. 58—64.
14. *Морозов М.А.* Источники лингвокультурологического комментирования фразеологических единиц // Научное мнение. 2013. № 6. С. 46—51.
15. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
16. *Элмасын А.В.* Лингвокультурные особенности русских и английских устойчивых сравнений, характеризующих физические качества и способности человека // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов / под ред. В.И. Тхорика. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 214—219.
17. *Кузнецова И.В.* Адам и Ева в устойчивых сравнениях славян // Studia Slavica. Budapest, 2012. P. 127—141. doi: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
18. *Кузнецова И.В.* Персонажи Библии в словацких сравнениях (на фоне других языков) // Studia Slavica. Budapest, 2016. P. 45—67. doi: 10.1556/060.2016.61.1.3.
19. *Кузнецова И.В.* Персонажи Книги книг в сравнениях белорусов и украинцев (на фоне других языков) // Studia Slavica. Budapest. 2016. С. 345—361. doi: 10.1556/060.2016.61.2.7.

20. Кузнецова И.В. Славянские устойчивые сравнения с семантикой ‘очень похожи’ (на фоне других языков) // *Studia Slavica*. Budapest. 2018. С. 247—256. doi: 10.1556/0602018.63.2.6.
21. Малькова В.В. Русские и немецкие устойчивые сравнения как источник сведений об ассоциативном потенциале слов // *Русский язык за рубежом*. Серия: Лингвистика. 2014. № 3. С. 70—75.
22. Энхжаргал Б. Устойчивые сравнения как культурная константа // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. № 6. С. 35—36.
23. Юй Фэнин. Антропоморфные сравнительные обороты со значением формы лица человека в русском и китайском языках // *Университетский научный журнал*. СПб., 2015. № 16. С. 203—210.
24. Хади Али Хуссейн. Характеристика человека в устойчивых стереотипных сравнениях в русском языке «по данным направленного ассоциативного эксперимента» // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 1/2008. С. 142—144.
25. Юрченко И.А. Общее и национально-специфичное в образах-эталонах устойчивых сравнений // *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 2009. № 54. С. 88—93.
26. Ма Сянфэй. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Волгоград, 2017. № 4. С. 128—135.
27. Николаева Е.И., Селиверстова Е.И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica*. Budapest, 2016. P. 325—343. doi: 10.1556/060.2016.61.2.6.
28. Мокиенко В.М. *Словарь сравнений русского языка*. СПб.: Норинт, 2003.
29. Огольцев В.М. *Словарь устойчивых сравнений русского языка*. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001.
30. *Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Stockholm: Norstedts, 2003.
31. *Национальный корпус русского языка*. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (дата обращения: 17.01.2019).
32. *Språkbanken*. URL: <https://spraakbanken.gu.se/> (дата обращения: 18.02.2019).
33. *Hellquist M. Göra en pudel och sova räv. Zoologiskt ABC*. Stockholm: Atlantis, 2005.
34. *Svenska Akademiens ordbok*. URL: <https://www.saob.se/> (дата обращения: 18.02.2019).

УДК [811.161.1:811.113.6]373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300

STEREOTYPIC IDEA OF A TOM-CAT AND A CAT THROUGH THE PRISM OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF RUSSIAN AND SWEDISH LANGUAGES

Alexey S. Alyoshin¹, Elena I. Zinovyeva²

¹Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications”
22, bld. 1, prospect Bolshevikov, Saint Petersburg, Russia, 193232

²Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“Saint Petersburg State University”
11, University Embankment, Saint Petersburg, Russia, 190034

Abstract. The article attempts to identify the stereotypic idea of widespread domestic animals (a tom-cat and a cat) on the material of similes of Russian and Swedish languages that characterize humans. The objective of the study is to identify the dominant characteristics of the “tom-cat” and “cat” in the Russian

language picture of the world, which serve to assess a person, against the Swedish background. The sources of the material were dictionaries of Russian similes, the Swedish Phraseological Dictionary, data of the Russian National Corpus and the Swedish National Corpus. The main methods used in the study are methods of complete and directed material sampling, lexicographical, contextual and comparative analysis. This is an ideographic classification of Russian idioms, which allows to reveal comparison signs relevant for the Russian language picture of the world. The article identifies the dominant comparison bases in each group, indicating the importance of the corresponding attribute for native speakers. It analyzes gender distinctions in the use of Russian phraseological units with the “tom-cat” and “cat” reference standards, and peculiarities of using Russian similes in fiction contexts. A contrastive analysis is carried out with Swedish comparative phraseologisms with the standard “en katt”. The novelty of the study is to identify similar and different characteristics that allow to make a “portrait” description of domestic animals that serve as standards of similes, to identify relevant features for Russian and Swedish language pictures of the world. The study vector is directed from the standards of similes to their bases. As a result of the study, conclusions are drawn about the greater nominative density of idioms with “tom-cat / cat” components in Russian compared to Swedish, differences in gender relatedness due to the lack of generic differentiation of the Swedish standard of comparison, despite the fact that in Russian the replacement of the component “tom-cat” by “cat” leads to a change in the meaning of the phraseological unit, more detailed stereotypical representations in the Russian language particularly in such ideographic groups of similes as characteristics of appearance and behavior and to a greater pejorativity of Russian phraseological units compared to Swedish ones. The identified equivalent units in two languages, as well as the presence of the same ideographic groups of similes are due to the centuries-old observation of the peoples-speakers of languages for the universal features of the appearance and behavior of animals.

Key words: simile, standard, comparison basis, stereotypic idea

REFERENCES

1. Podchaha, O.V. (2012) Peculiarities of polysemy of similes. *Teacher of XXI century*, 1—2. pp. 329—335. (In Russ.)
2. Boyko, L.G. (2008) Zoomorphic code of culture in the semantics of similes. *Proceedings of Volgograd State Pedagogical University. Philological science*, 5 (29). pp. 94—97. (In Russ.)
3. Aya, U. (2011) Russian proverbs on the Estonian background: on the concept of a thematic linguistic-cultural dictionary. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd, 5 (59). pp. 43—47. (In Russ.)
4. Balonkina, O.V. (2017) Lingvocultural significance of the word water as a primary element in Russian and English idioms. *Bulletin of the Tomsk State University*, 423. pp. 5—14. doi: 10.17223/15617793/423/1. (In Russ.)
5. Bredis, M.A. (2012) Money and wealth in proverbs of different nations (on the material of Russian, Latvian, German and English). *Orel University Bulletin*, 4 (24). pp. 234—238. (In Russ.)
6. Kuznetsova, I.V. (2013) Biblical phraseology and language game. *Studia Slavica*. Budapest. pp. 127—141. doi: 10.1556/SSLav.57.2012.1.7.
7. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusyn paroemias against the background of Ukrainian and Russian languages. *Rusin*, 3 (45). pp. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9. (In Russ.)
8. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of Rusyn paremiology (against the background of Russian and Ukrainian languages). *Rusin*, 4 (54). pp. 303—317. doi: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.)
9. Nguyen Thanh Ha. (2015) Comparative study of Russian and Vietnamese phraseological units: types of interlanguage phraseological equivalents. *Teacher XXI century. Part 2*. Moscow. pp. 319—323. (In Russ.)
10. Pi Jiankun. (2014) Lies, untruth and falsehoods as a fragment of the Russian paremiological space (against the background of the Chinese language). *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Series Philology*, 1 (2). pp. 244—252. (In Russ.)

11. Yuan Liying. (2016) The stereotypical idea of a guest in Russian proverbs (against the background of Chinese). *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd. 1 (105). pp. 148—152. (In Russ.)
12. Kovzele O. & Korolova J. (2017) Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material). *4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August*. Albena. pp. 645—643.
13. Kulik, A.E. (2012) National and cultural specificity of Russian and Korean similes. *Russian language abroad*, 5. pp. 58—64. (In Russ.)
14. Morozov, M.A. (2013) Sources of linguocultural commenting of phraseological units. *Scientific opinion*, 6. pp. 46—51. (In Russ.)
15. Teliya, V.N. (1996) Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kultury». (In Russ.)
16. Elmasyan, A.V. (2017) Linguistic and Cultural features of Russian and English similes characterizing physical qualities and abilities of a person. *Interdisciplinary aspects of linguistic research*. Krasnodar: Kuban State University. pp. 214—219. (In Russ.)
17. Kuznetsova, I.V. (2017) Adam and Eve in similes of Slavs. *Studia Slavica*. Budapest. pp. 127—141. doi: 10.1556 / SSLav.57.2012.1.7. (In Russ.)
18. Kuznetsova, I.V. (2016) Bible characters in Slovak comparisons (compared to other languages). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 45—67. doi: 10.1556/060.2016.61.1.3. (In Russ.)
19. Kuznetsova, I.V. (2016) Characters of the book of books in comparisons of Belarusians and Ukrainians (compared to other languages). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 345—361. doi: 10.1556/060.2016.61.2.7. (In Russ.)
20. Kuznetsova, I.V. (2018) Slavic similes with semantics 'very similar' (compared to other languages) *Studia Slavica*. Budapest. pp. 247—256. doi: 10.1556/0602018.63.2.6. (In Russ.)
21. Malkova, V.V. (2014) Russian and German similes as a source of information about the associative potential of words. *Russian language abroad. Series: Linguistics*, 3. pp. 70—75. (In Russ.)
22. Enkhjargal B. (2009) Similes as a cultural constant. *World of science, culture, education*, 6. pp. 35—36. (In Russ.)
23. Yu Fenin. (2016) Anthropomorphic comparative expressions with the meaning of a human face shape in Russian and Chinese languages. *University scientific journal*. Saint Petersburg, 16. pp. 203—210. (In Russ.)
24. Hadi Ali Hussein. (2011) Characteristics of a person in stereotypical similes in the Russian language "according to the directional associative experiment". *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1. pp. 142—144. (In Russ.)
25. Yurchenko, I.A. (2009) General and national-specific in images-standards of similes. *Bulletin of Vitebsk State University*, 54. pp. 88—93. (In Russ.)
26. Ma Xiangfei. (2017) Verbalization of the stereotypical notions of rain in Russian and Chinese (by the example of sustainable expressions). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd, 4. pp. 128—135. (In Russ.)
27. Nikolaeva, E.I. & Seliverstova, E.I. (2016) The idea of a sound sleep in Slavic languages (by the material of similes). *Studia Slavica*. Budapest. pp. 325—343. doi: 10.1556/060.2016.61.2.6. (In Russ.)
28. Mokienko, V.M. (2003) Dictionary of Russian language comparisons. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
29. Ogoltsev, V.M. (2001) Dictionary of similes of the Russian language. Moscow: AST, Astrel, Russian Dictionaries. (In Russ.)
30. Svenskt språkbruk. (2003) Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm: Norstedts.
31. Russian National Corpus. URL: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/) (accessed: 17.01.2019).
32. Språkbanken. Mode of access: URL: <https://spraakbanken.gu.se/> (accessed: 18.02.2019).
33. Hellquist, M. (2005) Göra en pudel och sova räv. Zoologiskt ABC. Stockholm: Atlantis.
34. Svenska Akademiens ordbok. URL: <https://www.saob.se/> (accessed: 18.02.2019)

Для цитирования:

Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. Стереотипное представление о котё и кошке сквозь призму компаративных фразеологизмов русского и шведского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 288—300. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300.

For citation:

Alyoshin, A.S. & Zinovyeva, E.I. (2019). Stereotypic idea of a tom-cat and a cat through the prism of comparative phraseological units of Russian and Swedish languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 288—300. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-288-300.

Сведения об авторах:

Алёшин Алексей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»; *научные интересы*: лексикология и фразеология шведского языка, фразеография, лингвокультурология; *e-mail*: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844; eLIBRARY SPIN-код: 4983-8447

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739; eLIBRARY SPIN-код: 9059-2243

Information about the authors:

Alexey S. Alyoshin, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Chair, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications”. *Research interests*: Swedish lexicology and phraseology, phraseography, linguoculturology; *e-mail*: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-code: 4983-8447

Elena I. Zinovyeva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”. *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-code: 9059-2243

Благодарность: Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Acknowledgment: The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

УДК [811.161.1:811.133.1:811.134.2:811.62]373
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ, ФРАНЦУЗСКОЙ, ИСПАНСКОЙ И МАЛАГАСИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ

Н.В. Новоспасская, А.М.М. Раадранириана, О.В. Лазарева

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье предлагается анализ паремий русского, французского, малагасийского и испанского языков, посвященных женщине. *Материалом исследования* стали паремиологические единицы данных языков, полученные методом сплошной выборки из сборников паремий, художественных произведений и двуязычных словарей, критерий отбора — наличие лексической единицы *женщина* (фр. *femme*, исп. *mujer*, мал. *Vehivavy*) или описание внешности, значимости, особенности поведения, выполнение функции матери, жены, хозяйки дома и т.д. в паремии в рассматриваемых лингвокультурах.

Цель исследования — выявить универсальные и культурно-специфические черты представления о женщине в рассматриваемых корпусах паремий русского, французского малагасийского и испанского языков; в задачи работы входит также рассмотрение особенности паремиологических и лексических единиц, используемых в данном фрагменте языковой картины, а также описание общих и несовпадающих аспектов происхождения и функционирования антипаремий и паремий о женщине и использование градуальности в паремиях о женщине.

Проведенный отбор и анализ паремиологических единиц показал, что в рассматриваемых языках можно найти паремические единицы, характеризующие женщину как идеальную, умную, сильную и т.д., а также отмечена важность женщины как домохозяйки и ее превосходство над мужчиной. Значимую часть проанализированного языкового материала составляют паремии, в которых женщина сравнивается с животным женского пола, растением или предметом, с которым ассоциируется определенное качество женщины, а также женщина представляется как глупая, болтливая, ненадежная, ленивая, капризная или неразумная жена.

Новизной исследования является впервые предпринятый анализ сопоставительного рассмотрения паремий о женщине на материале русского, французского, малагасийского и испанского языков и введенный в научный оборот лексический и паремиологический материал малагасийского языка.

Ключевые слова: паремия, русский язык, малагасийский язык, французский язык, испанский язык, сопоставительный анализ

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что в паремиях аккумулируются знания о мире, они представляют собой «автобиографию народа», «зеркало культуры» [1. С. 4]. Наряду с национальной прототипической характеристикой паремии можно говорить о социальных ролях, которые нашли свое отражение в пословицах и поговорках. Несмотря на то что репрезентация социальных ролей имеет общечеловеческую основу, каждый народ обладает собственной исторической интерпретацией роли и места женщины в обществе и семье, содержит коллективные представления о поведенческих правилах и морали. По мнению О.Г. Дубровской, паремия классифицируется как

лингвокультурологическая единица, на основе которой образно зафиксировано мировоззрение того или иного лингвокультурного сообщества, и системно служит «нишей для кумуляции культурно-национального опыта описываемых лингвокультурных обществ» [2. С. 36].

В настоящее время сформировано направление в лингвистике, в котором рассматривается многоаспектное функционирование паремии, в нем необходимо отметить работы таких паремиологов, как В.П. Аникин [3], С.Д. Мастепанов [4], В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина [5], Г.Л. Пермяков [6], Л.Б. Савенкова [7], Е.И. Селиверстова [8], Г.Д. Сидоркова [9], В.Н. Телия [10; 11], а также В. Мидер [12], А. Тейлор [13], J.P. Zouogbo [14], F.-M. Rodegem и P. van Brussel [15] и мн. др.

Под термином «паремия» мы, вслед за В.Н. Телия, понимаем *пословицы и поговорки* [11. С. 58].

1. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время изучение человека в языковой картине мира с учетом индивидуальных характеристик языковой личности, отражающей гендерные особенности, привлекает внимание специалистов из разных областей лингвистики. Итак, гендер — по определению Г. Брандта — «это совокупность речевых, поведенческих, личностных особенностей, отличающих мужчин и женщин в духовном плане, подвергающихся влиянию культуры» [16. С. 169]. А.В. Кирилина и М.В. Томская рассматривают гендер как «социальный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [17. С. 112]. Следует отметить, что в различных лингвокультурах непосредственное содержание гендерных стереотипов выражается с помощью языковых структур, в нашем случае — пословиц и поговорок, которые предлагают их определенные оценки.

Источником материалов данного исследования являются сборники и словари паремий рассматриваемых нами языков [18—22]. Основным принципом отбора паремий является метод сплошной выборки, согласно которому в рассматриваемых языках выбираются паремии с компонентом рус. *женщина*, фр. *femme* ‘женщина, жена’, исп. *mujer* ‘женщина’, мал. *vehivavy* ‘женщина’, а также содержащие некоторые дополнительные единицы, имеющие с ними прямую семантическую связь. В русском языке мы отметили лексические единицы *баба*, *девка*, *жена*. Во французском языке — *une mere* ‘мать’, *une fille* ‘дочь, девушка’; в малагасийском языке использованы собственные женские имена *Rafotsibe*, *Rafara*, *Randranobe*, *Raivo*. Таким образом, паремии, отобранные для анализа, содержат лексику, составляющую ряд контекстных синонимов с доминантой *женщина*. При этом необходимо уточнить, что во французском языке, например, лексическая единица *une femme* является многозначным словом, который номинует женщину 1) как человека женского пола и 2) жену мужа. Помимо этого на малагасийском языке в лексической единице *vehivavy* вторая часть *vavy* обозначает женский пол любого живого существа, такого как *akohovavy* ‘курица’, *sakavavy* ‘кошка’, *zazavavy* ‘девочка’...

2. ИТОГИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ, НОМИНУЮЩИМИ ЖЕНЩИНУ, С ПАРЕМИЯМИ ФРАНЦУЗСКОГО, ИСПАНСКОГО И МАЛАГАСИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Материал данного исследования подтверждает сложность классификации паремий, номинующих женщину в четырех рассматриваемых языках. Логика их рассмотрения в определенной подгруппе основывается на маркировании культурной установки, выявляющей сходства и различия, а также на положительной и отрицательной оценках в двух или более языках. Нами предложены следующие подгруппы положительной оценки женщины:

- 1) идеальная женщина;
- 2) умная, сильная, храбрая, терпеливая;
- 3) добрая, нежная, ласковая;
- 4) красивая, соблазнительная;
- 5) женщина-домохозяйка;
- 6) превосходство женщины над мужчиной.

В данную подгруппу мы также можем отнести паремии, в которых муж и жена представляют собой единое целое, так как с позиций традиционного общества данная характеристика женщины является положительной.

Вторая подгруппа содержит паремии с пейоративной оценкой женщины:

- 1) женщина сравнивается с животным женского пола, растением или предметом, с которым ассоциируется определенное качество женщины;
- 2) отношение мужчины к женщине — это отношение существа привилегированного к существу подчиненному;
- 3) традиционное плохое отношение к женщине;
- 4) глупая женщина;
- 5) болтливая, ненадежная, ленивая, капризная или неразумная жена;
- 6) злая женщина.

2.1. Идеальная женщина

Группа паремий об идеальной женщине прежде всего содержит советы для мужчин по выбору спутницы жизни:

Рус.: *Выбирай жену не в хороводе, а в огороде; Жену выбирай не глазами, а ушами;*

Фр.: *Choisis ta femme non à la danse, mais à la moisson* 'Выберите свою жену не на танцах, а на сборе урожая'; *Choisissez votre femme par l'oreille bien plus que par les yeux* 'Выбирайте свою женщину скорее на слух, чем глазами';

Мал.: *Aza midera vady mandihy, fa ao ny sandry milaza azy* 'Не хвали свою танцующую жену, пусть ее руки показывают, на что она способна'.

Об идеальной жене (работающая, заботливая, верная) говорится в следующей подборке паремий:

Рус.: *Красна девка не телом, а делом* (работающая); *Мать всякому делу голова* (о статусе матери); *Добрую жену взять, ни скуки ни горя знать* (о хорошей жене); *Муж жене отец, жена мужу венец* (о хорошей жене); *Добрая жена — мужней голове корона* (о хорошей жене);

Фр.: *La femme vertueuse est un joyau qui rend le front du mari gai et beau* 'Добродетельная женщина — это жемчужина, которая делает лоб мужа счастливым и красивым'; *Tout prospère sous la main d'une femme active et soigneuse* 'Всё благополучно под рукой активной и заботливой женщины'; *A femme que l'on aime embellit un beau jour* 'Женщина, которую мы любим, украшает прекрасный день'; *Une femme bonne vaut une couronne* 'Хорошая женщина стоит короны'; *L'enfant qui ressemble au père est l'honneur de la mère* (о верной женщине) 'Ребенок, похожий на отца, — честь матери' то есть это было доказательством честности женщины;

Мал.: *Lehilahy mahery mihosy, vehivavy mateti-panetsa: manao ny hahavoky ny ankizy* 'Мужчина, пашет свои рисовые поля, женщина пересаживает рис: они хорошо кормят своих детей' (об идеальной женщине); *Ny vehivavy dia tokam-po tahaka ny siny, tsy manampo afa-tsy rano* 'Женщина — верная как кувшин, знает только воду' (о верной жене); *Izaho tsy manam-bazo afa-tsy Rainisambaina* 'У меня нет другого любовника, кроме Rainisambaina (имя мужчины)' (о верной жене);

Исп.: *La mujer buena, corona es del marido* 'Хорошая женщина — корона мужа' (о хорошей жене); *A la mujer casada, el marido le basta* 'Замужней жене хватает мужа' (о верной жене); *Mujer hacendosa, es buena esposa* 'Женщина трудолюбивая — хорошая жена' (о работающей жене); *La mujer buena, leal y con decoro, es un Tesoro* 'Хорошая женщина, верная и благопристойная, является сокровищем' (о верной женщине).

Итак, общностью данной подгруппы паремий является наличие совета о том, что нужно выбрать жену по делам, а не по производимому впечатлению, а также оценка идеальной женщины по ее роли в социальном успехе мужа. Особенно русской лингвокультуры является акцент на душевной женщине (*добрая*); во французском языке отмечается эстетическое восприятие (*красивая*), в малагасийском и испанском языках идеальна та, которая *верна* мужу.

2.2. Умная, сильная, храбрая, терпеливая

В данную подгруппу были отобраны паремии, содержащие оценку женщины как сильной и умной личности:

Рус.: *Советом доброй жены и великие мужи сильны; Женский ум стоит многих дум; Женский ум — смел, остер, да на выдумку хитер; Что мужчина не разрубит, то женщина распутает; Бабы глаза в землю смотрят, а разум на милоу вперед видит; Милая жена — половина добра, умная жена — добру голова;*

Фр.: *Une femme qui ne demande rien mérite tout* 'Женщина, которая ничего не просит, достойна всего' (о терпеливой женщине); *Il n'est point de liens si forts comme de femme* 'Нет никого сильнее женщины' (о сильной женщине); *Femme avec un de ses cheveux tire plus fort que quatre bœufs* 'Женщина волосами тянет сильнее четырех волов' (о сильной женщине);

Мал.: *Tiam-bady ka mahay miresaka* 'Тот, кого любит жена, умеет говорить' (Та жена, которая умеет радовать мужчину — умная), *Hoу ny reni-akoho raha mahita akotry: "Antsoy rainareo, rankizy, fa tsy hanin-kavoky, fa volan-kifanajana"* 'Находя зерно риса, курица говорит: «Ребята, позовите вашего отца, это не накормит его, но это — уважение»' (об умной женщине); *Mitondra roa hoatry ny vehivavy somorina: ny hetrandray tsy apetraka, ny lova tamin-dreny tsy avela* 'Иметь что-либо вдвойне хорошо, как у бородатой женщины: отцовское наследство (борода) с ней, и материнское наследство с ней' (об умной женщине);

Исп.: *Lo que valga una mujer, en sus hijos se ha de ver* 'То, чего стоит женщина, видно в ее детях (об умной женщине)'; *La mujer brava es la llave de su casa* 'Храбрая женщина — ключ к ее дому' (о сильной женщине).

Данные паремии оценивают женщину как умную сильную личность с позиции ее роли матери, в сравнении с мужчиной или описывая усилия женщины, направленные на мужчину и дом. В русском, испанском и французском языках нами отмечена прямая номинация рассматриваемых качеств (*умная, разум, fort* 'сила', *brava* 'храбрая') качеств, в малагасийском языке данные качества представлены языковыми средствами метафорично.

2.3. Добрая, нежная, ласковая

Представление о добром человеке складывается по его поступкам, результатом которых является благо для кого-либо. В данную подгруппу объединены паремии, в которых женщина (жена или мать) представлена как та, которая способна на благое дело (т.е. потенциально) или осуществляющая его:

Рус.: *Женская душа, что солнце — всех обогреет*; *Мир в семье женой держится*; *Материнская молитва со дна моря вынимает*; *Материнская ласка конца не знает*; *При солнышке тепло, при матушке добро*;

Фр.: *L'amour d'une mère remonte des profondeurs des océans* 'Любовь матери поднимается из глубин океана'; *Tendresse maternelle, toujours se renouvelle* 'Материнская нежность всегда обновляется'; *L'empire de la femme est un empire de douceur, d'adresse et de complaisance* 'Очаг женщин — это очаг мягкости, мастерства и обходительности';

Мал.: *Ny hatsaram-panahy no ravaky ny vehivavy* 'Делать добрые дела — украшение женщины'.

В русском и французском языках представлены как примеры, демонстрирующие иррациональную сильную любовь и доброту матери, так и паремии, в которых описывается нежность женщины, теплота и душевность которой передана через метафорическое сравнение с солнцем и очагом (*обогреет* [как солнце], *l'empire*); в малагасийском языке отмечаем незначительное количество паремий о доброте женщины.

2.4. Красивая, соблазнительная

Внешность женщины привлекает повышенное внимание людей, так как традиционное общество и его андроцентризм предполагали, что мужчинам свойственны сила, ум, стойкость, удачливость, активность, а женщина должна быть красавицей или как минимум привлекательной внешне. Говоря о красивой женщине, паремия оценивает как внешнюю привлекательность, так и гармоничную личность женщины. Красота женщины является универсальным качеством для любой культуры, однако имеет разное эстетическое и языковое выражение:

Рус.: *Грудь лебедина, походка павлина, очи сокольи, брови соболь*; *Коса — девичья краса*; *Красная краса — русая коса*;

Фр.: *Jamais un miroir n'a dit à une femme qu'elle est laide* 'Никогда зеркало не говорило женщине, что она некрасива'; *Dites à une femme qu'elle est jolie, et le diable le*

lui dira vingt fois 'Скажи женщине, что она красивая, и дьявол скажет ей это двадцать раз'; *Jolie fille porte sur son front sa dot* 'Красивая девушка носит на лбу ее приданое'; *La plus belle femme au monde ne peut donner que ce qu'elle a* 'Самая красивая женщина в мире может дать только то, что у нее есть'; *La beauté étonne plus qu'elle ne touche: une jolie femme blesse à coup sûr, et blesse sans remède* 'Красота поражает больше, чем трогает: красотка ранит наверняка и ранит без лекарств';

Мал.: *Ny vady jerijery* 'Жена присутствует в жизни мужа, чтобы он на нее посмотрел'; *Raha tanora tsy ho jejo dia aleo maty ho razana* 'Если молодые люди некрасивы, лучше умереть, чтобы не стать родителем [некрасивых людей]'; *Ny tarehy no ratsy ka ny volo no aolanolana* 'Уродливая женщина должна заплетать волосы' (особенно заботиться о своей внешности); *Randram-bao mitaon-dahy* 'Недавно сделанные косы привлекают мужчин' (о соблазнительности женщины, которая за собой ухаживает); *Vehivavy tsara tarehy petaka orona: voantondro iray monja no tsininy* 'Красивая женщина с приплюснутым носом: она имеет очень небольшой дефект';

Исп.: *A la luz de la vela, no hay mujer fea* 'При свете свечи все женщины красивые'; *No hay mujer fea, sino mujer pobre* 'Нет некрасивых женщин, есть бедные'; *Mira a tu suegra, así se vera tu mujer de vieja* 'Смотри на тещу, твоя жена будет такой же, когда состарится'.

В приведенных примерах важно отметить, что женская красота оценивается как ее богатство (французский, испанский языки), красота передается по наследству (малагасийский, испанский языки); совпадающим элементом красоты в разных лингвокультурах (русской, малагасийской) являются волосы (= коса); в паремиях о красоте женщины есть этноспецифичные элементы: *русая коса* (русский язык) и *petaka orona* 'приплюснутый нос' (малагасийский язык).

2.5. Женщина-домохозяйка

Традиционное общество закрепляет за женщиной дом как место ее деятельности, это универсальное положение, отражаемое в паремиях рассматриваемых языков:

Рус.: *Жена пряди рубашки, а муж тяни гуж; Муж про походы, жена про расходы; Баба да кошка в избе, мужик да собака во дворе; От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом.*

Однако часть паремий отмечает, что домашний труд женщины важнее, чем вклад мужа в семейный быт:

Жена за три угла избу держит, а муж за один; мужику не наносить мешком, что жена натаскает горшком; Жена не сбережет, так и мужу и подавно не сберечь; Хозяйкой дом стоит; Девкою полна улица, бабою полна печь;

Фр.: *Maison sans femme, corps sans âme* 'Дом без женщины — тело без души'; *Femme sage reste à la maison* 'Мудрая женщина остается дома', имея свой эквивалент на русском языке *Доброй жене домоседство не мука*;

Мал.: *Randranobe vaky sahafy, ka manatavy ny akohon'olona* 'Старушка, которая сломала свою сахафу (сито): она откармливает птицу других людей' (если просеивать крупу ситом соседей, то остатки крупы съест домашняя птица соседей) (о женщине-домохозяйке) — общее значение заключается в том, что женщина должна беречь свой дом и что дому нужна сильная (= не старая) хозяйка.

Положение о том, что женщина, прежде всего, домохозяйка, передано словами дом, угол, печь, горшок, *maison* 'дом', этноспецифической единицей *sahafa* 'сафара', лексическими единицами-глаголами, описывающими традиционные хозяйственные работы (*прясть рубашки*; кормить птицу), а также антонимическими оборотами, противопоставляющими мужчину и женщину, и девушку и замужнюю женщину.

2.6. Превосходство женщины над мужчиной

Для традиционного общества нехарактерно превосходство женщины над мужчиной, тем не менее семейные отношения складываются по-разному и это отмечено в поговорках разных народов:

Рус.: *Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет* (положительная оценка); *Муж — голова, жена шея, куда захочет туда и повернет* (положительная оценка); *Беда тому, у кого жена за мужчину в дому* (негативная оценка);

Фр.: *Dans le mariage la femme attend toujours l'occasion de prendre l'autorité que la légèreté du mari lui donne* 'В браке женщина всегда ждет возможности взять власть, которую ей дает слабость мужа' (положительная оценка);

Мал.: *Manao toy ny Bezanozano, ka ny vavy indray no feno lovia* 'Делай, как Безанозано (название одного из малагасийских этносов): имеют полные тарелки и принадлежат женщинам' (негативная оценка, насмешка); *Miarahaba vehivavy mahafolaka an-dantony* 'Тот, кто первым поприветствует девушку, которая станет потом его женой, умрет молодым (тот, кто сам выбирает жену, рискует оказаться в семье в подчинении жене и умрет рано)' (негативная оценка); *Raha eken-dRabevoha aza, raha tsy eken-dRafara tsy tapaka* 'Хотя мужу это нравится, если женщина скажет нет, это не произойдет' (негативная оценка); *Akanjoana lahy, salakana vehivavy?* '(Эта женщина похожа на мужчину) мы должны дать ей юбку или салаку (мужские брюки)?', говорится о семье, возглавляемой женщиной, которая теряет женские черты (негативная оценка); *Rafotsibe no very sira ka Rangahibe no voa tahamaina* 'Рафоцибе (старуха) потеряла соль, а Рангахипе (ее муж-старик) получит пощечину' (негативная оценка);

Исп.: *El hombre propone y la mujer dispone* 'Мужчина предлагает и женщина располагает (принимает решение)' (положительная оценка); *La mujer llora antes del matrimonio, el hombre después* 'Женщина плачет до замужества, мужчина после свадьбы' (негативная оценка); *La mujer hace al marido* 'Женщина создает мужа' (положительная оценка).

Рассматривая поговорки о превосходстве женщины над мужчиной, мы видим связь их положительной или негативной оценки этого с тем, насколько консервативным является общество: на наш взгляд, наиболее консервативным поговорки показывают малагасийское общество, наименее — французское.

2.7. Муж и жена — единое целое

В традиционном обществе женщина выходила замуж один раз, и от успеха ее отношений с мужем зависело качество ее семейной и социальной жизни. Это нашло отражение в поговорках:

Рус.: *Какова жена, таков и муж; Муж и жена — два сапога пара; Муж и жена — одна сатана;*

Фр.: *Mari et femme ne font qu'un corps* 'Муж и жена — одно тело'; *Madame vaut bien monsieur* 'Мадам достойна Месье';

Мал.: *Izay manjo vady, manjo tena* 'То, что касается мужа/жены, касается другого'; *Ny vady no ray aman-dreny* 'Муж и жена — родители'; *Vady mifankahita tenda* 'Муж и жена видят друг друга насквозь'; *Lehilahy tsy tia harahara, vehivavy tsy tia vody tenona* 'Мужчина, которому не нравится ручка лопаты, женщина, которая не любит ткацкий станок' (об идеальной паре);

Исп.: *A la aguja buen hilo y a la mujer buen marido* 'Игле — хорошая нитка, а женщине — хороший муж'; *El hombre es fuego, la mujer estopa, viene el diablo y sopla* 'Мужчина — это огонь, а женщина — пакля. Дьявол приходит и дует (и получается огонь)'; *Mujer sin varón, ojal sin botón* 'Женщина без мужчины — как петличка без пуговицы'.

Благополучие супругов возможно тогда, когда между ними складываются отношения пары. Данная установка наблюдается в паремиях всех анализируемых языков, семантическое значение парности передано через парные предметы (*два сапога*), взаимосвязанные предметы (*aguja* 'игла' и *hilo* 'нитка'; *fuego* 'огонь' и *estopa* 'пакля'; *botón* 'пуговица' и *varón* 'петличка'), а также прямую номинацию *одна сатана, un corps* 'одно тело'. В малагасийском языке идея парности выражается через отрицание: общность в том, что оба не любят свойственные гендеру обязательные работы.

2.8. Женщина сравнивается с животным женского пола, растением или предметом, с которым ассоциируется определенное качество женщины

Рус.: *Курица не птица, а баба не человек; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Лучше раздражить собаку, нежели бабу; Кобыла не лошадь, баба не человек; Перекати-поле — бабий ум; Собака умней бабы: на хозяйина не лает;*

Фр.: *Une femme est un poêle avec dessus de marbre* 'Женщина — печь с мраморной столешницей'; *La femme est un meuble nécessaire en été comme en hiver* 'Женщина является необходимой мебелью летом и зимой'; *Femme qui siffle et poule qui contrefait le coq sont préludes de catastrophe* 'Женщина, которая свистит, и курица, которая провоцирует петуха, это начало бедствия';

Малаг.: *Aza manao akohovavy maneno* 'Не будь как поющая курица' (обращение к женщине); *Akohovavy maneno, ka lazain'ny avoaky ny vavany* 'Поющая курица показывает своим пением кто она такая' (обращение к женщине); *Toy ny reni-hao, ny vavy indray no malaza* 'Знаменита как мать-вошь' (о женщине);

Исп.: *La oveja y la mujer, puesto el sol en casa estén* 'Овцы и женщины на закате должны быть дома'; *La primera mujer, escoba, y la segunda señora* 'Первая женщина — метла, вторая — леди'; *Casa sin mujer y barca sin timón, lo mismo son* 'Дом без женщины и барка без руля, одно и то же'.

Образы, использованные в русских, французских, испанских и малагасийских паремиях, приравнивают женщину к животному, птице женского пола, а также к предметам быта. В данных сравнениях актуализируются несколько значений:

- 1) пол: *Курице не быть петухом, а бабе мужиком;*
- 2) акцентирование внимание на какой-либо черте характера: *Собака умней бабы: на хозяйина не лает*, т.е. баба лает [на мужа];

3) указывает на действие или несколько действий: *Une femme est un poêle avec dessus de marbre* 'Женщина — печь с мраморной столешницей', т.е. женщина и **порежет** продукты, и **испечет**, и **не сломается**, так как столешница мраморная, т.е. вечная.

Общей чертой данных паремий является сравнение с курицей (русский, французский и малагасийский языки), домашним животным (русский и испанский языки), с домашней утварью (испанский и французский языки). Уничижительным данные паремии являются как по тематике, так и по использованию лексики: *лает*, *вошь*, *баба не человек*, *catastrophe* 'бедствие'.

2.9. Отношение мужчины к женщине — это отношение существа привилегированного к существу подчиненному

Рус.: *Без мужа женщина, что лошадь без узды; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую;*

Фр.: *Sers ton mari comme ton maître, et t'en garde comme d'un traître* 'Служи своему мужу как хозяину, и береги себя как от предателя';

Мал.: *Alahelon-dehilahy: mampitombo herim-po; alahelom-behivavy: mampitombo ranomaso* 'Мужское горе усиливает мужество, а женское — усиливает слезы'; *Ny lahy mamindra intelo ka mahazo hevitra; ny vavy miondrika inefatra vao mahazo ny azy* 'Мужчина формулирует мысль, делая три шага; а женщина — поклоняясь четыре раза'; *Izy lehilahy sady mahery, izaho vehivavy no malemy* 'Он — мужчина и сильный, а я — женщина и слабая';

Исп.: *La cabeza de la mujer es el varón* 'Голова женщины — это мужчина'; *Mujer obediente y honrada, no hay joya en el mundo que tanto valga* 'В мире нет такого украшения, которое ценилось бы больше, чем послушная и верная женщина'; *La mujer buena y honesta, el hacer algo es su fiesta* 'Для хорошей и честной женщины заниматься чем-то — это ее вечеринка'; *Aquella es buena mujer, que barre la casa al amanecer* 'Хорошая женщина — та, которая подметает дом на рассвете'.

Идея подчинения женщине мужчинам содержит следующие семы:

1) мужчина — хозяин времени, сил и мыслей женщины:

Sers ton mari comme ton maître, et t'en garde comme d'un traître 'Служи своему мужу как хозяину, и береги себя как от предателя'; *Ny lahy mamindra intelo ka mahazo hevitra; ny vavy miondrika inefatra vao mahazo ny azy* 'Мужчина формулирует мысль, делая три шага; а женщина — **поклоняясь** четыре раза';

2) женщине не положено то, что положено мужчине и детям:

La mujer buena y honesta, el hacer algo es su fiesta 'Для хорошей и честной женщины заниматься чем-то — это ее вечеринка' (гулять и веселиться); *Aquella es buena mujer, que barre la casa al amanecer* 'Хорошая женщина — та, которая подметает дом на рассвете' (спать на рассвете);

3) женщина — вещь:

Mujer obediente y honrada, no hay joya en el mundo que tanto valga 'В мире нет такого **украшения**, которое ценилось бы больше, чем послушная и верная женщина';

4) женщина не сможет без управления мужчиной:

Без мужа женщина, что лошадь без узды; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; La cabeza de la mujer es el varón 'Голова женщины — это мужчина'.

2.10. Традиционное плохое отношение к женщине

С паремиями, описывающими связь мужчин к женщинам как отношения существ привилегированных к существам подчиненным, сближаются паремические единицы, в которых плохое отношение к женщине не имеет видимой причины:

Рус.: *Брать за себя жену есть первая беда, ибо от нее родятся дети, а от детей произойдут тысячи бед; Три жены имел, а ото всех бед терпел; Если баба на борту, быть на дне, а не в порту; Люби жену как душу, а бей как шубу; Не то смешно — жена мужа бьет, а то смешно — что муж плачет;*

Фр.: *Qui a femme et enfants ne manque pas de tourments* 'У кого есть жена и дети, у того не останавливаются мучения'; это дополняют следующие пословицы *Qui femme a, noise a/ qui femme a guerre a* 'У кого есть жена живет с ором, у того есть война';

Мал.: *Ratsy vady ka malai-mody* 'Имея плохую жену, ему не хочется пойти домой'; *Aza miraikiraiky toy ny andevom-behivavy* 'Медленная и неуклюжая, как рабыня женщины', *Tsy mety raha mitaraikiraiky, sahala amin' ny andevom-behivavy* 'Не надо быть медленной как рабыня, принадлежащая женщине'; *Vehivavy tsy mahafaty lambo: amalomasaka tsy afa-mandeha* 'Никогда женщина не убьет кабана, так же как, вареный угорь, естественно, уже не помогает в беде';

Исп.: *La mujer es la perdición del hombre* 'Женщина — проклятье мужчины'; *Donde hay mujeres, hay diablo también* 'Там, где есть женщины, есть и дьявол'; *Mujer agraviada, no hay peor espada* 'Нет хуже меча, чем обиженная женщина'; *El arañar y morder es costumbre de mujer* 'Царапать и кусать — это привычка женщины'.

В паремиях данной подгруппы нами отмечено отражение народных верований и реалий исторического времени (например, прагматическая неоправданность появления девочки в семье в европейских языках; использование лексической единицы *рабы, вареный угорь* в малагасийской культуре).

2.11. Женщина — глупая

В паремиях, описывающих негативные качества женщин, нами выделена подгруппа, в которой под определением *глупая* мы находим следующие оттенки значения:

- ◆ когнитивно ограниченная по природе (1);
- ◆ недальновидная (2);
- ◆ та, которая неразумно ведет хозяйство (3).

Рус.: *Волос долог, да ум короток* (1); *Бабы умы разоряют дома* (3); *Не было у бабы забот — купила порося* (2); *Баба на базар три года серчала, а базар того и не примечал: собирался да собирался* (2);

Фр.: *Une femme distraite est un chat qui vous guette* 'Неумная женщина — это кот, который ждет тебя' (значение передается через отрицание) (1); *Ne soyez pas méchants avec les femmes. La nature s'en charge au fur et a mesure que le temps passe* 'Не будь

злым к женщинам. Природа со временем позаботится о них (1); *Nul si fin que femme n'assotte* 'Никто не может быть глупее женщины' (1); *Courir et hanter folle femme, gâte l'avoir, le corps et l'âme* 'Бегущая и преследующая сумасшедшая женщина балует свою душу и тело' (2); *A femme sottе nul ne s'y frotte* 'Глупая женщина, никто не связывается с ней' (1);

Мал.: *Amalon' Imoriandro aho, ka tsy hain-jaza tsy haim-behivavy* 'Угри из болот Имориандро: женщины и дети не могут помочь, это могут сделать только их хозяева (мужчины)' (1); *Aleo adala toy izay adala renianaka* 'Лучше быть дураком, чем иметь дуру жену'; *Ikala adala am-bodi-tenona: sady tsy hitohy ny maito no tsy hanala ny kambana* 'Глупая женщина перед ткацким станком: он не соединяет порванные нитки и не разделяет те, которые прикреплены' (о глупости женщины) (3); *Ny alahelom-behivavy dia toy ny fandihin' ampela, ka any an-trano vao misamonina* 'Это женское горе как кружение времени: это дом, в котором она ворчит' (о глупости женщины, которая совершает бессмысленные поступки) (2);

Исп.: *La mujer tiene largo el cabello y corto el entendimiento* 'У женщины длинные волосы и короткий ум' (1); *La mujer y el aguador entre más brutos major* 'Женщина и водонос, чем глупее — тем лучше' (1); *Las mujeres, o bobas, o locas; cuerdas pocas* 'Женщины — либо глупые, либо сумасшедшие; мало кто нормальный' (1); *Es más ligero que el viento, de mujer el pensamiento* 'Мысли женщины легче ветра' (1).

В данной подгруппе нами отмечено совпадение в характеристике ума женщины через противопоставление длине волос в русской и испанской лингвокультурах и уточнение, что женщина глупа по своей природе во французском и испанском языках.

2.12. Женщина болтливая, ненадежная, ленивая, капризная, неразумная

К негативным чертам характера женщины паремическая картина мира относит:

- ◆ болтливость (как многословие, так и сплетни) (1);
- ◆ ненадежность (2);
- ◆ лень (3);
- ◆ капризы и плаксивость (4);
- ◆ неразумные и своенравные речи и поступки (5).

Рус.: *Волос долог, а язык длинней* (1); *Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке* (1); *Где баба, там рынок; где две, там базар* (1); *Где две бабы, там суём, а где три, там содом* (1); *Бабий язык, куда ни завались, достанет* (1); *Муж в поле пахать, а жена руками махать* (3); *Баба слезами беде помогает* (4); *Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже* (4); *Без плачу у бабы дело не спорится* (4); *Муж пашет, а жена пляшет* (5);

Фр.: *En belle fille trop bavarde, en vigne qu'un chemin regarde, en champ qu'une rivière garde, en maison trop près d'un couvent ne place jamais ton argent* 'Красивая девушка слишком болтлива как дорога в виноградном поле, как река, которая разлилась в поле, как совет не класть свои деньги в доме рядом с монастырем' (1); *Moine qui danse, table qui branle, et femme qui parle latin, se renverse à la fin* 'Монах, который танцует, стол, который шатается, и женщина, которая говорит на латыни, в конце концов падают' (1); *Vivre seul vaut mieux que de vivre avec femme quinteuse* 'Жить одному лучше, чем жить с женщиной своенравной' (5); *Qui épouse la femme épouse ses dettes*

'Кто женится на жене, тот женится на ее долгах' (5); *Foi de femme est plume sur l'eau* 'Вера женщины — это перо на воде' (4); *Femmes, vent, temps et fortune se changent comme la lune* 'Женщины, ветер, время и фортуна меняются как луна' (5); *Souvent femme varie, bien fol qui s'y fie* 'Часто женщина меняется, сумасшедший тот, кто на нее полагается' (5);

Мал.: *Mifanaratsy an-toerana hoatra an-dRafotsibe mitanin'andro* 'Старухи греются на солнце, сплетничают друг о друге, находясь вместе' (1); *Ny tokantrano tsy ahahaka* 'О семейной жизни не рассказывают' (нельзя рассказывать — результат того, что женщины очень болтливы, в том числе и о своей семейной жизни) (1); *Ory ampiana toa vehivavy rafy* 'Тот, кто получил помощь и стал несчастным, подобен женщине, которая приняла чужого мужа (= стала любовницей) и страдает от него' (2); *Mora lasa vinany tahaka ny vehivavy, miantampy hazo tsy fantatra no iafarany* 'Задумчивый как женщина, цепляющийся за неизвестное дерево' (5); *Vehivavy tsy lany keninkenina, lehilahy tsy lany adidy* 'Женщина имеет всегда чем-то заниматься, а мужчина имеет всегда обязанность' (4); *Mitsanga-mitoetra tahaka ny vehivavy mihetsi-jaza* '[Постоянно и бесцельно] сидеть и стоять как собирающаяся вскоре родить женщина' (3); *Mita-voza voza hoatry ny andevom-behivavy* 'Неуклюжие как рабыни, которые принадлежат женщинам' (3);

Исп.: *Mujer, niño y loco no guardan secreto de otro* 'Женщина, ребенок и сумасшедший не умеют хранить секреты' (1); *Mujeres juntas ni difuntas* 'Женщины вместе не будут молчаливы даже после смерти' (1); *A la mujer ni todo el amor, ni todo el dinero* 'Не вся любовь и не все деньги — для женщины' (5).

Болтливость женщины согласно паремиям сравниваемых языков является общим качеством женщин, среди анализируемых языковых единиц, полученных методом сплошной выборки, их большинство. Данное качество передается как прямой номинацией (*no guardan secreto* 'не умеют хранить секреты'), так и сравнением (*Волос долог, а язык длинней* и *trop bavarde, en vigne qu'un chemin regarde, en champ qu'une rivière garde, en maison trop près d'un couvent ne place jamais ton argent* 'слишком болтлива как дорога в виноградном поле, как река, которая разлилась в поле, как совет не класть свои деньги в доме рядом с монастырем') и описательными конструкциями (*Mifanaratsy an-toerana hoatra an-dRafotsibe mitanin'andro* 'Старухи греются на солнце, сплетничают друг о друге, находясь вместе').

2.13. Злая женщина

В пороках женской природы часто выделяется ее плохой характер, что описано в самой объемной подгруппе исследования:

Рус.: *Со львом лучше жить, нежели с женою злою; Злая баба в дому — хуже черта в лесу; Лучше хлеб с водою, чем жить со злою женою; Сварливая жена — в доме пожар; Добрая жена — веселье, а худая — злое зелье; Злая жена, та же змея;*

Фр.: *Femme querelleuse est pire que le diable* 'Женщина в соре хуже дьявола'; *La pire chose qui soit c'est une mauvaise femme* 'Худшее — плохая женщина'; *Fumée, pluie et femme sans raison chasse l'homme de la maison* 'Дым, дождь и женщина без причины охотятся на мужчину'; *Ange à l'église et diable à la maison* 'Ангел в церкви и дьявол дома';

Мал.: *Rafotsibe no very sira ka Rangahibe no voa tahamaina* 'Рафоцибе (старуха) потеряла соль, а Рангахибе (ее муж-старик) получит пощечину'; *Vavy anti-doza tsy mamindrafo ny lasa* 'Старая женщина с жестким сердцем, у которой нет жалости, несмотря на воспоминание';

Исп.: *De la mujer mala te has de guardar y de la buena no fiar* 'От злой женщины ты должен беречь себя, а доброй не доверять'.

Нами отмечено, что в русском сознании злая жена ассоциируется с разными лексическими единицами или словосочетаниями, выражающими злые характеры, такие как *лев, черт, сварливая, худая, хлеб с водой, змея*; а французские паремии подтверждают плохие качества такой женщины с помощью сравнительной степени к худшему. Однако в малагасийской паремиологической картине мира, злые женщины соответствуют образу мачехи или старухи.

3. ПАССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПАРЕМИЯХ О ЖЕНЩИНЕ

В паремиологической картине мира согласно А.Т. Хроленко слово рассматривается как «механизм накопления и сохранения культурной информации» [23. С. 82], таким образом, существуют два уровня проявления культурного фона в лексике: отражение в лексике паремиологического состава языка, в котором изучена и описана специфика материальной культуры; и проявление культурного фона в лексике, то есть воздействие на язык и на лексику, данный уровень до сих пор находится в стадии разработки [23. С. 80]. Данная работа рассматривает лексику в ее функции культурной памяти. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что лексика «обладает высокой смысловой прегнантностью, то есть способны выступают в качестве символа для большого семантического комплекса, играя роль смысловых вех, мнемических опор при понимании и процедуровании текста» [24. С. 56]. Данная способность находит свое отражение главным образом с помощью пассивной лексики, которая представлена примерами актуализации значений, несвойственных современной (например, слово *баба* в значении 'каждая или все женщины', которое в пассивную сферу вытеснило слово *женщина* и лексическая единица *девка* — *девушка* в современном языке). В качестве примеров мы приведем паремические единицы:

Рус.: *Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; Сорок лет — бабий век; Девка не лошадь, без сбруи не сбудешь; С вечера девка, со полуночи молодка, а по заре хозяйюшка; Люби жену как душу, трясги ее как грушу; Не муж в мужьях, кем своя жена владеет, не работа в работах под женками воз возити;*

Мал.: *Rafotsibe leon-tsokina, ka tsy te-hijery void-kifafa* 'Старушке, которая съела слишком много ежиков, она даже не хочет смотреть на старую метлу', то есть метла ей напоминает иголки ежа; *Randranobe nampiadry kary, ka avelao hisy maty* 'Две старухи заставляют двух диких кошек биться, пусть одна из них умрет' (о злых женщинах).

Второй тип пассивной лексики, используемой в рассматриваемой группе, — это историзмы и архаизмы, свойственные паремиям как фиксации предшествующих языковых состояний:

Рус.: *Жена не сбережет, так и мужу и **подавно** не сберечь; Грудь лебедина, походка павлина, **очи** соколы, брови соболя; Лучшие раздражить собаку, **нежели** бабу; Бабы умы разоряют **домы**;*

Мал.: *Aza midera vady mandihy, fa ao ny sandry milaza azy; Mitondra roa hoatry ny vehivavy somorina: ny hetran-dray tsy apetraka, ny lova tamin-dreny tsy avela* 'Иметь вдвойне хорошо, как бородатая женщина: отцовское наследство (борода) с ней, и материнское наследство с ней' (об умной женщине); *Akanjoana lahy, salakana vehivavy?* '(Эта женщина похожа на мужчину) мы должны дать ей юбку или салаку (мужские брюки)?'

В данной подборке паремий в русском языке нами отмечена старая грамматическая форма *домы* (современная форма множественного числа *дома*), *подавно, нежели*; лексический архаизм *очи* 'глаза'. В малагасийском языке выделены устаревшие глаголы: *midera* в значении *хвалить*, который в современном малагасийском языке употребляется только в религиозном значении *славить Бога*; глагол-историзм *salakana* в значении 'быть одетым в салаку или мужские брюки', предмет одежды, который уже не существует; устаревшая форма наречия *hoatra* в значении 'как', имеющий современную форму *ohatra*.

4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЖЕНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ПАРЕМИЯХ

Паремии рассматриваемой группы содержат в своем составе имена собственные. Как правило, выбор имени связан с четырьмя компонентами значения:

1) пол: *Naïna Tatjana i ne evishi pÿana; Que d'affaires pour marier Jeanne dont personne ne veut* 'Выгода в том, что жениться на Жанне, которую никто не хочет (брать замуж)'; *¿Quieres conocer a Inés? vive con ella un mes* 'Хочешь узнать Инес? Поживи с ней один месяц';

2) возраст и положение: *Хороша дочка Аннушка, когда хвалит мать да бабушка* (Аннушка — уменьшительно-ласкательная форма имени Анна — самого распространенного женского имени русского языка); *Тетка Варвара широкие карманы* (Варвара — полная форма имени в знак уважения к возрасту);

3) рифма и ритм паремии: *Машиа — радость нашиа! Олюшка — одно горюшко* (уменьшительно-ласкательные формы женских имен Мария и Ольга, выбор формы связан с рифмой и ритмом, так, Мария представлена следующими формами — Маша, Машенька, Маруся, Манюня и т.д., а Ольга — Оленька, Ольгуша, Олюша, Олюшка. *Машиа* рифмуется с *нашиа*; *Олюшка* рифмуется с *горюшко*); *Tras que la niña es fea, la llamaron Timotea* (ритмичная паремия на испанском языке);

4) символическое значение имени: *Alaon'ny andro namprakarana anie aho: ny hena be, ny fitia nandroso, ka sady Ramatoa aho no Raivo* 'Что же я еще в день моего брака: было много мяса, любовь росла, и одновременно я стала Рамату (символизирует жену) и Райву (символизирует самую красивую девушку)'; *Tras que la niña es fea, la llamaron Timotea* 'Кроме того, что девушка уродлива, ее еще называли Тимотэа' (имя, производное от мужского, символизирует мужские качества).

Общим для паремий является использование женских имен в паремиях, чтобы указать на женщину в обобщенном значении и для создания ритма и рифмы пословичного изречения; культурно-специфичным является их символическая нагрузка.

5. ГРАДАЦИЯ В ПАРЕМИЯХ О ЖЕНЩИНЕ

Нами отмечено наличие в рассматриваемых языках градации качеств женщины, зафиксированное в поговорках:

1) числительные градации:

Рус.: *Где две бабы, там беседа, а где три — там содом; Три матери у земли русской: одна бежит — то Волга, другая стоит — то Москва, а третья летит — то мудрость женская;*

Фр.: *Une fille, assez de fille ; deux filles, trop de filles; trois filles et la mère, font endiabler le père* 'Одна девочка — достаточно девочек; две девочки — слишком много девочек; три дочери и мать заставили отца рассердиться'; *Trois filles dans une famille c'est une famille ruinée* 'Три девочки в семье — разрушенная семья';

Мал.: *Aza matin 'ny hoe «samy Raivo»: ny iray Raivo tia tranon'olona, ary ny iray Raivo tsy afaka an-trano* 'Не думайте одинаково про двух Райво: одна Райво любит сидеть в гостях, а вторая Райво сидит дома' (сравниваются одна и вторая Райво);

Исп.: *Mujer precavida vale por 2* 'Бережная женщина стоит двух женщин'; *No hay más que dos mujeres buenas en el mundo: la primera se ha perdido y la otra hay que encontrarla* 'В мире есть только две хорошие женщины: первая потерялась, а другую нужно найти';

2) градация с использованием сравнительной степени:

Рус.: *Всех милее, у кого жена всех блее;*

Фр.: *Un homme aime le plus l'amie de son coeur, le mieux sa femme, mais sa mere le plus longtemps* 'Мужчина любит больше подругу своего сердца больше, чем жену, но свою мать — дольше'; *Mieux vaut aimer bergères que princesses* 'Лучше любить пастушек/простушек, чем принцесс';

Мал.: *Raivo tsy hety hirafy, Rafara hisesika ihany* 'Райво (средняя дочь семьи) не хочет соперничать, а Рафара (младшая дочь) настаивает', то есть, старшая не хочет, чтобы её младшая сестра была соперником, но младшая не возражает против того, чтобы стать второй женой мужа старшей сестры;

3) градация, образуемая качественными прилагательными:

Рус.: *У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит;*

Фр.: *De la mauvaise femme garde toi et de la bonne méfie toi* 'Береги себя от плохой жены, а хорошей — не доверяй';

Мал.: *Manam-bady ny lava, tsy mindran-tohatra intsony; manam-bady ny fohy, mitahirytapak' amponga; manam-bady ny lozabe, mitahiry varatra an-trano* 'Тот, кто женится на высокой женщине, больше не должен брать лестницу; тот, кто женится на короткой женщине, имеет дома полубарабан; тот, кто женится на строгой женщине, имеет грозу дома'; *Mampifilafila ohatra ny vehivavy mitondra harena* 'Сомневающийся, как высокомерная женщина';

Исп.: *Fea con gracia mejor que necia y guapa* 'Некрасивая и смешная лучше, чем глупая и красивая'; *La rubia es desdeñosa, y la morena cariñosa* 'Блондинка — презрительная, а брюнетка — любящая'; *Mujeres buenas, en todo el mundo dos docenas; mujeres malas, a millaradas* 'Хороших женщин во всем мире два десятка; плохих — тысячи';

4) градация в возрасте:

Фр.: *A vingt ans la femme se rend parce qu'on l'aime, à trente parce qu'on l'admire, à quarante parce qu'on la paie et plus tard pour se rappeler le passé* 'В двадцать лет женщина идет, потому что ее любят, в тридцать — потому что ею восхищаются, в сорок — потому что ей платят, а потом вспоминает прошлое';

5) иерархическая градация:

Рус.: *Княгиня хороша, и барыня хороша, а живет красна и наша сестра; Князю — княгиня, боярину — Марина, а всякому — своя Катерина.*

Нами не найдены паремии по данному типу с градацией в малагасийском и французском языках.

Таким образом, градуальная семантика проявляется способом сравнения в паремиологической картине мира разных языков и содержит грамматические особенности, а также отражает разнообразие языковых и культурных оценок определенной группы. Однако наличие данной иерархически организованной структуры обуславливается культурным фондом определенного языка.

6. ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ПАРЕМИИ О ЖЕНЩИНЕ

Трансформированная паремия, или антипаремия, является интересным языковым явлением. В настоящее время паремии, испытывают некие трансформации, которые разрушают, изменяют контент пословиц, унаследованных от старших поколений, и противопоставляют разумным советам и наставлениям на самые различные случаи жизни новую философию. В них отражается недалекое прошлое и современная реальность. Таким образом, старая мудрость актуализируется.

Паремиологи считают что, феномен трансформированных пословиц является давно существующим динамическим явлением и его объем достиг за последние десятилетия такого значения, что «псевдо пословица» стала распространённое, чем канонические формы пословиц, от которых они происходят.

Однако первые сборники антипословиц вышли в свет только в 1980 г. В. Мидер, специалист по немецкой паремиологии, является одним из первых, кто исследовал «трансформированные пословицы» и ввел термин «антипословица» от немецкого слова *antisprichwörter* для их определения [25. С. 8]. По определению О.Н. Антоновой, антипословица «это речевое образование широкого круга — это модифицированные паремии, претерпевающие изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях» [26. С. 18].

Данный новый термин имеет в русском языке такой эквивалент, как «антифраза», «трансформированная пословица», «антиафоризм», «псевдопословица», «антипаремия».

Итак, антипословица, или антипаремия, определяется как игра слов, построенная как смысловой антипод первоначального значения паремии. Если паремия или пословица играет поучительную роль, то антипословица создана с целью «высмеивания» и разрушения моральных и языковых норм [25]. Возникновение антипословиц — стремление человека к творческой игре, а в данном случае к языковой игре, проявление его креативного подхода к миру.

Пословицы активно воспроизводятся, заново обрабатываются, переосмысливаются и употребляются в современной речи в трансформированном виде. Изучение этих трансформаций — одна из актуальных задач современной паремиологии, лингвисты всё чаще обращаются к исследованию реальной паремиологии современного поколения.

Трансформируют пословицы по мере того, как предстоящая ситуация соответствует ближайшим паремиологическим формулам. Таким образом, можно найти несколько вариантов одной и той же пословицы. В разных языках пословицы преобразуются общими способами и станут антипословицами.

Способы трансформации, описанные С. Думистрачель [27] показали, что «актуальность контекста управляет процессом пословичности и антипословичности» [28]:

— **добавление или расширение** является способом, в результате которого паремиологическое изречение усиливается иронического или юмористического эффекта:

Рус.: *Счастье иметь красивую жену, а горе — иметь такое счастье (добавление); Краткость — сестра таланта, и теца — гонорара (добавление); Да убоится жена мужа, а муж жены — як сатаны (расширение);*

Фр.: *Ce n'est pas en t'enfermant dans ta coquille comme une huître, que tu deviendras une perle* 'Даже если ты запираешься в раковину, как устрица, ты не станешь жемчужиной' (обращается к женщине);

Мал.: *Rafotsibe mifanaikitra ka tsy hita izay dia-nify fa ny ivy no raraka* 'Старухи кусаются друг друга, следы зубов не видны, а слюна течет';

— **замена** происходит путем появления некоторых новых пословичных компонентов на месте старых для выражения народной мудрости, которая адекватна ситуации, выраженной в определенном контексте:

Рус.: *Мужчина без жены как рыба без велосипеда; Лучшие потерять любимую жену, чем скорость на повороте; Женщины безусловно умеют хранить тайны, но, сообщая (замена); У красивой женщины, красивое имя; Ум женщины — это ум курицы;*

Фр.: *Si ma femme était une société, j'aurais déposé le bilan depuis longtemps* 'Если бы моя жена была корпорацией, я бы давно объявил о банкротстве'; *Qui vole ma meuf, vole une boeuf* 'Кто крадет мою девочку, крадет корову'; *Le robotique est l'avenir de l'Homme* 'Роботизация — будущее человечества';

Мал.: *Rafotsibe mita-tatatra ka manadino ny taona niainany* 'Старуха проходит мост, забывает сколько лет прожила';

Исп.: *Mujer al volante, peligro constante* 'Женщина за рулем — постоянная опасность';

— **удаление** состоит в отречении части пословичного изречения для его простой интерпретации с использованием ключевых слов:

Мал.: *Manambady ny lava ka tsy mindrana tohatra intsony* 'Женишься на высокой женщине, больше не просишь лестницу'; *Ny vehivavy mandeha ravaky ny lalana* 'Идущая женщина украшает улицу';

— **создание фразеологически насыщенного контекста** состоит в смеси двух или больше пословиц, являющихся смысловыми синонимами, от которых отрезали часть и соединяли в одной пословице. Такое преобразование пословицы соединяет два способа: добавление и удаление:

Рус.: *Что у мужика на уме, то у бабы на языке;*

Фр.: *Le plus beau sur le corps d'une femme, c'est un homme* 'Самым красивым на теле женщины является мужчина';

— **перестановка** заключается в перемещении нескольких пословичных компонентов, чтобы получить комическую, ироническую, игровую, уничижительную диверсию:

Рус.: *Женщина не птица, курица не человек.*

Как и паремии, антипаремии ориентированы своим содержанием исключительно на человека, поэтому в данной части исследования выделяются антипаремии о женщине в рассматриваемых языках. Анализ паремий с термином «женщина» и ее компонентом раскрывает ее природно-физические характеристики, в том числе внешность, физиологию и возраст. Таким образом, трансформированные паремии о женщине являются распространенным языковым феноменом и продолжает традицию представления качеств женщины в языковой картине мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, концептуальное представление в разных картинах мира опирается на народные культурно-исторические традиции, вербализация которых основывается на образах, использующих реалии традиционного быта, и фиксирует национальный характер паремий. Имидж женщины в разных лингвокультурах позволяет констатировать наличие универсальных женских характеристик, основанное на гендерной ментальности, и национальные особенности у русских, французов, испанцев и малагасийцев.

© Новоспасская Н.В., Раадранириана А.М.М., Лазарева О.В., 2019

Дата поступления: 20.02.2019

Дата приема в печать: 15.05.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dundes A. On the structure of the Proverb // *Proverbium*. 1975. No 25. P. 32—53.
2. Дубровская О.Г. К проблеме отражения национального самосознания в пословично-поговорном фонде русского и английского языков. Тюмень: Тюм. гос. университет, 2000. С. 27—34.
3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2004.
4. Мастепанов С.Д. О пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. М.: Граница, 1999.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: Олма Медия Групп, 2011.
6. Пермяков Г.Л. Основы структуры паремиологии. М.: Наука, 1988.
7. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-н.Д.: РГУ, 2002.
8. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009.

9. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевое действие: монография. Краснодар: КГУ, 1999.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
11. Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология — ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколько словных образований // Язык. Культура. Общение: сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008.
12. Mieder W. The politics of Proverbs: From traditional Wisdom to Proverbial stereotypes. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1997.
13. Taylor A. The Proverb and an index to the Proverb. Copenhagen: Peter Lang, 1962.
14. Zouogbo J.P. Le proverbe entre langues et cultures: une étude de linguistique confrontative allemand/français/bête. Peter Long, 2009.
15. Rodegem F.-M., Brussel P. van. Proverbes et pseudoproverbes. La logique des parémies. Strasbourg, 1989.
16. Брандт Г.А. Природа женщин как проблема: Концепция феминизма // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 167—189.
17. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения: 15.04.2019).
18. Брюзгина Н.К. Французско-русский словарь пословиц и поговорок. М.: ООО «Медиа-Пресс», 2007.
19. Даль В.И. Пословицы русского языка. М.: Художественная литература, 1957.
20. Снегирев И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Нижний Новгород: Русский купец, 1996.
21. Houlder J.A. Ohabolana, ou proverbes malgaches. Tananarive: Imprimerie Luthérienne, 1990.
22. De Linci L.R. Le livre des proverbes français. Paris: Chez Paulin, 1842.
23. Хроленко А.Т. Основы лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2006.
24. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2010.
25. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005.
26. Антонова О.Н. Синтаксические трансформы паремий (на материале англоязычных масс-медиа) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). С. 68—72.
27. Dumistrachel S. Discursul repetat in textul jurnalistic. Roma: Maison d'Édition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza», 2006.
28. Shapira C. Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation // Languages. Vol. 34. No 139. 2000. С. 81—97.

УДК: [811.161.1:811.133.1:811.134.2:811.62]373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322

IMAGE OF A WOMAN IN RUSSIAN, FRENCH, SPANISH AND MALAGASIAN LINGUO-CULTURES ON THE MATERIAL OF PAREMIA

Natalia V. Novospasskaya, Antsa M.M. Raadraniiriana, Olesya V. Lazareva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article offers an analysis of the paremias of Russian, French, Malagasy and Spanish, devoted to women. The *research material* was the paremiological units of these languages, obtained by continuous sampling from collections of paremias, works of art and bilingual dictionaries, the selection

criterion is the presence of a woman's lexical unit (French *femme*, Spanish *mujer*, Malagasy *Vehivavy*) or a description of appearance, significance, behavior function as mother, wife, housewife, etc. in paremias in considered linguocultures.

The purpose of the study is to reveal the universal and cultural-specific features of the concept of a woman in the considered corps of the Russian, French Malagasy and Spanish paremies. The tasks of the work also include consideration of the peculiarities of the paremiological and lexical units used in this fragment of the linguistic picture, as well as to describe the general and non-coinciding aspects of the origin and functioning of the antiparemia and the use of gradualness in the paremies.

The selection and analysis of paremiological units showed that in the languages in question one can find paremic units characterizing a woman as ideal, intelligent, strong, etc. person, and also the importance of a woman as a housewife and her superiority over a man. A significant part of the analyzed linguistic material is made up of paradoxes in which a woman is compared with a female animal, a plant or object with which a certain quality of a woman is associated, and also a woman is presented as a stupid, talkative, unreliable, lazy, capricious person or unreasonable wife.

The originality of the research is that the first time the analysis of the comparative consideration of the paremias about the woman on the material of the Russian, French, Malagasy and Spanish languages and the lexical and paremiological material of the Malagasy language introduced into the scientific circulation is made.

Key words: paremia, Russian, Malagasy, French, Spanish, comparative analysis

REFERENCES

1. Dundes, A. (1975). On the structure of the Proverb. In *Proverbium*, 25, 32—53.
2. Dubrovskaya, O.G. (2000). To the problem of the reflection of national identity in the proverbial-speaking fund of Russian and English. Tyumen: Tyum. State University. pp. 27—34. (In Russ.).
3. Anikin, V.P. (2004). Russian oral folk art. Moscow: Higher School. (In Russ.).
4. Mastepanov, S.D. (1999). About the proverbs and sayings of the peoples of the North Caucasus. Moscow: Granitsa. (In Russ.).
5. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). Popular wisdom. Moscow: Olma Media Group. (In Russ.).
6. Permyakov, G.L. (1988). Basics of the structure of paremiology. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Savenkova, L.B. (2002). Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects. Rostov N/D: RSU. (In Russ.).
8. Seliverstova, E.I. (2009). The space of the Russian proverb: constancy and variability. SPb.: LLC, MIRS. (In Russ.).
9. Sidorkova, G.D. (1999). The pragmatics of paremia: proverbs and sayings as speech action: monograph. Krasnodar: KSU. (In Russ.).
10. Telia, V.N. (1996). Russian phraseology. Semantic pragmatic and linguistic-cultural aspects. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». (In Russ.).
11. Telia, V.N. (2008). Linguoculturology — the key to a new reality of the phenomenon of reproducibility of several word formations. In *Telia V.N., Doroshenko A.V. Language. Culture Communication Collection of scientific papers in honor of the anniversary of S.G. Terminusovoy*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
12. Mieder, W. (1997). The Provers of Proverbs: From Traditional Wisdom to Proverbial stereotypes. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press. (In Russ.).
13. Taylor, A. (1962). The Proverb and the Index to the Proverb. Copenhagen: Peter Lang.
14. Zouogbo, J.P. (2009). Le proverbe entre langues et étude de linguistique confrontative allemand / français / bête. Copenhagen: Peter Long.
15. Rodegem, F.-M. & Brussel, P. van. (1989). Proverbes et pseudoproverbes. La logique des parémies. Strasbourg.

16. Brandt, G.A. (1998). The nature of women as a problem: the concept of feminism. *Social sciences and modernity*, 2, 167—189. (In Russ.).
17. Kirilina, A.V. & Tomsk, M.V. (2005). Linguistic Gender Studies, *Domestic Notes*. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (accessed: 15.04.2019). (In Russ.).
18. Bryuzgina, N.K. (2007). French-Russian dictionary of proverbs and sayings. Moscow: Media-Press LLC. (In Russ.).
19. Dal', V.I. (1957). Proverbs of the Russian language. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
20. Snegirev, I.M. (1996). Dictionary of Russian proverbs and sayings. Russians in their proverbs. Nizhny Novgorod: "Russkij kupec". (In Russ.).
21. Houlder, J.A. (1990). Ohabolana, ou proverbes malgaches. Tananarive: Imprimerie Luthérienne.
22. De Linci, L.R. (1842). Le livre des proverbes français. Paris: Chez Paulin.
23. Khrolenko, A.T. (2006). Basics of linguoculture. Moscow: Flint: Science. (In Russ.).
24. Karaulov, Yu.N. (2010). Russian language and language personality. Moscow: Nauka. (In Russ.).
25. Walter, H. & Mokienko, V.M. (2005). Anti-paremiology of the Russian people. SPb.: Neva. (In Russ.).
26. Antonova, O.N. (2011). Syntactic transforms of paremia (on the material of English-speaking mass media). *Belgorod State University Scientific Bulletin Series "Humanities"*, 12 (107), 68—72. (In Russ.).
27. Dumistrachel, S. (2006). Discursul repetat in textul jurnalistic. Roma: Maison d'Édition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza».
28. Shapira, C. (2000). Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation. *Languages*, 34 (139), 81—97.

Для цитирования:

Новоспасская Н.В., Раадранириана А.М.М., Лазарева О.В. Образ женщины в русской, французской, испанской и малагасийской лингвокультурах на материале паремий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 301—322. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322.

For citation:

Novospasskaya, N.V., Raadraniiriana, A.M.M. & Lazareva, O.V. (2019). Image of a woman in Russian, French, Spanish and Malagasian linguo-cultures on the material of paremia. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 301—322. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-301-322.

Сведения об авторах:

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. *Научные интересы:* сравнительное и типологическое языкознание, пословичный фонд различных языков, исследования в области славянских языков; *e-mail:* novospasskaya-nv@rudn.ru

Раадранириана Антса Миангола Малала (Мадагаскар), аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы:* лингвокультурология, сопоставительная лингвистика, паремиология, теория перевода; *e-mail:* 1042165169@rudn.ru

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН. *Научные интересы:* сравнительное и типологическое языкознание, лексикология и лексикография; *e-mail:* lazareva-ov@rudn.ru

Information about the authors:

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associate Professor at the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests:* comparative and typological linguistics, paremia in different languages, research in the field of Slavic languages; *e-mail:* novospasskaya-nv@rudn.ru

Antsa Miangola Malala Raadraniriana, post-graduate student at the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty RUDN University; *Research interests:* linguoculturology, comparative linguistics, translation theory; paremia in different languages: *e-mail:* 1042165169@rudn.ru

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Associate Professor at the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. *Research interests:* comparative and typological linguistics, lexicology and lexicography; *e-mail:* lazareva-ov@rudn.ru

Благодарность: Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Acknowledgment: The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

УДК 811.133.1'373:398.91:17.022
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОСЛОВИЦАХ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Н.Ю. Нелюбова

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу ценностных ориентиров носителей французского языка, проживающих на территории Франции и за ее пределами. Актуальность данной проблематики объясняется антропоцентрической направленностью современной лингвистической науки, изучением языковых фактов в тесной связи с фактами культуры и их взаимного влияния, а также отсутствием специальных работ, посвященных сопоставлению ценностных ориентиров различных носителей полинационального французского языка.

Целью статьи является выявление основных ценностей представителей различных франкоязычных стран на основе тематически организованного пословичного материала, представленного в лексикографических источниках. В ходе исследования применялись методы сопоставительного, статистического анализа, материал получен путем сплошной выборки из специального словаря французских пословиц и поговорок и составил 2041 единицу.

Проведенное исследование показало, что для всех носителей французского языка, проживающих как во Франции, так и за ее пределами, в большей степени характерна ориентированность на материальные, а не духовные ценности. Особенности французских пословиц в каждой из стран отражают этноспецифические исторические, географические и социолингвистические факторы и условия.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентиры, пословица, полинациональный язык, языковая вариативность, варианты французского языка

ВВЕДЕНИЕ

Изучение внешней вариативности языка в территориальном и социальном пространствах актуально не только с точки зрения анализа особенностей единиц различных уровней языка, но и в выявлении элементов «этноязыковых констант, входящих в состав сознания каждого члена данного этноязыкового сообщества» [1. С. 64], что репрезентуется в национальной концептосфере, включающей основные ценности, передающиеся из поколения в поколение представителями полинациональных языков.

Язык «насыщен переживаниями предыдущих поколений и хранит их живое дыхание, а поколения эти через звуки материнского языка... связаны с нами национальными и родственными узами» [2. С. 82]. Эти переживания откладываются в коллективном сознании в виде зафиксированных в языке фрагментов опыта [3. С. 9]. Таким образом, всё, «что существует и адаптируется в языке,

соответствует ментальности народа. В языке ассимилируются только те знания, которые соответствуют существующей в нём понятийной сетке. Невозможно говорить о языковой ментальности, не проникнув в суть духовного пространства языка» [4. С. 17].

В качестве ценностей могут выступать и «предметы или вещи, и явления природы, и общественные явления, и человеческие поступки. Основная функция ценностей — регулирование поведения индивида в определенных социальных условиях. Носителем же ценностей является личность, постигающая их в опыте внутреннего принятия или отталкивания...» [5. С. 202]. Ценность существует в форме идеального образа и его предметного воплощения, причем представления об одной и той же ценности могут различаться даже в рамках одной лингвокультуры. Особенно интересно и актуально исследование ценностных ориентиров носителей различных вариантов полинациональных языков (английского, испанского, французского и др.), а наиболее показательным и стабильным языковым материалом, отражающим ценностные приоритеты, нам представляются те языковые единицы, которые несут в себе национально-культурную информацию. Согласно с Н.Н. Семененко, квалифицирующей ценность не как абстрактно-этическую категорию, а как категорию «практической значимости для организации жизненного пространства человека в условиях типовых ситуаций», что позволяет увидеть связь ценностного критерия с понятием оценки [6. С. 270].

К языковым единицам, которые наиболее ярко отражают национально-культурную информацию, без всякого сомнения, можно отнести паремии. «Значимость ценностных ориентаций в жизни того или иного этноса обусловила их «кодирование» в системе национального языка. Особую роль в этом когнитивно-семиологическом процессе играют паремии как единицы косвенно-производной номинации, в контексте которых смысл выражается с опорой на умозаключение. Паремическое умозаключение — это та когнитивная „сила“, которая организует семантическую структуру пословиц в соответствии со стереотипными оценками, существующими в национальной культуре» [7. С. 269]. Вышеуказанные особенности паремий позволяют говорить о паремиологической картине мира, которая «имеет образный характер репрезентации знания о мире, системы ценностей и поведенческих стереотипов» [8. С. 53—54].

Проблеме определения национального и интернационального *resp.* своего и чужого в паремиологии посвящены работы М.А. Бредиса [9—11], Е.Е. Иванова [12], Е.В. Ивановой [13], О.В. Ломакиной [10; 14], В.М. Мокиенко [14], Ю.А. Петрушевской [12] и др.

В свете выявления национально-культурной специфики важную роль играет не только сопоставление пословиц разных языков, но и сравнение единиц разных национальных вариантов того или иного языка [15. С. 252—253]. Обозначенная практика дала возможность более рельефно представить фразеологию испанского языка, выявить как межъязыковую, так и межвариантную национально-культурную специфику испанской фразеологии. Другой подобный опыт пред-

ставлен в коллективной монографии «Славянская фразеогрфия и паремиио-графия» [16], где на материале разных языков авторы показали возможность выявления вариантов пословиц с целью упорядочения их в словаре.

Французский язык также представляет многообразие вариантов, распространенных на территории стран Европы (Бельгия, Швейцария), Америки (Канада), Африки (страны Магриба и Тропической Африки) и т.д. В зарубежном языкознании он рассматривается как совокупность диатопических вариантов, как язык «полицентричный», имеющий более одного нормативного центра стандартного языка, под которым подразумевается группа носителей языка, имеющих общие социокультурные характеристики и проживающих чаще всего на территории независимого государства (в случае Романской Швейцарии или Квебека данное условие не соблюдается) [17]. В процессе изучения различных вариантов необходимо учитывать не только лингвистические, но и социокультурные критерии (интерференция языков, демографический и исторический аспекты, состояние образования, языковая политика).

Выявление ценностных ориентиров представителей различных франкоязычных стран наиболее интересно на основе анализа пословичного фонда, получившего отражение в словаре пословиц и поговорок [18]. В предисловии к данному словарю А. Рей обращает внимание на то, что пословица является языковым фактом, имеет структуру предложения полного или эллиптического, особую фонетическую организацию; пословица содержит *универсальную истину* (здесь и далее курсив наш. — Н.Н.), совет или назидание; в пословице, в отличие от поговорки, очень часто представлена *метафора*, а в отличие от цитаты она необязательно должна быть соотнесена с конкретным исходным текстом [18. Р. X—XI]. Универсальность как признак пословиц подчеркивает их иллюстративный потенциал при изучении этнических ценностей, как и наличие метафоры, характеризующей пословицы как изречения образные, что также является важным для данного исследования, так как именно образ наиболее ярко отражает культурную коннотацию. Подобные символы часто присутствуют в пословицах в виде различных компонентов (зооморфизмов, соматизмов, гастрономических реалий и т.д.) и могут быть информативными в процессе изучения ценностных приоритетов соответствующих этносов.

В целом пословицы представляют собой «мощный источник интерпретации, поскольку они и есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все критерии и установки этой жизненной установки народа — носителя языка» [19. С. 241]. В плане образности пословицы могут иметь более широкое толкование. В частности, В.М. Мокиенко определяет пословицу как «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [20. С. 5]. В любом случае для исследования

отражения ценностных ориентиров в пословицах особый интерес представляет именно образный, метафорический компонент. В метафоре видят ключ к пониманию основ мышления и процессов создания национально-специфического видения мира и его универсального образа [21. С. 138]. Таким образом, «пословицы не просто метко характеризуют ситуацию, связанную с осмыслением той или иной ценности, а моделируют сферу культуры в соответствии с множеством оценок и полифонией мнений, наличествующих в её традиционной сфере» [22. С. 8].

Целью данной статьи является выявление основных ценностей представителей различных франкоязычных стран на основе тематически организованного пословичного материала, представленного в лексикографическом источнике. Проведение первичного анализа на словарном материале обусловлено тем фактом, что в настоящее время «словари являются одним из способов отражения действительности, поскольку чутко реагируют на происходящие социально-гуманитарные события в обществе» [23. С. 45]. Данный тезис абсолютно справедлив и для словарей пословиц, несмотря на архаичность лежащих в их основе образов и представлений, так как при выборе языковых единиц и формулировок названий разделов в тематической классификации лексикографами не может не учитываться современное состояние менталитета носителя языка-адресата (об этом подробнее см.: [24; 25]).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор словаря французских пословиц и поговорок Ф. Монрено, А. Пьеррона и Ф. Сюзони [18] объясняется тем, что, во-первых, в данном лексикографическом источнике представлена тематическая классификация пословиц, отражающая наиболее важные для той или иной культуры жизненные доминанты, на основании которых можно сделать выводы о ценностных приоритетах носителей французского языка. Во-вторых, темы были выделены авторами словаря на основе представленного в пословицах метафорического образа, которому принадлежит важная роль в выявлении культурной информации. И, наконец, в данном лексикографическом источнике представлена информация об отнесенности пословиц к тому или иному варианту французского языка: региональному, территориальному и т.д., что непосредственно связано с поставленной целью. Данный словарь уже был использован нами в предыдущих исследованиях. Исходя из предположения о том, что чем большее количество пословиц представлено в рамках той или иной темы, тем более важную роль она играет в сознании носителей языка, был осуществлен подсчет количества пословиц в рамках каждой темы и дано иерархическое представление тематики французских пословиц [26]. С использованием аналогичной методики для выявления национальной самобытности ценностей был произведен подсчет количества бельгийских, швейцарских, квебекских пословиц, а также пословиц Мартиники и Гваделупы.

Результаты анализа приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Количественное представление тематики пословиц
в различных вариантах французского языка /
A quantitative representation of the themes of proverbs
in various versions of the French language**

Тема	Страна						Итого
	Франция	Бельгия	Швей- цария	Канада	Марти- ника	Гваде- лупа	
Les animaux domestiques (домашние животные)	208	6	1	2	16	4	237
L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь)	202	—	—	—	11	1	214
Les échanges et les biens (обмен и блага)	182	1	1	1	3	1	189
Le bestiaire (животный мир)	132	2	3	1	6	7	151
La vie domestique (домашняя жизнь)	108	—	2	2	3	1	116
La religion (религия)	106	2	—	(1)	2	1	111
La nature (природа)	104	—	1	2	3	—	110
Conditions et milieux sociaux (социальные условия и слои)	105	—	—	—	—	—	105
Les relations humaines (человеческие взаимоотношения)	93	2	1	—	3	—	99
La nourriture, la table (еда, стол)	87	1	2	5	3	1	99
La logique des actions (логика поступков)	96	—	—	—	—	—	96
Le travail de la terre (земледелие)	89	—	1	1	—	2	93
La communication (общение)	91	—	—	1	—	—	92
Les objets usuels (предметы быта)	76	—	—	3	2	2	83
Morale et vision du monde (мораль и миропонимание)	66	—	—	—	—	—	66
Le droit et la justice (право и правосудие)	62	—	—	—	—	—	62
Les voyages (путешествия)	53	—	1	2	—	1	57
La guerre et les armes (война и оружие)	47	—	—	—	2	—	49
Les métiers et le monde du travail (ремесла и труд)	47	—	—	—	—	—	47
Le drap et l'habit (белье и одежда)	41	—	—	1	—	—	42
Activités intellectuelles (умственная деятельность)	23	—	—	—	—	—	23
ИТОГО	2 018	14	13	21	54	21	2 141

Данные о количестве пословиц, приведенных в словаре в рамках определенных тем, отражающих соответствующие жизненные ориентиры, прямо или косвенно указывают на ценности носителей французского языка, проживающих на территории различных государств.

Из 2141 пословицы выявлено 2018 общефранцузских (среди которых некоторые имеют отношение к различным регионам Франции), 123 единицы имеют пометы, относящие их к различным вариантам французского языка.

Иерархия тем, выявленная на основе анализа общефранцузских пословиц, выглядит так: домашние животные (208), человек (202), обмен и блага (182), животный мир (132), домашняя жизнь (быт) (108), религия (106), социальные условия и слои (105), природа (104), логика поступков (96), человеческие взаимоотношения (93), общение (91), земледелие (89), еда и стол (87), предметы быта (76), мораль и миропонимание (66), право и правосудие (62), путешествия (53), война и оружие (47 единиц), ремесла и труд (47 единиц), белье и одежда (41), умственная деятельность (23).

Проанализированные примеры являются еще одной иллюстрацией мысли составителей словаря «Народная мудрость» о том, что тематический потенциал вполне соответствует доминантам традиционной и современной... жизни [25. С. 11], а количество пословиц в каждой теме — степень их ценности в сознании носителей языка. Можно предположить, что некоторые данные объясняются архаизацией образа в пословицах (например, в таких темах, как религия, земледелие и др.). Наличие самого большого количества пословиц в темах, связанных с животным миром, еще раз подтверждает роль зоометафоры. Последняя помогает толковать внутреннюю сущность символа как положительную или отрицательную характеристику человека или его поступков. Непосредственно по теме *человек* представлено тоже очень большое количество пословиц (202). Данное соотношение отражает ярко выраженную концентрированность французов на индивидуальности человека, которая сама по себе представляет ценность, их принадлежность к я-ориентированной культуре, о которой пишет проф. Т.В. Ларина, характеризуя, в частности, представителей англоязычных культур, которой противопоставлена мы-ориентированность, характеризующая славянские народы, в том числе русских [27; 28]. Полученные результаты свидетельствуют еще об одной особенности — ориентированности на материальные ценности в большей степени, чем на духовные. Более подробные выводы о содержании отдельных рубрик и количестве пословиц в них были изложены нами в предыдущих работах [26].

Из 123 единиц, относящихся к различным вариантам французского языка, авторы словаря выделяют 14 **бельгийских** пословиц в следующих темах: *домашние животные* (6), по 2 единицы найдено в темах *человеческие отношения, религия, животный мир*, по 1 — в рубриках *обмен и блага, еда и стол*.

Среди 13 **швейцарских** пословиц — 3 единицы в разделе *животный мир*, по 2 единицы представлено в разделах *домашняя жизнь (быт); еда и стол*, а в темах *домашние животные, обмен и блага, природа, человеческие взаимоотношения, земледелие и путешествия* — по одной.

Из 21 **квебекских** пословиц 5 связано с *едой и столом*, 3 — с *предметами быта*, по 2 единицы приведено на следующие темы: *домашние животные, природа и путешествия*, по одной пословице обнаружено в разделах: *животный мир, обмен и блага, домашняя жизнь (быт), религия, общение, белье и одежда*.

Больше всего в лексикографическом источнике было выявлено **мартиниканских** пословиц — 54 единицы, из которых 16 связаны с домашними животными, 11 — с человеком, 6 — с животным миром, по 3 пословицы приведено в темах: *обмен и блага, домашняя жизнь (быт), природа, еда и стол, человеческие отношения*; по 2 — в разделах *природа, религия, предметы быта, война и оружие*.

Из 21 пословицы **Гваделупы** — 7 на тему *животный мир*, 4 — *домашние животные*, по 2 — в разделах *земледелие и предметы быта*, в разделах *человек, обмен и блага, домашняя жизнь (быт), еда и стол, религия* и *путешествия* обнаружено по 1 пословице.

Проведенный анализ количественного соотношения пословиц, относящихся к различным вариантам французского языка за пределами Франции, показал, что из 21 темы, предложенной авторами словаря, в данных вариантах представлены только 15. Мы расположили их в порядке убывания количественного показателя и представили в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Количественное представление тематики пословиц
в различных вариантах французского языка за пределами Франции /
Quantitative presentation of proverbs
in different versions of the French language outside of France**

Тема	Страна					Итого
	Бельгия	Швейцария	Канада	Мартиника	Гваделупа	
Les animaux domestiques (домашние животные)	6	1	2	16	4	29
Le bestiaire (животный мир)	2	3	1	6	7	19
La nourriture, la table (еда, стол)	1	2	5	3	1	12
L'homme: le corps, les actes, la vie (человек: тело, поступки, жизнь)	—	—	—	11	1	12
La vie domestique (домашняя жизнь)	—	2	2	3	1	8
Les échanges et les biens (обмен и блага)	1	1	1	3	1	7
Les objets usuels (предметы быта)	—	—	3	2	2	7
Les relations humaines (человеческие взаимоотношения)	2	1	—	3	—	6
La nature (природа)	—	1	2	3	—	6
La religion (религия)	2	—	(1)	2	1	5 (6)
Les voyages (путешествия)	—	1	2	—	1	4
Le travail de la terre (земледелие)	—	1	—	—	2	3
La guerre et les armes (война и оружие)	—	—	—	2	—	2
La communication (общение)	—	—	1	—	—	1
Le drap et l'habit (белье и одежда)	—	—	1	—	—	1
ИТОГО	14	13	20 (21)	54	21	123

Во всех вариантах представлены темы **домашние животные** и **животный мир, еда, обмен и блага**. Зооморфизмы в пословицах отражают и подчеркивают, что всё вращается вокруг человека. Интересен тот факт, что тема **человек** встречается только в пословицах Мартиники и Гваделупы, а европейские и канадские франкофоны, видимо, выражают свою позитивную или негативную оценку человека, его действий и особенностей не напрямую, а путем использования метафорического образа различных представителей фауны. Это могут быть очень яркие и экспрессивные образы обезьян, змей, ящериц, рыб, крабов и насекомых в пословицах Мартиники: *Serpent qui change la peau est toujours serpent* 'Змея, сменившая кожу, остается змеей' и Гваделупы *L'anoli sait sur quel arbre il monte* 'Знает ящерица, на какое дерево взбирается' — *l'anoli* — разновидность маленькой ящерицы; в пословицах Швейцарии встречаются образы птиц: *Les alouettes rôties ne tombent pas dans la cheminée* 'Жареные жаворонки не падают в каминную трубу'. Собака, кошка свинья — наиболее распространенные образы домашних животных.

Ценность дома и семьи получила отражение в пословицах о домашней жизни и предметах быта. Важны человеческие отношения, в основном — любовь и дружба. Никого из франкофонов не оставляет равнодушным тема еды и стола. В целом «национальная кухня, ее символика, метаязык и терминология играют важную роль в постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог» [29. С. 103], а пословицы, связанные с едой, позволяют выявить значимые символические образы. Так, упоминание свадебной трапезы, хлеба и кленового сиропа находим в квебекских пословицах: *Une tartine de sirop chez nous est parfois meilleure qu'un banquet ailleurs* 'Хлеб с кленовым сиропом дома иногда лучше застолья в гостях'. В пословицах Мартиники подчеркивается предпочтение употреблению в пищу рыбы, а не птицы: *Faute de morue, on mange du poulet* 'Когда нет трески, едят курицу'. Хлеб, капуста и сало упоминаются в швейцарских пословицах: *Ce n'est pas le tout que des choux, il faut du lard pour les cueillir* 'Капуста — еще не всё, чтобы ее приготовить, нужно сало', а в бельгийских — блинчики и вафли: *Avec une crêpe manquée on fait une bonne gaufre* 'Из неудачных блинчиков получают отличные вафли'. Таким образом, «особенности местных кулинарных предпочтений универсально отражаются в пословицах... а также выступают активным источником метафоризации» [30. С. 51].

Пословицы, представленные в теме **обмен и блага**, касаются в основном денег и денежных отношений, что свидетельствует об определенной степени их ценности и важности для человеческого сообщества в целом, а также отражают лишь общую картину: превалирование пословиц с компонентом *деньги* в различных языках [31. С. 174].

Результаты проведенного исследования еще раз проиллюстрировали мысль о том, что в пословицах получает отражение «полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всестороннюю характеристику географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром» [32. С. 19].

Показательным является и отсутствие в рассмотренных вариантах французского языка таких тем, *как социальные условия и слои, логика поступков, мораль и миропонимание, право и правосудие, ремесла и труд, умственная деятельность*. Данный факт позволяет предположить, что для носителей французского языка за пределами Франции еще более важной является практическая, материальная сторона жизни человека, тогда как для жителей Франции — социальная и духовная сферы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование внешней вариативности полинационального французского языка с точки зрения отражения ценностей его носителей, проживающих на территории различных стран его распространения, подтвердило возможность выявления на материале пословичного фонда, универсального и специфического компонентов в системе их ценностных приоритетов.

Анализ материала выявил как общие, так и специфические ценностные ориентиры представителей разных франкоязычных стран, показав, в частности, что для всех носителей французского языка важность и ценность представляет сам человек, его характер, жизнедеятельность и в целом индивидуальность, которые нашли яркое отражение в зоометафорах пословичного фонда. Однако образы животных могут как совпадать, так и кардинально различаться в зависимости от территории распространения пословицы. Общими ценностями являются дом и семья, человеческие отношения (в основном любовь и дружба), трапеза, деньги и денежные отношения. Для всех носителей французского языка, включая проживающих за пределами Франции, характерна в большей степени ориентированность на материальные, а не духовные ценности. Особенности французских пословиц в каждой из стран отражают их специфические исторические, географические и социолингвистические факторы и условия.

Перспективы проведенного исследования состоят в верификации полученных данных в ходе детального изучения более обширного материала пословиц Бельгии, Швейцарии, Квебека, Мартиники и Гваделупы в различных словарях, а также изучение их употребления в художественных текстах.

© Нелюбова Н.Ю., 2019

Дата поступления: 20.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009.
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
3. *Карасик В.И., Ярмахова Е.А.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.
4. *Пименова М.В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005.

5. *Мамонтов А.С., Цэдэндоржийн Э., Богуславская В.В.* Система ценностей в аспекте национально-ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика.* 2019. Т. 23. № 1. С. 200—222.
6. *Семенов Н.Н.* Русские паремии: функции, семантика, прагматика: монография. Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2011.
7. *Лисицына Г.А.* Ценность как фактор ментальности: проблема оценочной интерпретации паремического значения // *Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного национального исследовательского университета Николая Фёдоровича Алефиренко (11—12 января 2016 г.) / сост. д.ф.н., доц. Е.Г. Озерова, к.ф.н. К.К. Стебунова, д.ф.н., доц. И.И. Чумак-Жунь.* Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 268—274.
8. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010.
9. *Бредис М.А.* Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2016. № 1. С. 131—138.
10. *Бредис М.А., Ломакина О.В.* Топоним как компонент пословицы: к проблеме семантической эквивалентности (на материале русских, латышских, литовских, польских, немецких, французских, английских, финских и таджикских паремий) // *Вестник университета (Российско-Таджикский (славянский) университет).* 2018. № 4. С. 118—129.
11. *Бредис М.А.* Национальное и интернациональное в паремиях (на примере аналогов пословицы «Русский человек задним умом крепок» в ряде языков) // *Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак.* Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. Т. 1. С. 15—19.
12. *Ivanov E.E., Petrushevskaja J.A.* Etymology of English Proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2015. 5 (8). P. 864—872.
13. *Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.
14. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин.* 2016. № 3. С. 119—128.
15. *Фирсова Н.М.* Избранные труды. Том II: Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: РУДН, 2009.
16. *Славянская фразеология и паремнография:* коллективная монография / науч. ред. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. Greifswald — Sankt Petersburg, 2014.
17. *Poil B.* Le français langue pluricentrique? Etudes sur la variation diatopique d'une langue standard. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.
18. *Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F.* Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2010.
19. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
20. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева В.К.* Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
21. *Лебедева О.П., Маркелова Т.В.* Метафора как ключевое средство выражения оценочной семантики в романе Н.С. Лескова «Некуда» // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2017. № 3. С. 138—144.
22. *Семенов Н.Н.* Аксиология паремий как комплексная лингвистическая проблема // *Slavica Nitriensia.* 5. 2016. 1. С. 5—27.
23. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.

24. Ломакина О.В. О современном лексикографическом описании русских пословиц // Русский язык в школе. 2011. № 5. С. 107—110.
25. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. К читателю // Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
26. Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Ершов В.И. Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 223—243.
27. Larina T., Ozyumenko V., Kurtes S. I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2017. 13 (1). P. 109—128.
28. Larina T., Mustajoki A., Protassova E. (2017) Dimensions of Russian culture and mind // Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) *Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation*. Series: *Studies in Contemporary Russia*. London/New York: Routledge. P. 7—19.
29. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. М.: РУДН, 2006.
30. Чеснокова О.С., Фернандес Санчес Ю.В. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 50—58.
31. Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках. Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2015.
32. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М.: Наука, 1988.

УДК 811.133.1'373:398.91:17.022

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335

REPRESENTATION OF ETHNO-CULTURAL VALUES IN THE PROVERBS OF FRENCH-SPEAKING COUNTRIES

Natalia Yu. Nelyubova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper deals with the analysis of value markers of French speakers living both in France and abroad. The relevance of this problem is explained by the anthropocentric orientation of modern linguistic science, by the study of linguistic facts in close connection with the facts of culture and their mutual influence, as well as by the lack of special research papers on the comparison of value markers of different speakers of the multinational French language. The purpose of this research is to identify the basic values of representatives of different French-speaking countries on the basis of thematically organized proverbial material presented in lexicographical sources. In the course of this research methods of comparative, statistical analysis were used, the material was obtained through continuous sampling from the specialized dictionary of French proverbs and sayings and amounted to 2041 units. The research has revealed that all French speakers living both in France and abroad are more likely to be oriented towards material rather than spiritual values. The peculiarities of French proverbs in each country reflect ethnically specific historical, geographical and sociolinguistic factors and conditions.

Key words: value, value markers, proverb, multi-national language, language variability, variants of the French language

REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2009). "Living" word: Problems of functional lexicology: monograph. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
2. Humboldt, V. (1984). Selected works on linguistics. Moscow: Progress. Four hundred S. AFR. (In Russ.).

3. Karasik, V.I. & Ermakova, E.A. (2006). *Linguo-cultural type “English eccentric”*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
4. Pimenova, M.V. (2005). Methodology of conceptual research. In *Anthology of concepts*, V.I. Karasik, I.A. Sternin (Eds). Vol. 1. Volgograd: Paradigm. (In Russ.).
5. Mamontov, A.S., Calendarian, D. & Boguslavskaya, V.V. (2019). The System of values in the aspect of national-oriented lexicography (on the example of Russian-Mongolian mappings). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 200—222. (In Russ.).
6. Semenenko, N.N. (2011). *Russian paremia: functions, semantics, pragmatics*. Monograph. Stary Oskol: Publishing house of ROSA. (In Russ.).
7. Lisitsyna, G.A. (2016). Value as a factor of mentality: the problem of evaluation interpretation of paremic value. In *Cognitive-discursive strategies of language development: Collection of scientific works on the results of the International scientific conference dedicated to the anniversary of the Honored worker of science of the Russian Federation, doctor of Philology, Professor of the Belgorod state national research University Nikolai Fedorovich Alefirenko (11—12 January 2016)*. E.G. Ozerov, K.K. Stebunova, I.I. Chumak-Zhun' (Eds.). Belgorod: LLC “Epicenter”. pp. 268—274. (In Russ.).
8. Radbil, T.B. (2010). *The Basics of studying the language mentality*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
9. Bredis, M.A. (2016). Thrift and stinginess in paremia (by the material of Russian, Latvian, German, English and Tajik languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1 (7), 131—138. (In Russ.).
10. Bredis, M.A. & Lomakina, O.V. (2018). Toponym as a component of proverb: to the problem of semantic equivalence (by the material of Russian, Latvian, Lithuanian, Polish, German, French, English, Finnish and Tajik paroemias). *Bulletin of the University (Russian-Tajik (Slavic) University)*, 4, 118—129. (In Russ.).
11. Bredis, M.A. (2018). National and international in paremia (on the example of analogs of the proverb “Russian man is strong in the back mind” in a number of languages). In *Linguocultural studies of the development of the Russian language in a multiethnic environment: experience and prospects: Tr. and mater. in 2 volumes / under the General editorship of E.A. Gorobets, O.F. Zholobov, M.O. Novak*. Kazan: Kazan university publishing house. Vol. 1. pp. 15—19. (In Russ.).
12. Ivanov, E.E. & Petrushevskaja, J.A. (2015). Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 5, 864—872. (In Russ.).
13. Ivanova, E.V. (2006). *The World in English and Russian Proverbs*. Sankt Petersburg: Publishing house of St. Petersburg. University. (In Russ.).
14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The Cognitive potential of Rusyn paroemias against the background of Russian and Ukrainian languages. *Rysin*, 3, 119—128. (In Russ.).
15. Firsova, N.M. (2009). *Selected works. Volume II. Modern Spanish in Spain and Latin America*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
16. Walter, H. & Mokienko, V.M. (Eds.). (2014). *Slavic phraseography and primigravida: Collective monograph*. Greifswald — Sankt Petersburg. (In Russ.).
17. Poil, B. (2005). *Le français langue pluricentrique? Etudes sur la variation diatopique d'une langue standard*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
18. Montreynaud, F., Pierron, A. & Suzzoni, F. (2010). *Dictionnaire de proverbes et dictons*. Paris: Le Robert.
19. Teliya, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kul'tury”. (In Russ.).
20. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, V.K. (2010). *Large dictionary of Russian sayings*. Moscow: ZAO “OLMA Media Group”. (In Russ.).
21. Lebedeva, O.P. & Markelova, T.V. (2017). Metaphor as a key means of expressing evaluative semantics in the novel N.S. Leskova “Nowhere”. *Scientific notes of Orel state University. Series: Humanities and social Sciences*, 3, 138—144. (In Russ.).

22. Semenenko, N.N. (2016). Axiology of paremia as a complex linguistic problem. *Slavica Nitriensia*, 5 (1), 5—27. (In Russ.).
23. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle. Moscow: RUDN. (In Russ.).
24. Lomakina, O.V. (2011). About modern lexicographical description of Russian Proverbs. *Russian language at school*, 5, 107—110. (In Russ.).
25. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2011). To the reader. In *Folk wisdom*. Moscow: ZAO “OLMA Media Group”. (In Russ.).
26. Nelyubova, N., Hiltbrunner, V. & Ershov, V. The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (1), 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243. (In Russ.).
27. Larina, T., Ozyumenko, V. & Kurteš, S. (2017). I-identity vs WE-identity in language and discourse: Anglo-Slavonic perspectives. *Lodz Papers in Pragmatics*, 13 (1), 109—128.
28. Larina, T., Mustajoki, A. & Protassova, E. (2017). Dimensions of Russian culture and mind. In *Katja Lehtisaari and Arto Mustajoki (eds.) Philosophical and cultural interpretations of Russian modernisation. Series: Studies in Contemporary Russia*. London — New York: Routledge. pp. 7—19.
29. Chesnokova, O.S. (2006). Spanish of Mexico: Language picture of the world. Moscow: RUDN. (In Russ.).
30. Chesnokova, O.S. & Fernandez Sanchez, Y.V. (2017). Gastronomic thesaurus of Spaniards and Basques through the prism of humorous discourse. *Bulletin of Tomsk State University*, 425, 50—58. (In Russ.).
31. Nichiporchik, E.V. (2015). Reflection of value orientations in paremia. Gomel: F. Skaryna state University. (In Russ.).
32. Permyakov, G.L. (1988). Fundamentals of structural paremiology. In *Studies on folklore and mythology of the East*. Moscow: Science. (In Russ.).

Для цитирования:

Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 323—335. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335.

For citation:

Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 323—335. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335.

Сведения об авторе:

Нелюбова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Научные интересы:* сравнительное и типологическое языкознание, ценностные ориентиры различных народов и их отражение в языке, пословичный фонд различных языков, исследования в области французского языка (фонетика, морфология, лексика, фразеология); *e-mail:* neliubova-nyu@rudn.ru

Information about the author:

Nataliya Yu. Nelyubova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Foreign Languages Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Research interests:* comparative and typological linguistics, values of different peoples and their reflection in the language, proverbial Fund of different languages, research in the field of French (phonetics, morphology, vocabulary, phraseology); *e-mail:* neliubova-nyu@rudn.ru

Благодарность: Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Acknowledgment: The publication has been prepared with the support of the «RUDN University Program 5-100».

УДК 81'373:81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С САКРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

О.В. Шкуран

Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко
Ул. Оборонная, 2, Луганск, Украина, 91016

Паремии являются прецедентными языковыми единицами, которые относятся к области речевой стихии. Наличие сакральных компонентов в составе этих единиц, переосмысленных в соответствии с речевой ситуацией, свидетельствует о высокой мотивации внутренней формы коммуникативной микроструктуры. В нашей статье мы называем их языковыми единицами с сакральной семантикой и даем такое определение — это сложно структурированное морализующее высказывание с целостными и обобщенными представлениями о позитивном отношении народной культуры к традиционной религии. Исследуемые паремии имеют параллельные компоненты, размещенные в линейной последовательности. Важной чертой для паремиологической семантики являются «слабые мысли», т.е. их сложно понять, не зная ситуации, которую они полностью характеризуют. Для поговорок немаловажным является дискурсивная интенция, которая иллюстрирует когнитивное содержание с нравственной, а в нашем случае — с традиционно профессиональной функцией. Современные социальные, идеологические, нравственно-этические и бытовые проблемы соотносятся и соизмеряются с бытием сакрального мира, чтобы нынешним проблемам придать одновременно вселенский и временной характер, оценивая их с точки зрения догматов традиционной религии.

В статье на диахроническом социо-историко-культурном фоне проиллюстрированы этнолингвомаркеры *горе*, *беда*, *сила*, *ум* в составе устойчивых языковых единиц с сакральной семантикой *Горе — не беда; Сила есть — ума не надо*; представлены основные периоды общепринятого употребления вышеназванных компонентов в лексикографических источниках и репрезентована сакрализация данных смыслов в русской православной культуре. Однако в процессе цивилизационных изменений мы констатируем профанизацию сакральных смыслов до уровня иронического. Данные паремии — языковые с сакральной семантикой — одновременно и фразеосочетание, и афористическое высказывание, и микротекст с глубоким лингвокультурологическим содержанием, отражающим разные исторические, идеологические, политические эпохи. Процесс обмирщения языковых единиц с сакральной семантикой можно объяснить и открытой формой самих паремий, предполагающих различные формы трансформаций. При помощи активного паремиеупотребления народ вырабатывает особые принципы отношения к миру, к Богу, к человеку и делает это на своем родном языке и во многом с помощью языка, что и открывает нам возможности для исследования новых языковых субпарадигм.

Ключевые слова: языковая сакрализация, сакральная паремия, фразеологическая единица, лингвомаркеры «горе», «беда», «сила», «ум»

ВВЕДЕНИЕ

Язык лежит в основе формирования и дальнейшего развития культуры каждого народа. Посредством языка сакральное манифестирует себя в духовном пространстве. Согласно М. Хайдеггеру, язык — это «дом бытия», в котором хранится

его истина [27. С. 428]. Он является местом и временем обретения сакрального статуса и существует как реальность особого рода, та духовная субстанция, благодаря которой глубокое и невыразимое по своей природе сакральное начало обретает свое бытие.

Согласно культурно-исторической концепции Г.Г. Шпета, потребность в общении сформировал язык. А в процессе эволюции, по словам Т.Е. Владимировой, языковое сознание наполнилось религиозно-мифологической, художественно-героической, научно-технической, культурно-исторической, философско-культурной речевой практикой и преобразовало «социальный лик человека» [6. С. 127]. Поэтому с «энергичной природой» мифологического восприятия языковая личность унаследовала сакральные установки и потребность в ориентации на должное поведение, а с принятием православия — на духовное саморазвитие.

Методологической базой нашего исследования являются постулаты о сути понятия «сакрального»: проблема сакрализации языка начала волновать ученых-лингвистов, богословов, переводчиков не так давно (А.В. Муравьев «Сакрализация языка как проблема церковной истории» (1996), В.В. Сайгин «Десакрализация концепта «грех» в русском языке» (2014), Е.Р. Добрушина «Развитие корпуса церковнославянского языка (2011, 2014), Т.Е. Владимирова «Русское языковое сознание в эпоху интернет-коммуникации»; «Языковое сознание и духовный потенциал слова» (2014) и др.). Интересным, на наш взгляд, является исследование В.И. Ильченко «Феномен сакрального в историко-культурном пространстве» (2002), где ученый пишет: «Сакральное — это сильное эмоциональное и волевое напряжение: потенция, разряжающаяся в действие, поступок, деятельность, творчество» [8. С. 7]. В нашем исследовании мы используем комплексную методику анализа материала, включая современные методы историко-этимологического, лингвокультурологического анализа языковых явлений.

1. МЕТАКАТЕГОРИЯ САКРАЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ОРИЕНТИР ЛИЧНОСТИ

В отечественном языковедении на протяжении последних двадцати лет к таким сакральным источникам, как Библия, Коран, Тора, сохраняется повышенный филологический интерес. Исследователи обращаются к отдельным сакральным характеристикам библейских текстов как типу религиозного дискурса (Ю.И. Юдин (1992), Л.В. Стрижко (1995), М.Л. Ковшова (1996), В.Н. Телия (1996), Т.Г. Никитина (1998), В.И. Карасик (1999), Е.В. Родионова (2000), Т.Б. Назарова (2001), В.А. Мендельсон (2002), А.К. Гадамский (2004), М.В. Арапов (2008) и др.), к лексическим единицам, содержащим сакральный лингвомаркер (И.А. Королева (2003), Т.Н. Бурмистрова (2008), Т.В. Кузьмина (2011) и др.), сакральным идиомам (Н.А. Воробьева (2007)), сакральным образам на материале сравнительной идиоматики (К.Д. Наумов (2013)), к библеизмам как сакральной фразеологической и лексикографической единице (В.М. Мокиенко (1995), С.Г. Шулежкова (1995), О.К. Мжельская (2008), Л.Б. Байрамова (2012), Н.Г. Николаюк (2012), Д. Балакова (2012), Х. Вальтер (2012), В.М. Мокиенко (2017) и др.) и способствует расширению научного континуума.

Немного позже представители уральской лингвистической школы (Н.И. Коновалова (2007), Н.А. Воробьева (2007) и др.) к сфере сакрального причислили диалектные тексты как лингвокультурологический феномен, которые отражают устные народные традиции для исследования пралогической, языческой, дохристианской картины мира [10. С. 6]. Ученые считают, что церковные тексты отражают религиозные каноны, связанные с традициями церковнославянской письменности, а не с живой духовной культурой русского народа. Связь пословиц с системой ценностей раскрывают российские фразеологи Л.К. Байрамова, М.А. Бредис, О.В. Ломакина, Н.Н. Семенов, в работах которых посредством анализа паремиологической семантики выявлены ценностные ориентиры, формирующие сакральное сознание народа (Байрамова (2014); Бредис (2016, 2017); Ломакина (2018); Семенов 2012) и представляющие, по словам О.В. Ломакиной, пословичную (паремиологическую) картину мира. Л.К. Байрамова, выделяя список ценностей и антиценностей, называет десять диад (*жизнь—смерть*, *богатство—бедность* и др.) и показывает процесс вербализации фразеологическими средствами языка [11]. Данные исследования позволяют выявить *своё — чужое*, по словам И.С. Карабулатовой и её соавторов, этот архетип интерпретируется в аксиологическом плане «хорошее и плохое, причём своё — это хорошее, а чужое — это плохое, потому что чуждость отрицательна уже потому, что она чужая» [9. С. 16].

Сакральность следует расценивать как метакатегорию, которая включает научно-рациональные и фразеолого-творческие фоновые знания, полученные при соприкосновении с религиозной верой. Метакатегория сакральности определяет ценностно-смысловое существование всего гуманитарного знания. В контексте смежных наук *сакральность* может выступать как метакатегория, категория, экзистенциал [8. С. 24].

Смысловая оппозиция «сакральное (священное) — профанное (десакральное, обмирщвленное)» является ключевой для языкового сознания. То есть сакральное может присутствовать в обыденной жизни языковой личности как ценностный ориентир для человека и общества в целом в том виде, в каком человек испытывает глубокую привязанность и ставит его в систему личностных идеалов.

Таким образом, *языковая единица с сакральной семантикой* — это коммуникативная единица, выраженная словом, устойчивым сочетанием слов или предложением, содержащая в себе ценностно-смысловое наследие «духосферы» (П. Флоренский). *Сакральной паремией*, или *паремией с сакральной семантикой*, мы называем сложное структурированное высказывание морализаторского или дидактического характера с целостными и обобщенными представлениями о позитивном отношении народной культуры к традиционной конфессии.

Предметом нашего исследования являются две языковые устойчивые единицы с сакральной семантикой *Горе — не беда*; *Сила есть — ума не надо*.

Цель исследования — установить состав данных паремий, содержащих в своем составе компоненты с сакральной семантикой, и убедиться в их ценностно-смысловой интенции.

2. ПАРЕМИЯ ГОРЕ — НЕ БЕДА И ЕЕ САКРАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ

Семантика паремий — это предмет исследований многих лингвистических школ, которые комплексно изучают сложные фольклорно-речевые знаки с позиций различных исследовательских парадигм. Но само понятие «семантика» не сводится к сумме языковых значений, а сопряжено с прагматическим смыслом и когнитивной моделью, лежащей в основе умозаключения паремии. Поговорка *Горе — не беда* относится к паремиям открытой формы, тяготеющей к различным родам трансформаций. С точки зрения лингвокультурологии, она прошла длительный период употребления, поскольку этимология лексем *горе* и *беда* отражает различные исторические, политические и экономические эпохи.

В 1983 г. на экранах советского телевидения вышел в свет мультфильм «Горе — не беда», режиссером которого стал И. Аксенчук. Главный герой солдат постоянно повторял поговорку *Горе — не беда*, чем вызвал симпатию и языковое репродуцирование зрителями. Мультфильм был включён в сборник «Приключения волшебного глобуса, или Прodelки ведьмы», а поговорка, по мнению многих респондентов старшего возраста, приобрела широкое употребление.

В середине XVI в. известным лексикографом Памвой Берынды был издан «Лексіконъ славеноросскій и именъ Тлъкованіе», в котором к лексеме *горе* дается пояснение метаф. *бѣда*, а *бѣда* употребляется в значении *небезопасность, несчастье, нужда* [5. С. 36], что свидетельствует об отсутствии четкого различия между родовым и видовым понятиями. Вероятно, что это связано с частотой употребления слов. Лексема *беда* имеет индоевропейский корень, употребляется во многих славянских языках — укр. *bidá*, ст.-слав. *бѣда*, болг. *bedá*, сербохорв. *biјèda*, чеш. *bída* «беда, несчастье», др.-польск. *biada* «беда», в.-луж., н.-луж. *beda* «беда» и поэтому появилась в устной речи гораздо раньше — в дохристианский период [24]. Существует версия, что лексема *беда* произошла от древне-немецкого глагола *beitten* 'принуждать', что, вероятно, ведет к греческому *peito* 'убеждаю, уговариваю'.

Таким образом, мы видим семантическую трансформацию, которая произошла еще гораздо раньше до вхождения данной лексемы в активный словарный запас русского человека — от понуждения к нужде. А.С. Шишков пишет: «Вот преимущество славянина: по корням языка своего может доходить до коренного смысла чужезычных слов, неизвестного тем самим, кто употребляют их» [28. С. 194].

Если использовать рассуждения об этимологии из книги вышеназванного автора «Славянорусский корнеслов», то *огонь, горит, гора* и *горе* имеют общее словообразовательное гнездо: «В словах *гора* и *горит* находим мы один и тот же корень *гор-*. Теперь следует сообразить, нет ли между сими двумя понятиями какой смежности: смотря на огонь, мы подмечаем, что он имеет постоянное свойство стремиться всегда кверху. Мы говорим *горняя сила*, возвести очи свои *горе'* (то есть вышние силы; возвести очи свои вверх) [28. С. 355]. Следовательно, человек, учитывая свойства огня, пылающего всегда кверху, мог легко, для выражения его действия, произвести ветвь от слова *гора* и сказать *огонь горит*, то есть возносится *горе'*, стремится ввысь. Изменилось только ударение с *горé* на *гóre*.

Продолжая мысль ученого, мы выстраиваем словообразовательную цепочку: *горит, гора, горе', го'ре* и т.д. В белорусском языке звучит как *гора*, в украинском *горе* [го'рэ]. В словенском, чешском языках лексема *горе* означает *плач*, в польском — от древнепольского *гореть*; в греческом — *голос*, в ирландском — *зов, крик*. Подобную семантику, но другое произношение имеет лексема *горе* в греческом (голос), древнеиндийском (пламя, жар), новоперсидском (печаль), в осетинском (петь), сербохорватском (падучая болезнь) [24].

Согласно христианским воззрениям, горе — это результат нарушения Божьих Заповедей, поэтому человек в личном горе и печали обращается к Господу, поднимая глаза вверх. *Нагорная проповедь* — собрание изречений Иисуса Христа с Заповедями Блаженства, со стремлением Бога помочь человечеству, произнесенных тоже на склоне горы, подтверждает наше предположение.

Ф. Миклошич, А.Х. Востоков, Я.И. Бередников, И.С. Кочетов в созданном ими на материале Остромирова Евангелия «Словаре древнего славянского языка» (1899) иллюстрируют понимание языковой единицы *бѣда* — опасность, несчастный случай, нужда, крайность, злосудие [21. С. 56], *горе* — боль, огорчение, печаль [21. С. 145]. Данное толкование убеждает нас в том, что лексема *горе* иллюстрирует личную трагедию человека, которая может стать всеобщей бедой или может так и остаться индивидуальной.

В «Материалах к древнерусскому словарю по письменным памятникам» (1902) И.И. Срезневский в словарной статье лексемы *бѣда* дает такое значение — 1) бедствие, опасность; 2) нужда, принуждение [19. С. 214], а к лексеме *горе* приводит цитату из Евангелия от Матвея *О горе вам, книжники и фарисеи* и из церковного устава Владимирского о том, что при невыполнении устава человек наследует себе беду, муку вечную [19. С. 554].

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона (1890—1907) акцентирует внимание на мифическом восприятии персонажа Беда — старушке, которая преследует несчастных людей от самого рождения до смерти, принося в дом лишения. В одной из польских сказок крестьянин освободился от беды хитростью, загнав ее в пустую кость, а в чешской, сродной греческому сказанию об Одиссее и Полифеме, беда представлена в виде исполина — людоеда, который, как и «лихо», приносит в славянские сказки недостаток и несчастья [29. С. 235]. Как писал французский лингвист Ж. Рандриес, «мифология — не что иное, как болезнь языка», а российский фразеолог В.М. Мокиенко утверждает, что нет абсолютно здорового языкового состояния, очищенного от мифологических примесей. Но это нестрашно, необходимо воспитывать иммунитет и сохранять общую смысловую доминанту, несмотря на смысловые сдвиги и метафорические трансформации [14. С. 199—200].

В.И. Даль дополняет словарную статью лексемы 'беда' синонимическим рядом — *бедство, бедствие, бедень, несчастный случай, несчастье; происшествие, приключение злыдарное, гибельное, несущее вред, убыток, горе*. В толковании лексикограф называет главные причины беды: *неурожай, повальные боли, бури, наводнения, бедствия, беспробудное пьянство, пожар, большая глупость, плохой глаз (сглазить)* [7. С. 48], а вот 'бедовый' употребляется с негативной коннота-

цией — ‘тот, от которого беды жди’. В современном языке данное понятие чаще иллюстрирует позитивную интенцию — смелый, решительный, ведущий за собой. Подбор пословиц и поговорок иллюстрирует концептуальное поле понятия «беда»: *Беда, как кричит* — громогласность не приветствовалась; *Беда как умён* (в значении *страшно умён*) — не всегда всё бывает по уму, иногда житейская мудрость лучше ума; *Лиха беда полы шинели завернуть* — залихватское отношение к проблеме (*лиха беда кафтан нажить, а рубаху можно и дома сшить; лиха беда хлеб нажить, а с хлебом можно паном жить; лиха беда умереть, а там похоронят*), лиха — кр.ф. прилагательного, т.е. лихой — *молодецкий, хватский, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухорский, смелый и решительный*, а с другой стороны — *злой, злобный, мстительный, лукавый; у кого детки, у того бедки* — в значении *маленькие дети* — *маленькое горе, большие дети* — *большое горе*.

Украинский лексикограф Б.Д. Гринченко в словарной статье к лексеме *біда* дает такой перевод-толкование: 1) *бѣда, несчастье, горе*; 2) *бесы, бесовская сила, нечто страшное*; 3) *плохой, недостойный уважения человек*; 4) *тележка с двумя колесами* [18. С. 125]. Такое расширение семантического поля и понятно, ведь Борис Дмитриевич был собирателем украинской народной мудрости, поэтому без ассоциативного эксперимента и мифического звучания в начале двадцатого столетия тоже не обошлось. Для подтверждения собраны поговорки, напр.: *Від біди поли вріж та тікай. І грім біди не б'є. Він є на біді. Тягти біду за хвіст. На біду зійти. Біду бідувати. Біду свари, біду ганьби і бий і на біду весь ліс вилами, то біда все бідов* [18. С. 125]. В украинских фразеологизмах с компонентом беда удваивается трагичность ситуации, поскольку повторение глагола или множественного числа данного имени существительного подчеркивает безвыходность и фатальность самой беды. К лексеме горе проиллюстрирован перевод — *горе, печаль, горесть: Иде дівчина до хати, несе своє горе* (Т. Шевченко); *З щастя та горя скувалася доля* (Номис, № 1725); *Живе, горя прикупивши* (Номис, № 7506). Эти фразеологические образцы свидетельствуют о том, что без горя человек не сможет сформировать свой характер, свою судьбу [18. С. 125].

В нашем исследовании мы пытались дифференцировать два понятия — *горе* и *беда*, чтобы прийти к общему сакральному пониманию поговорки. Анализ этимологических и толковых словарей русского, украинского языков показал, что лексема *горе* — это не лексема *беда*. Иными словами, *печаль* — это еще не бедствие, не пожар, не наводнение и др. — она утолима разными способами. Но вот современные словари эту поговорку дают уже в разговорно-шуточном варианте. Вроде как русский человек бросает вызов своим печалям, скорбям, болезням и находит силы для преодоления жизненных испытаний: *Слезами горю не поможешь; И смех, и горе; С горем пополам; Горе мое луковое* и т.д. [23. С. 156].

В общей теории структурной паремиологии Г.Л. Пермякова выделяются несколько разновидностей паремий: замкнутые предложения — пословицы, приемы; сверхфразовые выражения — побасенки, анекдоты; сверхфразовые выражения, воспроизводимые в диалоге — загадки, задачи и др., а вот в форме незамкнутых предложений представлены поговорки. [16. С. 61]. С начала XX века на паремиологическую незамкнутую модель *горе* — *не беда* влияет прагматический

фактор: телевидение, политическая риторика, реклама и средства массовой информации (напр.: *раз, два — горе не беда*; *попытка — не пытка*, *спрос — не беда* — идет процесс фразеологического наращивания; *чай пить — не дрова рубить*; *конный пешему — не товарищ*; *попытка — не пытка*; *Москва не город — целый мир*; *факты для журналиста — не самоцель*; *хлеб в пути — не тяжесть*; *жизнь — не зрелище и не праздник*; *писательство — не ремесло* и др.): идет образование новых поговорок по стандартной структурной модели — имя существительное [имя существительное] — частица НЕ + имя существительное [и имя существительное].

3. ДИНАМИКА САКРАЛЬНОГО В ПАРЕМИИ ГОРЕ — НЕ БЕДА: ПОКАЗАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Динамика восприятия сакрального содержания паремии *Горе — не беда* зависит от типа языковой личности, возраста, места проживания, культурного фона носителей языка и т.п. Такая методика позволяет не только обнаружить сформировавшуюся в прошлом опыте человека систему связей, но и проследивать динамику связи внутри исследуемой системы.

Девяноста слушателям подготовительного отделения Луганского национального университета имени Тараса Шевченко возрастом от 16 до 17 лет было предложено подобрать реакции на лексемы *горе* и *беда*. В результате анализа сакральности компонентов в языковом сознании студентов определены стереотипы восприятия двух лексем «горе — беда»: *смерть — горе*; *смерть — смерть*; *беда — страх*; *плач — проблема*; *болезнь — война*; *болезнь родных — болезнь*; *боль — несчастье*; *боль — слёзы*; *горечь — слёзы*; *тоска — тоска*; *слёзы — страх*; *боль — проблема*; *потеря — проблема*; *утрата — горе*; *беда — беда*; *потеря — потеря*; *проблема — проблема*; *смерть — горе*; *боль — разочарование*; *скорбь — смерть*; *боль — страх*; *грусть — несчастье*; *несчастье — горе*; *горе — горе*; *потеря — горе*; *печаль — горе*; *печаль — потеря*; *смерть — ненастье*; *потеря близкого человека — смерть*; *боль — опасность*; *смерть — ужас*; *что-то очень плохое — зло*; *смерть — плохо*; *смерть — война*; *слёзы — ураган*; *печаль — проблема*; *печаль — трагедия*; *ужас — огорченье*; *переживание — сопереживание*; *грусть — плохая весть*; *печаль — тяготы*; *грусть — беда в семье*; *беда — крах*; *печаль — потеря*; *слёзы — кризис*; *смерть — поражение*; *война — крах*; *мучение — тяжёлое состояние*; *несчастье — карма*; *плач — пинание*; *тупик — событие*; *печаль — неприятность*; *печаль — напасть*; *депрессия — трагедия*; *лишение — волнение*.

Таким образом, для выявления особенностей фразеологической семантики необходимо проанализировать внутреннюю форму — общий элемент этимологического и общеизвестного значения паремии, «формирующийся в её семантической структуре путём взаимодействия фразеомобразующих элементов» [1. С. 266]. А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский считают, что гипотеза о семантической реальности внутренней формы помогает в интерпретации значения фразеологических единиц [2]. В основе семантики многих устойчивых единиц лежит сакральный фразеологический образ, который, будучи одним из компонентов плана содержа-

ния, «является ‘хранителем’ ценностно-смысловой наполненности паремии, выражается же этот образ лексическим составом и грамматической структурой фразеологизма, позволяющими сопоставить первоначальный смысл словесного комплекса-прототипа с результатом его семантической трансформации и создающими необходимые условия для двойственного видения мира, на чем и основано само явление образности» [22. С. 61].

4. БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ САКРАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ПАРЕМИИ СИЛА ЕСТЬ — УМА НЕ НАДО

В состав паремии *Сила есть — ума не надо* входят лексемы *сила*, *ум*, которые являются репрезентантами диады противоположностей, содержащие в себе национальное наследие духосферы русского человека. С точки зрения лингвокультурологии, паремия прошла длительный период употребления, претерпела смысловые сдвиги и метафорические трансформации, но сохранила сакральную семантику.

В «Волынской летописи», заключительной части Ипатьевского свода первой четверти XV в., лексема «сила» употребляется в следующих значениях — сила Божья; соборность восточнославянских племен единой Руси; мощь против врагов, напр.: *Сила его мала, а сего велика Довьмонть же; Штася завьтра же по взатьи города. приде Романъ Глѣбовъ. с великою силою. и гнѣвахѹся вси князи на Лва. Мьстиславъ Володимѣрь*. В данном историческом и хронологическом документе речь идет о малой и великой силе — о княжеском войске, способном защитить и сохранить родную землю от нападений только при наличии большой рати [17. С. 24—27].

«Галицкая летопись», относящаяся к первой четверти XV в., представлена единовременной контаминацией княжеских летописцев, различных документов, рассказов очевидцев о битвах и походах и т.д., лексему «сила» иллюстрирует в значениях «защитники земли русской»; «княжеская мощь против татаро-монгол», напр.: *же с великою любовью. посла воевь в силѣ; ѿ силъ полковъ моихъ. Дь(м)анъ же ѿдинако; КЪлевѹ в силѣ тажьцѣ. многомъ множьствомъ силѹ свои. и Шкрѹжи гра(ѿ). и Штолпи си Татарьскаѹ. и бы(ѿ) гра(ѿ) во* [17. С. 22—24].

Чуть позже, через пару столетий в «Повести временных лет», семантическое поле исследуемой лексемы расширяется и дополняется значением «книжная сила», напр.: *тѣмъже не разумѣ(м) книжнаго разума. ни силы ихъ. а послете ны ѿчителѹ; съблзну или винѣ. н(о) потцимса елико по силѣ. на хранение прочихъ и въсег(ѿ)а*. Данный отрывок показывает непонимание того, какую силу может иметь грамотный и, по всей вероятности, образованный человек, обратившийся к Евангельскому учению.

Таким образом, фрагменты летописных источников иллюстрируют семантические трансформации лексемы *сила*, связанные с религиозным наполнением ценностно-смыслового пространства русских людей. Как подчеркивает В.А. Маслова, «...уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка специфическую окраску

этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [12. С. 66].

С давних времен лексемы *русский* и *воин* несли один смысл, поэтому, пока мужчина воспитывался в воинской культуре, на Руси была сильна истинная православная вера. Быть русским всегда означало быть и воином, и православным. Для защиты родной земли мужчины брали в руки оружие, приобретая с детства военную сноровку. Исследования российского лингвиста, индоевропеиста Н.Д. Андреева показали двести три корня праиндоевропейского языка с реконструированным исходным значением понятия *муж*, *мужчина*, что исконно означало 'идуший впереди'. Мужчина должен был быть вождем, ведущим — для семьи, для рода, обязан был продвигать свое дело, проводить свои идеи и прокладывать путь в любом полезном направлении [13. С. 3]. Русский муж владел теперь уже позабытым стилем боевого искусства, используя который в годы Великой Отечественной войны десять десантников под руководством капитана В. Леонова взяли в плен шесть тысяч солдат оперативно-стратегического объединения войск Императорской армии Японии в Маньчжурии. Подобный конфликт с высокой долей вероятности всегда мог закончиться гибелью — это понимал любой воин. А близость смерти делала каждого русского чувственным ко всему Божественному. Русские мужчины тренировались в боевых играх, самыми важными из которых были «Волки и охотники», «Чехарда», «Слепой с плетью или кнутом», в боевых народных танцах «Русский пляс», «Комаринская», «Рязаночка», «Барыня», «Танец с присядкой» и др.

Русская история богата событиями, знания о которых передаются из поколения в поколение не только в устном, но и в письменном виде. Поэтому народный эпос сохранил всё то, что сочинялось непосредственно народом. В этих сказаниях сохранились повествования и очерки о жизни каких-то совершенно фантастических людей, однако в действительности в большинстве случаев за каждым из таких героев скрывались реальные люди, которые много веков назад населяли славянские земли и были в таком большом почете. Богатыри впервые упоминаются только в конце 1585 года в латинском сочинении польского историка Станислава Сарницкого «Описание старой и новой Польши, с разделением старого и нового» («*Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et nova*») применительно к русским.

В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1890—1907) собрана информация о заимствовании из татарского языка, входящего в группу тюркских, и представлено в различных формах — *багхатур*, *багадур*, *батур*, *батырь*, *батоп* и др. Возможно, что оно заимствовано, как считает О. Миллер, с санскрита *baghadhara* (обладающий счастьем, удачный), и что русское *богатырь* восходит к праарийскому началу. Но такому происхождению соответствовало бы коренное русское *богодар*, а не *богатырь*. Современные переводные словари лексему *bohatur* представляют в македонском, словенском, чешском языках [29. С. 124—128].

В украинском языке существует две лексемы *багатур* (м.р. *багач*; ж.р. *багатурка*) — в одном значении наделенный богатством, в противопоставление

бедняку; и *богатырь* — 1) герой, народный воин, прославленный в народных песнях, наделенный большой силой и отвагой; 2) сильный, крепкий, трудолюбивый, отважный человек мужского пола [18. С. 208].

Глава русской мифологической школы Ф.И. Буслаев (1863) считал правильным утверждать христианское происхождение лексемы: *Бог* ← *богатый* ← *богатырь* — тот, кому помогает Бог. Можно согласиться с данным утверждением, ведь семантические трансформации происходят, находясь в русском миропонимании, — быть наделенным большой силой и выносливостью для защиты слабых — женщин, детей, стариков [4. С. 23].

Русский историк литературы и фольклорист М. Халанский в своем труде «Великорусские былины Киевского цикла» (1885) пишет о первоначальной форме слова *богатырь* в значении «татарский воевода» и титула в значении «господин». В Древней Руси в дотатарский период употреблялись понятия *хоробр* (позже *храбр*), *хоробор*, *хоробер*, *резвец*, *удалец*, даже *поляник*, *поляницы* (женщины-богатыри) [26. С. 57].

Интересным, на наш взгляд, является мнение О. Фролова, который делится своей гипотезой о том, что народ не мог назвать своих героев производным от ‘поработитель’, угнетавших его с 1240 по 1480 г.: автор предполагает, что лексема ‘*богатырь*’ образована от двух слов *Бог* и *алатырь*, трансформированное в «-атырь». Алатырь — это священный камень, которому поклонялись славяне-язычники, поэтому *богатырь* — это бог-камень или полубог. В «Записках» арабского дипломата Адмеда ибн Фадлана написано, что «к порядкам (обычаям) царя русов (относится) то, что вместе с ним в его замке (дворце) находятся четыреста мужей из (числа) богатырей, его сподвижников» [25. С. 31].

Проиллюстрируем употребление лексемы *богатырь* в летописях: «Никоновская летопись» (859—1176 гг.) (дата написания 1526—1530): *Князь велики же Киевскій Изяславъ Мстиславичъ зва его къ себѣ, онъ же не поиде къ нему, но иде на сына его, великого князя Мстислав[а], къ Переяславлю, и тамо пришедъ не успѣ ничтоже: бѣ бо у Мстислава Изяславичя воинства много въ Переяславли собрася, но и Демьянъ богатырь Куденевиць тамо;* «Сказание о Мамаевом побоище» (1400—1425): *Приѣде же на иное мѣсто, видѣ Пересвѣта черныца, а пред ним лежыт поганый печенѣзь, злый татаринъ, аки гора, и ту близъ лежыть нарочитый богатырь Григорей Капустинъ; Того же мѣсяца приходили Казанские люди на Галицкие мѣста воевати многие люди, а в больших у них был Арак-богатырь;* «Московский летописный свод» (1560—1570): *Того же мѣсяца 28 прииде посолъ к великому князю из Чегадаи от Усеинъ салтана, Урусъ богатырь* [15].

Данные фрагменты показывают следующую тенденцию: более ранние летописи содержат лексему *богатырь* в значении ‘защитник земли древнерусской, вышедший рука об руку с князем на битву’, а позже в значении ‘татарский воин-силач’, ‘воин-наёмник с целью обогащения’. О. Ломакина пишет, что «поиск проявлений национального в различных языковых единицах, в т. ч. в паремиях, был продиктован „лингвистической модой“: паремии любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом» [11. С. 18].

Таким образом, к XVII столетию формируется семантическое поле лексемы *богатырь*: 1) защитник земли русской; 2) сильный, надежный воин княжеский, готовый положить голову за родную землю; 3) татарский воин-завоеватель; 4) воин-обогадатель [20. С. 567].

За последние два века поменялось представление о богатырях и только былины напоминают нам о героическом прошлом воинов Русской земли. Помимо большевистского прошлого (*Красный богатырь* — защитник советской власти) появляется легкий сарказм по отношению к современным представителям мужского пола: *И вдруг этот богатырь пожаловался негромко, оглядываясь на жену* (Борис Екимов «Пиночет»); *Илюша каков богатырь: худ, шея как у оципанного петуха, даже лысина стала морщинистой, и откуда берутся силы, энергия* (Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света»); *придается невероятная вседозволенность расправляться судьбами людей: Как сказочный богатырь, Сталин изнемогал отсекать всё новые и новые вырастающие головы гидры!* (Александр Солженицын «В круге первом»); *выносливость и стойкость в решении жизненных вопросов: Глебов относился к особой породе богатырей: готов был топтаться на распутье до последней возможности, до той конечной секундочки, когда падают замертво от изнеможения* (Юрий Трифонов «Дом на набережной»); *название крупно рожденного мальчика младенческого возраста: Увидев малыша, акушеры ахнули: в Бишкеке родился ребёнок-богатырь. Жительница Бишкека родила мальчика весом более шести килограммов. При этом рост младенца 58 сантиметров* [14]; *стереотип российского полицейского: Обычный российский полицейский — он ведь какой? Богатырь, спортсмен, кровь с молоком. А среди этих одни тщедушные очкарики, которые только и умеют, что «снимать пальчики», взвешивать пули да копаться в чьих-то ДНК* («Русский репортер. Казусь»); *духовный победитель: Он, спустившийся в ад ГУЛага и вышедший оттуда без озлобленности, восставший от смертельной болезни, бросивший вызов людоедской системе и, словно могучий богатырь, одержавший духовную победу над ней; персонификация чернобыльской катастрофы: Атомный богатырь* (К. Полушкин «Наука и жизнь») [15].

Таким образом, «при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического «портрета» паремии, что упростит межкультурную коммуникацию» [10. С. 19].

Возвращаясь к лексеме ‘сила’, в словаре Памвы Берында «Ле҃ѣиконъ славно-росскій и именъ Тлъкованіе... Тщаніемъ, вѣдѣніемъ и иждивеніемъ, малѣйшаго въ Іеромонасѣхъ Памвы Берынды Протосвѣтла Ѳрону Іероусалимского» (1627) мы прочитываем ее как *мощь, дужность и цнота (целомудренность)* [5. С. 149], где *целомудренность* — ‘добродетель, состоящая в сохранении девственной или брачной чистоты, непорочность, стыдливость’; *целомудрие* — ‘здравый смысл, стыдливость, скромность; целомудренный — непорочный, трезвый, чистый; целомудренно — умеренно, воздержано, трезво, чисто’ [5. С. 915—916]. Семантика данной лексемы неотделима от ее когнитивного и культурологического потенциалов как ниши для кумуляции мировидения, связанного с духовной культурой и традициями русского православного народа.

Лексема 'сила' имеет праславянские корни, звучит одинаково и имеет общее значение во многих языках: укр. *сіла*, блр. *сіла*, др.-русс., ст.-слав. *сила* (Остром., Мар., Зогр., Супр.), болг. *сила*, сербохорв. *сила*, словен. *сила*, чеш. *сила*, словц. *сила*, польск. *сила*, в.-луж., н.-луж. *syła*; и даже праслав. *сила* родственно лит. *siela* «душа, дух, чувство» [30. С. 231].

Уже в XIX столетии В.И. Даль дает четырнадцать значений, которые можно разделить на две категории: *материальная* сила (причина всякого воздействия; механическая сила; качественная; военная сила) и *невещественная* сила (сила воли, нравственная; власть, могущество, влияние, владычество, чисто нравственное, или поддержанное страхом кары; силы небесные, небесное воинство, ангелы всех чинов; нечистая сила). Такое увеличение семантического поля связано с научным, техническим прогрессом, но народное сознание запечатлено, как обычно, в паремиях.

В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (1912) Измаила Ивановича Срезневского, слависта, этнографа, лексема «сила» проиллюстрирована 15 значениями: 1) естественная способность, свойство; 2) мощь, сила телесная; 3) духовная сила; 4) могущество; 5) власть; 6) власть духовная, сила воздействия; 7) проявление сверхъестественной силы; 8) усилие; 9) насилие; 10) произвол; 11) значение; 12) средства; 13) множество; 14) воинство, войско; 15) племя, народ [19. С. 350—354], которые раскрывают первообраз слова как вечную ценность, которая множится уже в новом прочтении и понимании: семантика слова «сила» представляет «укорененность» человека в прошлом и сохраняет архетип русского мышления и поведения.

Не только мысль каждого народа направляется словом его родного языка, но и образ жизни народа, его видение своей роли в нем зависят от слова. Действительно, мысль облечена в слово, но и само слово несет в себе мысль. Именно оно, являясь выразителем исконно заложенной в него мысли, определяет образ мышления и поведения большинства человечества. Ф.И. Буслаев утверждал о неразрывности процессов культурно-исторической динамики, о неразторжимости современности с начальными формами цивилизации. Именно они запрограммировали сакрально-нравственные, ментально-аксиологические ориентиры будущей народности [3. С. 174].

В русском языке два понятия — ум и разум — дополняют друг друга. Ум — категория сознания, благое для человека свойство; «свойство человека мыслить логически». Но ум не является для русских признаком сугубо положительным, добрым, ведь недаром говорят *На ум взбрело; С умом жить — мучиться; От ума сходят с ума; С умом подумаем, а без ума сделаем*. А вот разум в представлении русских — безусловно, положительное качество. Если ум может завести человека в беду, то разум — никогда. Недаром русские пословицы гласят: *Ум без разума — беда; Ум разумом крепок; Где ума не хватит, спроси разума* и др. Эти вековые начала народной мудрости свидетельствуют, что разум обитает не в человеческом мозге, разум — это свойство души.

Таким образом, несмотря на расплывчатые рамки паремиологии, ученые обращаются к источникам появления компонентов устойчивых выражений,

определяют их пути проникновения в язык, устанавливают преобразовательную функцию паремии в современном языке. Как пишет В.М. Мокиенко, «в историко-этимологических истолкованиях русской, да и всей европейской фразеологии, немало спорного и недосказанного. В этимологии, а в особенности ее популяризации, нет ничего более опасного, чем заставлять читателя принимать сказанное «на веру». Это как раз и порождает этимологическое «безверие» и часто гасит интерес к языку» [14. С.4]. Высокая ценность паремий с лингвокультурологических позиций обращает внимание многих фразеологов на сакральность паремий как метакатегории, включающей в себя и научно-рациональные, и творческие знания, полученные при соприкосновении с православием. А такие «национальные лингвомаркеры» отражают динамику национального своеобразия, «культурную память» и могут не иметь прямых аналогов в другом языке, благодаря чему и раскрывают архетипы этнического мышления.

Каждой личности свойственны рассудок, воля, чувства, которые создают общинную предрасположенность. Сакральность онтологична, в русском характере является структурообразующей категорией, воспитанной веками, — отсюда целостность мировосприятия, которая не допускает разложение сущностей на дробные доли, образующие сумму аналитических частей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в паремиях *Горе — не беда* и *Сила есть — ума не надо* система ценностей предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. Характерной особенностью данных паремий является целостное сакральное осмысление жизненных феноменов, не исключающее шуточной и ироничной интерпретации данных лексем в контексте СМИ. В этом плане требует определенной акцентации тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей семантической доминанты. В данном случае расширение концептуального поля поговорки и пословицы *Горе — не беда* и *Сила есть — ума не надо* способствует соединению системы ценностей, сформировавшейся за определенный временной промежуток.

Представленные примеры доказывают, что применённая нами методика описания сакральных единиц дала возможность проиллюстрировать на диахроническом социо-историко-культурном фоне употребление этнолингвомаркеров *горе*, *беда*, *сила*, *ум* в составе устойчивых языковых единиц с сакральной семантикой *Горе — не беда*; *Сила есть — ума не надо*; представить основные периоды общепринятого употребления вышеназванных компонентов в лексикографических, культурологических источниках и убедиться в частичной профанизации сакральных смыслов. Это еще раз доказывает, что фразеология — это сокровищница устойчивых языковых единиц с ярко выраженной сакральной семантикой, которая требует дальнейшего исследования.

© Шкуран О.В., 2019

Дата поступления: 1.02.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004.
2. *Бредис М.А.* Определения пословицы в отечественной лингвистике // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 4. С. 12—17.
3. *Баранов А.Н.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
4. *Буслаев Ф.И.* Древнерусская литература и православное искусство. СПб.: Лига Плюс, 2001.
5. *Беринда П.* «Лексіконъ славенорусскій и именъ Тлъкованіе» / Підг. тексту і вступ. ст. В.В. Німчука. К., 1961. URL: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm/> (дата обращения: 01.01.2019).
6. *Владимирова Т.Е.* Русская филология и духовный потенциал языка: материалы XIVIII Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство: коммуникативные аспекты». М.: МГУ ИРЯиК имени Ломоносова, 2018. С. 128—132.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка: материал из Википедии — свободной энциклопедии: Версия 7042034, сохран. в 20:19 UTC 17 января 2008 / Авторы Википедии // Википедия, свободная энциклопедия. Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2008. URL: <http://ru.wikipedia.org/oldid=7042034> (дата обращения: 02.01.2019).
8. *Ильченко В.И., Шелото В.М.* Духовная культура в пространстве сакрального: монография. СПб.: Изд-во «Ъ», Луганск: Пресс-экспресс, 2016.
9. *Карабулатова И.С.* Языковая личность в пространстве межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровск. гос. ун-та искусств и культуры. 2011. № 16. С. 77—85.
10. *Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007.
11. *Ломакина О.В.* Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. д-ра филол. наук, проф. В.М. Мокиенко. М.: Изд-во РУДН, 2018.
12. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001.
13. *Миронова Т.Л.* Русская душа и нерусская власть. М.: Изд-во «Алгоритм», 2013.
14. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005.
15. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.01.2019).
16. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
17. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
18. Словарь української мови: зібрала редакція журналу «Кієвська Старина»: упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ, 1907—1909. I—IV т.
19. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ: издание отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Санктъ Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1912. III т. и дополненія.
20. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847. Т. 4.
21. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию / под ред. Ф. Миклошичу, Ф.Х. Востокову, Я.И. Бередникову и И.С. Кочетову. СПб., 1899.
22. *Солодуб Ю.П.* Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. 1990. № 6. С. 55—65.
23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1: А—Д.

25. Фролов О.В. О прошлом и настоящем. М.: Эдитус, 2015.
26. Халанский М.Г. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава: в тип. М. Зенкевича, 1885.
27. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер. с нем. и комм. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993.
28. Шишков А.С. Славянорусский корнеслов. Язык наш — древо жизни на земле и отец наречий иных. СПб.: Издатель Л.С. Яковлева, 2005.
29. ЭСБЕ (1890—1907): Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Лейпциг, СПб. URL: <http://ruscorgota.ru/> (дата обращения: 02.01.2019).
30. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславян. лекс. фонд / Ин-т рус. яз. им. ВВ. Виноградова. М.: Наука, 1974. Вып. 31.

УДК 81'373:81'374

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352

LANGUAGE UNITS WITH SACRED SEMANTICS: LINGUOCULTUROLOGICAL AND LEXICOGRAPHIC ASPECTS

Oksana V. Shkuran

Lugansk National University named after Taras Shevchenko

2, st. Oboronnaya, Lugansk, Ukraine, 91016

Abstract. Proverbs are precedent language units that relate to the field of speech elements. The presence of sacred components in the composition of these units, reinterpreted in according to the speech situation, indicates a high motivation of the internal form of the communicative microstructure. In our article we call them linguistic units with sacred semantics and give the definition as a complexly structured moralizing statement with holistic and generalized ideas about the positive attitude of folk culture to traditional religion. The studied proverbs have parallel components arranged in a linear sequence. An important feature for the paremiological semantics is “weak thoughts”, i.e. which are difficult to be understood without knowing the situation that they fully characterize. For proverbs, a discursive intention is important, which illustrates cognitive content with moral, and in our case, traditionally confessional function. Modern social, ideological, moral, ethical and everyday problems are correlated and commensurate with the existence of the sacred world in order to give current problems both universal and temporary features giving an assessment from the point of view of the tenets of traditional religion.

The article on the diachronic socio-historical and cultural background illustrates the ethno-labeling markers grief, trouble, strength, mind as part of stable language units with sacred semantics *gore* — *ne beda*; *sila yest* — *uma ne nado*; the main periods of common usage named components in lexicographical sources are presented and the sacralization of these meanings in Russian Orthodox culture is represented. However, in the process of civilizational changes, we state the profane of sacred meanings to ironic level. These proverbs — linguistics with sacred semantics — at the same time both phrase combination and aphoristic statement, and micro-text with deep linguistic and culturological content, reflecting different historical, ideological, political eras. The defiling process of the language units with sacred semantics can be explained by the open form of the proverbs themselves, involving various forms of transformations. Due to the active people abuse they develop special principles of attitude to the world, to god, to a man, use it in their native language and in many ways with the help of language that opens up opportunities for us to study new linguistic subparadigms.

Key words: linguistic sacralization, sacral proverb, phraseological unit, linguistic markers “gore”, “beda”, “sila”, “um”

REFERENCES

1. Alefirenko, N.F. (2004). Problems of phraseological meaning and meaning (in the aspect of inter-level interaction) [monograph]. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. (In Russ.).
2. Bredis, M.A. (2015). Definitions of Proverbs in Russian Linguistics. *Bulletin of the Center for International Education at Moscow State University. Philology. Culturology. Pedagogy. The Technique*, 4. 12—17. (In Russ.).
3. Baranov, A.N. (2008). Aspects of the theory of phraseology. Moscow: Znak. (In Russ.).
4. Buslaev, F.I. (2001). Old Russian literature and Orthodox art. St. Petersburg: Liga Plus. (In Russ.).
5. Berinda, P. (1961). “Lexikon of Slavic Ordination and Name of Talkovka” / Pidg. text and entry Art. V.V. Nimchuk. Kiev. URL: <http://litopys.org.ua/berlex/be.htm/> (accessed: 01/01/2019). (In Ukrain.).
6. Vladimirova, T.E. (2018). Russian philology and the spiritual potential of the language: materials of the XIVIII International Scientific and Practical Conference “Russian cultural space: communicative aspects”. Moscow: MSU Iryayak named after Lomonosov. pp. 128—132. (In Russ.).
7. Dal', V.I. (2008). The explanatory dictionary of the living language of the English language. URL: <http://ru.wikipedia.org/oldid=7042034> (accessed: 01.01.2019). (In Russ.).
8. Ilchenko, V.I. & Shelyuto, V.M. (2016). Spiritual culture in the sacred space [Monograph.] St. Petersburg: Publishing House “Kommersant”, Lugansk: Press Express. (In Russ.).
9. Karabulatova, I.S. (2011). The linguistic personality in the space of intercultural communications. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 16, 77—85. (In Russ.).
10. Konovalov, N.I. (2007). Sacred text as a linguocultural phenomenon: a monograph. Ekaterinburg: GOU VPO “Ural State Pedagogical University”. (In Russ.).
11. Lomakina, O.V. (2018). Phraseology in the text: functioning and idiostyle [monograph]. V.M. Mokienko (Ed.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
12. Maslova, V.A. (2011). Linguoculturology. Moscow: Publishing Center “Academy”. (In Russ.).
13. Mironova, T.L. (2013). Russian soul and non-Russian government. Moscow: Algorithm Publishing House. (In Russ.).
14. Mokienko, V.M. (2005). Riddles of Russian phraseology. St. Petersburg: Avalon, ABC Classic. (In Russ.).
15. National Corpus of the Russian language. URL: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 01.02.2019). (In Russ.).
16. Permyakov, G.L. (1998). Basics of structural paremiology. Moscow: Nauka. (In Russ.).
17. The complete collection of Russian chronicles (2011). Vol. II. Ipatiev Chronicle. Moscow. (In Russ.).
18. Dictionary of Ukrainian News: the editors of the magazine “Kievskaya Starina”: ordered by Boris Grinchenko with the order of the marshal (1907—1909). Kiev. (In Ukrain.).
19. Sreznevsky, I.I. (1912). Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written memorials: the publication of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
20. Dictionary of Church Slavonic and Russian (1847). Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg. (In Russ.).
21. Dictionary of the ancient Slavic language, compiled according to the Ostrom Gospel (1899). F. Mikloshych, F.Kh. Vostokov, Ya.I. Berednikov & I.S. Kochetov (Eds.). St. Petersburg. (In Russ.).
22. Solodub, Yu.P. (1990). National specificity and universal properties of phraseology as an object of linguistic research. *Philological sciences*, 6, 55—65. (In Russ.).
23. Explanatory Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1935—1940). D.N. Ushakov (Ed.). Moscow. (In Russ.).

24. Fasmer, M. (1986). The Etymological Dictionary of the Russian Language: 4 vol. Vol. 1: A.—D. Moscow: Progress. (In Russ.).
25. Frolov, O.V. (2015). About the past and present. Moscow: Editus. (In Russ.).
26. Khalansky, M. (1885). The Great Russian epics of the Kiev cycle. Warsaw: M. Zenkevich P.h. (In Russ.).
27. Heidegger, M. (1993). Time and Being: Articles and Speeches. Moscow: Respublika. (In Russ.).
28. Shishkov, A.S. (2005). Slavanorussky Komeslov. Our language is the tree of life on earth and the father of other tongues. St. Petersburg: Publisher L.S. Yakovlev. (In Russ.).
29. ESBE (1890—1907): Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. Leipzig, St. Petersburg. URL: <http://ruscorpora.ru/> (accessed: 01.02.2019). (In Russ.).
30. ESSL — Etymological dictionary of Slavic languages: Proslav (1974). Vol. 31. Lex Foundation, Inst. Rus. them. V.V. Vinogradov. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Для цитирования:

Шкуран О.В. Языковые единицы с сакральным компонентом: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 336—352. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352.

For citation:

Shkuran, O.V. (2019). Language units with sacred semantics: linguoculturological and lexicographic aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 336—352. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-336-352.

Сведения об авторе:

Шкуран Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и издательского дела Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. *Сфера научных интересов:* филология, славянская фразеология, фразеография, лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, сакральная лингвистика. Автор более 70 научных публикаций. *e-mail:* oksana.shkuran@mail.ru

Information about the author:

Shkuran Oksana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Ukrainian Philology and Publishing, Luhansk Taras Shevchenko National University. *Research interests:* philology, Slavic phraseology, phraseography, linguistic cultural studies, ethnolinguistics, cognitive linguistics, sacral linguistics. Author of more than 70 scientific publications. *e-mail:* oksana.shkuran@mail.ru

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-353-372

АРХЕТИП И ЛОГОС ПЕЧИ И КАМИНА

С.В. Герасимова

Московский политехнический университет
ул. Большая Семеновская, 38, Москва, Россия, 107023

Посвящается схимонаху Спиридону,
Святая Гора Афон

В предлагаемом исследовании на примере печи показано различие логоса и архетипа, а также принципы модификации логоса в архетип. Целью работы является систематизация широкого спектра значений архетипического символа печи, описание сакрального логоса, к которому они восходят, таким образом подтверждая, что культура является семиотической системой взаимосвязанных частей, в которой бытовые элементы могут являться отражением философии и веры. Взаимно противоречивые мотивы, связанные с образами огня и печи, образуют малую семиотическую систему, соотношенную с логосом Благодатного огня.

Статья написана на материале античной мифологии и литературы Нового времени: подвергаются анализу дочерние по отношению к архетипу печи архетипические образы, такие как пораженная пята, огонь, змий, — доказывається их актуальность для мировой культуры и литературы, связанная с их повторяемостью и устойчивостью. В результате делается вывод о тесной взаимосвязи между всеми элементами семиотической системы: в результате исчезновения из повседневной культуры одного из них — архетипа печи — изменилось мироощущение и принципы поведения человека, коренным образом повлиявшие на ход истории.

Ключевые слова: печь, камин, архетип, логос, Кувуклия, огонь, Ахилл, пята, змий

ВВЕДЕНИЕ

Символ печи проник в литературу из фольклора, где имел множество взаимоисключающих значений, описанных А.Н. Афанасьевым, С.В. Максимовым, А.К. Байбуриным и др. Фольклорный образ печи как уменьшенной модели мироздания архетипически восходит к античным представлениям о пещеро-космосе, которую встречаем не только у Платона («Государство»: VI—VII книги), но и у Гомера, и у философа-неоплатоника Порфирия и др. Христианство отвоевывает у язычества и манихейства пещеру, превращая ее из модели созданного для скорби мира в символическое изображение космоса, исполненного благодати, ибо Христос в одной пещере родился, а в другой — Воскрес.

Вместе с тем печь является символическим центром дома и его пограничной зоной, соединенной с небом — через трубу и с преисподней — через прах предков, которых либо продолжали погребать под ней или за ней, либо вспоминали в связи с тем, что печь унаследовала память о ритуальном сожжении в огне первобытной пещеры. Печь объединяет мир живых и усопших, — и эта причастность печи чередой рождений и смертей, предполагающей их взаимопретекание и круговорот,

включает ее в карнавальное пространство: ритуальный смех во время погребения играл ту же роль, что и архетипически переосмысленный огонь — то есть дарил возрождение.

Печь служила не только источником тепла и местом приготовления пищи, но и баней для всей семьи. И если баню считали нечистым местом, то печь, наоборот, чистым. Она обладала целебной силой, являясь вариантом домашней физиотерапии, — именно поэтому Илья Муромец тридцать лет и три года просидел на печи, которая способствовала исцелению калек, стариков и даже недоношенных младенцев, которых «перепекали» и тем спасали от смерти. Печь как царство трансформаций и метаморфоз соотнесена не только с карнавальным смехом, но и с романтической иронией. В печи естественное сырое превращается в культурное вареное, грязное — в чистое, больное — в здоровое. В печи огонь как стихия хаоса укрощается, вписываясь в упорядоченность космоса и культуры. «Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом зажечь» [1], — приводит С.В. Максимов русскую поговорку. Огонь в печи как раз и становится таким батраком.

Печь к тому же вызывала глубокое уважение: «Одновременно печь, в которой выпекается хлеб и варится пища, не может не мыслиться как алтарь, место жертвоприношений, место первобытной евхаристии. Сакральность печи зафиксирована в поговорках, запрещающих срамные речи, потому что печь в хате. А.К. Байбурин отмечает, что в обрядовых текстах „печь соотносится с христианской системой ценностей“. Подтверждая этот тезис, исследователь приводит поговорку, зафиксированную в конце XIX века в Вятской губернии: „Печь в доме то же, что алтарь в церкви: в ней печется хлеб, — и при этом добавляет, — понимание сакральности печи, проявляется еще и в том, что ее значение уравнивается со значением христианских символов. Так, у славян... как при печи, так и при открытых (незанавешенных) иконах“» [2] недопустимы супружеские отношения. «В печи не разрешается сжигать стружки от гроба. Это может исключить ее из сферы домашнего и сакрального, сделать непригодной к употреблению: „Раньше дома делали гроб, дак стружку, вот стругают гроб, тоже жгут, токо в печках мы не жгем, печи холодны сделаются, не румянит и худо пекёт. От гроба стружки попадут в пек... в печь, видишь как, вишь, как грят“ (ЭА—2006, д. Марино, Андомский Погост, О.К. Никитина, 1924 г. рожд., зап. А.Г. Айдакова, А.Л. Топорков). Подобная примета была широко известна еще в XIX веке и упоминается в „Толковом словаре живого великорусского языка“ В.И. Даля, однако в Андомском Погосте она встретилась всего один раз, что говорит об отмирании этой традиции» [3].

Вместе с тем, окруженная полуязыческими суевериями (например, быличками о домовых, поверьями, запрещающими делиться угольком с соседями) и противопоставленная Красному углу, печь и сама могла стать в поверьях служительницей нечистой силы: «Тот человек, который берется отчитывать, не должен употреблять в течение шести недель спиртных напитков. Один севский (Орловская губерния) пономарь не выдержал и был за то жестоко наказан: идет ли он, или едет — лезет

ему навстречу целая печь; остановится он — печь рассыплется так, что ему нет хода туда, куда его звали отчитывать» [Макс.]. Ездит печь и в «Пропавшей грамоте» Гоголя, где бабке «снилось, что печь ездила по хате, выгоняя вон лопатою горшки» [4. С. 24350].

Здесь «печь» вспоминает свое родство с «печалью», «попечением». Юродивая могла предсказывать несчастья, поднимая руки и говоря: «Печь вот такая будет!» Печь становится знаком оторванности от милосердия Божия: где печь — там власть жестоких розыгрышей нечистой силы, скорбь и забота, которая, вспомним, ослепила Фауста. Огонь печи уже не обогревающий, но слепящий. Гееннский огонь горел в печах Бухенвальда — адский огонь, словно памятуя о более древнем пламени в печи огненной в дни Вавилонского пленения, когда три отрока: Анания, Азария и Мисайл (Дан. 1:7), друзья пророка Даниила, были спасены архангелом Михаилом, как изображено на фреске с сайта Сретенского монастыря [5] (рис. 1).

Рис. 1. Три отрока в печи Вавилонской /
Fig. 1. Three youths in the oven of Babylon

Труд по приготовлению пищи в печи был настолько тяжел, что крестьяне недавнюю роженицу, не оставляя дома с младенцем, отправляли на барщину, но Пьер «не знал, что вследствие того, что перестали по его приказу посылать ребятниц-женщин с грудными детьми на барщину, эти самые ребятницы тем труднейшую работу несли на своей половине» [6. С. 112].

Однако в сказке печь, на которой ездит Емеля, уже не ассоциируется с непосильным для недавней роженицы трудом. Сказка словно сохранила память

о специфическом героизме человека, которому до грехопадения готов был служить весь мир, подчиняясь каждому его слову. В сказке «Емелино счастье» зафиксирована также власть слова над миром.

В контексте женской судьбы печь — знак изгнания из рая, труда в поте лица, в контексте судьбы мужской — знак царского и даже райского довольства, ибо в раю Адаму служила вся тварь.

Печь, связанная в фольклоре с суевериями и быличками, в литературе высвобождается из-под их влияния и бывает даже противопоставлена фольклорным страхованиям, точнее, на смену фольклорному двоеверию приходит романтическая мистика и ирония. Подобный пример находим в рассказе А.А. Бестужева «Вечер на Кавказских водах в 1824 году», построенном по типу «Декамерона»: один из рассказчиков, гусар, вынужденный лечиться, после того как оказался в униатской часовне, в которой один из разбойников притворился покойником, рассказывает: «К удовольствию моему, почувствовал я, что небольшая печка, сложенная, вероятно, для разжигания углей в кадило, была топлена и разливала кругом приятную теплоту. Одно показалось мне странно — из нее пахло жарким, а покойники, сколько мне было известно, не ужинают!» [7. С. 10637]. Лежа на печи, вспоминая ради успокоения стихи В. Жуковского и, наконец, отворачиваясь от покойника и порожденных им страхов к стенке, герой оказался в культурно-психологической нише духовного покоя, противопоставленного мистике, страхованиям как романтическим, так и фольклорным. И этой нишей, располагающей ко сну даже в мире ужасов, стала печь. Печной хронотоп вырывает человека из мира повседневной печали: печь проявляет внутреннюю антиномичность. Чуть ли не в драку лезли за возможность поспать на печи. Обломов уже слез с нее, но все повадки впадающего в нирвану на печи у него сохранились. В русских контекстах печь часто становится символом Золотого века, точнее райского уголка, проникшего в хронотоп русской избы, но искусившийся этим призраком райской благодати обречен на смерть. И русская печная нирвана оказывается трагическим двойником новозаветного блаженства, ибо она говорит о законах духа на языке плоти, с ее мудрствованием и лукавством, скорее языческим.

Печь как знак блаженства встречается не только у А.А. Бестужева, но и у других русских писателей, например у Гоголя, говорящего так: «У нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь...» [8. С. 24200].

Самым ярким ее антиподом будет печь, появившаяся у Бальмонта в переводе «Баллады Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда:

О, боже мой! Глухие стены
Шатнулись предо мной,
И небо стало раскаленным,
Как печь, над головой,
И пусть я шел в жестокой пытке, —
Забыл я ужас свой [9. С. 7865].

В тексте Уайльда на месте печи стоит «casque of scorching steel», то есть «шлем из палящей стали». У Бальмонта описана вселенская, апокалиптическая катастрофа, а у Уайльда — пытка личной виной, переживаемой в нераскаянном одиночестве; в страдании, столь же замкнутом и беспросветном, без надежды дозваться на помощь, как и в «Буранном полустанке» Ч. Айтматова, рассказывающего о превращении человека в манкурта, лишённого памяти из-за верблюжьей кожи, сдавливающей голову при высыхании под палящим солнцем пустыни.

ЛОГОС И АРХЕТИП

Всё это разнообразие интерпретаций печи хотелось бы обобщить, даже систематизировать. Для этого нам нужно сделать экскурс в историю. «Любая печь, кроме множества иных смыслов, — как свидетельствуют С.З. Агранович и Е.Е. Стефанский, — являет собой бесконечно повторяющуюся и тиражируемую в культуре рукотворную модель пещеры, причем не любой пещеры, а именно обитаемой людьми. Пещеры, в центре которой горит огонь» [2]. Печь и пещера — слова однокоренные. Но первобытная пещера — это и место древних погребений. Восходящая к жизни в пещере ассоциация между огнем, погребением и чувством единства с предками спроецировалась и на печь: отпечаток (слово однокоренное с «печью») ладони на печке становился знаком причастности роду. Погребальный огонь пещеры помогает предку восстать из праха, возродиться, как Золушке, из золы. Архетипическая связь памяти об усопших с их останками и пламенем зафиксирована в Вечном огне, бьющем из звезд-пентаклей советского времени.

Для понимания смысла архетипов огня и печи следует погрузиться в такую не поддающуюся точному научному анализу, но лишь умопостигаемую глубину времен, куда проливают свет одни гипотезы.

Цель данной статьи — доказать, что всё полное противоречий разнообразие мотивов, связанных с образами огня и печи, обретает цельность и логичность, образует малую семиотическую систему в рамках культуры, если соотнести их с логосом Благодатного огня, который позволяет собрать воедино все свои противоречивые архетипические «модификации», всех своих двойников, таких как огонь печи и камина; огонь обновляющий, уничтожающий и омывающий.

Но каким образом логос Благодатного Огня, сходящего в пещеру Христова погребения и Воскресения, становится центральным для объяснения всех других разновидностей земного огня, можно трактовать по-разному.

Во-первых, необходимо обратить внимание на архетипическую природу сознания человека, которое могло предвещать логосы Нового времени и даже Евангелия. Тертуллиану приписывается мысль, что душа по природе христианка, то есть в сердце человека вложено предчувствие, что он создан для счастья и вечной жизни. Человек рождается с чувством собственного бессмертия и в течение всей своей жизни учится ощущать себя смертным. Надежда на бессмертие преобразует реальный пессимистический опыт в веру в то, что огонь, например, не опалает, но воскрешает. Творческий акт невозможен без вдохновения, наития. Человеческое сознание раскрывается — и полученное знание кажется превосхо-

дящим все материальные предпосылки. Поэзия — дар свыше, поэт или мифотворец может предчувствовать логосы будущего.

Во-вторых, само мироустройство порождает представления о цикличности бытия, о периодах воскресения и умирания природы. Образ (архетип) воскресающего зерна лежал в основе Элевсинских мистерий, аналогичный образ-логос встречается в акафисте за единоумершего (Кандак 7). Поэт или мифотворец превращает закономерности мира природы в мифологические и поэтические образы. Закономерности космоса, модифицируясь в семиотическую систему человеческой культуры, получают яркое поэтическое и мифологическое выражение, которое до сих пор кажется дерзким и невероятным.

В-третьих, можно предположить, что Адам, оплакивающий свое изгнание из рая, был утешен Творцом, получив Благоую Весть о рождении Спасителя и о грядущем возвращении в рай. Эта идея высказывалась многими современными и древними богословами, утверждающими, что Благая Весть неявно отразилась в книге Бытия, где Ева после рождения первенца, Каина, обрадовалась, сказав: «Приобрела я человека от Господа» (Быт. 4: 1). Современный богослов Е.А. Аверченко так комментирует ее восклицание: «Масоретский текст, то есть древнееврейский текст, даёт основание думать, что Ева ждала в сыне того, кто поразит змея. По-еврейски сказано: «Канити ишъ эт Яхве». Это можно так перевести: «Я обрела, он муж с Господом». «Я обрела человека с Яхве». То есть Ева могла надеяться не сей ли богочеловек. Эта мысль принадлежит св. Филарету Московскому» [10]. После изгнания Адама из рая начинается духовный поединок людей с искусителем, ибо Господь обещал: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3: 15). Под женой здесь имеется в виду отнюдь не Ева: «...в проклятии сатане первый раз содержится благая весть. Так святые отцы и называют это: „прото Евангелие“. То есть человечеству до Христа обещано, что Он, семя жены, будет блости голову змея. <...> Вот предмет надежды — это победа Христа над дьяволом» [10]. Однако в первой главе Евангелия от Матфея лейтмотивом звучит: «Авраам породил...», — то есть рождает мужчину, а не жена, в этом контексте семя жены — это Христос, и человек разит змия Его силой.

Можно предположить, что миф — результат своеобразного грехопадения данных Адаму логосов. Архетипы соотносятся с логосами, как платоновские идеи — с их материальными тенями, как западноевропейские средневековые реалии (в споре реалистов, номиналистов и концептуалистов) — с вещным миром. Можно также вспомнить принцип «сломанного телефончика»: широкое бытование сакральных идей, или логосов, легко приводит их к трансформации, снижению, приспособлению к бытовому и мифологическому сознанию человека.

На какой бы точке зрения мы ни остановились, важно признать, что архетипическое сознание древнего человека, хотя и в искаженном виде, вмещало в себя истины, которые во всей полноте воплотились в Евангельском Благовестовании.

Рис. 2. Кувуклия. Сошествие благодатного огня /
Fig. 2. Cuvukliya. The Descent of the Holy Fire

Предчувствие благодатного огня [11], в котором смертное превращается в бессмертное, зафиксировано во многих мифах и обрядах. Например, Деметра, мечтая преобразить смертное человеческое естество, «взяла ребенка в свои бессмертные руки и приложила его к своей благоухающей груди; и „сердце матери радовалось“ (Гомеровы гимны: 54). Так Деметра воспитывала Демофонта, и ребенок рос подобно богу, не брал груди и не ел хлеба; но Деметра натирала его ежедневно амврозией, будто бы он действительно был отпрыском богов, нежно на него дышала, держа его на своих руках, ночью же, когда она была одна с ребенком, она тайно прятала его в силе огня, как головню, ибо ее сердце склонялось к ребенку, и с радостью она подарила бы ему бессмертие» [12].

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АХИЛЛЕСА В ПЕЧИ ИЛИ В ОГНЕ

В следующей части статьи анализируются архетипические черты связанного с печью и огнем образа Ахиллеса, который представляется цельным только спустя тысячелетия. В действительности ему было посвящено множество противоречивых местных культов, которые изучают многие современные исследователи: Л.А. Гиндин и В.Л. Цымбурский («Гомер и история Восточного Средиземноморья», 1996), С.М. Крыкин («Фракийцы в античном Северном Причерноморье, 1993) и многие другие.

Например, А.В. Белоусов так характеризует Ахиллеса: «Символы, присутствующие в изображении, наглядно выражают суть этого божества, грозного, умиряющего и воскресающего бога-воителя. Здесь и образ мирового дерева, и змея —

изображение божественного существа небесно-хтонической природы. Он властвует над миром животных и людей, он дает и отбирает, казнит и милует. И люди и звери служат ему, тому, кто сам есть лишь спутник великого женского божества» [13. С. 127]. Исследователь отмечает, что атрибут змея позволяет соотнести Ахиллеса с Асклепием, ибо яд в древности являлся основой искусства врачевания. Потенциально Ахиллес и ужален змием в пятку, и использует его яд для врачевания. Столь же двойствен змей и в библейской традиции, с которой мы найдем множество параллелей. Перед нами небожитель периода матриархата, архетипически соотнесенный со многими библейскими образами: древа, змия, служения зверей Адаму.

Так, современный поэт, переводчик Гомера и его комментатор А.А. Сальников утверждает: «Ранние мифы о рождении Ахиллеса упоминают печь Гефеста, куда Фетида клала сына, держа его за одну только пятку, желая сделать Ахиллеса неуязвимым, почти бессмертным» [14. С. 10—11]. Аполлодор (Мифологическая библиотека. Книга III: XIII, (6)) сообщает также, что Фетида выжигала из своего сына Ахиллеса всё смертное, что досталось ему от отца Пелея. Однако А. Сальников доказывает, что Гомер иронизировал над Ахиллесом, заставляя его плакать и просить материнской помощи и предоставляя ему из 51-го дня «Илиады» геройски действовать лишь в течение одного. Размышления исследователя согласуются с тем, что Ахиллес у Гомера ближе к пассивному герою сказок, нежели к активному — мифов. Пассивность сказочного героя восходит к логосу бытия Адама в раю, когда не он совершал подвиги, но ему служили животные, а земля приносила плоды, он же пребывал в Богообщении. Пассивный героизм сказочного героя рождается из энергии сочувствия ему всякой твари. Активность нужна герою уже после изгнания из Рая. Миф требует подвигов, ибо хронотоп бытия героя сместился на землю. Кроме того, Ахиллес переживает своеобразное субботствование, которое имеет два варианта — Ветхозаветный: Бог отдыхает после шести дней творения, — и Новозаветный: по завершении страданий Страстной Пятницы Господь спускается во ад, чтобы вывести Адама и праведников, плотью же в этот день Он уснул, отдыхая от страданий. Однако даже в своем субботствовании Ахиллес уязвлен и страдает от обиды, подобной ране в пятку.

У Гомера нет мотива ахиллесовой пяты, ее аналогом является крайняя эмоциональность героя, неистовость. Именно обида, как рана в пятку, приводит героя к бездействию, или субботствованию. Итак, языческий аналог Богочеловека — супергерой, разящий своих противников. Таким изображает Спасителя апокрифическое евангелие детства, условно приписываемое апостолу Фоме. Неизвестный автор изобразил былинного или мифологического героя отнюдь не добрым, но могущественным — такова языческая трансформация представлений о Богочеловеке, отразившаяся в целой серии сюжетов античной мифологии о героях — детях небожителей и людей. Языческие представления о богочеловеке наделяют его скорее сверхчеловеческими силами, нежели спасительными и благодатными. Мы видим, как логос Богочеловека претерпевает грехопадение вместе с самим человеком и создаваемой им культурой.

Мотив бессмертия, обретаемого в печи героем, обреченным на смерть, (точнее, на первородный грех, выражающийся в смертности), символ которой — уязвимая пята, — архетипы по-язычески расслышанных логосов, данных в утешение Первочеловеку, или Адаму. Пораженные стопы Христа, омытые Благодатным огнем в пещере в момент Воскресения, трансформируются не только в пяту Ахиллеса, но и в опухшие от ран стопы Эдипа; невидимые, но отдающие режущей болью раны русалочки, которые Адриан Леверкюн («Доктор Фаустус» Томаса Манна) переживает как мигрени; в рану Хирона и учителя Джорджа Колдуэлла («Кентавр» Джона Апдайка). Хирон становится смертным, чтобы Прометей обрел бессмертие. Вспомним максимум святителя Иринея Лионского, что Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом.

От подобной раны умирает Маленький Принц в сказке Экзюпери, в которой нет мысли о самоубийстве. По замыслу автора, Маленький Принц действует в сакральном пространстве пустыни, где подвизались подражавшие Христу монахи, при первой встрече с рассказчиком он просит нарисовать барашка, символизовавшего у древних христиан самого Христа, причем удовлетворяется только апофатическим его изображением — белым квадратом, который, в противовес вариации Малевича на апофитизм, имеет исключительно жизнеутверждающие коннотации, тем более что рисунок, полученный Маленьким Принцем, по сути своей является уникальным вариантом апофатической иконографии. Принц общается, подобно подвижникам, с дикими животными — то есть с лисом, и даже с растительным миром, то есть с розой. Сказка пронизана христианскими мотивами, а самым важным из них становится подобие смерти от раны в пяту и вознесения, ибо на следующий день тела Принца уже не было на прежнем месте в глубине пустыни.

Благодаря средневековым скрипториям дошла до нас драма Эсхила «Прометей прикованный», — видимо, переписчики чувствовали в нем дальнее эхо Спасителя, страдавшего за род человеческий.

Однако языческие аналоги логосов не спасительны и часто даже враждебны им, подобно тому как искажение истины для Достоевского хуже духовного неведения: «Католичество римское даже хуже самого атеизма, ибо оно искаженного Христа проповедует, а протестанство — его законное дитя» [15. С. 543].

УСТОЙЧИВОСТЬ САКРАЛЬНЫХ ЛОГОСОВ И ИХ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОТРАЖЕНИЙ В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬРЫ

Зародившись в древности, тема раненой стопы или пяты проходит через всю мировую литературу, — настолько глубокой культурной значимостью обладает этот символ, архетип, логос. **Устойчивостью и повторяемостью, а значит, и общечеловеческой значимостью обладают только бытовые или мифологические отражения сакральных логосов.**

Рана в пяту — следствие искушения Ветхого Адама змием в Раю (Быт. 3:15). Аполлон выполняет в мифе или в романе такую же функцию, что в Библии — змей: ранит Ахиллеса в пяту, а Леверкюна — в голову. Искусство превращается в демо-

ническое искушение, — что поддерживается языковой памятью: «искусство», «искус» и «искушение» — слова однокоренные. Новый Завет зеркально повторяет многие мотивы Ветхого, наполняя их новым смыслом. Все символы и мотивы сюжета о грехопадении повторяются в Новозаветной истории Воскресения, обретая весомость Логосов, на которых основана христианская культура: здесь не только пята, но и символ древа (познания — крестное древо), и сада (райский — Гефсиманский), и мотив оставленности (Бога человеком — человека Богом), гибель через жену Еву — спасение через Богородицу.

Через пята Ветхого Адама проникает искус и грех в природу человека — через пята Нового Адама приходит подлинное искусство, которое выражается не в артефактах, а в самой жизни. Образ Божий в человеке осуществляется и в его творческом потенциале. Подлинное искусство — это жизнь, а не поэзия или живопись, причем жизнь как подражание Христу, когда естественное преодолевается благодатно сверхъестественным. Важнейшей идеей отцов Добротолубия становится утверждение жизни как искусства [16. С. 38]. Естественное благодаря духовному подвигу становится иконописно прекрасным. Логос искусства, что выше жизни, превращается в архетип эстетизма в творчестве Оскара Уайльда.

На языке символов человек идет в Рай узкими воротами — ровно тем же путем, каким был изгнан, но символы, или вехи пути, обретают прямо противоположное значение и коннотацию. Ветхозаветное ранение в пята — условие изгнания из рая и причина смертности, Новозаветное — страстнОй путь к Воскресению и обретению Рая. Ахиллес словно затем и ранен (а если вспомнить Библию, то и ужален) в пята, чтобы обрести власть излечивать от подобных ран. Языческий архетип предваряет христианские логосы. Зеркальное повторение мотивов искушения и власти над ним характерно для зафиксированного в церковной семиотической системе опыта молитвенного обращения ко многим святым, которых прежде всего просят о помощи в тех скорбях, которыми они сами скорбели. Так, к пострадавшему от усекновения головы Предтече и Крестителю Господню Иоанну молитвенно обращаются при головных болях; мученику Василию Мангазейскому, убитому господином, которому святой верой и правдой служил, молились о спасении от неправды господ.

Новый Завет исправляет путь, который проделал Адам из Рая, превращая его в путь в Рай. Архаическое сознание фиксирует веру в трансформацию природы человека из смертной в бессмертную, сохраняя в мифе об Ахиллесе не только мотив уязвимой пяты, но и мотив огненного купания, где рана Ахилла — мифологических архетип, восходящий к Логосу ран Христа и предваряющий его, а огонь печи архетип Логоса огня Кувуклии, в котором, видимо, связаны слова Господа: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!» (Лк. 12: 49—50)

На Крещение камера иногда фиксирует искры благодатного огня (рис. 3) [17].

И если автор крещенской статьи упоминает об освещении купели машинными фарами, с чем может быть связано сияние у ног, то искры на уровне головы и торса характерны по виду и форме для фотографий, зафиксировавших невидимую глазу благодать.

Рис. 3. Свечение, зафиксированное камерой в праздник Крещения (Истра, 2015) /
Fig. 3. Glow recorded by the camera at the feast of Epiphany (Istra, 2015)

На Крещение вода освящается благодаря сошествию в виде голубине Духа Святого, сходявшего на апостолов в день Пятидесятницы в языках пламени. Подобно тому как в таинстве Причастия верующие принимают Плоть и Кровь Господню под видом хлеба и вина, так в Крещение — погружаются в огненную благодать Духа, которая слита с водой. Немыслимый для человеческого естества опыт адаптируется под удобоприемлемый. Непосильная для чувственного восприятия стихия огня действует под прикрытием родной для человека стихии воды.

Логос Крещения в водах и огне трансформируется в мифологии в двойственный архетип омовения и закаливания Ахиллеса либо в водах Стикса, либо в огне печи Гефеста. Мотив погружения в Стикс аналогичен сказочному мотиву омовения мертвой водой, где мертвая вода словно выжигает смертность из природы человека, а живая, сказочный аналог Великой Агиасмы, крещенской воды, — возвращает жизнь. В русской печи также совершались омовения всей семьи: бытовой ритуал зафиксировал архетипическое родство огня и воды.

ПРИНЦИПЫ МОДИФИКАЦИИ ЛОГОСОВ В АРХЕТИПЫ

Учение Платона о мире теней, в которых материализовались идеи, продуктивно и для культуры, мифы которой подобны теням сакральных логосов. Вместе с человеком претерпела грехопадение и первозданная, вынесенная из Рая культура, все реалии которой существуют только потому, что им соответствуют сакральные логосы, превратившиеся либо в архетипы языческого мифа, далеко ушедшего от формальных особенностей первоисточника, но частично сохранившего его дух и идею, подобно тому как миф об Ахилле доносит до нас древнейшие представления об обновляющей силе огня; либо в архетипы, сохранившие форму первоисточника, но демонизировавшие его суть, — с этим вариантом архетипа мы сталкиваемся в культурах, практиковавших человеческие жертвоприношения, которые являются страшной тенью жертвы Христа. Благодаря тому что живая семиотическая система архетипов культуры восходит к сакральным логосам, даже формальная причастность к Логосу через архетип может благотворно сказываться на носителях этой культуры, способствовать их метаноии, то есть перемене ума, ведущей к принятию логосов. Логос, апеллирующий к благодатной сверхъестественности

венности, получает мифологические интерпретации, преломляясь либо в дионисийски естественном потоке движений природы человека, либо — в противоестественно демоническом. Эти три типа движения природы человека задают также полифонизм романов Ф.М. Достоевского.

Логос потира трансформировался в архетип винной чаши, а логос богослужения — в архетип идолослужения, которое естественно осудить христианскому подвижнику — так и поступил ученик Макария Великого (Жития св. Димитрия Ростовского, 19 января по ст. ст.) и был избит, сам же учитель обратился к жрецу со словами: «Спасийся, трудолюбец, спасайся!» [18], — и в результате жрец стал христианином и даже монахом. Действительно, доброе слово и злых делает добрыми, как учил св. Макарий. Причастность архетипу идолослужения может свидетельствовать о духовной жажде богослужения, благодаря чему и совершилась удивительно быстрая метанойя. Как видно из житийного эпизода, архетипическая культура и восстает на культуру логосов, и стремится разрешиться в ее полноте и гармонии.

Архетипы, как тени логосов, порождают мифологему тени, исчезновение которой становится символом утраты соприкосновения с логосом. Так, когда заглавный герой новеллы Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемеля» остался без тени — он стал жертвой демонических искушений. Исчезновение тени — знак утраты благодатного огня сакральных логосов, порождающих земные тени, или мир подсознания, в трактовке Юнга.

Платоновская или кантианская идеалистическая философия обретает духовную трактовку у Достоевского, доверяющего высказать сокровенные мысли старцу Зосиме: «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе» [19. С. 360].

В Древней Греции был актуален архетип небесного огня — именно его приносит Прометей, за что и страдает. С неба получают Олимпийский огонь. Огонь печи и небесный огонь — это архетипы (тени), восходящие логосу Благодатного Огня. Благодатный огонь — стихия, в которой происходит чудесное превращение мертвого — в живое, смертного — в бессмертное, сырого — в вареное (культурное), теста — в хлеб, бездыханного тела — в воскресшее. Фасмер сближает тесто и тело. Тесто — то, что тискали. Тилискать, или тилилискать, — близкий по значению диалектизм, означающий «дергать, рвать, бить, красть» и в большей мере напоминающий корень «тел». Но и о сотворении тела Библия говорит как о лепке из земли. Тесто, подобно мертвому телу, в благодатном огне печи превращается в хлеб, который призван служить телом Христовым в таинстве Евхаристии, свидетельствующей о победе святого над грешным, — и это одна из важнейших метаморфоз, ярче всего выраженная в преображении мертвого тела Христа — не просто в живое, но в подобный хлебу источник жизни для нас.

К этому логосу восходит практика обжига сосудов в печи, где, закаляясь, они становятся прочными; а также метафорическое обозначение человека как сосуда избранного, тогда огонь жизненных испытаний придает ему прочность. Словом, плоть человека архетипически связана и с хлебом, и глиной, и с сосудом.

Поддерживая огонь в пещере, древний человек словно ждал, что и его плоть переживет после смерти преобразование. Дом-пещера, противопоставленный опасностям мира, был родным космосом, в котором совершалось постоянное символическое преобразование мертвого теста в живой хлеб, утверждавший веру в бессмертье.

Но огонь в пещере мог символизировать веру в преобразование разрушительной силы, может быть, даже гееннского огня — в благодатный, возрождающий. Поэтому в мифах его функции дwoятся: огонь может и возрождать, и губить.

Как пещерный, а затем печной огонь, восходящий к центральному для сакральной культуры логосу Воскресения, отбрасывает отсветы и тени, — так дерзновение подвижника порождает искушения, описанные, например, в житии св. Антония Великого, давшем почву для фантазии европейских художников.

Печь — единство бытовой евхаристии и ее тени — демонической мистики. Подобно тому как подвижник, впервые вступивший на путь духовной брани и святости, сталкивается со страхованиями и противоборством демонов, так и благодатный символ, погруженный в недра повседневного быта, порождает противодействие всего иррационального и теневого в мире и подсознании человека.

Торжество над смертью порождает тень страхований, связанных со смертью. Печной огонь неотделим от царства мертвых, поэтому он окружен быличками. Демонология вокруг печи отражает фантастические логосы, если говорить в терминах св. Максима Исповедника, который различал логос «сперматикос» — отдаленный аналог платоновской идеи, порождающей всё сущее, и логос «фантастикос». Логос «сперматикос» — это замысел Бога в вечности о каждой сущности: о человеке, вещи, жизненной ситуации. Логос «фантастикос» — это смыслы поступков людей, сущностей и ситуаций, которые выдуманы нами, людьми, неспособными проникнуть в замысел Божий о каждой вещи.

Ж.-П. Сартр, заявляя в эссе «Экзистенциализм — это гуманизм», что существование предшествует сущности, то есть личностью не рождаются, а становятся, — борется именно с восходящим к Платону представлением о душе, о ее идее, или о замысле Божьем о каждом человеке, включающем ее духовную, психофизическую и социальную сферу. Отрицая акт творения, Сартр отрицает и Творца. Согласно А.Ф. Лосеву, «личность есть самое существо мифа» [20. С. 94], следовательно, экзистенциализм — это не только атеизм, но и отрицание личности и мифа. Вывод из этой философии сделал еще предшественник Сартра — Достоевский, герой которого — седой бурбон капитан — вопрошает: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?» [21. С. 216]. Культура как семиотическое явление рождается на основе запретов и табу и несет в самой структуре отрицание атеизма, который основан на высказывании, приписываемом Достоевскому: «Если Бога нет, то всё позволено». Запрет становится знаком присутствия Творца в творческом космосе человека.

Многозначность символики огня связана с тем, что на уровне предчувствия будущего Адам создает миф об огненном воскресении, которому неминуемо должна предшествовать смерть. Так, огонь становится погребальным огнем, ассоциирующимся с культом предков, которые, как предчувствует Адам, скорее скобят в адском огне. Но русская печь сохраняет архетипическую связь в большей мере с Кувуклией, а не с геенной огненной, поэтому она и оказывается окружена теневыми поверьями. Как страхования стремятся помешать спасению подвижника, так былички мешают реализоваться архетипическому смыслу огня в печи, сохранить его связь с логосом. Вместе с тем печь, противопоставленная Красному углу, не имеет полноты благодати логоса, она уязвляет падших духов, несущих весть о гибельности огня, но не имеет достаточной благодати, чтобы побороть их. Поэтому печь как бытовой аналог Евхаристии оказывается окруженной теневыми поверьями.

Гипотетически можно предположить, что получившие благодатную весть потомки Адама получили логос «сперматикос» благодатного огня и победы над смертью, поверили в способность огня стать благодатным, воскрешающим, дающим бессмертье, но эмпирическая сущность огня породила представления о его разрушительной силе, а присутствие останков предков в пещере под очагом столь же эмпирически рождало представление о геенне огненной. В новозаветное время появится святоотеческое учение о том, что сущность огня разделилась на палящую — в аду и светящуюся — в раю. В печи-пещере эти свойства огня тесно переплетаются. Огонь осмысляется и как благодатный источник культуры, хлеба и будущего воскресения, но вместе с тем рядом с огнем очага пребывают души предков, ушедшие в небытие. Угасание бытия — это не переход к другим формам жизни, так же как тень — отсутствие света — это не самостоятельная сущность. Поэтому пустота, иллюзия бытия, как воронка, затягивает человеческое воображение, возбуждает активность фантастических логосов. В результате печь обрастает быличками и суевериями. Рядом с русской печью, реализующей архетип, восходящий к логосу Благодатного огня, потенциально пребывает и ее двойник — печь, где реализована не светящаяся, а опаляющая сила огня — это геенна огненная, и даже печи немецких концлагерей.

Однако каждый архетип и мифологический образ — это тень Логоса, его дионисийская или демоническая интерпретация. Логос воскресения в пещере имеет еще и тот важный смысл, что в результате появляется Новый Человек с уникальными свойствами, со способностью проходить сквозь стены, появляться и исчезать. Но все эти новые таланты важны не сами по себе, а как следствие победы над смертью и грехом. Логос вызревания Нового Человека в огне превратился в нацистский архетип утверждения новой арийской расы, нового типа человека в результате огненного крещения неполноценных, с точки зрения нацистов, людей. Связь огненной печи с Кувуклией отметил св. Иоанн Дамаскин — автор Пасхального канона, в 7-й песни которого восхваляется Человек, спасший отроков в печи Вавилонской, а сам страдающий, словно смертный, чтобы смертное естество человека облачить в нетленное благолепие. Печь Вавилона и концлагерей — тень Логоса пещеры Благодатного огня, его демоническая

интерпретация. В каноне св. Иоанна важна категория тленности, которая становится атрибутом смертности. Ветхий Адам, сотворенный для бессмертия, становится тленным, и если не его останки, то его потомков возлагаются на огонь в пещере — Новый Адам омывается Огнем, чтобы тленное стало бессмертным. Символы грехопадения и изгнания вновь зеркально повторяются, обретая прямо противоположный смысл. Если в семиотической системе изгнания из рая огонь и тленность становятся символом смерти, зафиксированным в Вавилонской печи, то для символики Воскресения огонь становится символом нетления и победы над смертью. Архетип Вавилонской печи восходит логосу Кувуклии. Важно отметить, что в мифологии отчетливо выделяются два основных принципа переосмысления логосов в архетипы: дионисийский, который мы отметили в связи с печью Гефеста, в которую клали младенца Ахиллеса; и демонический, известный как печь Вавилона и концлагерей.

Чтобы объяснить, как функционируют эти два принципа переосмысления или грехопадения логосов в человеческой культуре, нужно вспомнить, что в Добролюбии выделяются три типа движения природы человека: сверхъестественно благодатный, — он становится условием хранения памяти о Логосах, о любви к Отцу небесному, которая выше земной любви; естественный для падшего Адама и проявляющийся, например, в естественной любви к родителям, супругам и детям; а также противоестественный даже для природы падшего Адама, демонический, выражающийся в конфликте с ближними [22. С. 164]. Если для естественного дионисизма естественная любовь к отцу становится земной тенью Логоса любви к Творцу, то сакральный Логос и его демонический архетип совпадают по форме — отказ от земного родства, но прямо противоположны по смыслу: сакральный логос учит любить небесное больше земного, а демонический архетип не позволяет сердцу созреть даже для естественной любви. Эта зеркальная противоположность Логосов и демонических архетипов лежит в основе принципа удвоения символов в контексте семиотики пути из Рая и культуры возвращения в Рай, о которой мы говорили выше, а теперь пришла пора объяснить, какой психологический и культурологический механизм лежит в основе этого удвоения символов. Повторим также, что дионисийские архетипы часто сохраняют пафос Логосов, искажая их форму.

Интересна также русская поговорка «танцевать от печки», синонимичная латинскому выражению: «ab ovo», то есть «от яйца». Кроме бытового объяснения этого совпадения (дом строился от печи, которая становилась бытовым знаком всякого начала и основы) интересно, что пасхальное яйцо является символом Кувуклии и Воскресения, поскольку, кажущееся мертвым, оно порождает жизнь, а значит, оно становится символом, синонимичным русской печи.

Благодатный огонь — это логос «сперматикос», который реализовался в архетипе печи и оказался окруженным фантастическими логосами быличек. Логос, материализуясь в предметах быта, порождая дальние свои отголоски — мифы, превращается в бытовой, телесный или языческий аналог первоначальных идей, становится архетипом. Пещера Воскресения и печь в каждом доме соотносятся друг с другом, как Логос и архетип.

Печь одновременно и противопоставлена Святому углу как язычество — православию, и сопоставлена с ним, ибо на языке плоти печь говорит о сакральных истинах, выраженных во всей полноте в Евангелии и Евхаристии.

МЕСТО КАМИНА В СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

Камин также происходит от пещерного огня, увиденного сквозь призму европейской ментальности. Если русская печь чаще символ уюта, хотя в литературе встречается мотив созерцания пещного огня, то камин — носитель укрощенной стихии огня: открытый огонь потенциально присутствует даже в потушем камине, или, когда потух огонь, — исканиями нового воспламеняется сердце человека.

В русской избе огонь, доступный для созерцания, — это язычок свечи, смиренный и трепетный. Европейцу же доступно созерцание живого пламени. Мы видим соответствие между национальным характером и типом очага: обломовской умиротворенности русского человека противостоит ренессансный тип европейского искателя счастья. Однако непонятно, что было первично и в какую сторону шло влияние: очаг определил характер или человек создавал его в соответствии со своим темпераментом.

Огонь в помещении — цитата хаотической стихии, временно обезоруженной. Открытое пламя — символ духовного поиска, становления, чувства пути. В английском, да и шире — в европейском контексте камин: *fireplace*, *fireside*, но чаще просто — *fire*, — вытеснил из центра дома печь: *bread oven*, *furnace*. Камин — образное выражение духовного состояния героя, причем английские аналоги русской печи утратили этимологическую связь с пещерой, хотя сохранили большее внешнее сходство с ней. Если печь настраивает на умиротворение, то камин — не только на отдых, но и на поиск. Отдыхая или созерцая огонь, герой не может впасть в русскую нирвану, становясь более волевым. Провоцирует ли пространство с камином на изменение привычной жизни? Если бы это было так, то англичане давно бы его усовершенствовали, так как он мало греет, а его труба встроена во внешнюю стену и поэтому не помогает сохранить тело. Пещерообразный камин включает механизмы сознания, которые стремятся сохранить этот древний архетипический образ первопещеры, первобытия человека. Традиционализм и архетипическое сознание эффективно торжествует над здравым смыслом. Но близость огня психологически рифмуется с эгоцентризмом и принятием важных решений. Камин связан с переломными моментами. Пламень камина заливает светом комнату в доме Рочестера, а затем и весь его замок охвачен пожарищем, символизирующим в романе Шарлоты Бронте «Джейн Эйр» и рок, и страсть. У потушего камина Шарль Бовари впервые оценил несравненную красоту своей будущей супруги Эммы (Флобер «Госпожа Бовари»). У камина, как маленький старичок, любил сидеть Поль Домби («Домби и сын» Диккенса). Но самой знаменательной и судьбоносной будет, конечно, сцена у остывшего камина в романе «Портрет женщины» Джеймса. Рядом с камином герои обычно ведут себя достойно, брань и ссоры в присутствии камина появляются только у Д. Г. Лоуренса.

Знаменательно, что европейский камин утратил связь с выпечкой хлеба. Лотман как представитель семиотики свидетельствует о цельности культуры, в которой взаимосвязано всё со всем: малое с великим, бытовое с сакральным.

Когда сердце дома — камин — теряет связь с хлебом как участником Евхаристической тайны, ум человека отпадает от логоса Евхаристии, архетипическим отголоском которого была печь. Плотное переплетение телесного и духовного проявляется в том, что, утратив повседневный контакт с бытовым аналогом Евхаристии, совершающейся в печи, Европа отпадает и от полноты и чистоты христианского учения, трансформирует учение о Евхаристии. Опосредованно европейский безхлебный камин приводит к католической, а затем протестантской мутации Евхаристического сознания Европы.

Также можно объяснить русскую революцию: оторванность от бытового аналога Евхаристии — печи, маргинализация населения приводит к революции и атеизму.

Осмысляя феномен печи, в котором сочетается сакральное и бытовое, мифологическое и народно-поэтическое начало, можно соотнести его с художественным концептом, который «понимается Л.В. Миллер как „свернутый текст, культурно-семиотический феномен, в котором сочетаются архетипические и мифопоэтические параметры, а также религиозно-философское и культурно-историческое знание о мире“» [24. С. 846].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ядерные механизмы семиосферы, ее части «являются одновременно и частью целого, и его подобием» [23]. Таким ядерным механизмом семиосферы русской дореволюционной культуры становится печь. Как часть семиосферы она противостоит сакральной реальности, являясь ее бытовым двойником и соотносясь, например, с вечной Марфой, упрекающей Марию, что та не хочет ей помочь (Лк. 10: 41). Как подобие целого она становится моделью космически-вечного хронотопа, образом всей истории человечества, центральное событие которой связано с возгоранием благодатного огня в Кувуклии, с явлением логоса, бытовой отголосок и архетип которого реализуется в печи. Исчезновение русской печи из быта стирает в подсознании человека архетип, сказку или миф, которые на языке плоти говорят о сакральной реальности и обретают полноту в логосах Евхаристии, давно покинувших символ — архетип — хронотоп камина. Культура представляет собой семиотическую систему, в которой элементы настолько тесно взаимосвязаны и переплетены, что невозможно изменить корневые особенности быта, его ядерные механизмы, не изменив при этом философию, богословие и культуру в целом.

© Герасимова С.В., 2019
Дата поступления: 14.01.2019
Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимов С.В. Русские обряды и суеверия. Нечистая, неведомая и крестная сила. Лесная глушь. М.: Престиж Бук, 2008. URL: <http://ocherk.org/maksimov-s-v--russkie-obryadi-i-sueveriya/index.html> (дата обращения: 04.03.2019).
2. Агранович С.З., Стефанский Е.Е. Миф в слове: продолжение жизни: очерки по мифологической лингвистике. Самара, 2003. URL: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017438.html> (дата обращения: 23.03.2019).
3. Кушина Е.А. Печь в поверьях Андомского погоста // Этнологический архив ЦМБ РГГУ. Экспедиция 2006. URL: <http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=72198> (дата обращения: 04.03.2019).
4. Гоголь Н.В. Пропавшая грамота // Русская литература: от Нестора до Маяковского. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2005.
5. Сретенский месяцеслов Воскресенье, 30 Декабря 17 декабря ст. ст. Седмица 31-я по Пятидесятнице, неделя святых праотец. Пророк Даниил. Святые три отрока: Анания, Азария и Мисаил. URL: <http://msm.dev-serv.ru/calendar/?day=30.12.2018&e=143> (дата обращения: 03.03.2019).
6. Толстой Л.Н. Война и мир // Собрание сочинений: в 22 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980.
7. Бестужев А.А. Вечер на Кавказских водах в 1824 году // Русская литература: от Нестора до Маяковского. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2005.
8. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки // Русская литература: от Нестора до Маяковского. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2005.
9. Бальмонт К.Д. Переводы. Из английской поэзии. Оскар Уайльд Баллада Рэдингской тюрьмы // Русская литература: от Нестора до Маяковского. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2005.
10. Авдеенко Е.А. Жизнь Авраама. URL: <http://www.klex.ru/iy9> (дата обращения: 05.03.2019).
11. Благодатный огонь сошел в храме Гроба Господня в Иерусалиме // Тасс. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4185784> (дата обращения: 27.03.2019).
12. Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. URL: https://royallib.com/book/propt_vladimir/istoricheskie_korni_volshebnoy_skazki.html (дата обращения: 05.03.2019).
13. Белоусов А.В. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2008. Вып. 1 (11). С. 117—130.
14. Сальников А.А. Смех Гомера над Ахиллесом. М.: ЛирРес, 2012.
15. Достоевский Ф.М. Идиот // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1989.
16. Антоний Великий, святой. Наставления // Добротолюбие: в 5 т. Т. 1: Сибирская Благовонница. М., 2010. С. 9—81.
17. Солдатова Е., Артёмова И., Воробьев А., Кламер Н., Олексюк С., Галчихина И., Иноземцев В. Купель соорудили всем миром // Истринские Вести 23 января 2015 года. № 3. С. 5. URL: http://in-istra.ru/upload/126_0ffb8cc06eab935c0835fa8f5f23612b396b2949.pdf (дата обращения: 02.03.2019).
18. Ростовский Дмитрий. Жития. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/63 (дата обращения: 27.03.2019).
19. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Ленинград: Наука, 1991.
20. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
21. Достоевский Ф.М. Бесы // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Ленинград: Наука, 1990.
22. Исаия, авва Нитрийский. Слова преподобного аввы Исаии к своим ученикам // Добротолюбие: в 5 т. Т. 1: Сибирская Благовонница. М., 2010. С. 143—223.
23. Лотман Ю.М. О семиосфере // Ю.М. Лотман. Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (дата обращения: 05.03.2019).

24. Фролова Н.М. Особенности языковой репрезентации концепта «Жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь Человека» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9 (4). С. 842—858.

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-353-372

ARCHETYPE AND LOGOS OF FURNACE AND FIREPLACE

Svetlana V. Gerasimova

Moscow Polytechnic University

St. Bolshaya Semenovskaya, 38, Moscow, Russia, 107023

Abstract. The article is literary in nature: the example of the furnace shows the difference between the logos and the archetype, as well as the principles of modifying the logos into an archetype. The aim of the work is to systematize a wide range of values of the archetypal symbol of the furnace, finding the sacred logos to which they ascend. The article is written on the material of ancient mythology and literature of the New Time: the archetypal images, related to the archetype of the furnace, such as the affected heel, fire, serpent, are analyzed — their relevance to world culture and literature, related to their repeatability and stability, is proved. So it is concluded that there is a close relationship between all the elements of the semiotic system: as a result of the disappearance of one of the furnaces, the archetype of the furnace, from everyday culture, the attitude and principles of human behavior changed, which radically affected the course of history.

Key words: furnace, fireplace, archetype, logos, Cuvuclia, fire, Achilles, heel, serpent

REFERENCES

1. Maksimov, S.V. (2008). Russian rites and superstitions. Unclean, unknown and godmother power. Backwoods. Moscow: Prestige Book. URL: <http://ocherk.org/maksimov-s-v--russkie-obryadi-i-sueveriya/index.html> (accessed: 04.03.2019).
2. Agranovich, S.Z. & Stefansky, E.E. (2003). Myth in the word: the continuation of life. Essays on mytholinguistics. Samara. URL: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017438.html> (accessed: 23.03.2019).
3. Klushina, E.A. (2006). The furnace in the beliefs of the Andomsky Pogost // Ethnological archive of the TsMB of the RSUH. Expedition 2006. URL: <http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=72198> (accessed: 04.03.2019).
4. Gogol, N.V. (2005). The Lost Letter. In *Russian literature: from Nestor to Mayakovsky*. Moscow: DirectMedia Publishing. (In Russ.).
5. Sretensky Calendars Sunday, December 30 December 17 Art. Art. Week 31st of Pentecost, the week of the holy forefathers. Prophet Daniel. The three holy men: Ananias, Azariah, and Mishael. URL: <http://msm.dev-serv.ru/calendar/?day=30.12.2018&e=143> (accessed: 03.03.2019).
6. Tolstoy, L.N. (1980). War and World. In *Collected Works in 22 vols*. Vol. 5. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
7. Bestuzhev, A.A. (2005). Evening on the Caucasus waters in 1824. In *Russian literature: from Nestor to Mayakovsky*. Moscow: DirectMedia Publishing. (In Russ.).
8. Gogol, N.V. (2005). Evenings on a farm near Dikanka. In *Russian literature: from Nestor to Mayakovsky*. Moscow: DirectMedia Publishing. (In Russ.).
9. Balmont, K.D. (2005). Translations. From English poetry. Oscar Wilde Ballad of Reading Prison. In *Russian literature: from Nestor to Mayakovsky*. Moscow: DirectMedia Publishing. (In Russ.).

10. Avdeenko, E.A. Abraham's life. URL: <http://www.klex.ru/iy9> (accessed: 05.03.2019).
11. The Holy Fire came down in the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem // Tass. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4185784> (accessed: 23.03.2019).
12. Propp, V.Ya. The historical roots of the fairy tale. URL: https://royallib.com/book/propp_vladimir/istoricheskie_korni_volshebnoy_skazki.html (accessed: 05.03.2019).
13. Belousov, A.V. (2008). Der Achilles-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung. *PSTU Bulletin III: Philology, 1* (11), 117—130.
14. Salnikov, A.A. (2012). Homer's laughter over Achilles. Moscow: LireRes. (In Russ.).
15. Dostoevsky, F.M. (1989). Idiot. In *F.M. Dostoevsky. Collected Works in Fifteen Volumes*. Vol. 6. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
16. Anthony the Great, holy. Instructions // *Philokalia in 5 vols*. T. 1. Siberian Starfish; Moscow; 2010. P. 9—81.
17. Soldatova E., Artyomova I., Vorobyov A., Klamer N., Oleksyuk S., Galchikhina I., Inozemtsev V. Kupel built the whole world // *Istrinskie Vesti*. 2015. January 23. № 3. P. 5. URL: http://in-istra.ru/upload/126_0ffb8cc06eab935c0835fa8f5f23612b396b2949.pdf (accessed: 02.05.2019).
18. Rostov Dimitri. Of life. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/63 (accessed: 27.04.2019).
19. Dostoevsky, F.M. (1991). Brothers Karamazov. In *F. Dostoevsky. Collected Works in Fifteen Volumes*. Vol. 9. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
20. Losev, A.F. Myth. Number. Essence M.: Thought, 1994 (In Russ.).
21. Dostoevsky, F.M. (1990). Demons. In *F.M. Dostoevsky. Collected Works in Fifteen Volumes*. Vol. 7. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
22. Isaiah, Abba of Nitria. (2010). The words of the Rev. Abbas Isaiah to his disciples. In *Philokalia in 5 vols*. Vol. 1. Siberian Starfish; Moscow. pp. 143—223. (In Russ.).
23. Lotman, Yu.M. On the semiosphere. In *Yu.M. Lotman. Articles on semiotics and topology of culture*. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (accessed: 05.03.2019). (In Russ.).
24. Frolova, N.M. (2018). Features of the language representation of the concept of “Life” in the play by L.N. Andreev “Life of a Man”. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 9 (4), 842—858. (In Russ.).

Для цитирования:

Герасимова С.В. Архетип и логос печи и камина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 353—372. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-353-372.

For citation:

Gerasimova, S.V. (2019). Archetype and logos of furnace and fireplace. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 353—372. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-353-372.

Сведения об авторе:

Герасимова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и истории литературы Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета; научные интересы: история зарубежной литературы; история отечественной литературы; литература и искусство; e-mail: metanoik@gmail.com; ORCID iD 0000-0002-6150-5155; SPIN-код автора: 4006-9266

Information about the author:

Svetlana V. Gerasimova, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature History of the Higher School of Press and Media Industry of the Moscow Polytechnic University; research interests: history of foreign literature; history of Russian literature; literature and art; e-mail: metanoik@gmail.com ORCID iD 0000-0002-6150-5155; SPIN ID: 4006-9266

УДК 811.512.162'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-373-380

ВАРИАНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, СОДЕРЖАЩИХ ТЕОНИМЫ, В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Садыхова Айтен Пилага кызы

Азербайджанский технический университет
Проспект Гесейн Джавида, 25, Баку, Азербайджан, AZ 1148

В статье предлагается рассуждение о том, что во фразеологической системе азербайджанского языка аллитерации и ассонансы по характеру проявлений менее активны, чем в других языках. Сравнительный анализ теонимов и демонимов в составных фразеологических единицах в азербайджанском языке показывает, что достаточную степень функциональности демонстрирует здесь не только наличие видов воспроизведения звука обоих звуковых повторов, но и широко распространенная совместная (аллитерационно-ассонансная) модель приемов образного фонетического изображения. Одним из ключевых пунктов обширного всестороннего, систематического исследования мифологического и демонического компонентов фразеологических единиц в азербайджанском языке является то, что в последние десятилетия коренным образом изменилось отношение к религии и религии в обществе. Методы воспитания атеистов, которые внедрялись при советской власти, и сама идеологическая доктрина атеизма надолго привели к разрыву в обществе. В советском прошлом атеизм был отдельной и обязательной дисциплиной в школьных программах, было совершенно ясно и логично осторожно относиться ко всему, что связано с религией. С этой точки зрения, нельзя говорить о объективности научного описания системы фразеологизмов, которая является одним из неотъемлемых компонентов азербайджанской лингвокультурологической среды.

Ключевые слова: фразеологическая система азербайджанского языка, теонимы, демонимы, аллитерация, ассонанс

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья является обзором исследования вариантов фразеологических единиц, содержащих теонимы (далее — TDKF) азербайджанского языка и его результатов. Впервые TDKF были изучены как лингвокультурологические феномены, описаны с позиций этноцентризма и истории народа.

Материалом исследования явились фразеологические единицы, полученные методом сплошной выборки из фразеологических и толковых словарей, а также из художественных произведений, а также материалов средств массовой информации и интернет-источников. В связи с тем, что большинство фразеологических единиц азербайджанского языка, содержащих теонимы, имеют отношение к аллегорическому фону Корана, исследование было посвящено сопоставлению их с оригинальными текстовыми примерами из Священной книги. Также исследуются некоторые фразеологические единицы, которые возникли как цитация эпоса «Китаби-Деде Горгуд» (Kitabi Dada Qorqud) и были проанализированы в сравнении с оригинальным эпосом.

Результаты данного исследования могут иметь как теоретическое, так и практическое значение. Теоретический вклад видится в написании теоретической семиологии азербайджанского языка, практический — в составлении пояснительного словаря TDF и применении данной методики для анализа фразеологических единиц, связанных с богословскими и демоническими образами, в общей тюркологии, что позволяет проводить подобные сравнительные исследования других тюркских языков, а также использовать выводы работы в двуязычном словаре TDKF.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нами выделены несколько групп вариантов фразеологизмов, содержащих теонимы, имеющих:

- 1) признаки фонетической вариативности;
- 2) морфологическую вариативность;
- 3) синтаксическую вариантность.

Рассмотрим примеры фразеологических единиц, в составе которых присутствует теоним «бог». Например, фразеологизм *Allah çarxını çevirsin* 'Пусть Бог повернёт колесо твоей судьбы' [1. С. 249], в котором, по мнению Н. Сеидалиева, присутствует повторение звука [ç] в двух последних словах (аллитерация). Или: *Al Allahın qulunu, zəbt eylə dəlini* 'Забери раба Божьего, утихомирь безумного' — словосочетание, основанное на повторе звука [l]; примером компонента, где происходит аллитерация звука [z], является фразеологизм *Vuran öküzə allah buynuz verməz* 'Бодающемуся быку Бог не даёт рога'. Приведем еще несколько примеров образцов аллитерации, основанной на повторении [z]: *Allah əlinin boş, gününün xoş vaxtı yaratmış* 'Бог создал его при свободных руках, в радостное для себя время'; *Allah bilir işini, ağılatmaz dərvişini* 'Бог знает, что делает, не заставит плакать дервиша.

Последние два примера имеют также внутренний ритм; отметим, что здесь подтверждается общее правило, полученное во многих теоретических оценках феномена аллитерации и ассонанса, в том числе и на материале фразеологических единиц [2—13]. Очевидно, что аллитерация и ассонанс на этапе формирования древнего языка и раннего поэтического мышления формировались как примитивная рифма. С течением времени определение и усвоение ритма рифмы в поэтическом мышлении позволило аллитерации действовать в некоторых случаях в качестве замены, своеобразного «компенсатора». Другими словами, когда новая гармоническая система начинает вытеснять ее с прежних позиций, положение рифмы в конце строки пришло к возможности проявления себя в меньших текстах в форме внутренней риторики или внутренней аллитерации.

В качестве примера аллитерации как во фразеологических единицах с теонимами, так и с демонидами, в которых наблюдается соотношение как аллитерации, так и ассонанса, мы можем привести следующее выражение: *Atasını tanımayan Allahını da tanımaz* 'Бога не знающий не признаёт и своего отца родного'. Здесь мы наблюдаем фонетический символизм, который относится к повторению согласных [a] и [t].

Необходимо отметить интересные проявления разнообразия в азербайджанском языке теонимов и демонимов. Н. Сеидалиев, исследовавший фразеологию азербайджанского мифа и азербайджанских сказок, отмечает: «Есть некоторые фразеологизмы, в составе которых есть изменения, но смысл полностью не исчезает и никакой разницы в этом отношении не ощущается» [1. С. 176]. По мнению автора, «фразеологический вариант является результатом изменения формы и структуры одной и той же фразеологической единицы». Эти изменения могут происходить в форме лексического, грамматического и лексико-грамматического вариантов [1. С. 176—177].

По словам М. Мирзалиевой [14], выступающей с позиции изучения вариативности семантических событий во фразеологических единствах, «проблема изменчивости заключается в том, что это вопрос идентичности и разнообразия» и что можно сгруппировать фразеологические варианты (вариативности) следующим образом: фонетическая, морфологическая, синтаксическая (смена последовательности слов в соединениях), лексическая, фразеологические варианты эллипсической формы. В отличие от других фразеологизмов здесь происходит изменение структуры фразеологической единицы. Однако следует помнить, что во фразеологических единицах, подвергшихся эллипсическим превращениям, слова-ядра остаются без изменений» [15. С. 127—128]. До более детального анализа, то есть фонетического, лексического, морфологического и т.д., рассмотрим общее распределение фактов вариативности.

К примерам фонетической вариативности в указанных случаях можно отнести примеры:

Allahın yarası da var, çarəsi də var // Allahın yarası da var, çarəsi da var 'Бог ранит, Бог и лечит';

или

Yaxşılıq et, at dənizə. Balıq bilməsə də, xalıq bilər // Yaxşılıq et, at dənizə. Balıq bilməsə də, xalıq bilər 'Если можешь, делай добро и брось его в море, рыба не оценит, зато народ оценит'.

В качестве примера морфологической вариативности можно указать следующие примеры:

Allah verib, Allah da aparıb // Allah verdi, Allah da aldı 'Бог дал — бог взял'.

Примером синтаксической вариативности можно указать следующее:

Allah bilir, niyə dəvəyə qanad vermir 'Бог знает, почему не дал верблюду крылья!' или 'Если бы Бог дал бы крылья верблюду, не осталось бы ни одной целой крыши!'.

В качестве вариативности можно назвать также усиление интенции в процессе говорения, когда в том числе не наблюдается никакой деформации в смысле. В рамках проблемы синтаксической вариативности следует рассмотреть также и формы, связанные с изменением последовательности слов. Здесь наблюдается значительное многообразие фактов лексической вариативности:

— *Şükür Allaha // Şükür Xudaya // Şükür İlahiyə; Tanrı haqqı // Allah haqqı* 'Слава Всевышнему, слава Повелителю, слава Создателю', или 'Клянусь Всевышним, Создателем, Богом, Повелителем';

— *Şükür Allaha // Şükür Xudaya // Şükür İlahiyə; Tanrı haqqı // Allah haqqı; Xuda haqqı // cin-şeytan əməli // şeytan əməli, şeytana pəriş tikmək // şeytana pəriş tikmək, şeytanın ayağını sındırmaq // şeytanın qıçını sındırmaq* 'Происки чёрта, происки дьявола, шьёт папаху сатане, ломает ногу чёрту, ломает колено сатане' и т.д.

Среди эллиптических вариантов мы считаем важным дифференциацию сокращения лексического компонента или всей синтаксической единицы. Например:

— *Lənət şeytana və Lənə kor şeytana // Lənət olsun kor şeytana* 'Проклятье сатане!' или 'Проклятье слепому чёрту!' (Да будет проклят чёрт слепой!);

— *Dəli şeytan deyir ki, // şeytan deyir ki* 'Подсказывает мне чёрт дурной' (Мне шепчет чёрт); или *Allahın heyvanı // Allahın dilsiz-ağızsız heyvanı* 'Тварь божья' (Бессловесная тварь божья).

В указанных примерах речь идет о редукции лексического компонента. Среди фразеологических вариантов, где есть синтаксические компоненты, подвергшиеся эллиптической процедуре, можно указать на следующие примеры:

— *Allah kərimdir < Allah kərimdir, quyusu dərindir* 'Бог всемогущ', вариант 'Бог всемогущ, да колодец глубокий';

— *Şeytana pəriş tikir < Cinə pəriş tikir, şeytana pəriş* 'Шьёт папаху сатане', вариант 'Шьёт папаху чёрту', или просто 'Папаха для чёрта'.

Хорошо известно, что фразеологизмы, так же как и лексемы, являющиеся единицами другого языкового уровня, к которому они принадлежат, могут иметь многозначный характер. Однако многозначные фразеологические единицы отличаются от лексических единиц, хотя в чем-то и схожи с ними. «Это различие указывает на то, что слово вступает в контакт с другими словами, означающими реальное значение, и также получает определенное значение. Слово в составе фразеологического сочетания, в свою очередь, теряет свое конкретное значение, полностью выражая другое значение» [17. С. 146].

Как видно, метафоризация фразеологических единиц тесно связана с потенциалом полисемантизации составных компонентов. Наличие семантической независимости компонентов, составляющих фразеологические единицы, не даёт возможности формированию здесь полисемантичности, и вместе с тем ослабление этой независимости или её полное исчезновение может создать условия для появления многозначности во фразеологической единице. В этом смысле интересно, что среди вариантов фразеологизмов азербайджанского языка, связанных с теонимами, можем найти проявление вариантов, которые не совпадают с коэффициентом их полисемантичности.

Прежде всего, отметим, что появление вариативности во фразеологических единицах связано с рядом особенностей. Как считают исследователи, именно дискурс выступает как основа для вариативности отдельных фразеологических единиц, в том числе:

1) структурной (с учетом сокращений и дополнений);

2) семантической (действия, связанные с денотатом фразеологизмов, когда используются средства коннотативного характера, обусловленные эмоциогенными компонентами, и являющиеся денотативными. Всё это происходит на основе действий, связанных с денотативностью фразеологизма;

3) стилистической (когда используются метафора, метонимия, аллюзия, антитеза, и в этом смысле своеобразие выступает здесь как заказчик.

При потребности в лаконичности дискурса можно использовать различные варианты фразеологизмов: *Cinə paraq fikir, şeytana parış* 'Шить чёрту шапку, а сатане — шапчонку'. Это даёт возможность дискурсивной вариативности во фразеологической единице. Вместе с тем, выступая с позиции негативности коннотативного смысла, можно дать преимущество сокращённому варианту, который полностью противостоит вышеприведенным примерам, связанным с дискурсом. Например: *Бог всемилостив, а колодец всё-таки глубок* в этой фразеологической единице во второй части *а колодец глубок* наблюдается непозитивная коннотация, и это является решающим фактором, уменьшающим возможность использования в речи более широком варианте второй части.

Как видно из примера, дискурс выступает в семантическом аспекте и способен на разнообразные выражения смыслов. С другой стороны, стилистический фактор также конкретно может создать необходимость выбора между вариантами фразеологической единицы, связанными с фактором аллюзии. Например: *Yeri — göyü yaradan* или *Yeri — göyü yaradan Allah* 'Создатель неба и земли', или 'Бог, создавший небо и землю'. В этих выражениях возможность выбора связана с фактором целесообразности. А во фразеологической единице *Mixi mismar eləyən* 'Тот, кто гвоздь делает гвоздём' в некотором смысле возможность вариативности отличается.

Так, согласно исламским ценностям и в целом основным догмам монотеистических религий все живые существа Всевышним на небесах были созданы повелением «Будь». В этом смысле в выражениях 'Создатель неба и земли' или 'Бог, создавший землю и небо' разница не обусловлена семантическим смыслом. Однако 'Тот кто делает гвоздь гвоздём' — в этой фразеологической единице воплощен конкретный факт аллюзии.

Вместе с тем выявление источника реминисценции при дискурсе не очевидно и остаётся в определённой степени затемнённым. Иными словами, участники дискурса могут и не размышлять о том, из какого источника происходит реминисценция фразеологизма, то есть не знают, откуда берётся цитата, и не размышляют о том, кому принадлежит эта эвристическая метафора, которую они произносят. Такое выражение в этом смысле можем считать связанным со стилистическим фактором.

ВЫВОДЫ

Результаты проведённого исследования позволяют прийти к выводу о том, что фразеологические единицы, содержащие теонимы, в азербайджанском языке представлены несколькими типами, связаны с ментальным сознанием народа и отражают мировоззрение, ценностные и нравственные приоритеты людей в определённой метафорической форме, что требует соответствующего анализа с учетом многоакурсного подхода. Нет никаких сомнений в том, что существует разная степень смысловой нагрузки во фразеологических единицах. Таким образом, даже

замена компонента или добавление нового может также привести к новой визуализации семантической нагрузки, новому значению, а также к определённым сокращениям при избыточности смыслов.

Несмотря на то что во фразеологических единицах с теонимом (словом, обозначающим божество), в азербайджанском языке ассонанс выступает как основное фонетическое средство образности, в этой группе фразеологизмов также присутствуют элементы аллитерации. Интересно, что в некоторых случаях мы видим, что аллитерация действует как активная фигура стилизации, но в других случаях мы наблюдаем сосуществование аллитерации и ассоциации. Систематический анализ вариантов фразеологических единиц, содержащих теонимы, в азербайджанском языке также имеет исключительно важное значение с точки зрения описания языковой картины мира.

© Садыхова А.П. кызы, 2019

Дата поступления: 01.04.2019

Дата приема в печать: 15.05.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Сеидалиев Н.* Фразеология языка азербайджанских дастанов и сказок (на азербайджанском языке). Баку, 2006.
2. *Жирмунский В.М.* Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха // *Вопросы языкознания.* 1964. № 4. С. 3—24.
3. *Демирчизаде А.* Стилистика азербайджанского языка. Баку: Азертедриснешр, 1962.
4. *Бабкин А.М.* Русская фразеология, её развитие и источники. Л.: Наука 1990.
5. *Буслаев Ф.И.* Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Русский язык, 1954.
6. *Базарова Л.В.* Конструктивный анализ фразеолосемантических полей на материале фразеологических единиц, репрезентирующих концепт Бог в английском, русском, татарском и турецком языках // *Искусствоведение.* 2011. Вып. 56. № 20 (235). С. 25—30.
7. *Базарова Л.В.* Концепт Бог во фразеологических единицах английского, русского, татарского и турецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011.
8. *Великоредчанина Л.А.* Особенности функционирования библеизмов в английском и русских языках // *Вестник МГОУ. Серия Лингвистика.* 2012. № 1. С. 64—70.
9. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
10. *Долгова А.О.* Какие образы-эталоны представлены во фразеологических сравнениях? // *Русский язык и литература.* 2006. № 7. С. 50—55.
11. *Григорьева Л.Л.* Фразеологическая репрезентация религиозного мира человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010.
12. *Гизатова Г.К.* Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010.
13. *Дачко Е.М.* Модели эвфемизации теонимов в Пятикнижии Моисеевом // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика.* 2006. № 6 (61). С. 138—141.
14. *Мирзалиева М.М.* Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков. Баку, 1995.
15. *Мирзалиева М.М.* Фразеология тюркских языков. Баку, 2009. Т. 1.
16. *Оруджов А.А.* Азербайджанско-русский фразеологический словарь. Баку, 1976.
17. *Ганиева Ф.Ф.* Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // *Lingua mobilis.* 2015. № 1 (52). С. 38—47.

OPTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS CONTAINING TEONIMA IN THE AZERBAIJAN LANGUAGE

Sadigova Ayten Pilahga kyzy

Azerbaijan Technical University
25, Geseyn Javid Avenue, Baku, Azerbaijan, AZ 1148

Abstract. In the article, the idea is put forward that in the phraseological system of the Azerbaijani language, alliteration and assonances are less active in the manifestations than in other languages. Comparative analysis of theonyms and demonyms in composite phraseological units in the Azerbaijani language shows that a sufficient degree of functionality is demonstrated here not only by the presence of types of sound reproduction of both sound repetitions, but also by the widespread joint (alliterative-*assonance*) model of figurative phonetic image techniques.

Key words: the phraseological system of the Azerbaijani language, theonyms, demonisms, alliteration, assonance, figurative phonetic expressions

REFERENCES

1. Seidaliev, N. (2006). *Phraseology of the language of Azerbaijani dastans and fairy tales*. Baku. (In Azerbaij.).
2. Zhirmunsky, V.M. (1964). Ritmiko-syntactic parallelism as the basis of ancient Turkic folk epic verse. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 3—24. (In Russ.).
3. Demirchizade, A. (1962). *Stylistics of the Azerbaijani language*. Baku: Azertedrisneshr. (In Azerbaij.).
4. Babkin, A.M. (1990). *Russian phraseology, its development and sources*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
5. Buslaev, F.I. (1954). *Russian proverbs and sayings, collected and explained*. Moscow: Russian language. (In Russ.).
6. Bazarova, L.V. (2011). Constructive analysis of phraseological fields on the material of phraseological units representing the concept of God in the English, Russian, Tatar and Turkish languages. *Art criticism. Issue 56, 20 (235)*, 25—30. (In Russ.).
7. Bazarova, L.V. (2011). *Concept God in the phraseological units of the English, Russian, Tatar and Turkish languages [dissertation]*. Kazan'. (In Russ.).
8. Velikorodchanina, L.A. (2012). Features of the functioning of Biblical in English and Russian languages. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 1*, 64—70. (In Russ.).
9. Gal'perin, I.R. (2007). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
10. Dolgov, A.O. (2006). What are the standard images presented in phraseological comparisons? *Russian language and literature, 7*, 50—55. (In Russ.).
11. Grigorieva, L.L. (2010). *Phraseological representation of the religious world of man [dissertation]*. Kazan'. (In Russ.).
12. Gizatov, G.K. (2010). *Structural and typological approach to the comparative study of phraseology [dissertation]*. Kazan'. (In Russ.).
13. Dachko, E.M. (2006). Models of the euphemization of theonyms in the Pentateuch of Moses. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, 6 (61)*, 138—141. (In Russ.).
14. Mirzaliyeva, M.M. (1995). *Theoretical problems of the phraseology of the Turkic languages*. Baku. (In Russ.).

15. Mirzaliyeva, M.M. (2009). Phraseology of Turkic languages. Baku. Vol. 1. (In Russ.).
16. Orujov, A.A. (1976). Azerbaijani-Russian phraseological dictionary. Baku.
17. Ganiyev, F.F. (2015). Phraseological units as an object of study in the works of domestic researchers. *Lingua mobilis*, 1 (52), 38—47. (In Russ.).

Для цитирования:

Садыгова А.П. кызы. Варианты фразеологических единиц, содержащих теонимы, в азербайджанском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 373—380. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-373-380.

For citation:

Sadigova, A.P. kyzy (2019). Options of phraseological units containing teonima in the Azerbaijan language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 373—380. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-373-380.

Сведения об авторе:

Садыгова Айтен Пилага кызы, кандидат филологических наук, преподаватель Азербайджанского технического университета; e-mail: sadiqovayten@gmail.com

Information about the author:

Sadigova Ayten Pilaga kyzy, PhD in Philology, lector at Azerbaijan Technical University; e-mail: sadiqovayten@gmail.com

УДК 81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401

АСПЕКТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ АФОРИЗМА

Е.Е. Иванов

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова,
Ул. Космонавтов, 1, Могилев, Республика Беларусь, 212022

В современной лингвистике всё больше внимания уделяется изучению афоризма как фразового текста и устойчивой фразы. В этой связи особенно актуальным является анализ свойств афоризма, которые характеризуют его в различных видах дискурса и сферах речевой коммуникации. В статье представлена попытка дифференциации и описания различных эмпирических пониманий афоризма. Цель исследования — установить и описать аспекты и дифференциальные признаки эмпирической квалификации афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста). Методы исследования — эвристический, описательный, таксономический, обобщение, анализ и синтез. Материалом для исследования послужили свыше 100 000 афористических единиц из более чем 300 рукописных и печатных источников на русском, латинском, английском, немецком, французском, испанском и других языках. В результате исследования определено понятие эмпирической квалификации афоризма, под которой следует понимать его осмысление как вербального средства в рамках данной разновидности дискурса или сферы речевой коммуникации, используемой в отдельной социальной или культурной практике, области знания (в том числе научного). Каждое частное эмпирическое понимание афоризма можно рассматривать как один из аспектов его общей эмпирической квалификации. Аспекты эмпирического понимания афоризма сформировались в разное время, возникли и развивались в различных национальных (или интернациональных) традициях, под влиянием разного рода культурных направлений и социальных процессов, внутри парадигм научного знания и лингвокультур. Установлено, что существует всего девять наиболее значимых эмпирических пониманий афоризма (научно-философское, литературно-философское, религиозно-литературное, литературно-художественное, литературно-публицистическое, литературно-юридическое, народно-поэтическое, поэтико-риторическое, обиходно-языковое). Каждое из них формирует отдельный аспект эмпирической квалификации афоризма на основе набора свойств и функций (дифференциальных признаков), характерных для реализации афоризма как вербального средства в рамках данной социальной или культурной практики, области знания. Введение в научный оборот понятия «эмпирическое понимание афоризма» и дифференциация аспектов такого понимания на основе использования афоризма в различных видах дискурса и сферах речевой коммуникации позволит систематизировать афористические единицы как речевые жанры (афоризмы научные, философские, литературные, публицистические, юридические, фольклорные и др.), а также разграничить научные направления изучения афоризма.

Ключевые слова: афоризм, фразовый текст, устойчивая фраза, коммуникация, дискурс, эмпирическая квалификация, дифференциальный признак

ВВЕДЕНИЕ

Афоризм как вербальное средство выражения общих суждений и универсального обобщения действительности [1. С. 148—152] в форме фразы (фразового текста) давно и продуктивно используется во многих видах дискурса и сферах речевой коммуникации, используемых в различных социокультурных практиках и отдельных областях знаний.

Афоризмы встречаются в философском, дидактическом, религиозном дискурсах древних лингвокультур (Египта, Китая, Греции, Индии и др.) С давних времен афоризмы распространены в языке фольклора и художественной литературы, в религиозном, философском, научном, юридическом, политическом, публицистическом и других дискурсах, в языке устного публичного выступления и в обиходной речи. В рамках каждой разновидности дискурса и сферы речевой коммуникации сформировались в свое время собственные эмпирические (с точки зрения носителей языка) представления об афоризме, которые затем легли в основу его квалификации в различных отраслях знаний в терминах разных научных дисциплин (теории познания, философии, этики, литературоведения, риторики, языкознания и др.) [1. С. 117—122].

Однако в существующих отраслевых дефинициях афоризма недостаточно полно и точно отражены его характеристики (свойства, признаки) как продукта и средства речемыслительной деятельности в отдельных разновидностях дискурса и сферах коммуникации (социокультурных практиках, областях знаний). Установление таких характеристик (дифференциальных признаков) и выделение на их основе аспектов эмпирической квалификации афоризма является актуальной задачей как общей афористики, так и лингвистической теории афоризма [2], поскольку позволит не только объяснить современные эмпирические представления об афоризме и разграничить научные направления его изучения, но и верифицировать дифференциацию афористических единиц на общие предметные классы (афоризмы научные, философские, литературные, публицистические, юридические, фольклорные и т.д.).

Цель исследования — установить и описать аспекты и дифференциальные признаки эмпирической квалификации афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста).

Материалом для исследования послужили афористические единицы, содержащиеся в письменных памятниках, книгах изречений, отраженные в компиляциях афоризмов из различных текстовых источников и устной речи, зафиксированные в справочных изданиях — сборниках и словарях изречений разных эпох и народов на русском языке, в переводе на русский язык с разных языков мира, а также на латинском, английском, немецком, французском, испанском и других языках. Общее количество исследованных афоризмов составляет свыше 100 000 единиц из более чем 300 рукописных и печатных источников.

Методы исследования — эвристический, описательный, таксономический, обобщение, анализ и синтез.

Под эмпирической квалификацией афоризма следует понимать его осмысление в рамках данной разновидности дискурса или сферы речевой коммуникации, используемой в отдельной социальной или культурной практике, области знания (в том числе научного) как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста).

Каждое частное эмпирическое понимание афоризма можно рассматривать в качестве одного из аспектов его общей эмпирической квалификации в рамках афористики как области знаний об употреблении и изучении афоризма во всех его содержательных, формальных и функциональных проявлениях.

В современной афористике можно выделить ряд аспектов эмпирической квалификации (эмпирических пониманий) афоризма, которые сформировались в разное время, возникли и развивались в различных национальных (или интернациональных) традициях, под влиянием разного рода культурных направлений и социальных процессов, внутри парадигм научного знания и лингвокультур. Наиболее значимыми аспектами эмпирической квалификации афоризма являются такие его эмпирические понимания, как научно-философское, литературно-филологическое, религиозно-литературное, литературно-художественное, литературно-публицистическое, литературно- и народно-юридическое, народно-поэтическое, поэтико-риторическое, обиходно-языковое.

Аспекты эмпирической квалификации афоризма разграничиваются как по его использованию в той или иной разновидности дискурса или сфере речевой коммуникации, так и на основе набора определенных свойств и функций (дифференциальных признаков) афоризма, характерных для его реализации как вербального средства в рамках данной социальной или культурной практики, области знания и т.д.

ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ афоризмов, содержащихся в письменных памятниках, книгах изречений, компиляциях из различных текстовых источников и устной речи, зафиксированных в сборниках и словарях изречений разных эпох и народов на русском, латинском, английском, немецком, французском, испанском и других языках, показал, что существует девять наиболее значимых эмпирических пониманий афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста).

Научно-философское понимание афоризма возникло в античном протонаучном рационализме. В форме афоризмов излагается вся европейская доантичная философия VII—VI веков до н.э., к которой относится прежде всего так называемая „гномическая проза предфилософской традиции“ Древней Греции. Первое употребление термина *афоризм* (гр. *ἀφορισμός*), как известно, принадлежит Гиппократу, которому приписывается трактат „*Παραγγεῖαι καὶ Αφορισμοί*“ (после 390 г. до н.э.), состоящий из более 400 изречений и начинающийся одним из самых известных в мире крылатых афоризмов *Ὁ βίος βραχύς* (лат. *Vita brevis*), ставшим впоследствии предметом многих комментариев и научных исследований [3]. Возможно, свое название трактат получил позднее, благодаря многочисленным компиляторам, однако оно отражало обычную практику употребления др.-греч. *ἀφορισμός* в значении ‘определение’ (от глагола *ἀφορίζω* ‘отграничивать, определять’) [4. стлб. 233].

В европейской мысли Нового времени научно-философское понимание афоризма впервые было эксплицировано Ф. Бэконом в его *“Novum Organum”* (1620)

и других философских трудах. Например, заключительный раздел 3-й главы 8-й книги “De Dignitate et Augmentis Scientiarum” (1623) озаглавлен «Образец трактата о всеобщей справедливости, или Об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов» и состоит из ХСVII афоризмов.

В дальнейшем научно-философское понимание афоризма нашло свое концептуальное и эмпирическое отражение почти в каждой парадигме научно-философского знания. Так, целиком (или почти целиком) в форме афоризмов написаны такие известные философские сочинения, как “Les Essais” (1580—1588) М. Монтеня, “Cogitationes privatae” (?—1650) Р. Декарта, “Aphorismen” (1801—1807 и 1818—1831) Г.В.Ф. Гегеля, “Aphorismen zur Lebensweisheit” (1851) А. Шопенгауэра, “Jenseits von gut und böse” (1886) Ф. Ницше (раздел “Aphorismen und Intermedien”), “Анофеоз беспочвенности” (1905) Л. Шестова, “Tractatus logico-philosophicum” (1921) Л. Витгенштейна и др. Афоризмы часто использовались как средство изложения мысли в области естественных и гуманитарных наук, например, в химии “Aphorismen aus der chemischen Physiologie der Pflanzen” (1794) А. фон Гумбольдта, медицине “Афоризмы, или Главные основания физиологии, патологии и терапии” (в переводе на рус. 1824) Ф.Ж.В. Бруссе, “Афорисмы о холере” (1848) П.Ф. Горянинова, истории “Афоризмы и мысли об истории” ([1891—1911] 1968) В.О. Ключевского и т.п. Афоризмами назывались и лингвистические научные труды, из которых наибольшую известность (на славянских языках) приобрели “Лингвистические заметки и афоризмы” (1903) И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Наиболее существенными признаками научно-философского афоризма являются его содержательная синтезированность (обобщенность) как средства мышления и речи, точность в объяснении и вербальном выражении общих понятий и фактов действительности, логичность в определении и обобщении связей между ними, обязательное стремление к истине. По меткому замечанию В.И. Вернадского, «научные, логически правильно сделанные действия, имеют силу только потому, что наука имеет свое определенное строение и что в ней существует область фактов и обобщений, научных, эмпирически установленных фактов и эмпирически полученных обобщений, которые по своей сути не могут быть реально оспариваемы» [5. С. 93—94]. В этом смысле афоризм является одним из наиболее продуктивных вербальных средств как языка науки, так и философского дискурса.

До настоящего времени сохранилось употребление и понимание термина *афоризм* в значении ‘научный принцип’ (например, в английском языке), афоризмы широко используются в качестве вербального средства выражения, передачи и хранения научной и философской мысли [6]. В своем теперешнем понимании понятие афоризма распространяется на выражение универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста) в философских системах, развивавшихся вне европейской традиции (китайской, индийской, арабской философской мысли и др. [7—9]).

От использования афористических единиц в научной речи (как основного средства выражения научного и философского знания) следует отличать, с одной

стороны, компиляции афоризмов из научных и философских трудов с целью резюмирования тех или иных теорий, положений, взглядов различных авторов [10—14], а с другой стороны, обращение к афоризмам как к фактическому материалу для изложения научной или философской мысли в популярных или учебных целях [15—19].

Литературно-философское понимание афоризма восходит к древней философско-морализаторской и дидактической литературе Египта, Китая и Индии, античной литературной традиции. Его расцвет пришелся на XVII—XVIII века, для которых был характерен культ «всеобщего рассудка и завершенной формы» [20. С. 44], а также на конец XIX — начало XX века — период отрицания «непоколебимости» существующих принципов и законов бытия.

При таком понимании афоризма главным в поисках существенного и универсального в неисчислимом разнообразии частных явлений жизни является глубокое и всестороннее осмысление действительности с точки зрения общечеловеческого или индивидуального (как не менее значимого) духовного опыта. Афоризм в данном случае рассматривается как универсальное средство познания и формулирования закономерностей и норм бытия человека и природы, в том числе в их этической или морализаторской интерпретации.

В истории западноевропейской литературы понятие и термин *афоризм* впервые были эксплицированы испанским писателем Б. Грасианом (1601—1658) в его книге афоризмов “*Oraculo Manual, y Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*” (1647). Благодаря этому термин *афоризм* стал широко употребляться в одном ряду с давно известными терминами *сентенция* и *апоф(т)егма*, а также *максима* (в значении ‘обобщенное высказывание этического содержания’), *парадокс* (в значении ‘обобщенное остроумное высказывание, содержание которого противоречит общепринятому мнению’), однако часто замещается общими для всех них терминами *изречения*, *мысли* (*размышления*), *суждения*, *рефлексии* и т.п.

В период расцвета литературно-философского жанра афоризмов были созданы такие его классические образцы, как “*Reflexions ou sentences et maximes morales*” (1665) Ф. де Ларошфуко, “*Pensées*” ([?—1662] 1669) Б. Паскаля, “*Caractères ou les moeurs de ce siècle*” (1686) Ж. де Лабрюйера, “*Aphorismen*” (1764—1799) Г.К. Лихтенберга, “*Introduction a la connaissance de l’esprit humain*” и “*Fragments et Reflexions et maximes*” ([1746] 1747) Л. де Клапье Вовенарга, “*Produits de la Civilisation perfectionnée. Maximes et pensées. Caractères et Anecdotes*” (1795) Н.-С. де Шамфора и др. В конце XIX — начале XX века наибольшее признание получили книги афоризмов “*Bose weisheit. Aphorismen und spruche*” (1882—1885) Ф. Ницше, “*Круг чтения*” (1904—1908) и “*На каждый день*” (1906—1910) Л. Толстого, “*Sprüche und die Widersprüche*” (1909) и “*Literatur und die Lüge*” (1929) К. Крауса, “*Rhumbs*” (1926) и “*Les Autres Rhumbs*” (1934) П. Валери.

К середине XX века под влиянием разрушительных социальных катаклизмов собственно философское содержание литературного жанра афоризмов утратило свою популярность в европейской литературе и осталось продуктивным преимущественно в области этики — “*Minima Moralia. Reflexiones aus dem beschädigten*”

Leben” (1951) Т. Адорно и др. В начале XIX века в национальных европейских литературах афоризмы философского содержания постепенно обретают былую популярность, но уже как элитарный литературный жанр, реализуемый в рамках его индивидуально-авторских интерпретаций, как, например, в белорусской литературе “*зномы*” в книге “*Сума немагчымасяцяў*” (2009) А. Рязанова.

От литературного жанра афоризмов следует отличать афоризмы, которые никогда не создавались их авторами в виде отдельных произведений, а употреблялись в текстах иных литературных жанров, откуда впоследствии были выделены, систематизированы и изданы в виде сборников (как правило, без участия самих авторов). Афоризм, включенный в текст литературного произведения, прямо либо косвенно связан с контекстом, поэтому не всегда адекватно понимается вне произведения (особенно в случаях, если вложен в уста литературного персонажа [21]). Афоризм, созданный в виде отдельного произведения, не требует для своего понимания никаких иных текстов, хотя и может апеллировать к их содержанию (в том числе и других афоризмов как литературного жанра), им противоречить, их аргументировать, дополнять, комментировать и пр.

Использование афоризма как стилистического средства было известно европейской литературе еще в античности. Так, поэма “*Εργα και Ημέραι*” Гесиода (VIII—VII до н.э.) состоит преимущественно из поучений, советов и предостережений в основном в форме изречений обобщенного содержания («вечных истин»), которые используются как средство убеждения читателя в том, что труд и его материальная польза и есть настоящий смысл человеческой жизни. Афоризмы во множестве встречаются в памятниках средневековой европейской литературы, начиная с древнеанглийской эпической поэмы “*Beowulf*” (конец VII — начало VIII века) [22] и заканчивая “*The Canterbury Tales*” (конец XIV века) Дж. Чосера. Одним из наиболее известных образцов включения афоризмов в художественный текст в литературе средневековья является широко известное произведение испанского писателя Х. Мануэля “*El Libro de los Enxemplos del Conde Lucanor et de Patronio*” (1335), состоящее из пяти книг, где 2-я, 3-я и 4-я книги — это собрания изречений на темы 51-й новеллы, помещенных в первой книге. К афоризму как вербальному средству выражения мысли обобщенного философского содержания обращались в своих произведениях все классики мировой литературы, большинство из которых не были писателями-афористами (никогда не создавали и не публиковали книг афоризмов как литературного жанра).

Афоризмы, включенные в литературный текст, становятся широко известными и приобретают «вторую жизнь» благодаря давней традиции извлекать их из контекста и собирать в виде отдельных книг. Такая традиция зародилась еще в античности. Самая известная компиляция того времени — “*Menandri sententiae*”, сборник стихотворных изречений, извлеченных Менандром (около 343 — около 291 до н.э.) из произведений древнегреческих драматургов. Этот сборник пользовался огромной популярностью в античном мире и средневековой Европе (был переведен и на старославянский язык).

Религиозно-литературное понимание афоризма впервые было эксплицировано на рубеже XV—XVI веков, когда появились трактаты в форме афоризмов

теологического содержания. Одним из первых произведений такого рода были *“Aphorismi compunctionis theologicales”* (1497) швабского врача-католика Иеронима Бальдунга. Наибольшее свое развитие религиозное понимание афоризма получило сравнительно недавно (со второй половине XX века) благодаря экстраполяции понятия и термина *афоризм* для обозначения обобщенных по содержанию изречений в канонической и теологической литературе различных религий мира. Такие изречения с давних времен являются неотъемлемой частью священных текстов и религиозных догматов. Так, в древнеегипетском священном своде «Книга Мертвых», сложившемся в основном в эпоху Нового царства (с 1550 по 1070 до н.э.) и включающемся предшествующие ему священные «Тексты Саркофагов» (конец III — начало II тыс. до н.э.) и «Тексты Пирамид» (III тыс. до н.э.), употребляется немало афоризмов типа *Жизнь поднимается из смерти* («Глава о том, как не позволить телу погибнуть»), *Обман и хитрость отвратительны* («Гимн хвалы Ра, когда он поднимается над горизонтом и когда он садится в стране вечной жизни»), *Отвратительная вещь — нечистота* («Глава о преображении в Птаха») и др.

Множество изречений обобщенного содержания содержится в древнейших религиозных письменных памятниках — индийской «Ригведе» (II тыс. до н.э.), иранской «Авесте» (II—I тыс. до н.э.), еврейских «Танахе» и «Торе» (середина I тыс. до н.э.), индийских «Трипитаке (Типитаке)» (вторая половина I тыс. до н.э.) и «Бхагавадгите» (конец I тыс. до н.э.) и др. Изобилует изречениями обобщенного смысла Библия («Новый Завет», I в. н.э.) [23; 24], афоризмами являются многие из аятов в сурах «Корана» (VII в.) [25]. В канонических текстах афоризмы могут занимать основное место. Например, «*Дхаммапада*» (около III в. до н.э.), в которую включены, по преданию, высказывания самого Будды, состоит только из обобщенных по содержанию стихотворных изречений [26]. Часть библейских текстов состоит преимущественно из афоризмов — *Книга Екклесиаста* (Ветхий Завет), *Нагорная проповедь Иисуса Христа* (Мф. 5—7) и др. Значительное число содержательно значимых и выразительных по форме афоризмов содержится и в памятниках богословской литературы. Широко известны, например, изречения из трудов христианских Отцов Церкви и Учителей Церкви.

Основными признаками религиозно-литературного афоризма являются признание его содержания истинным независимо от фактического и логического обоснования (декларативность), принятие высказанных положений без оговорок в качестве руководства для дальнейших поступков, суждений, норм поведения, социальных отношений (директивность). Декларативность и директивность афоризма детерминируют идентификацию его содержания с определенной религиозной моделью мира, а также фиксированный характер его формы (несвободу лексико-грамматической организации), что позволяет сохранять (воспроизводить) обобщенное изречение в неизменном виде при многократном употреблении (что обеспечивает одно из важнейших свойств религиозных текстов — преемственность передачи сакрального знания).

Наряду с термином *афоризм* (часто в одном и том же списке) для обозначения обобщенных высказываний религиозного содержания широко употребляются

общие термины *изречение*, *мысль*, а также *совет* и др. В рамках религиозных стилей (непосредственными участниками религиозного дискурса) обобщенные изречения обычно не квалифицируются как *афоризм* по причине замещения его в религиозной сфере коммуникации более традиционными жанровыми понятиями *поучение*, *притча* и др. (в восточных религиозных системах распространены собственные жанры кратких изречений, например, *дзякуго* в дзэн-буддизме и т.п.).

Литературно-художественное понимание афоризма не выделялось отдельно от философско-литературного до середины XX века, когда испанский писатель Р. Гомес де ла Серна (1888—1963) предложил новую эстетическую концепцию литературного афоризма и реализовал ее в своей книге *“Total de greguerías”* (1955). Хотя Р. Гомес де ла Серна отказался от афоризма как жанра, как понятия и как термина, однако, создавая *грегерии*, обратился именно к форме афоризма как краткого, законченного, обобщенного высказывания, кардинально изменив только его содержание. Грегери, по словам писателя, характеризуются направленностью на отражение самых различных явлений действительности («мелочей жизни») в противопоставление «высокопарному афоризму», где есть место только для «глобальных» проблем бытия [27]. Такие изречения быстро приобрели популярность и стали активно развиваться в национальных европейских литературах, в том числе и как самостоятельный жанр, в частности в белорусской литературе *“Грыгерыі”* (1996) Адама Глобуса.

Литературно-художественный афоризм — это специфическая жанровая форма словесного творчества, результат не столько мыслительной, сколько художественной деятельности. При таком понимании афоризма наряду с обязательным остроумием мысли значимость приобретает поэтическая и стилистическая форма ее выражения (использование тропов, стилистических фигур, поэтических средств и др.). Содержательно афоризм представляет собой в большей степени образно-метафорическое, чем рациональное, объяснение действительности.

Следует заметить, что изречения, в которых обобщаются не имеющие существенной, глобальной социальной или духовной значимости явления действительности, известны в европейской литературе задолго до грегери и встречаются у многих писателей-афористов, которых нельзя упрекнуть в легкомысленном отношении к познанию действительности и к предназначению художественного слова (например, у Г.К. Лихтенберга [28. С. 16—17] и др.). Заслуга Р. Гомеса де ла Серна заключается не в изобретении изречений такого типа, а в их обосновании и практической реализации как самостоятельной жанровой формы — литературно-художественного афоризма.

Ярким проявлением литературно-художественного понимания афоризма является пародирование жанра афоризмов. В русской литературе классическим образцом такого рода являются *«Плоды раздумья: мысли и афоризмы»* (1854) К. Пруткива. С одной стороны, они создавались как пародия на литературное эпигонство в жанре афоризмов, но с другой — афоризм как жанровая форма использовался для высмеивания умственного застоя и косных политических взглядов, опирающихся на традиционные изречения и суждения здравого смысла.

Литературно-публицистическое понимание афоризма как часть его литературно-философского понимания начало развиваться еще в античный период. Целенаправленное использование афоризма как вербального средства публицистического содержания наиболее полно представлено в произведениях Публия (Гая) Корнелия Тацита (55—57 н.э. — ?), изобилующих обобщенными изречениями общественно-политического и социально-этического содержания. Уже в одном из ранних сочинений Тацита “*De vita Julii Agricolae*” выявились такие свойства идиостиля, как «стремление к семантической полновесности и сжатой выразительности» [29. С. 213], ярко выраженная публицистичность, поскольку описания заслуживали «наиболее значительные деяния» («Анналы», XIII, 34), намеренная поучительность, поскольку автор был моралистом, как и большинство античных историков. Реализация этих свойств породила обилие сентенций, глубоких обобщений, остроумных изречений, весьма искусно вплетенных в общий ход повествования и часто занимающих центральное место как в содержательной, так и в стилистической структуре текста. Стиль произведений Тацита надолго стал образцом публицистичности текста и примером использования афоризма как эффективного средства убеждения и формирования нужной оценки сообщения.

Публицистическое понимание литературного афоризма впервые было эксплицировано в Новое время — в испанской литературе XVI века секретарем короля Филиппа II А. Пересом, который «назвал афоризмами свои замечания на тему политической морали» [30. С. 13], однако продолжительное время не воплощалось в содержательно и количественно значимые авторские собрания афоризмов. Литературно-публицистический афоризм как самостоятельный речевой жанр оформился только в середине XX века благодаря получившим мировую известность книгам афоризмов социально-политического содержания “*Myśli nieuczesane*” (1957) и “*Nowe myśli nieuczesane*” (1966) С.Е. Леца.

Главным признаком литературно-публицистического афоризма является отражение в аналитической или критической (в том числе и сатирической) форме с морализаторской или дидактической направленностью сущности глубинных процессов и явлений социальной и политической жизни общества, закономерностей исторических событий, роли в них личности, ее духовных и интеллектуальных качеств.

Литературно-юридическое понимание афоризма восходит к римскому праву, большинство положений которого изложено в форме обобщенных изречений. Первым известным письменным источником римского права является свод законов “*Leges duodecim tabularum*” (около 450 до н.э.), основанный на законодательном своде древнегреческого государственного деятеля Солона (640/635 — около 560 до н.э.), записанном (в начале VI до н.э.) на деревянных досках и выставленном на всеобщее обозрение в Афинах (где простоял, согласно различным античным источникам, свыше ста лет).

Основными признаками юридического афоризма (который необходимо отличать от афоризмов о юриспруденции, где выражаются суждения лишь о праве) являются его содержательная обобщенность (неперсонифицированность адресата), универсальность (выражение только типичных отношений и связей, общеобяза-

тельность предписания), логичность (системность в связи с другими нормами права), наличие письменной формы (формальная определенность источника), воспроизводимость (неоднократность использования) и т.д.

Использование юридических формул в форме афоризмов уходит своими корнями в глубокую древность. Один из древнейших правовых памятников — «*Кодекс Хаммурапи*» (высеченный на каменном столбе законодательный свод старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи около 1750 до н.э.) — состоит из кратких обобщенных высказываний (всего 282 изречения, кроме вводной и заключительной частей текста). Однако в раннеклассовых социумах принципы криминальной ответственности (законы талиона) чаще выражались и сохранялись в виде устных общеизвестных изречений, самым известным из которых является актуальная и до сегодняшнего дня юридическая формула *Око за око, <зуб за зуб>*, зафиксированная в Ветхом Завете (Левит 24: 20). Многие юридические нормы имеют дописьменное происхождение и дошли до наших дней в пословицах, значительное количество которых ранее имели правовое содержание и использовались как **народно-юридические афоризмы**.

Термин *афоризм* в юридическом понимании стал широко использоваться только в XX в. [31; 32] в связи со становлением понятия афоризма как родового по отношению ко всем кратким обобщенным фразам. Со времен римского права обобщенные изречения юридического содержания назывались *сентенция*, что сохранилось до сих пор в отношении источников права на латинском языке и остается актуальным в ряде законодательных систем стран мира (например, в Великобритании, где англ. *sentence* означает ‘The judgment of a court stating the punishment to be imposed on a defendant who has pleaded guilty to a crime or been found guilty by the jury’ [33. С. 454—455]).

Народно-поэтическое (фольклорное) понимание афоризма было эксплицировано в первой трети XX в. в связи с распространением понятия афоризма на пословицы. «Пословица — тоже афоризм, но в форме просторечия» [34. С. 256]. Афоризм и пословица стали отождествляться, с одной стороны, под влиянием развития его широкого понимания как общего для всех кратких изречений с обобщенным содержанием, а с другой — благодаря очевидной близости признаков афоризма и пословиц литературного происхождения (которые составляют заметную часть паремиологических фондов многих европейских языков [35; 36]), а также пословиц с прямой мотивировкой общего значения («пословичных изречений», по определению В.И. Даля). Со второй половины XX в. пословицы (вначале только с прямой мотивировкой общего значения [37. С. 12], а затем и любые) стали квалифицироваться как *народные афоризмы* [30. С. 103], или как просто *афоризмы* [38]. Так, термин *народный афоризм* подается как синоним термина *пословица* в современных школьных словарях русского языка [39. С. 481], а термин *афоризм* кодифицируется в современном русском литературном языке как синонимичный термину *пословица* [40].

Народно-поэтическое понимание афоризма не ограничивается только пословицей. К афористическим жанрам фольклора помимо пословиц следует относить и народные приметы и суеверия (в форме изречений), хозяйственные (деловые)

изречения, устойчивые суждения здравого смысла, а также другие бытующие в народной речи устойчивые фразы (если они обладают обобщенно-универсальным значением). Но именно пословицы составляют ядро народно-поэтических афоризмов по причине как наиболее древнего происхождения, так и неизменного сохранения своих качеств как типа высказывания в разных языках на всём протяжении своей долгой истории вплоть до сегодняшнего дня.

Происхождение пословиц восходит к самым ранним этапам социогенеза, глоттогенеза и культурогенеза. Э.Б. Тайлор в своей знаменитой книге “Primitive Culture” (1871) отмечает, что в языке жителей Фиджи, которые еще в середине XIX столетия находились на той стадии развития, которую археологи назвали бы поздним каменным веком (VI—V тыс. до н.э.), зафиксированы пословицы [41. С. 156]. Наличие пословиц было отмечено и в языках иных примитивных культур, существующих в наше время [41. С. 157—158]. Функционирование пословиц и их содержание претерпели на протяжении своей долгой истории значительные изменения (деактуализировался приоритет их познавательной, а затем и дидактической функции, во много раз сократился их активный словарь, трансформировались предметно-тематический и аксиологический аспекты их содержания [41] и др.). Но они не исчезли из речи (вопреки предсказанию Э.Б. Тайлора [41. С. 159]), продолжают не только употребляться, но и создаваться [43], хотя и далеко не так продуктивно, как раньше.

Современное существование пословиц характеризуется, с одной стороны, созданием и употреблением новых пословиц, которые отражают современные реалии и отношение к жизни, а с другой — сохранением и актуализацией в речи традиционных пословиц преимущественно путем их перефразирования, в том числе и пародийного. Пародии на пословицы, или *антипословицы*, являются на сегодняшний день наиболее продуктивной формой актуализации традиционных пословиц и представлены обширными собраниями во многих европейских языках, ср. “*Antispruchwörter*” (1982—1989) В. Мидера, “*Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs*” (1999) В. Мидера и А. Литовкиной, «*Антипословицы русского народа*» (2005) Х. Вальтера и В.М. Мокиенко и др. Современные пословицы создаются и функционируют не только в традиционно устной форме, но и в письменной, благодаря практически повсеместной распространенности и доступности электронных средств письменной массовой коммуникации (прежде всего Интернету). В этой связи трудно установить однозначную границу между фольклорным (пословичным, народно-поэтическим) и нефольклорным (народно-литературным) творчеством в области создания и употребления новых афоризмов.

Наиболее существенными признаками народно-поэтического афоризма являются обобщенное выражение в действительности (сведение множества конкретных ситуаций к одной типичной, или типовой, ситуации), краткость и выразительность языковой формы (позволяющей быстро запоминать и легко воспроизводить его в речи), законченность содержания (обеспечивающая его полисемантическую и полифункциональность в речи), эпистемологическая актуальность (обуславливающая его непреходящий авторитет как отражения коллективного опыта) и др.

Народно-литературное понимание афоризма синтезировалось из их народно-поэтического и литературно-художественного понимания в конце XX — начале XIX в. благодаря, с одной стороны, демократизации литературного процесса, исчезновению границ между профессиональным и любительским литературным творчеством (каждый может стать писателем и издать свою книгу), а с другой — развитию и доступности электронных средств письменной массовой коммуникации (прежде всего Интернета). Появились и продолжают появляться книги афоризмов никому неизвестных авторов, не всегда высоко художественные по форме и глубокие по содержанию, однако неизменно претендующие на элитарность и литературное признание, например: «*Новые афоризмы Козьмы Пруткова*» (2002) В. Полуботко, «*Философские афоризмы*» (2005) Ю. Фомина, «*Первый век Аркадия Давидовича. Афоризмы-шедевры*» (2014) А. Давидовича и т.п. В скромном названии одной из таких книг — «*Любительские афоризмы*» (2012) некоего И.Т. Каллина — достаточно точно отражается сущность такого рода изречений. интернет-ресурсы насыщены результатами массового афористического творчества, которое конкурирует в количественном отношении с электронными версиями печатных собраний пословиц и литературных афоризмов.

Основным предназначением афоризма в таком его понимании является выражение в самой разнообразной форме всего того, чему не нашлось места ни в пословицах, ни в классических литературных афоризмах. Мировоззренческая глубина мысли и оригинальность формы (содержания) нехарактерны для таких афоризмов, их авторы не претендуют на роль наставников добродетели или учителей мудрости (поэтому не всегда маркируют свое авторство). Содержание народно-литературных афоризмов часто не является социально значимым и не всегда характеризуется позитивным взглядом на мир. По своей форме они во многих случаях являются перефразированиями пословиц или литературных афоризмов, их наследованиями, реминисценциями, аллюзиями на них и т.п.

Афоризмы как продукт массового словесного творчества не имеют четких жанровых границ и с трудом поддаются внутренней дифференциации. В кругу народно-литературных афоризмов выделяются гомогенные по различным признакам группы, наиболее известной из которых являются *мерфизмы* — изречения, в которых концептуализируется негативный жизненный опыт. В основе мерфизмов лежит так называемый «закон Мерфи» (англ. *Murphy's law*) — шуточный философский принцип англ. *Anything that can go wrong will go wrong* («Если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет»), якобы сформулированный капитаном ВВС США инженером Э. Мерфи в 1949 г. при выполнении проекта по определению максимальной перегрузки, которую способен выдержать человеческий организм [44. С. 4]. Следствия из ставшего широко известным «Закона Мерфи», созданные многочисленными анонимными авторами, были впервые собраны в книге «*Murphy's Law, and Other Reasons Why Things Go WRONG!*» (1977) А. Блоха. Мерфизмы как содержательная разновидность народно-литературных афоризмов приобрели во второй половине XX в. огромную популярность и активно создаются подражателями Э. Мерфи на самые разные темы («*Законы Мерфи для юристов*», «*Законы Мерфи для медиков*», «*Законы матушки Мерфи для родителей*» и т.п.).

Понятие и термин *афоризм* не всегда эксплицируются в их народно-литературном понимании, часто замещаются как традиционными понятиями и терминами *изречения, мысли* и т.п., так и новыми (как правило, производными от *афоризмы*). Большинство самоназваний народно-литературных афоризмов преимущественно отражает их ту или иную содержательную направленность: «*Афоризмы и морализмы*» (2002) Ю.Г. Шнейдера, «*Эйфоризмы. Плод досуга. Род недуга*» (2005) В.Б. Смехова, «*Язык мой — друг мой: афоризмы, юморизмы, иронизмы*» (2014) И. Когана и др., иногда подчеркнута одиозного характера — «*Дебилизмы*» (2006) А. Багинского, «*Идиотизмы*» (2009) Б. Грачевского и т.п.

Наименования народно-литературных афоризмов в массовых печатных изданиях самоироничны: «*Афонаризмы*» (созвучно разговорно-сниженному *офонареть* ‘лишиться рассудка, разума; отупить, поглупеть’) — рубрика в еженедельнике «Литературная газета», в которой публикуются изречения пародийного, шуточного, сатирического содержания; «*АиФоризмы*» (от сокращенного названия газеты — «АиФ») — рубрика (с 1978 г.) в еженедельнике «Аргументы и факты», где печатаются афоризмы, присланные читателями [45].

Народно-литературные афоризмы сравнительно редко издаются в виде отдельных книг одного автора, редко компилируются в виде сборников разных авторов, однако регулярно включаются в сборники антипословиц [46].

Поэтико-риторическое понимание афоризма начало формироваться еще в античных и средневековых риториках и поэтиках, на основе которых окончательно оформилось в Новое время. В самом обширном из дошедших до наших дней изложении теории ораторского искусства “*Institutionis oratoriae libri duodecim*” Квинтилиана (около 35 — после 96) афоризму, обозначенному как лат. *sententia* или греч. *gnoma*, была посвящена отдельная глава (*Liber VIII, Caput V*). Афоризмы всегда широко использовались в риторической теории и практике в качестве одного из наиболее выразительных речевых средств и эффективных способов выражения мысли. Афористические высказывания различных типов употребляются и интерпретируются в «Риторике» и «Поэтике» Аристотеля (384—322 до н.э.), риториках и поэтиках других античных авторов, их многочисленных средневековых компиляциях. Наиболее полно афоризмы как предмет риторики впервые описаны в трактате Б. Грасиана “*Arte de ingenio, tratado de agudeza (Agydeza u arte de ingenio)*” (1648) и эксплицированы на практике в его же книге афоризмов “*Oraculo Manual, u Arte de Prudencia. Sacada de los Aforismos Quese Discurre En las obras de Lorenzo Gracian*” (1647).

В русской филологической традиции поэтико-риторическое понимание афоризма наиболее полное отражение впервые нашло в риторическом трактате «Краткое руководство к красноречию: книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии» (1748) М.В. Ломоносова, где содержится не менее 450 афористических единиц различных типов и разнообразного содержания (пословиц, прямых либо косвенных цитат из древних авторов, а также из собственных произведений, суждений здравого смысла, индивидуально-авторских изречений и др.) [47], которые используются в качестве иллюстративного материала, предмета риторической интерпретации,

а также как одно из языковых и риторических средств речи, к которому обращается автор для обобщения и аргументации сказанного.

Для поэтико-риторического афоризма наиболее важными являются его качества как элемента устной публичной речи (лаконичность, обобщенность, выразительность, оценочность, иллюстративность, аргументативность и т.д.), а также его поэтические и риторические свойства как речевого жанра, условия и средства создания афоризмов, их функционирование в качестве отдельных литературных текстов или элементов литературных произведений различных жанров. Свойственная содержанию афоризма убедительность основывается и достигается не столько новизной или логической аргументированностью мысли, сколько намеренно неожиданным ее выражением с помощью различных стилистических и языковых средств.

Поэтико-риторическое понимание афоризмов позволяет добиваться на практике «ошеломляющего воздействия» [48] на слушателя (читателя) даже самых тривиальных по содержанию обобщений. Благодаря своим поэтико-риторическим качествам афоризм является одним из самых продуктивных вербальных средств не только устной публичной речи и языка художественной литературы, но и публицистического и религиозного дискурсов, языка СМИ и рекламы, а также обиходной речи в тех случаях, когда говорящий стремится к убедительности сообщения, используя экспрессивные средства выражения мысли.

Обиходно-языковое понимание афоризма восходит к античной устно-письменной лингвокультуре. Структурные и функциональные свойства афоризма как единицы речи и как вербального средства мышления в достаточной степени осознавались древнегреческими авторами. Так, др.-греч. *ἀφορισμός* означало не только специфическое по форме и логической структуре высказывание, но также и лаконичный, фрагментарный стиль речи [30. С. 12—13]. Имплицитно (под названием *гнома*, *сентенция*, *флорилегия* и др.) афоризм соотносился в античности с высказыванием (фразой) определенного типа, на основании чего, в частности, афоризмы извлекались из письменных текстов и компилировались в виде довольно больших собраний, наиболее известными из которых были “*Menandri sententiae*” Менандра (IV—III до н.э.) и “*Ἀνθολόγιον ἢ Ἐκλογὴν ἀποφθεγματικῶν*” (“*Florilegium*”) Стобея (V н.э.).

Обиходно-языковое понимание афоризма основано на идеальном представлении носителей языка, какими свойствами должен обладать афоризм как продукт и способ речемыслительной деятельности. Такое представление не является константным, поскольку в значительной степени обусловлено уровнем развития и национальными особенностями речевой коммуникации и книжно-письменной культуры, а также прямо зависит в своем объеме от обращения к самому термину и понятию *афоризм*. Поэтому обиходно-языковое понимание афоризма может быть эксплицитным и имплицитным (включать либо не включать термин *афоризм*), минимальным и максимальным по своему объему (основываться на понятии афоризма как видового либо как родового по отношению ко всем остальным изречениям, устойчивым фразам и т.п.).

Обиходно-языковое понимание афоризма отражается в его метаязыковых дефинициях как в речевой практике, так и в нормативных лингвистических справочниках, учитывающих узус. Так, современное обиходно-языковое понимание афоризма частично отражено в лексическом значении слова *афоризм*, которое толкуется, например, в русском языке как ‘изречение, выражающее с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль’ [49], в белорусском — ‘краткое меткое изречение’ [50], в английском — ‘a short phrase that contains a wise idea’ [51] и т.д.

Обиходно-языковое понимание афоризма может отражаться в его научно-популярных дефинициях в энциклопедических справочниках общего типа, где определяется понятие афоризма и/или описываются его свойства как объекта действительности (речи, мышления, литературы и др.). Однако дефиниции такого рода демонстрируют, как правило, то или иное эмпирическое понимание афоризма (см. выше) либо результат его теоретического осмысления как предмета той или иной научной дисциплины, поэтому не могут быть приняты в полном объеме в силу наличия в них внутренних противоречий и излишней детализации. Так, если объединить основные дефиниции понятия «афоризм» (помещенные в таких фундаментальных энциклопедических изданиях, как «Большая Российская энциклопедия», «Беларуская энцыклапедыя», «Большая Советская энциклопедия», “Encyclopaedia Britannica”, “Brockhaus Enzyklopädie”, “Grand Larousse encyclopedique”, “Meyers Enzyklopädisches Lexikon” и др.), то афоризм можно квалифицировать как изречение (принадлежащее известному автору или анонимное), в котором сжато, емко, обобщенно, в отрывистой, стилистически изолированной, высоко художественной, часто аллегорической форме выражена некая законченная мысль директивного (поучительного) или декларативного (констатирующего) характера, преимущественно социально значимой тематики, глубокого и вместе с тем остроумного или парадоксального содержания. Такое определение носит искусственный характер, в своем полном объеме никогда не используется носителями языка.

Обиходно-языковое понимание афоризма не следует отождествлять с его лингвистическим пониманием как объекта языкознания. Второе может быть сформировано на основе первого, но не должно ему соответствовать, может противопоставляться ему по своему объему и содержанию. Такого рода противопоставления обычны для соотношения наивной и научной картин мира, полное совпадение которых возможно только на протонаучном уровне. Именно поэтому обиходно-языковое понимание афоризма, несмотря на всю свою простоту и привлекательность, не может быть принято в качестве собственно лингвистической квалификации понятия афоризма как единицы речи (языка).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмпирическое понимание афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста) подразумевает его осмысление носителями языка в рамках

той или иной разновидности дискурса, сферы речевой коммуникации, используемой в отдельной социальной или культурной практике, области знания (в том числе научного).

Эмпирическое понимание афоризма характеризуется высокой степенью гетерогенности, обусловленной значительными различиями в хронологии своего формирования и развития, влиянием тех или иных национальных (или интернациональных) традиций, разного рода культурных направлений и социальных процессов, парадигм научного знания и лингвокультур.

Эмпирическое понимание афоризма в современной европейской афористике дифференцируется на девять наиболее значимых аспектов: научно-философское, литературно-философское, религиозно-литературное, литературно-художественное, литературно-публицистическое, литературно- и народно-юридическое, народно-поэтическое, поэтико-риторическое, обиходно-языковое. Каждый аспект эмпирического понимания афоризма базируется на его определенных свойствах и функциях (дифференциальных признаках), характерных для реализации афоризма как вербального средства в рамках данной социальной или культурной практики, области знания и т.д.

Результаты исследования могут найти применение в сфере общей теории афоризма как объекта филологии и лингвистики. Введение в научный оборот понятия эмпирического понимания афоризма и дифференциация такого понимания на основе признаков афоризма, характеризующих его использование в различных видах дискурса и сферах речевой коммуникации, позволит систематизировать афористические единицы в виде общих предметных классов как речевые жанры (афоризмы научные, философские, литературные, публицистические, юридические, фольклорные и др.), а также разграничить научные направления изучения афоризма. Особенно значимым это видится для тех славянских и неславянских языков, в которых уже описан состав афористических единиц, например, русского [52], белорусского [53] и др.

Перспективным для дальнейших исследований представляется изучение лингвистических и стилистических свойств афоризма как вербального средства в различных видах дискурса и сферах речевой коммуникации, а также семиотических и семантических особенностей его использования как фразы (фразового текста) в отдельных социальных или культурных практиках и областях знаний.

© Иванов Е.Е., 2019

Дата поступления: 01.03.2019

Дата приема в печать: 15.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Минск: Вышэйшая школа, 2018.
2. *Ivanov E.* Aphorism as a Unit of Language and Speech // EUROPHRAS 2016: Word Combinations in the Linguistic System and Language Use: Theoretical, Methodological and Integrated Approaches, Trier, August 1—3, 2016: Abstracts. Trier, 2016. P. 42.
3. *Солопова М.А.* Vita brevis: к толкованию первого афоризма Гиппократ // Философский журнал. 2012. № 1 (8). С. 5—25.

4. *Вейсмань А.Д.* Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899.
5. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
6. *Оболенский В.Б.* Афоризм как язык философии. Орел, 2016.
7. Афоризмы китайских мудрецов / сост. М.Э. Логинова. М.: Эксмо, 2008.
8. Афоризмы индийских мудрецов / сост. М.Э. Логинова, А.М. Михайлов. М.: Эксмо, 2008.
9. Афоризмы арабских мудрецов / сост. М.Э. Логинова. М.: Эксмо, 2008.
10. Этика: словарь афоризмов и изречений / сост. В.Н. Назаров, Е.Д. Мелешко. М.: Аспект-пресс, 1995.
11. Педагогика: словарь афоризмов и изречений / сост. К.М. Хоруженко. 2-е изд. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003.
12. Афоризмы, девизы, необычные изречения в научной работе и в процессе изучения металловедения и физики радиационных повреждений / под ред. А.М. Паршина, А.Н. Тихонова. СПб.: Политехника, 2004.
13. Психология и психотерапия в афоризмах / сост. К.В. Ягнюк. М.: ИКСР, 2008.
14. Психопатология в афоризмах / сост. А.В. Рустанович. 2-е изд. СПб.: ЭЛБИ, 2012.
15. Математика в афоризмах, цитатах, высказываниях / сост. Н.А. Вирченко. Киев: Вища школа, 1983.
16. Удивительный мир физики: афоризмы, изречения, цитаты / сост. В.М. Андрианов. Винница, 1996.
17. Философия: история античного периода в высказываниях и афоризмах / сост. Н.Б. Нечаева, М.Б. Воскресенская. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.
18. Медицина в афоризмах и крылатых выражениях: от истоков до наших дней / сост. Е.Е. Ачкасов, И.А. Мискарян. М.: Профиль, 2009.
19. Об истории и историках: мысли, изречения, афоризмы с древнейших времен до наших дней / сост. В.Н. Горохов. М.: Книжный дом, 2013.
20. *Эпштейн М.Н.* Афористика // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 43—44.
21. Крылатые фразы и афоризмы литературных героев / сост. А.Ю. Кожевников, Т.Б. Линдберг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
22. *Гвоздецкая Н.Ю.* Афористические высказывания в контексте древнеанглийской поэмы «Беовульф» // Творчество писателя и литературный процесс. Язык литературы. Поэтика. Иваново, 1995. С. 112—124.
23. Библейские афоризмы / сост. А.Ю. Кожевников, Т.Б. Линдберг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012.
24. Афоризмы. Священное Писание / сост. В.Г. Носков. М.: Аванта+: Астрель, 2010.
25. Мудрость Корана. М.: АСТ: Астрель, 2008.
26. Афоризмы Будды. М.: Гелеос, 2010.
27. *Гомес де ла Серна Р.* Грегерия // *Гомес де ла Серна Р.* Избранное. М.: Худож. литература, 1983. С. 294—341.
28. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма: учебное пособие. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016.
29. *Тронский И.М.* Корнелий Тацит // *Тацит, Корнелий.* Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.
30. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
31. *Гончарова Н.А., Антонюк М.Г.* Юридические термины и афоризмы: латинско-русско-белорусский словарь. Минск, 2009.
32. Трудовой кодекс Российской Федерации в афоризмах / сост. С. Сидоров, В. Малешин. М.: Астрель, 2012.
33. A Dictionary of Law: Reissued with New Covers / Ed. E.A. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2003.
34. *Рыбникова М.А.* Введение в стилистику. М.: Сов. писатель, 1937.

35. *Ivanov E., Petrushevskaja Ju.* Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. No 5. P. 864—872.
36. *Иванов Е.Е., Петрушевская Ю.А.* English Proverbs: from Literary Texts, in Literary Texts: Etymology, Usage, Variability. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2016.
37. *Пермяков Г.Л.* От поговорки до сказки. М.: Наука, 1970.
38. *Гаспаров М.Л.* Афоризм // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 43.
39. Толковый словарь русского языка для школьников / сост. С.Г. Трясогузова. М.: РИПОЛ классик, 2007.
40. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
41. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Директ-медиа, 1989.
42. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремииологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317.
43. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994.
44. *Иванова Н.С.* Опыт лингвистического исследования мерфизмов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2010.
45. Афоризмы: в 3 т. М.: Аргументы и факты, 2008.
46. Антипословицы и афоризмы / сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2011.
47. *Иванов Е.Е.* Афористические высказывания в «Риторике» М.В. Ломоносова (к постановке проблемы) // М.В. Ломоносов в истории науки, культуры, университетского образования. Гродно: ГрГУ, 2013. С. 133—136.
48. Aphorismen // Meyers Enzyklopedisches Lexikon. Mannheim, 1971. Bd. 2. P. 387.
49. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981. Т. 1.
50. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск: БелЭн, 1996.
51. Longman Dictionary of Contemporary English. 5th Ed. Pearson, 2009.
52. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта; Наука, 2005.
53. *Иваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017.

УДК 81'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401

ASPECTS OF EMPIRICAL UNDERSTANDING OF APHORISM

Eugeny E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University
1, Kosmonavtov Str., Mogilev, Belarus, 212022

Abstract. Nowadays, modern linguistics pays much attention to the study of aphorism as a phrase text and a fixed phrase. In this regard, the analysis of the properties of aphorism, which characterize it in various types of discourse and spheres of communication, is particularly relevant. The article attempts to differentiate and describe various empirical understandings of aphorism. The purpose of the study is to establish and describe aspects and distinctive features of the empirical understanding of aphorism as a verbal means of expressing general judgments and universal generalization of reality in the form of phrase (phrase text). Research methods — heuristic, descriptive, taxonomic, generalization, analysis

and synthesis. The material for the study are more than 100,000 aphoristic units taken from more than 300 handwritten and printed sources in Russian, Latin, English, German, French, Spanish and other languages. As a result, the notion of empirical qualification of aphorism is defined, it is a verbal means within this type of discourse or sphere of communication used in a particular social or cultural practice, the branch of knowledge (including scientific). Each particular empirical understanding of aphorism can be considered as one of the aspects of its general empirical understanding. Aspects of an empirical understanding of aphorism were formed at different times, emerged and developed in various national (or international) traditions, under the influence of various cultural trends and social processes, within the paradigms of scientific knowledge and linguocultures. It was established that there are only nine of the most significant empirical understandings of aphorism (scientific-philosophical, literary-philosophical, religious-literary, literary-fictional, literary-publicistic, literary-legal, folk-poetic, poetic-rhetorical, colloquial-linguistic understandings). Each of them forms a separate aspect of the empirical understanding of an aphorism based on a set of properties and functions (distinctive features), specific to the implementation of aphorism as a verbal means within a given social or cultural practice, the branch of knowledge. Introduction to the science the concept of “empirical understanding of aphorism” and the differentiation of aspects of such understanding is based on the use of aphorism in various types of discourse and spheres of speech communication, will allow to systematize aphoristic units as speech genres (scientific aphorisms, philosophical, literary, journalistic, legal, folklore, etc.), and also to distinguish the scientific directions of studying aphorism.

Key words: aphorism, phrase text, fixed phrase, communication, discourse, empirical understanding, distinctive features

REFERENCES

1. Ivanov, E.E. (2018). Linguistic aphorism. Minsk: Higher School Publ. (In Russ.).
2. Ivanov, E. (2016). Aphorism as the Unit of Language and Speech. In *EUROPHRAS 2016: Word Combinations in English, Abstract*. Trier. pp. 42.
3. Solopova, M.A. (2012). Vita brevis: to the interpretation of the first aphorism of Hippocrates. *Philosophical Journal*, 1 (8), 5—25. (In Russ.).
4. Weissman, A.D. (1899). Greek-Russian dictionary. St. Petersburg. (In Russ.).
5. Vernadsky, V.I. (1991). Scientific thought as a planetary phenomenon. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Obolensky, V.B. (2016). Aphorism as the language of philosophy. Orel. (In Russ.).
7. Aphorisms of the Chinese sages, M.E. Loginov (Comp.). (2008). Moscow: Eksmo. (In Russ.).
8. Aphorisms of the Indian sages, M.E. Loginova & A.M. Mikhailov (Comp.). (2008). Moscow: Eksmo. (In Russ.).
9. Aphorisms of the Arab wise men, M.E. Loginov (Comp.). (2008). Moscow: Eksmo. (In Russ.).
10. Ethics: a dictionary of aphorisms and sayings, V.N. Nazarov & E.D. Meleshko. (Comp.). (1995). Moscow: Aspect-press. (In Russ.).
11. Pedagogy: dictionary of aphorisms and sayings, K.M. Khoruzhenko (Comp.). (2003). Rostov-na-Donu: RSPU Publ. (In Russ.).
12. Parshina, A.M. & Tikhonov, A.N. (Eds.). (2004). Aphorisms, mottos, unusual sayings in scientific work and in the process of studying metal science and physics of radiation damage. St. Petersburg: Polytechnic Publ. (In Russ.).
13. Psychology and psychotherapy in aphorisms, K.V. Yagnyuk (Comp.). (2008). Moscow: ICSR. (In Russ.).
14. Rustanovich, A.V. (Ed.) (2012). Psychopathology in aphorisms. St. Petersburg: ELBI. (In Russ.).
15. Virchenko, N.A. (Ed.) (1983). Mathematics in aphorisms, quotes, statements. Kiev: Higher School Publ. (In Russ.).
16. The wonderful world of physics: aphorisms, sayings, quotes, V.M. Andrianov (Comp.). (1996). Vinnitsa. (In Russ.).

17. Philosophy: the history of the ancient period in the statements and aphorisms, N.B. Nechaev, M.B. Voskresenskaya (Comp). (2009). Kostroma: Kostroma University Press. (In Russ.).
18. Achkasov, E.E. & Miskaryan, I.A. (Eds.) (2009). Medicine in aphorisms and winged expressions: from the beginnings to the present day. Moscow: Profile. (In Russ.).
19. Gorokhov, V.N. (Ed.) (2013). About history and historians: thoughts, sayings, aphorisms from ancient times to the present day. Moscow: Book House. (In Russ.).
20. Epstein, M.N. (1987). Aphoristics. In *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Sov. encyclopedia. pp. 43—44. (In Russ.).
21. Kozhevnikov, A.Yu. & Lindberg, T.B. (Eds.) (2012). Wise phrases and aphorisms of literary heroes. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
22. Gvozdetskaya, N.Yu. (1995). Aphoristic statements in the context of the Old English poem “Beowulf”. In: *Creativity of the writer and the literary process. Language of literature. Poetics*. Ivanovo. pp. 112—124. (In Russ.).
23. Kozhevnikov, A.Yu. & Lindberg, T.B. (Eds.) (2012). Biblical aphorisms, Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
24. Aphorisms. Scripture, V.G. Noskov (Comp.). (2010). Moscow: Avanta+; Astrel. (In Russ.).
25. The wisdom of the Quran. (2008). Moscow: AST; Astrel. (In Russ.).
26. Aphorisms of the Buddha. (2010). Moscow: Geleos. (In Russ.).
27. Gomez de la Serna, R. (1983). Gregeria. In: *Gomez de la Serna R. Works*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. pp. 294—341. (In Russ.).
28. Ivanov, E.E. (2016). Linguistic aphorism. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.).
29. Tronsky I.M. (1993) Cornelius Tacitus. In: *Tacitus, Cornelius. Works: in 2 vol.* Moscow: Nauka. Vol. 2. (In Russ.).
30. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). Aphoristic. Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Goncharova, N.A. & Antonyuk, M.G. (2009). Legal terms and aphorisms: Latin-Russian-Belarusian dictionary. Minsk. (In Russ.).
32. The labor code of the Russian Federation in aphorisms, S. Sidorov, V. Maleshin (Comp.). (2012). Moscow: Astrel. (In Russ.).
33. A Dictionary of Law: Reissued with New Covers, E.A. Martin (Ed.). (2003). Oxford: Oxford University Press.
34. Rybnikova, M.A. (1937). Introduction to the style. Moscow: Sov. pisatel. (In Russ.).
35. Ivanov, E. & Petrushevskaya, Ju. (2015). Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8, 5, 864—872.
36. Ivanov, E. & Petrushevskaya Ju. (2016). English Proverbs: from Literary Texts, in *Literary Texts: Etymology, Usage, Variability*. Mogilev: Mogilev University Press.
37. Permyakov, G.L. (1970). From saying to a fairy tale. Moscow: Nauka. (In Russ.).
38. Gasparov, M.L. (1987). Aphorism. In: *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Sov. Encyclopedia. p. 43. (In Russ.).
39. Explanatory dictionary of the Russian language for schoolchildren, S.G. Tryosgzov (Comp.). (2007). Moscow: RIPOL Classic. (In Russ.).
40. Abramov, N. (1999). Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. Moscow: Russian Dictionaries Publ. (In Russ.).
41. Taylor, E.B. (1989). Primitive culture. Moscow: Direct Media. (In Russ.).
42. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). The value constants of the Ruthenian paremiology (against the background of the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 4 (54), 303—317. (In Russ.).
43. Belyanin, V.P. & Butenko, I.A. (1994). Live speech: a dictionary of colloquial expressions. Moscow: PAIMS. (In Russ.).
44. Ivanova, N. (2010). The experience of linguistic study of Marthism. Blagoveshchensk: BSPU Press. (In Russ.).

45. AiForismy: in 3 vol. (2008). Moscow: Arguments and Facts Press. (In Russ.).
46. Anti-Proverbs and aphorisms, M.V. Adamchik (Comp.). (2011). Minsk: Harvest. (In Russ.).
47. Ivanov, E.E. (2013). Aphoristic statements in “Rhetoric” by M.V. Lomonosov (for the formulation of the problem). In: *M.V. Lomonosov in the history of science, culture, university education*. Grodno: Grodno University Press. pp. 133—136. (In Russ.).
48. Aphorismen. (1971). In: *Meuegs Enzykloredisches Lekhikon*. Mannheim. Bd. 2. p. 387.
49. Dictionary of the Russian language: 4 vol., A.P. Evgenieva (Ed.). (1981). 2nd ed. Moscow: Russian Language Publ. Vol. 1. (In Russ.).
50. Explanatory Dictionary of the Belarusian literary language, M.G. Sudnik, M.N. Krivko (Ed.). (1996). Minsk: Bel. Encyclopedia. (In Belarus.).
51. Longman Dictionary of Contemporary English (2009). 5th ed. Pearson.
52. Korolkova, A.V. (2005). Russian aphoristics. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
53. Ivanov, E.E. (2017). Aphoristic units in the Belarusian language. Mogilev: Mogilev University Press. (In Belarus.).

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381—401. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401.

For citation:

Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 381—401. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401.

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова, Могилев, Беларусь; *научные интересы*: теоретическая лингвистика, сопоставительное языкознание, прикладное языкознание (лексикография, лингводидактика), современный русский язык, славянские языки (фразеология, паремиология, афористика). Автор около 360 научных публикаций, из них свыше 40 монографий, учебников и учебных пособий, словарей; *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Mogilev State A. Kuleshov University (the Republic of Belarus). *Research interests*: theoretical linguistics, comparative linguistics, applied linguistics (lexicography, linguodidactics), modern Russian, Slavic languages (phraseology, paremiology, aphoristics). The author of more than 360 research papers, of which over 40 monographs, textbooks, dictionaries; *e-mail*: ivanov-msu@mail.ru

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (совместно с РФФИ) в рамках научного проекта № Г18Р-301.

Acknowledgment: The reported study was funded by BRFB (and RFBR) according to the research project № Г18Р-301.

УДК 811.161.1'373:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ОБРАЗ ШВОНДЕРА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОЦЕНКИ

Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Прецедентные феномены, к которым принадлежат имена героев литературных произведений, весьма характерны для современных публицистических текстов, «заряженных преимущественно отрицательными эмоциями» (В.И. Шаховский), использующих способы косвенной оценки: краткие и выразительные, обладающие широким спектром коннотативных и ассоциативных связей, они становятся эмоционально-оценочной составляющей текста. Колоритная — не только для двадцатых годов XX века — фигура героя повести М. Булгакова «Собачье сердце» Швондера прочно обосновалась в современной галерее прецедентных литературных имен. Русские вычлениют весьма широкий спектр признаков как отдельных личностей и их поведения, так и наблюдаемых социальных явлений, вербализуемых в тексте словами *Швондер* (*Швондеры*), *швондеровщина*, *швондерить* и т.д. Основные векторы осмысления, выявляемые на материале текстов Национального корпуса русского языка и ресурсов сети Интернет, позволяют говорить о тенденции использования имени субъекта как способа указания на проявление в его поведении — и, соответственно, в поведении кого-либо иного — как одной важной черты (Швондер — «ненавистник интеллигенции», «мстительный», «символ мнимой занятости») или на совершенный им характерный поступок, делающий его образ-эталоном (Швондер — «разрушитель старого доброго мира», «реквизитор чужого жилья», «отвергает ценности, накопленные обществом в прошлом» и т.д.). Через сочетание «*Швондер* (*Швондеры*) — *Шариков* (*Шариковы*)» делается акцент на типичности наблюдаемого явления, на идейно-партийной принадлежности и др. Имя Швондера часто выступает в сочетании с именами и иных персонажей повести — в частности, с именами Преображенского и Борменталья, когда современный автор очерчивает конфликт, например, невоспитанности (хамства) и интеллигентности, невежественности и образованности, пустой риторики и реальных действий и т.д. Говорящие находят все новые возможности трактовки образа Швондера и привлекают это имя, как и иные словообразовательные окказионализмы, для выражения своей позиции относительно предмета речи, иронического или пренебрежительного отношения к нему. Вместе с тем прецедентное имя может быть в «новом» тексте семантически диффузным, расплывчатым, но, намагниченное особыми коннотациями, оно служит усилению ироничного, негативного-оценочного звучания вторичного текста и допускает различные трактовки. Даже при отсутствии конкретизирующих слов, раскрывающих доминантную семантику текста, само использование образа Швондера уже гарантирует как минимум высокий накал экспрессии и ощутимую степень негативной оценки.

Ключевые слова: прецедентное имя, М. Булгаков, образ, словообразовательная модель, оценка, коннотация, СМИ

ОБОСНОВАНИЕ

«При любой оценке, количественной или качественной, частной или общей», предметов и явлений окружающего мира говорящий исходит из имеющейся в его распоряжении шкалы оценок и ряда стереотипных средств для их выражения

[1. С. 56]. Одним из таких средств является использование говорящим прецедентных текстов, привлекаемых для «интенционального отождествления неотождествимого» [2. С. 95], но определенным образом сближаемого. Этот прием основан на допущении о подготовленности адресата и соответствующей его интуиции, о совпадении тезауруса читателя, понимаемого в широком смысле как совокупность накопленных человеком знаний, а в узком — как наличие определенных слов в лексиконе, с тезаурусом автора, соотносящего первоначальный контекст, из которого берется цитата, и степень ее маркированности и трансформации при включении в иной текст — с возможностями ее интерпретации в новых условиях [3. С. 353—354].

Рассматривая произведение (текст) как диалог автора со всей предшествующей и современной ему культурой, исследователи пользуются и рядом других терминов: М.М. Бахтин говорит о «чужом слове» и «диалогизме» [4], В.П. Руднев — о «тексте в тексте» [5. С. 308], И.В. Арнольд — об «импликации», «включении», «интертекстуальности», понимая под последней использование в тексте «других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [3. С. 346], целью которого является осязаемое «приращение информации».

Интертекстуальность как «прагматически ориентированный прием» связана с продолжением «посттекстового функционирования» (т.е. вторичного использования. — *Е.С.*) определенных фрагментов первичного текста [6. С. 43], используемых в качестве стереотипов дискурса, или прецедентных текстов. *Прецедентный текст* — это культурный знак особого рода, речевой фрагмент, включаемый в текст, но, как правило, имеющий автора либо узнаваемый источник, не принадлежащий автору изучаемого произведения. Многократно интерпретируемый в различного рода дискурсах, такой текст становится, по Ю.Н. Караулову, «фактом культуры» [7. С. 217].

Исследователями предложены типологии прецедентных текстов, разработанные на основе таких критериев, как протяженность — от слова до пространной цитаты, характер источника, из которого почерпнуты выражения, и связанная с этим индивидуальность/коллективность автора, объем культурных коннотаций¹, способствующих сохранению целостности выражения и представляющих собой преимущественно область имплицитных знаний. К разряду прецедентных относят тексты сказок, мифов и преданий, цитаты из известных произведений художественной литературы и также целые тексты, ставшие хрестоматийными высказываниями известных исторических и политических деятелей и представителей сферы культуры, реплики героев кинофильмов и анекдотов, названия произведений

¹ Под культурной коннотацией мы понимаем, вслед за Н.Г. Брагиной, языковую функцию памяти, обуславливающую узнавание (общий культурный код настоящего) и припоминание (общий культурный код прошлого) слов, словосочетаний в их отношении к определенному типу дискурса — политического, социально-идеологического, философского, религиозного и т.д. [8. С. 44].

искусства и т.д. (см., в частности, [9—11]). Знание прецедентных текстов является свидетельством принадлежности говорящего к определенному культурному сообществу, «тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [7. С. 216].

Г.Г. Слышкин отмечает готовность говорящего обогатить порождаемый им текст «фрагментами из воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них» в рамках любого вида дискурса [12. С. 26]. Нередко использование текстовых реминисценций становится особым приемом, характеризующим отдельного индивида или членов некоторого сообщества. В наши дни «способность адресата генерировать новые тексты на базе усвоенных» (Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдер) — это один из способов, которым активно пользуются, в частности, журналисты², хотя, лишая «чужое» слово возможности быть банальным, журналист рискует остаться непонятым: современный читатель, по мнению исследователей, плохо знаком со сферой культуры [13. С. 76].

В эпоху, когда жесткость оценок, даваемых в публицистике и текстах СМИ, отмечается исследователями как яркая примета времени [14. С. 121], а ирония и сарказм составляют «стилистическую доминанту прессы» (И.П. Лысакова), использование прецедентных текстов становится приемом, позволяющим адресанту «задавать» нужное видение мира, вводить читателя в русло положительной или отрицательной оценки воспринимаемых объектов и ситуаций [15. С. 682]. Прецедентные феномены усиливают общую эмоционально-оценочную тональность медийного дискурса и позволяют автору «установить контакт с читателем путем опоры на общность культурно-языковой компетенции», заменить нежелательную прямую оценку косвенной [16. С. 26].

Разрабатывая проблему прецедентности, Д.Б. Гудков вводит понятия прецедентных феномена, текста, ситуации, высказывания и, наконец, прецедентного имени (ПИ), под которым понимается индивидуальное имя, связанное с широко известным прецедентным текстом и с прецедентной ситуацией, хорошо знакомой носителям языка [17. С. 106]. Семантические свойства ПИ допускают его денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное), т.е. характерологическое, употребление [17. С. 53]. Когнитивную базу лингвокультурного сообщества составляет значительное количество прецедентных имен, участвующих в построении языковой и концептуальной картин мира (ср.: *Наполеон*, *Моцарт* и *Сальери*, *Квзимодо*, *Павка Корчагин*, *Наташа Ростова*, *Печорин* и др.) и входящих в сферу культурно-языковой компетенции носителя определенных языка и культуры: до некоторой степени скрытое содержание, «непроявленное знание в языке» (Н.Г. Брагина), стоящее за прецедентным именем, расшифровывается сведущими членами культурно-языкового сообщества. В этих «окультуренных языковых знаках» (В.Н. Телия), устойчивых и повторяемых, закодиро-

² Можно в качестве примера привести статьи автора журнала «Итоги» Олега Андреева, изобилующие прецедентными текстами; ср. хотя бы подзаголовки «Валькирия и Дон Кихот», «Вы жертвою пали», «Подайте бывшему депутату...», «Суров закон, но...» и др. в двух его статьях: «Запутались в стропах» («Итоги». 2012. № 12 (876)) и «Негнувшийся Шеин» («Итоги». 2012. № 17(828), URL: www.itogi.ru (дата обращения: 10.03.2019).

ван важный квант информации, делающий их весьма удобным — лаконичным и в то же время содержательно-объемным — средством выражения позиции говорящего, его отношения к предмету речи. Важно и то, что стоящее за отдельными ПИ представление о характерных для их носителей моделях поведения, показанных в соответствующих контекстах, участвует в формировании шкалы оценок, отдельные ступени которой могут соотноситься с разными именами. Таким образом, прецедентное имя, избираемое говорящим, может выступать в качестве средства выражения субъективной оценки, ассоциируемой с именем в определенной культуре, нести «дополнительную смысловую нагрузку, представляющую собой результат личностного и социокультурного опыта писателя» [18. С. 96].

Конец XX и начало XXI в. ознаменовались активным интересом к именам собственным, выразившимся уже не столько в выявлении отличий от нарицательных существительных — этот вопрос затрагивался и ранее [19—21], — сколько в обращении к вопросам о прагматическом назначении антропонимов [22], их эстетических и экспрессивных свойствах, функционально-стилистической нагрузке и текстообразующей роли [23; 24], их лингвокультурологических особенностях [25; 26] и, конечно, об их роли во «вторичных текстах» — художественных и публицистических [27—29 и др.].

Имена персонажей произведений М. Булгакова, занимающие видное место среди прецедентных антропонимов, весьма востребованы в современных публицистических текстах: например, имя Понтия Пилата — как «поступившегося своей честью» и умывающего руки при любом исходе дела³; имя Воланда, олицетворяющего зло, но творящего справедливость и способного навести социальный порядок, наказать жуликов⁴ и т.д.

Повесть «Собачье сердце» воспринималась в свое время как памфлет на современность во многом благодаря образам Швондера и Шарикова — недалеких, неинтеллигентных, агрессивных, но весьма преуспевающих, олицетворяющих «низший уровень тоталитарной власти»⁵. Эти имена и производные от них и сегодня востребованы носителями языка — в переплетении разнообразных семантико-ассоциативных связей.

³ «Тут мне припоминается давний разговор с одним академиком. Он мне сказал: „А что ж, батюшка, в нём вы находите непонятого? Вот уж где воистину никакой загадки нет. У нас, например, в нашем просвещении такими *Пилатами* хоть пруд пруди. Это типичный средний чиновник времён империи. Суровый, но не жестокий, хитрый и знающий свет. В вещах малых и бесспорных — справедлив и даже принципиален, в вещах масштабом покрупнее — уклончив и нерешителен“» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

⁴ Ср.: «Попробуй призвать к порядку игрока, который жульничает да другом континенте! Потребовался Воланд, который пришел бы к выводу, что среди жителей Норрата есть мошенники и навел бы порядок с помощью высшей силы. Высшая сила нашлась в лице компании Verant, владеющей серверами, на дисках которых в цифровом виде живет Норрат» [Анна Майорова. Виртуальное отечество в опасности. Неполадки в экономике игрушечной страны ведут к реальному мошенничеству (2002) // «Известия», 2002.10.22]. Ср. также название статьи: «Воланд жил! Воланд жив! Воланд будет жить! [Александр Мешков. «Комсомольская правда». 2013.11.08].

⁵ Булгаковская энциклопедия (БЭ). URL: <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia/61-s/388-sobache-serdtse-повест.html> (дата обращения: 12.03.2019).

РЕЗУЛЬТАТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Обратимся в первую очередь к собственному имени Швондер и кругу связываемых с ним современными носителями языка ассоциаций.

1. Швондер воспринимается как человек, выполнявший определенный **круг должностных обязанностей**, в число которых входила, по М. Булгакову, и реализация решений домкома по уплотнению квартир отдельных жильцов⁶. Наиболее яркой и весомой кажется в повести «Собачье сердце» сцена его появления во главе депутации, явившейся осуществить в отношении профессора Преображенского решение домкома, согласно которому профессор, проживающий в квартире из семи комнат, должен добровольно поступиться частью из них, чему тот решительно противится.

Сейчас имя булгаковского «реквизитора» напрямую связывается с акциями по **изъятию или перекраиванию жилой площади, находящейся в чужой собственности**. Ср.:

«Я почувствовал себя неуютно в этом выморочном доме. Понимал ли сам Стивенс всю двусмысленность и нелегитимность своего проживания в *реквизированном швондерами особняке*? Теперь радушное палаццо казалось мне сумрачным английским замком, где по ночам бродят души его бывших владельцев» [Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000—2002)].

«„Швондер за швондером“ пытались реквизируют в свое время дом М. Волошина в Крыму — бесплатный санаторий для деятелей культуры. Как пишет А. Мелихов, это была лишь одна из многих попыток унижить поэта „под властью наливающих силой шариковых и швондеров“» [Александр Мелихов. Земля добровольного изгнания // Октябрь. 2001].

Речь в анализируемых контекстах, однако, идет не только о давних, исторических акциях: *швондерами* именуют тех, кто и в наши дни **ратует за весьма сомнительные по своей целесообразности «квартирные» проекты** или **проявляет неоправданное рвение** в их осуществлении, **с ущемлением прав других людей**.

«Так, нашлись в свое время желающие обсудить „квартирный вопрос“ А.А. Собчака: „Недавно после трехлетних хлопот наконец-то удалось поменять квартиру... а то в прежней 5-метровой ели по очереди. <...> И хотя я, как кандидат наук, и муж, как профессор, имеем право на дополнительную площадь, нашлись новоявленные „швондеры“ и „шариковы“, развернувшие очередную кампанию против Собчака. Перегородим одну из комнат, может, получится небольшой кабинет — первый в жизни! — для мужа» [Людмила Нарусова, Анастасия Ниточкина. «Боюсь сгладить...» // Огонек. 1991. № 5].

Отсылка к образу булгаковского героя осуществляется и в статье писателя В. Невинского под названием «Наш ответ товарищу *Швондеру*»⁷, описывающего

⁶ Проводимое Швондером в Калабуховском доме «уплотнение» становится чуть ли не термином — ср. его употребление в следующем контексте: «Уплотнение по-швондеровски» [Круги коммунального рая // «Новая газета». 6.11.2003. URL: <http://novayagazeta.spb.ru/articles/1020/> (дата обращения: 14.03.2019)].

⁷ URL: <http://mspu.org.ua/pulicistika/14273-nash-otvet-tovarischu-shvonderu.html> (дата обращения: 27.02.2019).

ситуацию, которая наблюдалась в Москве в 2016 г. в связи с попыткой лишить Международное сообщество писательских союзов недвижимого имущества, что представлялось самому сообществу «незаконным, необоснованным и подлежащим отмене». В тексте, адресованном представителю Следственного комитета, комментируются детали осуществляемой акции и подвергается сомнению ее целесообразность. При этом отрицательная оценка действий следственных органов выражена в том числе через цитирование ответа профессора Преображенского инициатору обращения — «Швондеру»: «Товарищ генерал, вы же как человек, несомненно, начитанный (в отличие от некоторых ваших коллег, но об этом чуть позже), не можете не уловить некое дежавю. Ведь это уже было! Было предложение “оперировать в столовой, обедать в спальне, а гостей принимать в коридоре”. Гений Михаила Афанасьевича уже не в чести?». Парадоксальность, по М. Булгакову, такого варианта развития событий и закономерный категорический отказ от него Преображенского проецируются автором на актуальную ситуацию наших дней, включаются им в иронический в целом ярко-эмоциональный контекст.

Обобщающее «швондеры» еще более усиливает аксиологическое звучание контекста, особенно в сочетании с целым рядом выразительных лексических средств, фразеологических оборотов и прецедентных текстов. Ср.:

«Среди парадных особняков новых русских в посёлке Рублевка-2 сиротливо ютятся чистенькие, но бедненькие музеи⁸ Пастернака и Чуковского... Попытка откусить от писательского зачерствевшего пирога основана на чудовищном постулате о том, что нынешняя организация писателей не является правопреемником Союза писателей СССР. Это подленькое допущение вызывает следующий риторический вопрос: простите, а назовите тогда общественную организацию, которая является таким правопреемником. Нет такой? То есть... великий Михалков долгие годы руководил организацией, ничего общего не имеющей с возглавляемым им ранее СП РСФСР? Как горько, что „швондеры“ уже не смогут сказать ему об этом в лицо!».

Иронично звучит и заключительная фраза, в которой В. Невинский не случайно, на наш взгляд, использует весьма противоречивое — в свете подчеркнутого использования Швондером формы *товарищ* вместо социально-окрашенного и потому неприемлемого для него *господин* — обращение *господа-товарищи швондеры* (уже без кавычек!), сочетая его с призывом: «Не берите грех на душу, не заколачивайте последний гвоздь в домовину писательского объединения. Последующие поколения вам этого не простят».

В иронично-оценочном ключе действия адресата письма-статьи и его представителей, названных нарицательным «швондеры», характеризуются и за счет привлечения иных фразеологических средств: *половить рыбу в мутной воде* — ‘извлечь очевидную пользу для себя’ во время осуществления данной акции. Оборот *выбить* (у писателей. — Е.С.) *из-под ног экономический фундамент* образован от узуального *выбить почву из-под ног* (у кого) со значением ‘Разг. Лишать

⁸ Отсылка к анекдоту о новом русском, побывавшем в Государственном Эрмитаже и оценившем его коротко и недвусмысленно: «бедненько, но чистенько».

кого-л. уверенности, поддержки, опоры в каком-л. деле⁹ и приравнивается автором текста к перспективе «погубить писательскую организацию в целом». Фразеологизм «*раскачивать общую лодку, у руля которой сидят в том числе и российские писатели*», т.е. «производить действия, способные ухудшить имеющееся положение» (ср.: «Публ. Неодобр. 2. Обострять, усложнять какую-л. конфликтную ситуацию»¹⁰). Комментируя проигранное Росимуществом противостояние писательской организации, автор расценивает последний из предпринятых Следственным комитетом шагов следующим образом: «Аргументы закончились, и единственное желание — *посильнее хлопнуть дверью* на прощанье, „и в гроб сходя, благословить...“». Невольно и здесь напрашивается аналогия между последовавшими за первым знакомством с Преображенским действиями Швондера, не простившего профессору своей беспомощности в решении вопроса об уплотнении, и описываемыми акциями по лишению писательского союза арендуемых помещений. Семантика фразеологизма *хлопнуть дверью* («Разг. Демонстративно, с возмущением удалиться откуда-л.»¹¹) косвенным образом характеризует причины совершенно неуместного и несвоевременного изъятия документов организации, приравниваемого к демонстративному выражению недовольства.

Хотя в тексте М. Булгакова не было речи о выгодах, получаемых лично товарищем Швондером и его соратниками, неправомочность предпринятых им шагов по уплотнению чужих квартир в Калабуховском доме порождает в наши дни **сомнения в бескорыстности людей, называемых швондерами:**

«Образования с внушительными менами „кондоминиум“ и „товарищество собственников жилья“ имеют в нашей стране, мягко говоря, непрестижную родословную — поскольку произошли прямым от домовых комитетов, так живо описанных великим мастером в „Собачем сердце“. Особенно уместны аналогии с *товарищем Швондером*, когда речь идет о ТСЖ, создаваемых во вновь построенных домах самими застройщиками. *Должность председателя* такого образования *получает „свой“ человек*, а головную боль от его деятельности — все остальные жильцы» [Евгения Ленц. Соло на водопроводной трубе // Бизнес-журнал. 2004.02.13].

Такое семантическое развитие объясняется тем, что, по М. Булгакову, Калабуховский дом и его обитатели совершенно не нуждались в каком-либо руководстве и контроле со стороны: раньше не гас свет, не пропадали галоши и ковры на лестницах и т.д. — для решения бытовых проблем было достаточно одного швейцара Федора. Потому и сейчас попытка внедрить в административный «организм» под каким бы то ни было предлогом новое контролирующее звено ассоциируется со Швондером и воспринимается как нежелательное, как **попытка заработать легких и неоправданных денег и создать неудобства для других:**

«Ну, кто захочет воспроизводить опыт коллективного домопользования коммунальной квартиры — да еще в масштабах всего дома? А вот объединение домовла-

⁹ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 529.

¹⁰ Там же. С. 368.

¹¹ Там же. С. 175.

дельцев — совсем иное дело. Заметим, что ни один коттеджный поселок сам еще не породил ДЭЗа, РЭУ или даже местного домоуправа. *Призрак Швондера* изгоняется из поселка именно коллективными действиями домовладельцев, ясно осознающих, что один рубль их затрат — это вода, канализация, газ и электричество, увеличивающие индивидуальную стоимость имущества каждого из них на два, а то и три рубля» [Тимофей Бахвалов, Евгения Ленц. Частные проблемы частного сектора // Бизнес-журнал. 2004.02.13].

В таком же ракурсе — в связи с несправедливым обогащением «самоназначенного» председателя и членов правления садового товарищества «Парус» — упоминается имя Швондера в комментарии к тексту, автор которого задается вопросом:

«Поселок Приморский — кто его только не *грабил* и не прокайфовывал в последнее время? Одно время мне казалось, что местная *швондерятина* хочет сделать из поселка место, в котором и старость можно достойно встретить, и родственников-гостей принимать. <...> *Швондеры* оказались на редкость *брехливыми* и *сыкливыми* чистокровными *подонками*. <...> *Жулики* от власти, выбранные самим народом...» [Как стать миллионером // KAFAblogs. 17.02.2019. URL: <http://blogs.kafanews.com/blog/3504.html>].

Трудно усомниться в тональности звучания данного текста и предельно негативной оценке совокупности людей, названных собирательным существительным *швондерятина*.

2. Иной признак, ассоциируемый с образом Швондера, связан с иницируемые им **спевками**: звуки хорового пения доносились до иных жильцов дома и профессором Преображенским воспринимались **как символ мнимой занятости**, а в действительности — праздности, бесполезности, «галлюцинаций», которые нужно, по его мнению, выколотить из голов поющих. Швондер и сейчас продолжает восприниматься как один из таких пустых «певунов». Ср.:

«Базаров не таков, не чета Ситникову и Кукшиной. Те нигилисты как раз *от нечего делать* и легко вообразимы либо членами красногвардейского патруля в „Двенадцати“ Блока, либо участниками *революционных спевков у Швондера* в „Собачьем сердце“ М. Булгакова. <...> *Внутреннюю пустоту* — следствие подобной философии — нужно чем-то заполнить, иначе не избавиться от скуки» [Валерий Мильдон. Единица — вздор, единица — ноль. Тургенев и Ницше — образы нигилизма // Октябрь. 2002].

Проводимая параллель и словосочетания *внутренняя пустота, от нечего делать* указывают вектор осмысления образа Швондера — с акцентом на отсутствии целей, конкретного направления деятельности.

3. Швондер, по М. Булгакову, — представитель новой власти, принципиально иной, нежели предыдущая, уверенной в правильности своего пути и поступков и **отвергающей** поэтому все **ценности, накопленные обществом в прошлом**. Именно в такой символической функции упоминается имя Швондер в аналитическом тексте Центра военно-политических исследований «*Швондеровцы* в действии». Автор считает, что с сошествием с политической арены в феврале 2010 г.

третьего президента Украины Виктора Ющенко и падением «под ударами активистов Майдана» четвертого президента Януковича Украина «вернулась в эпоху Швондеров»:

«Недолго раздумывая, изменив Конституцию, *пришла новая власть*, которая распределяется не в ходе официального политического процесса, а через систему знакомств, кумовства и корыстных интересов» [URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/40425> (дата обращения: 17.02.2019)].

Автором проводится параллель между недолгими «раздумьями» Швондера и других членов домкома над проблемой поиска нужной им жилплощади для размещения представителей новой власти и беспроblemным изменением в угоду собственным интересам главного документа страны — Конституции. Однако если Швондер в булгаковском тексте, хотя и возглавлял депутацию единомышленников, воспринимался профессором Преображенским во многом как яркий представитель «певунов», а не людей действия, один из идеологов отмечаемой «разрухи в головах», которого он наблюдает в непосредственной близости и который символизирует принципиально иной взгляд на жизнь и место в ней человека, то в данном тексте использование множественного числа — *эпоха Швондеров* (ср. вряд ли возможное словосочетание «в эпоху Пушкиных») — подчеркивает типичность явления: пренебрежительное отношение к закону и законности, приоритет корыстных интересов и проч. Примечательно и слово *вернулась*, указывающее на восприятие автором имени Швондер как некоего историзма, номинирующего явление, принадлежащее прошлому, которое, оказывается, вполне возможно и ныне. Отмечаемое исследователями как свойственное русскому языку употребление прецедентных антропонимов во множественном числе [30. С. 78]¹², приближающее их по функции к именам нарицательным, призвано подчеркнуть типичность подмеченного явления (тенденции), дающего основания для проведенной аналогии.

4. Швондер, с его, похоже, заранее разучиваемыми репликами для общения с представителями интеллигенции, в повести «Собачье сердце» противостоит, значительно **уступая в образованности**, профессору Преображенскому — светилу, совершившему небывалый прорыв в медицинской науке, авторитетному специалисту в своей области. В тексте, посвященном телепередаче на тему «зачем Петра I нелегкая понесла в Англию», организованной для разрешения спорной ситуации, образ Швондера призван подчеркнуть смехотворность участия в обсуждении достаточно узкой проблемы, требующем компетентных мнений, с одной стороны, несведущих присяжных и, с другой стороны, четырех десятков «лучших экспертов СНГ по кораблестроению, мореплаванию, истории и лингвистике. Профессора, академики, заведующие кафедрами, директора кораблестроительных

¹² Ученым приводятся такие иллюстрирующие примеры газетных заголовков: «Современные Раскольниковы убивают кочергой» (Российская газета. 08.11.2005), «Обломовы ныне растут в стесненных жилищных условиях» (РБК. 09.10.2003), «Откуда берутся Обломовы? Как маленького лентяя направить на путь истинный» (Российская газета. 11.11.2008), «Обломовы наоборот» (Новая газета. 22.12.2003), «Нашему обществу не нужны Обломовы, нужны деятельные и энергичные люди» (Московский комсомолец. 02.04.2007) и др. [30. С. 78].

заводов. В этом окружении суд присяжных, состоящий из двух журналистов, одного юриста, одного бывшего футбольного судьи и ведущего программы „Русское лото“, выглядел просто *гвардией Швондера* на фоне профессора Преображенского» [Дмитрий Соколов-Митрич. Реакция на Вассермана. Через неделю вся страна будет знать, что такое теория оболочек // Известия, 2002.01.25]. Столь представительная команда специалистов смутила и выступавшего, ищущего справедливости, но начавшего свою речь «за упокой».

5. Образ Швондера связывается нашими современниками с расстановкой политических сил в определенную эпоху, персонаж видится сквозь призму его **принадлежности к большевистской партии**, с ее идеологическими установками, типичной практикой управления, усиливающимся чиновничьим аппаратом. Ср.: «Отсидится чиновник, а потом властно рявкнет, да так, что демократия растворится в вечернем мареве, и вновь „фельдфебель в Вольтерах“ окажется. <...> Пользуясь сложившейся обстановкой, чиновник приватизировал государство, он является мощной силой большевизма, обеспечивающей ползучий реваншизм. *Партия швондеров, шариковых, шандыбиных, харитоновых*, равно как и коммунистические утопии, заметно слабеет, а вот большевистская практика чиновничье-номенклатурного класса укрепляется и ведет планомерное наступление на свободу». Автор, предлагая начать «освободительную борьбу против диктатуры чиновничества», показывает, каков иной желательный путь формирования «духовно-психологической обстановки в обществе»: через насыщение «новыми ценностями, через образование и культуру, через интеллект» — т.е. через то, в чем армии чиновников автором отказано [Александр Яковлев. Омут памяти. Т. 2 (2001)].

Объединение же «швондеров и шариковых» с реальными политиками «шандыбиными и харитоновыми» — депутатами Госдумы от КПРФ — обращает читателей уже к нашим дням и подчеркивает вневременность определенных тенденций и социальных явлений.

6. «Чуждые идеи счета», но отнюдь не редкие в форме множественного числа в современных текстах масс-медиа, имена собственные выступают в качестве эталонов, ассоциируемых лишь с определенным набором признаков, отбираемых из большего числа, — с необычным, поражающим поступком, наиболее яркой чертой характера, запоминающимся высказыванием оригинального содержания и т.п. «Обломов оказывается только лентяем, Раскольников — молодым человеком, убившим старушку, Анна Каренина — женщиной, бросившейся под поезд. Разумеется, образ каждого из данных персонажей гораздо глубже и многограннее» [30. С. 78].

Интенциональное использование прецедентного имени Швондер может, как мы показали выше, служить для характеристики одного из аспектов сложившейся ситуации, назревшей социальной проблемы, определенной черты эпохи или некоей реальной фигуры. С другой стороны, это **имя может быть в «новом» тексте семантически диффузным, расплывчатым** — особенно при отсутствии осязаемых семантических опор, направляющих вектор восприятия и оценки. Ср.:

«Немыслимо представить напечатанными черным по белому в середине 20-х годов фразы вроде „Да, я не люблю пролетариата“, „И не читайте до обеда советских газет“. <...> Процитированное „Собачье сердце“ увидело свет только в 1987 году. Но актуальности почти не потеряло: с клозетами всё обстоит по-прежнему, *Шару-*

ковых и Швондеров¹³ и сейчас пруд пруди, а вот с Преображенскими и Борментальями напряженка. Повывела советская власть настоящую интеллигенцию». [Персональный сайт GM. Знаменательные даты моей семьи. URL: <http://gm731.narod.ru/VEshKi/v1925.htm> (дата обращения: 15.03.2019)].

Если Преображенский и Борменталь названы в тексте как образцы настоящих интеллигентов, то понимание смысла, выражаемого именами отрицательных героев Булгакова, возлагается на читателя: отсутствие интеллигентности и воспитанности, пренебрежение к ценностям культуры, пустота, прикрываемая лозунгами, и т.д.

Нельзя не отметить достаточно активного использования в публицистическом тексте слов, образованных от имени Швондер и свидетельствующих о его семантической и словообразовательной адаптации — *швондеровец* и *швондерятина* (см. выше), *швондеровщина*, *швондерить*, *по-швондеровски*, *швондерята*.

Один из активных процессов русского словообразования — образование абстрактных существительных от имён собственных. С помощью продуктивного суффикса *-щин(а)* отвлеченные слова с отрицательной окраской образуются «от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность»; ср.: *обломовщина*, *карамазовщина*, *аракчеевщина* [31. С. 121—122]¹⁴. В следующем контексте проявилось восприятие Швондера как контролирующей инстанции, переданное с помощью лексемы *швондеровщина*, усиливающей отрицательную оценку вмешательства в дела семьи и установления контроля над ней со стороны общественных организаций:

«Уполномоченный по правам ребенка при президенте России Павел Астахов осудил попытки на законодательной основе поставить российские семьи под контроль общественных организаций» [Максим Хрусталеv. Контроль над семьей — «это швондеровщина какая-то»]¹⁵.

Действовать «по-швондеровски» — ‘реализовать некие директивы, не считаясь с последствиями своих действий для других; решительно и без исключений’ — так, вероятно, можно трактовать образованное от имени собственного наречие:

«В наше такое вот непростое время лучше держаться дальше от политики, „не читать до обеда советских газет“. <...> Но не всё так просто. Мерзкая, грязная политика

¹³ Имя Швондера весьма часто встречается в сочетании с именем Шарикова, и, хотя имя Чугункина-Шарикова может обогатить текст иным содержанием, важным оказывается как позиция обоих героев «по одну сторону» в противостоянии медицинской интеллигенции, так и яркая отрицательная окрашенность, придаваемая ими вторичному тексту. Ср.: Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой. С бандитской силой тёмною. С чиновною ордой. С потомками и преемниками шариковых и швондеров (Сергей Кухлевский. Похож ли Путин на Гагарина // Интернет-альманах «Лебедь». 12.07.2003).

¹⁴ Этот суффикс не утрачивает своей активности и сейчас. Ср.: «Не соблазняйте ярлыками! никто не дразнился раньше — *есенинщина*, *ахматовщина*, *мандельштамщина* и т.д. ярлыковщина — это пошлость „спешно обобщать“» (В. Тиньков. URL: https://vk.com/wall80032495_60132 (дата обращения: 7.03.2019)). Этот ряд можно продолжить обнаруженными нами словами *бродсковщина*, *окуджавщина*, *ходорковщина* и др.

¹⁵ URL: http://www.km.ru/news/kontrol_nad_emej_-_eto_shvonder (дата обращения: 7.03.2019).

продолжает просачиваться в повседневную жизнь. Сначала она залезла к нам в холодильник, лишив вкусного сыра. *По-швондеровски* проехала бульдозером по польским ароматным яблокам. А уже сегодня — не позволяет наслаждаться футболом» [О политике в холодильнике и футбольных фанатах. URL: <https://76.ru/text/health/177936787558400.html>].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируемый материал — тексты, почерпнутые из сети Интернет и Национального корпуса русского языка, — показывает, что прецедентное имя Швондер, осваиваемое говорящими и на словообразовательном уровне, является экономным и ярко-экспрессивным (в том числе за счет эвфонической стороны) средством, способным реализовать широкий спектр разнообразных семантических оттенков, определяемых, безусловно, возможностями прочтения булгаковского текста, но с известной долей коррекции, вносимой, во-первых, событиями сегодняшней жизни, порождающими аллюзии к персонажу «Собачьего сердца» и его чертам, но в большей степени — к поступкам, и, во-вторых, индивидуальным сознанием говорящего, находящего всё новые возможности трактовки образа Швондера и привлекающего имя для выражения своей позиции относительно предмета речи, иронического или пренебрежительного отношения к нему.

Имя Швондера выступает часто не изолированно от иных имен персонажей повести «Собачье сердце», а в соседстве с именами Преображенского и Борменталя, что позволяет очертить некий конфликт — например, интеллигентности и хамства, образованности и невежественности и проч. Через сочетание «*Швондер — Шариков (Шариковы)*» делается акцент на типичности явления, ассоциируемого с именами двух героев, различиями между которыми говорящие обычно пренебрегают.

Отсылка к образу Швондера при отсутствии иных экспрессивно-оценочных и семантически-ключевых слов, раскрывающих доминантную семантику текста, уже гарантирует как минимум высокий накал экспрессии и осязаемую степень негативной оценки, но заставляет при этом читающего задуматься еще раз над глубиной когда-то вложенного М. Булгаковым в художественный текст смысла.

© Селиверстова Е.И., 2019

Дата поступления: 01.03.2019

Дата приема в печать: 20.03.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. (Лингвистическое наследие XX века).
2. *Масленникова А.А.* Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
3. *Арнольд И.В.* Интертекстуальность — поэтика чужого слова // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 350—362.
4. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.

5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Агаф, 1997.
6. Кураш С.Б. Усложненное кодирование образной информации как аспект филологического анализа художественного текста. Мозырь, 2003.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
8. Брагина Н.Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса // Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 43—57.
9. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. М., 1996.
10. Захарченко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82—103.
11. Постнова Т.Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 105—116.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
13. Коньков В.И., Потсар А.Н., Сметанина С.И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // Современная русская речи: состояние и функционирование: сборник аналитических материалов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 67—81.
14. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений: сб. науч. ст. Чебоксары: Изд-во ЧТУ, 2004. С. 120—124.
15. Воронцова Ю.А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой коммуникации // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Матер. Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24—26 апр. 2007 г.: в 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 680—686.
16. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 95—99.
17. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
18. Косиченко Е.Ф. Особенности функционирования культурно значимых антропонимов в художественном тексте // Вестник МГЛУ. Вып. 18 (678). 2013. С. 94—103.
19. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Филологические науки. 1966. № 2. С. 54—66.
20. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
21. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988.
22. Мецзякова-Клабахер В.А. Прецедентность как средство характеристики антропонимов (на материале номинаций писателей в немецких газетно-журнальных текстах // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. 6 (171). С. 90—94.
23. Воронова И.Б. Антропонимы как ключевые слова в художественной прозе В.М. Шукшина // Шукшинские чтения. Волгоград, 1998. С. 36—39.
24. Гайбарян О.Е. Художественные функции имен собственных в прозе Г.Г. Газданова // Проблемы региональной ономастики. Матер. 2-й научно-практ. конф. Майкоп, 2000. С. 66—69.
25. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск: БГУ, 2003.
26. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 96—102.

27. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. Волгоград: Перемена, 2000.
28. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург, 2007.
29. *Бондалетов В.Д.* Имя собственное в поэтических произведениях М.Ю. Лермонтова // *Тарханский вестник*. 2000. Вып. 11. С. 29—41.
30. *Терещенко А.В.* Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2016. 11 (176). С. 76—84.
31. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Русский язык, 2001.

УДК 811.161.1'373:070

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417

THE PRECEDENT NAME IN THE MASS MEDIA TEXT: IMAGE OF SHVONDER AS A MEAN OF CHARACTERIZATION AND ESTIMATION

Elena I. Seliverstova

St. Petersburg State University

7/9, *Universitetskaya emb., St.-Petersburg, Russia, 199034*

Abstract. The precedent phenomena, to which the names of the heroes of literary works belong, are very typical for modern journalistic texts “charged primarily with negative emotions” (V.I. Shakhovskiy) using indirect estimation methods: brief and expressive, with a wide range of connotative and associative links, they become an emotionally evaluative component of the text. Colorful — not only for the twenties of the XXth century — the figure of M. Bulgakov's novel “The Heart of a Dog” Shvonder firmly settled in the modern gallery of precedent literary names. Russians define a very wide variety of typical traits of individuals and their behavior, as well as social phenomena, verbalized by the words Shvonder (Shvondery), shvonderovschina, to shvonder, etc. The main vectors of comprehension come to light on the material of the texts from the National Corpus of the Russian language and Internet resources, which shows the tendency to use the subject's name as a way of indicating the manifestation of one important feature in his behavior — and, accordingly, in the behavior of someone else (Shvonder — “hater of the intelligentsia”, “vindictive”, “symbol of imaginary employment”) or a characteristic act committed by him, which becomes a kind of standard (Shvonder is “the destroyer of the old good world”, “the requisitor of another's housing”, “rejects the values accumulated by society in the past”, etc.). Through the combination “Shvonder — Sharikov” the emphasis is placed on the typicality of the observed phenomenon, on the ideological and party affiliation, etc. The name Shvonder often appears in combination with the names of other characters — in particular, Preobrazhensky and Bormental, — when a modern author outlines a conflict between bad manners (rudeness) and intelligence, ignorance and education, empty rhetoric and real actions, etc. The speakers find all the new possibilities of interpreting the image of Shvonder and use this name, like other new words with the same root, to express their position on the subject of speech, ironic or dismissive attitude to it. On the other hand, the precedent name may be semantically diffuse and vague in the “new” text, but it's magnetized with special connotations and serves to enhance the ironic, negative-evaluative coloring of the secondary text and makes various interpretations possible. Even in the absence of specific words that reveal the dominant semantics of the text fragment, the very use of the Shvonder's name already guarantees at least a high level of expression and a tangible degree of negative estimation.

Key words: precedent name, M. Bulgakov, image, derivational model, estimation, connotation, mass-media

REFERENCES

1. Wolf, E.M. (2002). Functional semantics of evaluation. Ed. 2nd, add. Moscow: Editorial URSS. (Linguistic Heritage of the 20th Century). (In Russ.).
2. Maslennikova, A.A. (1999). Linguistic interpretation of hidden meanings. St. Petersburg: Publishing House of St.-Petersburg. University. (In Russ.).
3. Arnold, I.V. (1999). Intertextuality — the poetics of another word. In *Semantics. Stylistics. Intertextuality: Collection of articles, Scientific. P.E. Bukharkin* (Eds.). St.-Petersburg: Publishing House of St.-Petersburg. University Press. 350—362. (In Russ.).
4. Bakhtin, M.M. (1975). Questions of literature and aesthetics. Moscow: Art. lit. (In Russ.).
5. Rudnev, V.P. (1997). Dictionary of culture of the XX century. Moscow: Agaf. (In Russ.).
6. Kurash, S.B. (2003). Complicated coding of figurative information as an aspect of the philological analysis of a literary text. *Mozyr*. (In Russ.).
7. Karaulov, Yu.N. (2007). Russian language and language personality. Moscow: Publishing House of LCI. (In Russ.).
8. Bragina, N.G. (1999). Implicit information and stereotypes of discourse. In *Implicitness in language and speech, E.G. Borisova, Yu.S. Martemyanov* (eds.). Moscow: Languages of Russian culture. pp. 43—57. (In Russ.).
9. Zemskaya, E.A. (1996). Active processes of modern derivation. Moscow. (In Russ.).
10. Zakharchenko, I.V., Krasnykh, V.V., Gudkov, D.B. & Bagaeva, D.V. (1997). Precedent name and saying as precedent phenomena. In *Language, consciousness, communication: Coll. articles. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov* (eds.). Moscow: “Philology”. Vol. 1. pp. 82—103. (In Russ.).
11. Postnova, T.E. (2001). Precedent texts in print advertising, *Vestnik of Moscow State University. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 2*, 105—116. (In Russ.).
12. Slyshkin, G.G. (2000) Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow. (In Russ.).
13. Konkov V.I., Potsar, A.N. & Smetanina, S.I. (2004) Language of media: current state and development trends // *Modern Russian Speech: State and Functioning: Collection of Analytical Materials*. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. pp. 67—81. (In Russ.).
14. Rzhanova, S.A. (2004) Estimated nature of the uzus in the media. In *Language, literature, culture: the dialogue of generations*. Cheboksary: Publishing house CTU. pp. 120—124. (In Russ.).
15. Vorontsova, Yu.A. (2007) Features of pragmatic influence in the texts of mass media // *Russian literature in the context of modern integration processes: Mater. Second Intern. Scientific Conf., Volgograd, April 24—26. In 2 vol. Vol. 1*. Volgograd: VolSU Publishing House. (In Russ.).
16. Kormilitsyna, M.A. (2008). Some results of the study of the processes occurring in the language of modern newspapers. In *Problems of speech communication: Intercollege. Coll. of Scientific Articles, M.A. Kormilitsyna O.B. Sirotinina* (Eds.). Saratov: Publishing House of Sarat. University. Vol. 8. pp. 95—99. (In Russ.).
17. Gudkov, D.B. (2003). Theory and practice of intercultural communication. Moscow. (In Russ.).
18. Kosichenko, E.F. (2013). Functional aspects of cultural names in fictional texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 678*, 94—103. (in Russ.).
19. Mikhailov, V.N. (1966) Expressive properties and functions of proper names in Russian literature. *Philological sciences, 2*, 54—66. (In Russ.).
20. Superanskaya, A.V. (1973). The general theory of a proper name. Moscow. (In Russ.).
21. Gorbanevsky, M.V. (1988). Onomastics in fiction: Philological studies. Moscow: Publishing House of People’s Friendship University. (In Russ.).
22. Meshcheryakova-Klabakher, V.A. (2016). Precedent phenomena as a means of characterizing anthroponyms (on the material of writers' nominations in German newspaper and magazine texts. *TSPU Bulletin, 6 (171)*. 90—94. (In Russ.).

23. Voronova, I.B. (1998). Anthroponyms as keywords in fiction by V.M. Shukshin. In *Shukshin readings*. Volgograd. pp. 36—39. (In Russ.).
24. Gaybaryan, O.E. (2000). Artistic functions of proper names in prose by G.G. Gazdanov. In *Problems of regional onomastics. Reports of the 2nd scientific and practical conference*. Maikop. pp. 66—69. (In Russ.).
25. Ratnikova, I.E. (2003). Proper name: from cultural semantics to language. Minsk: BSU. (In Russ.).
26. Madieva, G.B. & Suprun, V.I. (2010). Anthroponyms as a means of expressing national culture. *News of the Volgograd State Pedagogical University*, 5, 96—102. (In Russ.)
27. Suprun, V.I. (2000). Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential: monograph. Volgograd: Change. (In Russ.).
28. Nakhimova, E.A. (2007). Precedent names in mass communication: monograph. Ekaterinburg. (In Russ.).
29. Bondaletov, V.D. (2000). Proper name in the poetic works of M.Yu. Lermontov. *Tarkhansky Vestnik*, 11, 29—41. (In Russ.).
30. Tereshchenko, A.V. (2016). Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, features of functioning. *TSPU Bulletin*, 11(176), 76—84. (In Russ.).
31. Vinogradov, V.V. (2001). Russian language (grammatical doctrine of the word). Moscow: Russian language. (In Russ.).

Для цитирования:

Селиверстова Е.И. Прецедентное имя в публицистическом тексте: образ Швондера как средство характеристики и оценки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 402—417. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417.

For citation:

Seliverstova, E.I. (2019). The precedent name in the mass media text: image of Shvonder as a mean of characterization and estimation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 402—417. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-402-417.

Сведения об авторе:

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: русская и славянская фразеология и паремиология, лексикология, лингвокультурология, лингвистика текста, компаративные исследования и проблемы перевода, культура русской речи; *e-mail*: selena754@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>. ResearcherID: N-2892-2013. SPIN-code: 2032-2115

Information about the author:

Elena I. Seliverstova, Doctor of Philology, Professor, Professor and Acting Head of Russian Language Department for Humanitarian and Natural Faculties; St. Petersburg State University. *Interests*: Russian and Slavic phraseology and paremiology, lexicology, linguocultural studies, text linguistics, comparative studies, translation and interpretation studies; culture of Russian speech; *e-mail*: selena754@inbox.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2020-0061>. ResearcherID: N-2892-2013. SPIN-code: 2032-2115

УДК [811.411.21:811.133.1]373:741.5
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-418-434

PRECEDENCE AS A CATEGORY OF A POLICODE TEXT OF POLITICAL CARTOONS IN THE ARABIC AND FRENCH LANGUAGES

Natalia M. Dugalich, Luisa N. Gishkaeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article presents the material and the results of the study of a political cartoon in the Arabic and French languages. The relevance of this work is due to the description of the precedence in a polycode text in a comparative aspect due to the lack of a sufficient number of scientific papers affecting this issue.

The authors offer an overview of the main stages of the study of texts with iconic and verbal components and different types of the component links; and history of the appearance of the terms that nominate this type of text. The text in our research is characterized by the use of semiotic codes, for example, colour and kinesics; it is accompanied by paragraphemic means, which are font variations that go beyond the use of punctuation marks in the standard language, and topographic means, representing various flat layouts of text.

The implementation of the described type of text becomes a political discourse, the study of which also relates to the actual research topics of modern linguistics. It should be noted that a political cartoon is always a reflection of the opinion of society or an individual's reaction to a significant public event, and it is its universal feature, which makes it possible to compare the means and categories of a creolized text of political cartoon in different linguistic cultures/in different languages.

The object of the analysis is the creolized text of a political cartoon; the subject of the research is the category of precedence and its features aimed at the realization of the author's intention in the political cartoon in Arabic and French.

An important systemic characteristic of a creolized text is the category of precedence, which in this article corresponds to the category of intertextuality. The authors give examples to examine the use of precedent information at the level of the text and the image and their interconnection. The thorough analysis of the cartoons demonstrates the possibility of decoding a precedent sign in accordance with the type of speech culture of a native speaker.

Precedence in a political cartoon can be expressed by a textual or graphic representation of universal human precedent phenomena, civilizational precedent phenomena, onyms and events of a supraregional nature. The formal expression of precedence can also be a symbol. In the conclusion, the article proposes a summary of the results of the study.

Key words: polycode text, political cartoon, the French language, the Arabic language

INTRODUCTION

The proposed research is devoted to the study of the precedence in the creolized text of political cartoons in Arabic and French.

A political cartoon is an universal instrument of dialogue between the government and the society, a reflection or reaction of the society to a certain political event, a series of events, or a person of national or world level. The goals and objectives of a political

cartoon, the mechanism of its influence on the addressee, and its genre identity have a common tradition and basic components.

The interest in studying the connection between verbal and non-verbal components in language and the dynamic development of the media in the second half of the 20th century led to the emergence of a significant number of linguistic works devoted to the study of a creolized text in general and in political discourse in particular. One of the important tasks facing the media is the formation of public opinion and coverage of political events both within a certain country and beyond its borders. Thus, radio, television, press and the Internet become platforms for active participants in the political debate. One of the most impressive ways to provide subjective information in the media is a creolized text of a political cartoon.

The special format of a creolized text as a combination of several semiotic codes for solving a common communicative task led to the use in the media discourse of units of two cognitive categories: intertextuality and precedence.

1. CHARACTERISTICS OF CREOLIZED TEXT IN POLITICAL DISCOURSE

The subject of the analysis of political discourse is a political text. The principle feature of the political text is its ideology and communication strategy, aimed at influence and persuasion.

According to M.A. Boyko [1], who generalized the data of special studies, despite the absence of a difference between the significance of verbal and iconic signs at the level of speech and signs, information is perceived by recipients differently: text message information is perceived and processed in a volume of less than 10%, adding voice data increases this value to 40%, and the accession of the iconic series gives a rise up to 55%.

Visually received message “is faster and easier accepted as the truth, causes less fear” [2], “it seems more democratic” [3] and, as a rule, is perceived as some kind of objective information. However, the verbal component, the authorship of which is explicitly or potentially known, gives the message a subjective character. Thus, it is possible to draw a conclusion on the currently valid effect of the creolized text in political discourse at the present time.

The creolized text in political discourse is presented by the following genres: campaign leaflet, political poster, political cartoon, and images in the campaign text. Let us regard the main genre characteristics of a political cartoon — an image, usually containing a text component. The distinctive features of a political cartoon are the factual relevance, hyperbole, and satire in the representation of the iconic and verbal components.

The works devoted to the theoretical problems of political linguistics formulated a number of approaches to the study of creolized texts of political discourse:

- ◆ communicative direction (in which the focus of researchers’ attention is on the analysis of communicative strategies and tactics in political discourse);
- ◆ rhetorical direction (in which the text and iconic components of the creolized text and their interaction are studied);
- ◆ semiotic direction (to which works of linguists, for example, on conceptual metaphor, belong). It was within the framework of semiotic research that the beginning

of the study of creolized texts was laid. The image was considered as a special sign system, the role of graphic means in the semantic understanding of the text was studied separately. The most important works in this field are the works by L.V. Golovina (1986) [4], D.D. Zuev (1981) [5], Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov (1990) [6], L. Bardin (1975) [7], U. Kraft (1978) [8], M. Muckenaupt (1986) [9], B. Spillner (1982) [10], and many others.

The following statements can be considered common provisions to a linguistic text (including a creolized text):

- 1) the pragmatic nature of the text is generally accepted in linguistics assertion;
- 2) text coherence implies consideration of the text as a combination of super-phrasal elements that are connected by logical, semantic, grammatical, and stylistic characteristics;
- 3) the intentional nature of the text is associated with the realization of the author's intention and has a pronounced focus and subjectivity;
- 4) the situational nature of the text is the result of human cognitive activity in a particular situation;
- 5) the communicative nature of the text is associated with its communicative function as a means of transmitting the accumulated information. The text should correspond to the intentions of the addresser;
- 6) the intertextual nature of the text is almost always present in it.

The text as a product of human discursive activity reflects one of the “possible worlds”, for “objectification of which the addressee uses various language means that activate certain features of the language” [11]. In modern language science, the description of linguistic phenomena is based on their assessment as contributing to the realization of the communicative function of the language [11. С. 519].

For the communicative point of view, we highlight the necessity of the analysis of language means in people's verbal behaviour and the evaluation of communicative tasks and attitudes [12—15, etc.].

For cognitive analysis, it is important to put forward the role of language means in the processes of knowledge of the world and experience of society [16—21, etc.].

2. THE STATUS OF THE CREOLIZED TEXT IN MODERN LINGUISTICS. STRUCTURE AND CONSISTENCY OF THE CREOLIZED TEXT

In linguistic scientific discourse, the problem of describing and classifying creolized texts was first posed in works on semiotics and psycholinguistics as an attempt to define the role of non-verbal, and iconic (already in question) means in human cognitive activity [22—24]. One of the tasks of understanding these processes was to manage them through establishing the role of the combination and interaction of verbal and iconic information in the text, the other was the task of identifying discrete image units.

Another source of the theory of creolized texts was the attention of linguists to the typology of paralinguistic means of written communication, which, as a separate object of consideration, are described in the works by, for example, Yu.Ya. Gerchuk (1984) [25], S.F. Dobkin (1985) [26], A.A. Sidorov (1972) [27]. Following the works by G.O. Vinokur (1929) [28], A.A. Reformatsky (1933) [29], B.V. Tomashevsky (1930)

[30], Yu.N. Tynyanov (1977) [31] on the verse chart, paralinguistic means of written communication were considered as the means that:

- 1) are associated with the grapheme system of the language;
- 2) accompany verbal speech;
- 3) serve to express additional connotations [32].

The concepts of the typology of paralinguistic means of written communication arose before the introduction of the question of nomination, status and peculiarities of the creolized text into the circle of linguistic problems. Thus, they became largely the basis of their investigation. After the emergence of the theory of the creolized text, the interest of linguists studying paralinguistic means of the language, for example, A.G. Baranov and P.B. Parshin [33], led to the appearance of a number of works where they clarified the classification division of paragraphemic writing tools of written communication for the following reasons:

— “syngraphemic means”; these include all cases of artistic and stylistic (unmotivated from the point of view of punctuation) use of means on this level (i.e., units of the punctuation system);

— variation of fonts (in the classification of A.G. Baranov and P.B. Parshin “supragraphemic means”);

— “topographemic means”, which include all possible planar variants of text placement [33].

In the works on the study of paragraphemic means there is a tendency of their wider definition, for example, the Dictionary on Pedagogical Speech Studies “by the degree of attachment to verbal signs highlights paralinguistic means that are directly adjacent and indirectly interacting with verbal signs” [34].

Assessing the significance of paralinguistic means in expressing the author’s intention and in disclosing the meanings of a text, researchers build the following typology:

1) content carriers that do not need text accompanying (photos, drawings of various types);

2) paralinguistic means accompanying the text and adding semantic nuances or additional meanings for creating expression in the content of the text (e.g. fonts variation, marking, etc.);

3) paralinguistic means that form the perception of the text and do not make a change in the meaning (quality and format of the paper, etc.).

Thus, in this typology we are talking about paralinguistic active and paralinguistic passive texts [34]. The typology proposed by M.G. Shvetsova, classifies paralinguistic means as following:

- 1) connected with the verbal means of the text;
- 2) relevant to the organization of the content;
- 3) by function in the text [32].

The classification by N.N. Bol’shakova offers a description of the paralinguistic resources of the text from the standpoint of assessing the total volume of the creolized text and separates them according to “the degree of implication depth. The implication grows as the visual saturation of the paralinguistic element and the degree of explicitness of the author’s intention hidden in it decreases. The illustrations have the smallest

implicitness, then follow the architectonics of the text and topographemic means, under which the author sees planar variation of the text, supragraphemic means, i.e. font variation, and syngraphemic means (artistic and stylistic variation of punctuation marks)” [35].

The value of paralinguistic means in the text is variable, their participation is assessed as in the design of the text, i.e. plan of expression, they are not noticeable to the addressee and do not affect the substantive component of the text. Another part of paralinguistic means is significant, since their very participation in the text is a type-forming or genre-forming feature of these texts; they carry information that must be perceived in order to perform communication in full. In this case, we are talking about paralinguistically active texts, which include creolized texts.

The existing linguistic literature devoted to the study of the phenomenon of a creolized text contains a number of terms that denote one concept and which illustrate the history of the study of creolized texts.

Research devoted to the problem of describing and classifying creolized texts can be found in the works of such linguists as E.E. Anisimova (2003) [36], M.B. Voroshilova (2007) [37], L.V. Golovina (1986) [4], D.D. Zuev (1980) [5], Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov (1990) [6] and others.

Common to these concepts is the recognition of the existence of several types of information, two of which are verbal and iconic texts that are integrated and perceived by a person as a universal code. The decoding process does not separate the semantics of verbal and non-verbal signs; thus, creolized texts are recognized as complicated texts or higher order texts.

The term *creolized text* is found in the works by Yu.A. Sorokin and E.F. Tarasov, who used it in the following context: “texts the texture of which consists of two inhomogeneous parts (verbal language (speech) and non-verbal (belonging to other sign systems than a natural language)” [6. С. 181].

In the typology of texts by G.V. Eyger and V.L. Yukht, (1974) [38] the authors suggest the dichotomy of mono and polycode texts. “Polycode texts in a broad semiotic sense should also include cases of combining a natural language code with the code of another semiotic system (image, music, etc.)” [38. С. 107].

In modern linguistic literature, the terminological combination *a polycode text* still has a wide use, by which is meant, first of all, the text in which the message is encoded with semiotically heterogeneous means. A necessary condition for classifying a text as a polycode text is its paralinguistic active character, i.e. its paralinguistic means must be information carriers or introduce additional content into the content offered by the verbal component (see, for example, [39. С. 90]).

Exploring complicated texts, A.A. Bernatskaya uses the term *iso-verbal complex* [40]; A.V. Mikheev proposes the term *izoverb* [41].

Descriptively creolized texts were nominated as *semiotically complicated texts* [42]. However, in the work by O.V. Poymanova, it is proposed to call all combinations of visual “icons” and linguistic signs with the properties of a linked text as *video-verbal texts* [43].

As for the creolized text, researchers in the linguistic literature most often rely on the definition given by E.E. Anisimova, in which a creolized text is a text, “the body of which consists of two inhomogeneous parts: verbal (language/speech) and non-verbal (belonging to other, non-linguistic, semiotic systems)” [36. C. 8].

It is necessary to assess the connectedness of the components of a creolized text at the level of content (language content and compositional content) [36]. At the level of content, the connectivity of the verbal and iconic components can be traced on the example of semantic links between them, which can be of two main types: direct denotative correlation and mediated denotative correlation. The first type involves the designation of the same essence (objects of reality) by verbal and iconic signs. The second type considers the thematic or associative designation of different objects or situations by the signs of two systems of codes.

The choice of the type of correlation of the components in a creolized text is related to its genre originality; thus, the closest are the semantic links between iconic and verbal signs in the texts of complete creolization, which can be represented as:

- 1) a situation in which the verbal part matters, but is not independent in the semantic relation without correlation with the iconic part;
- 2) an example of a creolized text, in which the verbal component has a certain meaning, is independent, but can be correctly decoded only in relation to the image.

3. INTERTEXTUALITY AND PRECEDENCE OF A CREOLIZED TEXT

According to R. Barthes, “every text is an *intertext*; other texts are present at various levels in more or less recognizable forms... fragments of cultural codes, formulae, rhythmic structures, fragments of social idioms, etc. — all of them are absorbed by the text and mixed in it, since there is always a language before and around the text [44. C. 459].

A creolized text as a product of the development of mass communication and the expansion of mass culture often uses intertextual links.

Another cognitive category associated with the characteristics of a creolized text is the category of precedence.

The concept of precedence was proposed in the article by Yu.N. Karaulov “The role of precedent texts in the structure and functioning of a linguistic personality” and it has been expanded in other works. The precedent texts are understood as “significant for a particular personality in cognitive or emotional relations, having a suprapersonal character, i.e. well known to the wider environment of a given personality, including his or her predecessors and contemporaries, and, finally, those the appeal to whom is resumed repeatedly in the discourse of a given language personality” [45. C. 216]. In further development of the theory of precedence, the typical features of precedent texts are defined as:

- 1) well understood and known to all the speakers of a particular linguoculture;
- 2) informative and cognitively relevant;
- 3) frequently used in the speech of the speakers of this linguoculture.

The precedent names in advertising discourse, pragmatics and language of the media have vivid imagery, expressiveness, and typification. The use of a precedent phenomenon

at various levels of precedence (name, statement, situation, text) is represented as connotative use, for example, of a proper name, realizing a metamorphic meaning and performing several functions: besides the nominative function, we can speak of the characterizing function, or, for example, assessment and typification.

However, in the linguistic works dedicated to the creolized text, two cognitive categories are often mixed — intertextuality and precedence. Differentiation of these concepts can be done through their connection with the time factor.

All mental components of the intertextuality category are temporarily filled, “intertextual signs are tested by time and tradition: they exist for several generations of people in the form of a certain cultural code, the existence of precedent phenomena is limited by the time of their reception and reinterpretation” [46. С. 3].

An intertextual sign during its life can be precedent, even several times, as part of the system of traditional material and spiritual values of an ethnos or civilization. The perception of the intertextual sign can occur in two different ways: textual and cognitive-personal. In the first case, the author seeks to formulate his thought and put it into the mind of the reader using such semantic elements that both sides of the communicative process operate. In the communicative-pragmatic bond *author-text* in a broad sense — *reader*, only the text is a constant value, because the cognitive base and the reader’s system may change and there is a possibility of a lack of decoding of the author’s intention.

Intertextuality as the ability of the text to accumulate information obtained from the surrounding reality and from other texts is described in such terms as the “semiotic memory of culture” (Yu.M. Lotman 1992) [36]; intertextuality makes the text a “diachronic matrix” (V.N. Toporov 1987) [36], and gives it the ability to have “extensibility for new revelations of thought” (A.N. Veselovsky quoted: Kuz'mina 2011) [46].

Intertextuality is a marker of aesthetic and epistemological validity of a text, if a new text does not have an intertextuality property, it does not have the opportunity to become a new link in the transition of a cultural code.

The possibility of decoding an intertextual sign is associated, among other conditions, with the type of speech culture of a native speaker. The carrier of the elite type of speech culture owns a fairly wide range of intellectual products of national culture and world civilization, i.e. he is aware of the main artifacts of material culture, literary masterpieces, the most significant works of art, etc. The carrier of an average level of speech culture as compared with the elite type has a narrowed intertextual thesaurus, which affects the possibility of decoding the intertextual message of the author.

The specifics of political discourse and media discourse, in contrast to the literary text, is associated more with precedence than with intertextuality. Nevertheless, it is possible to speak of several general variants of the cognitive mechanisms for processing an intertextual and precedent sign in a creolized text:

- 1) intertextual sign is a concise and recognizable embodiment of a social stereotype;
- 2) intertextual sign attracts the addressee with the recognizability of the form, under which there is no usual content, since for the purposes of manipulation it is replaced by new content; in this process, complex information is replaced by its simplest elements;
- 3) in the creolized text, such a form of intertextuality as interconicity is demanded, i.e. reference to the non-verbal prototext.

4. PRECEDENCE IN A POLITICAL CARTOON

In modern linguistics, the theory of precedence has formed the following list of terms: *precedent name* (Gudkov 1999) [47], precedent statement (Krasnykh 2002) [48], *precedent phenomenon* (Gudkov, Krasnykh, Zakharenko et al. 1997) [49], precedent concept (Slyshkin 2000) [50] and many others. In the classification proposed below, we are based on the vision that any image or text that carries a reference to a well-known event is precedent. Based on the concept of G.G. Slyshkin [50], we highlight:

1) universal human precedent phenomena that form a kind of “universal cognitive space” for most people; their basis is a complex of literary, mythological, religious, fairytale sources, the heroes and subjects of which are perceived by the representatives of a certain culture in their original form, or interpreted as a well-known translation/retelling [48. C. 51].

An example of this type of precedence in a creolized text of a political cartoon is the image of the genie (see Cartoon 1), in which background knowledge (submission, lamp as an attribute of power, fulfillment of any desires) describe the political roles of Egypt and Israel in foreign policy in the Middle Eastern region.

Cartoon 1

شديك لبيك ال سي سي و الدولة العميقة بين ايديك
سي سي = CC

I obey you, Sisi is at your service, the Deep State is in your hands.

The presented cartoon reflects the author’s view of the personality of Egyptian President Abdul-Fattah Khalil Al-Sisi and his policy. For the perception of the author’s intention, it is necessary to consider the concept of the Deep State, a political term, which was originally used in the context of the political situation in Turkey (Derin devlet).

We are talking about an alleged group of influential politicians in Turkey, high-ranking military men of a number of countries, intelligence services and the judicial system, and the mafia, for whom aspirations towards nationalism, corporatism and state interests were prioritized, but perceived by various political forces as anti-force. From different points of view, the concept of the Deep State can be narrowed to the antagonistic activity of individual groups to achieve their own interests and expanded to the type of state, which is based on the highest unrelated military levels, which allows to violate formal democratic institutions through informal ones.

Due to the intertextual component of this creolized text, the politician is perceived by the addressee as a slave who fulfills the wishes of the sovereign (here Israel). Thus, the author expresses his negative attitude to the figure of President Al-Sisi. In this case, an intertextual element is used, the content of which — submission — is understandable to each of the readers, regardless of their political literacy.

Other examples of common human precedent phenomena in the studied creolized texts of political cartoons are:

— The Trojan Horse (the image is of ancient Greek mythological origin and is expressed with an iconic sign);

— Ali Baba and the entrance to the treasure cave (the protagonist of an Arabian tale included in the collection “1001 nights”; the phenomenon is expressed verbally through the phrase *افتح يا سمسم* ‘Open Sesame’);

— Achilles heel (the image has a mythological origin and is expressed by an iconic sign);

— The Little Prince (the literary hero of the author’s fairy tale by Antoine de Saint-Exupéry, the precedent phenomenon is expressed in a hybrid manner (the picture and the phrase *S’il te plaît, dessine-moi ...* ‘Please draw me ...’);

— La Fontaine’s fable “Le Coq et le Renard”, implicitly expressed by the dialogue of the rooster (President of France) and the fox (an employer) (this expression of the image can be considered hybrid, since the theme is supported by images (fox, rooster and chicken) and a text (*garder les clefs du poulailler* ‘keep the key to the chicken coop’);

2) civilizational precedent phenomena have a similar nature to common human precedent phenomena, but an important component of them is the value content that characterizes one of the stages of the development of a particular society.

An example of civilizational precedent phenomena is the image of Superman (see Cartoon 2) — icon of American culture; known since 1938. Superman is a super-hero of comics, sponsored by Jerry Siegel and Joe Schuster, his main informative characteristics are inhuman abilities associated with extraterrestrial origin, and the desire to help everyone who is in trouble. The phenomenon is represented by a hybrid: the president of Egypt is depicted saving his country (*المحروسة*) in the guise of a girl and is dressed in a superman costume; in the text of the cartoon there is a nomination — *السيسي مان* ‘Sisiman’.

Cartoon 2

فانتازيا

مصر

متستغربش... ده مش فيلم أمريكي ده السيسي مان انقذ المحروسة قبل ما تقع.

Fantasy

Egypt

Do not be surprised, this is not an American film, this is Sisi saving Egypt from falling

The analyzed cartoon appeared immediately after Egyptian President Abdul-Fattah Khalil Al-Sisi came to power and was devoted to the political situation in Egypt. The author portrays the president as Superman, saving the country, depicted as a beautiful girl, from a fall/decline. This view of President Al-Sisi reflects the people's hope for a new leader, for his wise rule, which will allow Egypt not to "fall". In this cartoon we have analyzed, the civilizational precedent image of Superman and the national precedent image of Mahrusa (Egypt).

Other examples of civilizational precedent phenomenon can be:

— كل بسكويت 'eat biscuits' (transformed precedent phenomenon, an allusion to the famous phrase *Qu'ils mangent de la brioche*, which is known as: "If they have no bread, let them eat cake!". This replica is first mentioned in "Confessions" by Jean-Jacques Rousseau and traditionally refer to Marie-Antoinette, however, the connection with her is not confirmed by historical studies. This phrase means the lack of communication between the supreme power and the real problems of the people in the country;

— the image of Adolf Hitler (considered by us as a civilizational precedent phenomenon at the iconic level);

— the image of Muammar Gaddafi (supranational (Arabian) precedent phenomenon at the iconic level);

— an interesting precedent phenomenon, in our opinion, is the use of brand symbols in cartoons (meaning "non-native", "American", "global");

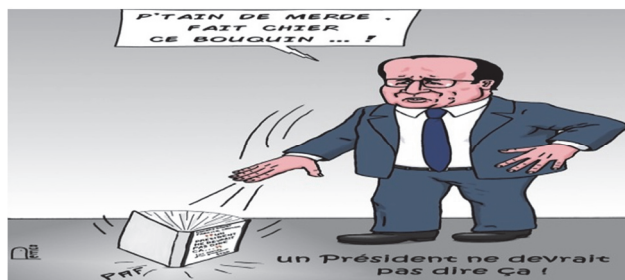
— **GOULAG** (the image is presented verbally and has the meaning "arrest for political views");

— values of the French democratic society (*liberté, égalité, fraternité* 'freedom, equality, fraternity'; the image is expressed verbally).

We unite national and regional precedent phenomena, separated in the classification by G.G. Slyshkin [50], into one group due to the general supraregional nature of the content of a political cartoon. Their peculiarity lies in the fact that these precedent phenomena (onyms and events) are understandable to the average representative of a certain culture, in our case, an Arab speaking Arabic and a French-speaking European.

Here are some examples:

— a book abandoned by Francois Hollande (see Cartoon 3): a collection of fragments from an interview with the former president of France, prepared by Gérard Davet and Fabrice Lhomme, “Un président ne devrait pas dire ça!” (A president should not say that) on topical issues of French society and on world politics, in particular, the United States (came out on October 12, 2016, had a public response in France and the world);

Cartoon 3

P'tain de merde. Fait chier ce bouquin...!
Un président ne devrait pas dire ça!
Damn it. Enrages this little book ...!
A president should not say that!

— another example of a national and regional precedent phenomenon may be the lexical unit الفيل ‘elephant’ (a verbal allusion to Indians, who Arabs consider to be narrow-minded, stupid, and naive people).

CONCLUSION

This study allows us to draw the following conclusions:

1) The appeal to the genre presentation of political discourse and the comparative analysis of political caricature is a relevant question in linguistics due to the lack of a sufficient number of scientific research.

2) At a structural level, political cartoon is a creolized text, i.e. the combination of semiotic codes of the iconic and verbal levels, the compatibility of the components of which determines the originality of the cartoon. The analysis of a series of cartoons showed the use of semiotic codes such as colour at the level of the image and precedence at the level of the image and text.

3) Precedence can be expressed by textual or graphical representation of universal human precedent phenomena, civilizational precedent phenomena, onyms and events of a supraregional nature.

© Дугалич Н.М., Гишкаева Л.Н., 2019
Дата поступления: 01.03.2019
Дата приема в печать: 15.04.2019

REFERENCES

1. Boyko, M.A. (2006). Functional analysis of the means of creating the image of the country (on the basis of German political creed texts) [abstract of dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
2. Voitasek, L. (1981). Psychology of political propaganda. Moscow. (In Russ.).
3. Chudakova, N.M. (2005). Conceptual area “inanimate nature” as a source of metaphorical expansion in the discourse of Russian mass media (2000—2004) [dissertation]. Ekaterinburg. (In Russ.).
4. Golovina, L.V. (1986). Influence of iconic and verbal signs with a semantic perception of the text [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
5. Zuev, D.D. (1981). The structure of the modern school textbook and the place in it of extra-textual components (on the material of the analysis of textbooks of humanitarian disciplines) [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In *Optimization of speech influence*. Moscow. pp. 180—186. (In Russ.).
7. Bardin, L. (1975). Le Text et l’image, *Communication et langues*, 26, 98—112.
8. Kraft, U. (1978). Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics. Stuttgart.
9. Muckenhaupt, M. (1986). Text und Bild. Grundfragen der Beschreibung von Text-Bild-Kommunikation aus sprachwissenschaftlicher Sicht. Tübingen.
10. Spillner, B. (1982). Stilanalyse semiotisch komplexer Texte · Zum Verhältnis von sprachlicher und bildlicher Information in Werbeanzeigen. pp. 91—109.
11. Kubryakova, E.S. (2004). Language and knowledge. On the way of getting knowledge of the language: parts of speech from the cognitive point of view. In *The role of language in the knowledge of the world. Academy of Sciences*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
12. Arutyunova, N.D. (1990). Metaphor and Discourse. In *Theory of Metaphor*. Moscow: Progress. pp. 5—32. (In Russ.).
13. Afanasyeva, A.P. (2006). Knowledge of the value-meaning sphere of the personality through the symbol. Moscow. (In Russ.).
14. Grishaeva, L.I. (1998). Realization / non-realization of valent properties of verbs as one of the mechanisms of verbalization of extralinguistic reality (on the material of Russian and German verbs of the anthroposphere). Voronezh, Voronezh. State University. (In Russ.).
15. Semochko, S.V. (2004). The concept “Faust” as a constant of German culture [dissertation]. Voronezh. (In Russ.).
16. Anderson, D.R. (2002). Cognitive psychologists. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
17. Babushkin, A.P. (1996). Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language. Voronezh. (In Russ.).
18. Boriskina, O.O. & Kretov, A.A. (2003). The theory of language categorization. National linguistic consciousness through the prism of the cryptoclass. Voronezh. (In Russ.).
19. Laenko, L.V. (2005). Perceptual attribute as an object of nomination (02.10.19 — theory of language): dissertation abstract of dissertation. Voronezh. (In Russ.).
20. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2002). Language and national picture of the world. Voronezh. (In Russ.).
21. Sternin, I.A. (2004). Cognitive interpretation in linguo-cognitive studies. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 65—69. (In Russ.).
22. Barthes, R. (1964). *Elements of Semiology*. NY: Hill and Wang.
23. Kraft, U. (1978). Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics. Stuttgart.
24. Spillner, B. (1982). Stilanalyse semiotisch komplexer Texte · Zum Verhältnis von sprachlicher und bildlicher Information in Werbeanzeigen. *Kodikas, Code. Ars Semeiotica*, 4(5), 1, 91—106.
25. Gerchuk, Yu.Ya. (1984). The artistic structure of the book. Moscow: Kniga. (In Russ.).
26. Dobkin, S.F. (1985). The design of the book: the editor and the author. Moscow: Kniga. (In Russ.).

27. Sidorov, A.A. (1972). Book and life. Moscow: Kniga. (In Russ.).
28. Vinokur, G.O. (1929). Culture of language. Moscow: Federatcia. (In Russ.).
29. Reformatsky, A.A. (1930). Technical edition of the book. In *Theory and methods of work*. Moscow: Gizlegir. (In Russ.).
30. Tomashevsky, B.V. (1930). Theory of Literature. Poetics. Moscow. (In Russ.).
31. Tynyaynov, Yu.N. (1977). Poetics. Literary history. Movie. M., Moscow. (In Russ.).
32. Shvetsova, M.G. (2006). Paralinguistic tools in text linguistics [Electronic resource]. In *Lingvo-Master* [website]. URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf> (accessed: 03.11.2017).
33. Baranov, A.N. & Parshin, P.B. (1986). Linguistic mechanisms for the variative interpretation of reality as a means of influencing consciousness. In *The role of language in the media of communication*. Moscow: INION. pp. 100—143. (In Russ.).
34. Pedagogical speech science (1998). In *Dictionary reference, T.A. Ladyzhenskaya & A.K. Mikhailskaya (Eds.)*. Moscow: Flinta, Science. (In Russ.).
35. Bol'shakova, N.N. (2007). Game poetics in literary tales of Michael Ende [dissertation]. Smolensk. (In Russ.).
36. Anisimova, E.E. (2003). Linguistics of the text and intercultural communication (on the basis of creolized texts). Moscow: Academia. (In Russ.).
37. Voroshilova, M.B. (2007). Creolized text: aspects of the study. In *Political linguistics. Release (1) 21, A.P. Chudinov (Ed.)*. Ekaterinburg. pp. 75—80. (In Russ.).
38. Eyger, G.V. & Yukht, V.L. (1974). To the construction of a typology of texts. In *Text Linguistics: Proceedings of the scientific conference at MGPI them M. Toreza*. Moscow. pp. 103—109. (In Russ.).
39. Chernyavskaya, V.E. (2009). Text linguistics: Poly-codedness, Intertextuality, Interdiscursivity. Moscow: Librokom. (In Russ.).
40. Bernatskaya, A.A. (1987). Signature as a type of text. In *Problems of linguistic analysis of text and communication*. Irkutsk. pp. 118—128. (In Russ.).
41. Mikheev, A.V. (1987). On some types of interaction between images and text. In *Types of communication and the content aspect of the language*. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. pp. 191—199. (In Russ.).
42. Protchenko, A.V. (2006). Typological and functional-stylistic characteristics of the English-speaking guidebook [abstract of dissertation]. Samara. (In Russ.).
43. Poymanova, O.V. (1997). Semantic space of a video verbal text [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
44. Bart, R. (1989). Selected Works. Semiotics. Poetics. Moscow. (In Russ.).
45. Karaulov, Yu.N. (1987). Russian language and language personality. Moscow. (In Russ.).
46. Kuz'mina, N.A. (2011). Intertextuality and precedence as the basic cognitive categories of media discourse, *Electronic scientific journal "Mediascope", 1*. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (accessed: 03.11.2017). (In Russ.).
47. Gudkov, D.B. (1999). Case name and case law. Moscow: MGU Publishing House. (In Russ.).
48. Krasnykh, V.V. (2002). Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
49. Gudkov, D.B., Krasnykh, V.V., Zakharenko, I.V. & Bagaeva, D.V. (1997). Some features of the functioning of precedent statements, *Vestnik MGU. Series 9. Philology, 4*, 106—118. (In Russ.).
50. Slyshkin, G.G. (2000). From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow: Academia. (In Russ.).

Links to caricatures (accessed: 10.2016—12.2017)

1. Cartoon 1

<http://www.aljazeera.net/news/caricature/2014/8/7/كاريكاتير-مصر-السياسي>

2. Cartoon 2

http://3.bp.blogspot.com/vIpjae6s59k/UtlI550KI/AAAAAAAAAdQM/k_Sfc0AMxmw/s1600/5.jpg

3. Cartoon 3

<http://perrico.over-blog.com/tag/dessin%20politique%20%20caricature%20-politique%20-%20dessin%20d%27actualite/>

УДК [811.411.21:811.133.1]373:741.5

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-418-434

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ НА АРАБСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Н.М. Дугалич, Л.Н. Гишкаева

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлены материал и итоги исследования политической карикатуры на арабском и французском языках. *Актуальность* данной работы обусловлена описанием прецедентности креолизованного текста в сопоставительном аспекте в силу отсутствия достаточного количества научных трудов, затрагивающих данную проблематику.

Автор предлагает обзор основных этапов изучения текстов, имеющих иконический и вербальный ряды, варианты связи их компонентов, историю появления терминов, номинующих данный вид текстов, который характеризуется также использованием семиотических кодов, например, цвета и кинессики, а также сопровождением параграфемными средствами, под которыми понимается шрифтовое варьирование, выходящее за рамки принятой в языке нормы использования единиц системы пунктуации, и топографемные средства, репрезентующие разнообразные плоскостные варианты размещения текста.

Реализацией описываемого типа текста становится политический дискурс, исследование которого также относится к актуальным исследовательским темам современной лингвистики. Необходимо отметить, что политическая карикатура всегда является отражением мнения социума или реакцией индивида на знаковое общественное событие, и это становится ее универсальной чертой, что позволяет сопоставить средства и категории креолизованного текста политической карикатуры в разных лингвокультурах / на разных языках.

Объектом проведенного анализа становится креолизованный текст политической карикатуры, *предметом* исследования — категория прецедентности и ее особенности для реализации авторской интенции в политической карикатуре на французском и арабском языках.

Важной системной характеристикой креолизованного текста является категория прецедентности, которая в данной статье соотносится с категорией интертекстуальности. Автор на конкретных примерах рассматривает использование прецедентной информации на уровне текста и изображения и их связи. Приведенный поэтапный разбор карикатуры демонстрирует возможность декодирования прецедентного знака в числе прочих условий также в соответствии с типом речевой культуры носителя языка.

Прецедентность в карикатуре может быть выражена текстовой или графической репрезентацией общечеловеческих прецедентных феноменов, цивилизационных прецедентных феноменов, онимов и событий надрегионального характера. Формальным выражением прецедентности может быть также символ. В заключении делается обобщение итогов проведенного исследования, в котором приведены варианты реализации категории прецедентности в политической карикатуре.

Ключевые слова: креолизованный текст, политическая карикатура, арабский язык, французский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бойко М.А.* Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) (10.02.04 — германские языки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
2. *Войтасик Л.* Психология политической пропаганды. М., 1981.
3. *Чудакова Н.М.* Концептуальная область «неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000—2004 гг.) (10.02.01 — русский язык): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
4. *Головина Л.В.* Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
5. *Зуев Д.Д.* Структура современного школьного учебника и место в ней внетекстовых компонентов (на материале анализа учебников гуманитарных дисциплин): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
6. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180—186.
7. *Bardin L.* Le Text et l'image // Communication et languages. 1975. No 26. P. 98—112.
8. *Kraft U.* Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics. Stuttgart, 1978.
9. *Muckenhaupt M.* Text und Bild. Grundfragen der Beschreibung von Text-Bild-Kommunikation aus sprachwissenschaftlicher Sicht. Tübingen, 1986.
10. *Spillner B.* Stilanalyse semiotisch komplexer Texte Zum Verhältnis von sprachlicher und bildlicher Information in Werbeanzeigen. 1982. P. 91—109.
11. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
13. *Афанасьева А.П.* Познание ценностно-смысловой сферы личности посредством символа. М.: ИИЦ МГУТ, 2006.
14. *Гришаева Л.И.* Реализация/нереализация валентных свойств глаголов как один из механизмов вербализации внеязыковой действительности (на материале русских и немецких глаголов антропосферы). Воронеж: Воронеж. гос. университет, 1998.
15. *Семочко С.В.* Концепт «Фауст» как константа немецкой культуры (10.02.04 — германские языки): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004.
16. *Андерсон Д.Р.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
17. *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
18. *Борискина О.О., Кретов А.А.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж, 2003. 211 с.
19. *Лаенко Л.В.* Перцептивный признак как объект номинации (10.02.19. — теория языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.
20. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
21. *Стернин И.А.* Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2004. С. 65—69.
22. *Barthes R.* Elements of Semiology. NY: Hill and Wang, 1964.
23. *Kraft U.* Comics lesen. Untersuchungen zur Textualität von Comics. Stuttgart, 1978.
24. *Spillner B.* Stilanalyse semiotisch komplexer Texte Zum Verhältnis von sprachlicher und bildlicher Information in Werbeanzeigen // Kodikas, Code. Ars Semeiotica. 1982. no 4 (5). 1. С. 91—106.
25. *Герчук Ю.Я.* Художественная структура книги. М.: Книга, 1984.
26. *Добкин С.Ф.* Оформление книги: редактору и автору. М.: Книга, 1985.
27. *Сидоров А.А.* Книга и жизнь. М.: Книга, 1972.

28. *Винокур Г.О.* Культура языка. М.: Федерация, 1929.
29. *Реформатский А.А.* Техническая редакция книги. Теория и методика работы. М.: Гизлегром, 1933.
30. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1930.
31. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
32. *Швецова М.Г.* Паралингвистические средства в лингвистике текста // *LingvoMaster*: [сайт]. М., 2006. URL: <http://www.lingvomaster.ru/files/210.pdf> (дата обращения: 03.11.2017).
33. *Баранов А.Н., Паришин П.Б.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100—143.
34. Педагогическое речеведение: словарь-справочник / под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта, Наука, 1998.
35. *Большакова Н.Н.* Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде (10.02.04. — германские языки): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2007.
36. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.
37. *Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. (1) 21 / Урал. гос. пед. ун-т; главный ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2007. С. 75—80.
38. *Эйгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Горького. Ч. I. М., 1974. С. 103—109.
39. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, Интертекстуальность, Интердискурсивность. М.: Либроком, 2009.
40. *Бернацкая А.А.* Подпись как тип текста // Проблемы лингвистического анализа текста и коммуникации. Иркутск, 1987. С. 118—128.
41. *Михеев А.В.* О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1987. С. 191—199.
42. *Протченко А.В.* Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя (10.02.04 — германские языки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
43. *Пойманова О.В.* Семантическое пространство видеовербального текста (10.02.19 — теория языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
44. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
45. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
46. *Кузьмина Н.А.* Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Электронный научный журнал «Медиаскоп». 2011. № 1. Электронный журнал факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.mediascope.ru/node/755> (дата обращения: 03.11.2017).
47. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999.
48. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
49. *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 4. С. 106—118.
50. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

For citation:

Dugalich, N.M. & Gishkaeva, L.N. (2019). Precedence as a category of a policode text of political cartoons in the arabic and french languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 418—434. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-418-434.

Для цитирования:

Дугалич Н.М., Гишкаева Л.Н. Прецедентность как категория креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 418—434. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-418-434.

Information about the authors:

Natalia M. Dugalich, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages, comparativelinguistics; *e-mail*: av sineeva-nm@rudn.ru

Luisa N. Gishkaeva, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages, comparativelinguistics; *e-mail*: gishkaeva-ln@rudn.ru

Сведения об авторах:

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: av sineeva-nm@rudn.ru

Гишкаева Луиза Нахидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков, сравнительно-сопоставительное языкознание; *e-mail*: gishkaeva-ln@rudn.ru

ЧАСТЬ 2. ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450

ФАКТОР АДРЕСАТА В ДИАХРОНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

И.Н. Филиппова

Московский государственный областной университет
Ул. Веры Волошиной, 24, г. Мытищи, Россия, 141014

Целью статьи является анализ трансхронической межъязыковой и межкультурной поэтической коммуникации. Особое внимание уделяется реципиенту, исследуется его значение в диахронном переводе. Анализу подвергаются языковые и культурные аспекты поэтической коммуникации: реалии, историзмы, архаизмы, фразеологизмы, аллюзии. Фактор реципиента активно исследуется в прагмалингвистике, обнаруживающей точки соприкосновения с переводоведением и теорией межкультурной коммуникации. Исследование основано на интегративной методике: использованы дескриптивный, контекстуальный, сравнительный и дискурсивный анализ. В статье раскрывается синергетическая природа реципиента, уникальная по возрастным, гендерным, мировоззренческим, политическим и культурным особенностям; выявлены ситуации когнитивного диссонанса автора и реципиента в условиях одноязычия и в условиях межъязыковой коммуникации. Фактической базой служит роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», написанный почти 200 лет назад и многочисленные переводы, выполненные в разное время (1840—2008 гг.). Изученный эмпирический материал позволяет сделать следующие выводы: множественность переводов в трансхроническом переносе культурного наследия на иностранные языки естественна и неизбежна. Поиск адекватных средств межкультурного перевода поэзии носит трансцендентальный характер. Синкретический характер поэтического знака в диахронии усиливает несоответствие концептуального и тематического содержания знаний реципиента и автора. Это особенно ярко проявляется в условиях трансхронической коммуникации, когда автор и реципиент разделены значительным временным промежутком. Реципиенты исходного языка и реципиенты языка перевода имеют объективные социокультурные различия, которые более очевидны в трансвременной межъязыковой коммуникации. Перечисленные факторы взаимодействуют в сложной синергетической системе, которую невозможно познать и описать в редуктивной лингвистической теории перевода. На основании недостаточности редукционизма лингвистической модели перевода можно ожидать перехода к методологии холизма перевода. Холизм как методологический принцип и философия познания нашел эффективное применение в гуманитарных науках. Его использование в переводе при межкультурной, межъязыковой и трансхронической коммуникации представляется объективно необходимым. Необходимость прагматической адаптации и границы ее использования должны быть проверены в дальнейших исследованиях, сочетающих прагмалингвистику, когнитивную лингвистику, переводоведение, функциональную стилистику, дискурс-анализ и лингвокогнитивный перевод.

Ключевые слова: перевод, поэтическая коммуникация, прагматическая адаптация, редукционизм, реципиент, холизм

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ СТАТУСА АДРЕСАТА В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современных переводе и переводоведении наметился постепенный переход на новый этап, который, по-видимому, является результатом развития антропоцентрической парадигмы в языкознании в целом. Междисциплинарный характер всего научного знания (и лингвистического — в первую очередь) на современном этапе его развития приводит не только к формированию самостоятельных дисциплин или разделов наук, но и к взаимопроникновению и слиянию новых областей знания со смежными и несмежными областями знания. В области языкознания, как части гуманитаристики, эти разнонаправленные процессы привели к автономизации отдельных «лингвистик» (юрислингвистики, медиалингвистики, интернет-лингвистики) и гибридации с несмежными областями (нейропсихоллингвистики, этносоциоллингвистики, лингвоэкологии/эколингвистики, антропололингвистики и т.д.). В новейшей научной периодике (последних 5—10 лет) обращает на себя внимание экспансия прагмалингвистики или лингвистической прагматики в новые сферы науки о языке. Объектом изучения прагмалингвистики становятся не только отношения между (преимущественно) лингвистическими знаками и их интерпретаторами. Успехи прагмалингвистики в области типологизации речевых стратегий и тактик, прогнозирования коммуникативных эффектов и предотвращения коммуникативных неудач постепенно начинают находить свое отражение в теории и практике перевода. Интеграция прагмалингвистики и переводоведения в условиях глобализации и межкультурной коммуникации объективно детерминирована и, по-видимому, неизбежна ввиду общности предмета исследования. Подтверждение этому мы видим в развитии новых теорий перевода, объединяющих в своих исследованиях методологию прагмалингвистики с классическими методами науки о переводе: теории полей перевода [1], индивидуализации перевода и переводной множественности [2; 3], попытках разностороннего анализа прагматических адаптаций в переводе.

Обращение к вопросу о статусе адресата в межъязыковой и межкультурной коммуникации и необходимости его прогностических оценок для успешного общения мы считаем необходимым звеном в цепи задач, направленных на эволюционирующее взаимодействие переводоведения и прагмалингвистики. Актуальность этой задачи определена двумя равноценными причинами: ее нерешенностью в современном языкознании и необходимостью ее исследования с различных позиций.

Отправной точкой исследования значимости фактора адресата в двуязычии может служить обобщение опыта предшествующих близких по тематике и объекту исследований в одноязычии [4; 5]. Эти исследования могут составить теоретические послышки к транспонированию (хотя и не прямой экстраполяции) их результатов в область переводческой науки. Бесспорно полезными оказываются также исследования, предпринятые в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, где представлен анализ различных переводческих трансформаций, их причин и следствий для процесса комму-

никации в различных коммуникативных условиях и сферах функционирования языка [6—10]. Такие работы могут представлять интерес как практическая верификация «адресатологии» в условиях двуязычия. Совокупность теоретических посылок и практических опытов, на наш взгляд, не может быть оценена лишь как косвенные подтверждения значимости исследуемой проблемы и ценности ее первых результатов для дальнейшего развития функциональной прагмалингвистики и улучшения практики межкультурной коммуникации в условиях коллективного диахронического перевода.

В настоящей статье первоочередное внимание направлено на диахронический аспект перевода, где объектом анализа служит фактор адресата.

Целесообразно обращение к эмпирическому материалу. Фактологическую базу работы составили переводы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина [11] на немецкий и английский языки, выполненные в разное время разными переводчиками: Ф. Боденштедтом в 1840—1850-х гг., Г. Спальдингом в 1881 г., К.Ф. Уолли 1904 г., Б. Дойч 1936 г. и в 1965 г., Д.П. Радин и Дж. Патриком в 1937 г., О. Элтона 1938 г., У. Арндтом 1963 г., В. Набоковым в 1964 г., Ю.М. Кейденом в 1964 г., Ч. Хелберн-Джонстоном в 1977 г., Дж.Э. Фаленом в 1990 г., Д.Р. Хофстадтер в 1999 г., Р.-Д. Кайлем в 1999 г., С. Митчеллом в 2008 г. и др.

Необходимо отметить, что и современного русскоязычного читателя от автора отделяет значительный временной отрезок: почти 200 лет, а это несколько поколений носителей языка, эволюционирующего вместе с человеком и культурой.

Гипотезой исследования служит предположение о необходимости учета меняющегося характера адресата, его когнитивных умений, коммуникативной компетенции и личностных свойств для достижения адекватности перевода в условиях диахронической коммуникации. Верификация гипотезы осуществляется путем использования интегративной методики, объединяющей дескриптивный, контекстуальный, сравнительный и дискурсивный анализы.

В традиционном лингвистическом переводоведении личностные характеристики всех участников коммуникации не являются компонентами лингвоэтнического барьера, однако переводческая практика свидетельствует о том, что они не могут быть исключены из акта общения [12. С. 13] опосредуются в лингвистических объектах. Так, В.В. Ощепкова подчеркивает влияние личностных характеристик коммуникантов на выбор «социогеографических» кельтицизмов, выделяя такие особенности коммуникантов, детерминирующие выбор того или иного синонима, как место рождения и проживания, общение с земляком или носителем иного варианта английского языка и т.п. [13. С. 52—56]. В работах Е.В. Сидорова подчеркивается значение личностей коммуникантов в двуязычном общении: «...одним из наиболее ярких свойств межкультурной коммуникации является различие в ценностях (ценностных установках), характерных для личностей, вступающих в межкультурную коммуникацию и реализующих в ней свою коммуникативную деятельность» [14. С. 166]. «Ситуация резкого расхождения ценностных миров коммуникантов особенно характерна для межкультурной коммуникации» [Там же. С. 171]. В работах А.Д. Швейцера заложена идея о необходимости

прагматической составляющей в переводе: «...если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели» [15. С. 239].

Характер перевода как самоорганизующейся коммуникативной деятельности детерминирует трансцендентальность результата перевода, т.е. множественность переводческого решения при передаче смысла ИТ средствами ПЯ, перевербализации его в ПТ, поливариантность текстов перевода, обусловленных «неединичностью переводческого решения. Множество переменных величин, влияющих на результат перевода, а также широкие возможности перефразирования (контекстуальная синонимия) определяют неединичность переводческого решения. Иными словами, в рамках высказывания возможен не один, а несколько «правильных» вариантов перевода» [16. С. 172]. Поливариантность потенциально адекватных ПТ определяется многоаспектностью деятельности по межъязыковому посредничеству и поливариантностью объективных и субъективных факторов.

Идея о трансцендентальном характере перевода имплицитно присутствует в многочисленных работах отечественных и зарубежных переводоведов. В то же время следует отметить, что смена исследовательской парадигмы, состоявшаяся в других лингвистических науках и приведшая к становлению прагмалингвистики и лингвокогнитологии, в основе которых лежит обращение к личности коммуникантов и расширение понятия контекста, в переводоведении не нашла полного отражения¹. С одной стороны, это связано с множественностью и недостаточной разработанностью частной проблематики переводоведения (как молодой науки по сравнению с другими лингвистическими), с другой стороны, обусловлено большей сложностью объектов и предмета перевода в связи с диверсификацией коммуникации, в состав которой входит языковая и социокультурная антиномия.

Это обстоятельство вызывает некоторое недоумение, так как еще в работах Р.К. Миньяра-Белоручева представлена идея о различных типах информации и, следовательно, о наличии различных контекстов в двуязычной ситуации [12. С. 68—69]. Ранее, в работах М.М. Бахтина [17], отмечены такие свойства лингвистических объектов, приложимые к практике перевода и неполно объективированные переводоведением, как диалогичность, неповторимая индивидуальность, завершенная целостность, актуализированность и потенциальность.

О различных интерпретациях в рамках одноязычия писали многие языковеды и переводоведы [16. С. 31—32; 3. С. 33—34]. В двуязычии, несомненно, происходит многократное увеличение потенциальных прочтений смысла, смещение про-

¹ Как отмечает Е.В. Сидоров, «в психолингвистическую модель порождения высказывания на правах обязательного компонента включается механизм ориентирования в действительности. Однако остается практически незамеченным важное следствие, вытекающее из этого положения для понимания закономерностей онтологии речевой коммуникации и межкультурной коммуникации как ее осложненного частного случая. Дело в том, что важнейшим, если не самым важным объектом действительности для продуцента речи является индивид, к которому он обращает свое высказывание. <...> Как отмечал М.М. Бахтин, событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов... второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать [9. С. 191].

позиций, генерализации и компрессии или спецификации и избыточности, формируя переводную множественность и вызывая «переводную дисперсию».

Таким образом, двуязычное общение, с необходимостью включающее несколько стадий (или уровней, этапов) кодирования и декодирования информации, приводит к множественности смыслов внутри одного ИТ и появлению нескольких гипотетически адекватных ПТ. «Качество принимаемого прагматиком-переводчиком решения определяется несколькими одинаково важными критериями, часто входящими в противоречие и необязательно чисто филологическими, и поэтому задача перевода сводится к процедуре многоцелевой оптимизации. <...> Это говорит в нашем случае о том, что перевод имеет некоторое множество решений с потенциально неулучшаемыми показателями качества. Опытным переводчикам известно, что может быть несколько одинаково хороших переводов одного и того же текста. Каждый перевод обладает сильными и слабыми сторонами, и каждый перевод открыт для улучшения» [3. С. 78—79].

ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАХРОНИИ

При избранном ракурсе исследования наиболее значимыми становятся следующие проблемы, осложняющие «освоение» читателями авторского текста:

- динамика языка, формирующая активный лексикон;
- интертекстуальность произведения, изобилующего аллюзиями на современный автору окружающий мир (реальный и литературно-художественный) и на более ранние исторические периоды (также фактические и поэтические).

Немаловажно для полноценного рассмотрения проблемы обратить внимание на то, что А.С. Пушкин дает комментарии разъясняющего характера к своему произведению для адекватного восприятия романа его современниками. Например, строки аллюзии на идиллию Гнедича *...когда прозрачно и светло ночное небо над Невою* [11. С. 203] сопровождаются комментарием «*читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича*» [Там же. С. 337] и воспроизведением значительного по объему фрагмента этого произведения.

Литературные аллюзии (в том числе самоаллюзии) в романе, как уже было отмечено выше, многочисленны; несомненно, это обогащение текста способно спровоцировать диссонанс в условиях протяженного временного континуума. Значимость многих современных А.С. Пушкину авторов, популярных тогда, со временем померкла (А.А. Шаховской, В.А. Озеров, Я.Б. Княжнин), знакомство с их произведениями современных читателей — скорее, редкость. Трудно ожидать, что нынешние читатели имеют достаточную степень когнитивного владения современным А.С. Пушкину литературным материалом для самостоятельной свободной интерпретации интертекста. Недостаточная дискурсивная компетентность предопределяет ошибки в ходе выполнения операций по декодированию смысла читателем:

- опознание фрагмента;
- соотнесение цитирующего текста (т.е. текста А.С. Пушкина) с первоисточником (фрагментом текста М.В. Ломоносова, Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, Дж.Г. Байрона, Ф.Р. Шатобриана и др.);

— понимание прагматической задачи автора (восприятие подтекста);

— реализация перлокутивного акта, выражаемая как равенство коммуникативной реакции, заданной автором (обычно расцениваемое как мерило успешности перевода) или как отклонение от нее.

Оставляя за рамками статьи многочисленные вопросы о природе и неоспоримых трудностях поэтического перевода [18], при обращении к полифонии мнений о соотношении эквивалентности и адекватности перевода обнаруживаем главенство адекватности над эквивалентностью при межъязыковой и межкультурной передаче текстов художественной литературы (и особенно поэзии). В этом аспекте роман, ввиду его полноты и детализации жизнеописания России конца XVIII — начала XIX века, почти обречен на потери при переводе, «энциклопедия русской жизни» не может быть полноценно передана на иностранные языки в силу своей яркой национальной специфики. Вертикальный контекст [19] романа насыщен различными формами интертекста, основу которого составляют произведения русской литературы. В связи с этим представляется слишком оптимистичным ожидание от читателей перевода владения соответствующей фоновой информацией в таком объеме, который позволял бы реципиенту современной иноязычной культуры воспринимать шедевр в соответствии с ожиданием автора (как того требует представление об адекватности перевода). Подтверждением этому может служить тот факт, что в переводах на английский и немецкий языки не сохранились многие из авторских аллюзий, как и представленная выше:

*When midnight sky is limpid-light
Above the Neva's placid water* [20];

*Wie oft — wenn in der sommerhellen,
Durchsicht'gen Nacht, des Mondes bar,
Sich in der heitern Newa Wellen
Spiegelten leuchtend, weiß und klar
Die endlos hohen Himmelsräume —
Ging unser Flug ins Reich der Träume* [21].

При отсутствии дополнительного комментирования неизбежные затруднения у читателей вызывают распознавание интертекста и сравнение его с предшествующим литературным опытом.

Это закономерно даже для носителей русскоязычной культуры: детерминированный этим диссонанс может быть настолько глубок, что приведет к непониманию, т.е. коммуникативной неудаче:

с душою, полной сожалений,
и оперишися на гранит,
стоял задумчиво Евгений,
как описал себя **пиит** [11. С. 203].

В этом фрагменте ничто не указывает на конкретного автора и произведение, в связи с чем у реципиента может возникнуть ложное представление о том, что автор подразумевает некий обобщенный обезличенный образ пиита, а не реально

жившего поэта, своего современника М.Н. Муравьева. Такую коммуникативную неудачу мы идентифицируем как скрытый диссонанс, неявное искажение первоначальной прагматики ИТ.

В текстах перевода романа этот фрагмент не снабжен комментариями, поэтому можно с определенностью утверждать, что этот фрагмент содержания остается непознанным иноязычными читателями. Передача аллюзии посредством «нулевого перевода» или «опущения» детерминирована в рассматриваемом фрагменте разницей лингвокультурного опыта автора и переводчиков: переводчики, являясь носителями иного языка и культуры, незнакомы с историей русской литературы в той мере, которая могла бы обеспечить полное понимание интертекстуальных связей романа с предшествующим поэтическим наследием. Получатели ПТ на английском и немецком языках не имеют возможности опознать интертекст, так как избранные переводчиками средства вербализации не оставляют намека на наличие скрытого смысла: в немалой степени этому способствуют лексико-грамматические особенности английского и немецкого языков перевода, где артикли и функционально близкие местоимения отражают сему неопределенности. В данном фрагменте выбор переводческого решения приводит к стиранию аллюзии и искажает авторскую интенцию:

*Filled with his heart's regrets, and leaning
Against the rampart's granite shelf,
Eugene stood lost in pensive dreaming
(As **once some poet** drew himself) [20].*

*Dann stand Eugen, sich heimlich sehnd,
Gedankenvoll, elegisch trüb
Und schweigsam am Granitbord lehnend,
Wie **ein Poet** sich **einst** beschrieb [21].*

Трансляция культурного наследия через значительный временной интервал осложнена сменой культурных стереотипов и динамикой общественной жизни, вносящей коррективы в мировосприятие новых поколений сограждан:

*Я слышал: дам хотят заставить
читать по-русски. Право, страх!
Могут ли их себе представить
с «Благонамеренным» в руках [11. С. 234].*

Здесь диссонанс очевиден. Узнавание в объекте аллюзии печатного издания (журнала) не вызывает сомнений. Однако современный читатель должен быть крайне удивлен тому импульсивному и близкому к паническому страху, который испытывает автор перед обращением дам к периодике (так как в современном обществе существует целая сеть гендерно ориентированных «женских» журналов; справедливости ради следует заметить, что общественного резонанса в эпоху гендерной политкорректности и унисекса не вызывают и дамы, читающие «Forbes», «Men's healths», «Драйв» и другие «неженские» журналы). А.С. Пушкин поясняет читателям свое отношение к этому изданию в авторском комментарии: «Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым, довольно неисправно.

Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках гулял» [Там же. С. 338]. Ирония между названием журнала, печатной политикой и поведением самого издателя раскрывается в комментарии.

Для адекватного восприятия этого фрагмента требуется владение фоновой информацией (знание статуса французского языка в дворянском обществе конца XVIII — начала XIX вв.) и полнотекстовая передача авторского комментария к роману. Эти меры позволили бы компенсировать значительные расхождения преинформационного запаса читателей оригинального произведения и перевода, однако мы не обнаруживаем их реализации в переводе на английский и немецкий языки:

*Some would that ladies be required
To read in Russian. Dread command!
Why, I can picture them inspired,
The **Good Samaritan** in hand!* [20]

*Ich weiß, daß man zum Russischlesen
Die Damen drängt. O Unverstand!
Man denke sich ein holdes Wesen,
Den "**Wohlgesinnten**" in der Hand!* [21]

В результате этого ирония автора остается нераспознанной, а равенство коммуникативного эффекта, оказываемого аутентичным произведением на носителей русского языка и культуры и переводом на иноязычных и инокультурных читателей. Эмпирический материал свидетельствует о том, что проблема интертекста в межъязыковой и межкультурной коммуникации в аспекте диахронии вызывает затруднения на всех этапах: на этапе восприятия текста оригинала переводчиком, на этапе его перевода, на этапе интерпретации перевода читателем. Эта множественность участников и уровней кодирования и декодирования информации еще более усложняется в условиях поэтической коммуникации, обладающей собственными субстанциональными особенностями (ритм, рифма, метрика).

Однако аллюзивностью проблемы трансхронического понимания авторского текста не исчерпываются. Динамика языка (особенно его лексико-фразеологического уровня) является самостоятельной проблемой, способной вызвать различного рода потери понимания (вплоть до полного семантического искажения).

Понимание судьбы графини Лариной, которая после некоторого времени замужества *вела расходы, брила лбы* [11. С. 220], может быть осложнено из-за использования в тексте архаичного фразеологизма. Стремление графини к овладению парикмахерским искусством как форме досуга вызвало бы закономерное удивление у современной молодежи. Неготовность усмотреть в выражении *брить лбы* фразеологизированный историзм влечет тотальное искажение ИТ.

До некоторой степени здесь сказывается и социокультурологическая нетождественность русскоязычных читателей: современных А.С. Пушкину и нынешних. Перевороты, войны, влияние тоталитарного режима, отказ от христианского мировоззрения, изменение системы образования, утрата национально-культурных традиций, затем попытки их почти насильственной реставрации в массовом сознании и т.д. — все эти и положительные и отрицательные процессы приводят к сме-

щению общего фонового знания читателей начала XXI века относительно современных роману координат.

Адресаты, наследующие культуру, могут испытывать некоторые затруднения в идентификации реалий: *подблюдны песни, в день Троицын... умильно на пучок зари они роняли слезки три* [Там же. С. 221], в толковании фразеологизмов: *езжала по работам* ≠ выполняла работу, состояла на службе, *мух давил* ≠ был инсектофобом, в некоторых объективированных в тексте общественных традициях: *Явились вместе, и никто не вздумал им пенять на то* [Там же. С. 246].

В ходе анализа эмпирического материала обнаружены эксплицитные переводческие ошибки, свидетельствующие о непонимании переводчиком отмеченных стилистических средств воссоздания исторического и национального колорита, представленных в исходном тексте. Здесь важно отметить, что в поэтической коммуникации переводчик не ограничивается трансляцией текста, но берет на себя также миссию передачи культурно-исторического колорита оригинального произведения [22. С. 129—132]. Культурологический аспект работы переводчика часто незаслуженно оказывается на периферии межъязыкового посредничества, а в текстах, насыщенных маркерами исторического и этнокультурного опыта и аллюзиями на культуру и литературный багаж определенной нации, он должен составлять центр внимания переводчика. Успех межнациональной коммуникации, опосредованной переводом, невозможен без точной передачи особенностей мировосприятия иной культуры.

Для передачи архаичных фразеологизмов переводчики ограничились использованием субститутивного подхода, реализованного замещением соответствующего сегмента оригинального текста словарными эквивалентами языка перевода. Однако этот подход неприемлем для фразеологем-культурем. Полученный результат не соответствует требованиям, предъявляемым к переводу. Отмечены и опущения отдельных фрагментов национальной и исторически маркированной лексики.

Реалия *подблюдны песни*, как элемент русской лингвокультуры, не имеет аналогов в реципирующих культурах, поэтому при переводе на немецкий язык она изъята из текста, не передана или передана нулевым переводом:

*Sie hielten sich im schlichten Rahmen
Altbiederer Art behaglich frisch;
Stets in der Fastnachtwoche kamen
Die fetten Plinsen auf den Tisch,
Und zweimal jährlich ging man beichten.
Der Mummenschanz und Christmarkt
reichten Zu ihrer Kurzweil völlig aus* [21],

а при переводе на английский она замещена функциональным аналогом с существенной генерализацией

*At Shrovetide feasts their table flourished
With Russian pancakes, Russian cheer;
Twice yearly too they did their fasting;
Were fond of songs for fortune-casting,
Of choral dances, garden swings...* [20]

Удивительной представляется передача фразеологизма *брила лбы* субституцией. Свободные словосочетания немецкого языка (*schor Köpfe* [21]) и английского языка (*she shaved the shirkers* [20]) не являются эквивалентами соответствующей единицы романа, искажают ее семантику, не отражают ее национального и исторического колорита. В данном фрагменте коммуникативная задача переводчиками не выполнена. Избранный прием передачи создает у иноязычных читателей ложное представление об исторических реалиях изображаемой в романе эпохи и о стилистике автора.

Не менее странный и неудачный перевод фразеологизма *мух давил*. В английской версии находим субституцию *squashed flies* [20], а в немецкой субституцию с искажением авторской интенции:

*Wo vierzig Jahr' lang frommbeseelt
Der Dorfgreis Fliegen totgeschlagen
Und mit der Magd herumkrakeelt* [21].

Некоторая попытка оправдания поведения *деревенского старожилы* путем введения лексем более высокой эмоционально-стилистической окраски (*frommbeseelt u Greis*); по-видимому, эти меры предприняты переводчиком из стремления к эвфемии, которая, тем не менее, мало сочетается с описываемым действием «уничтожения насекомых». Здесь очевидна проблема понимания содержания исходного текста самими переводчиками, не обнаруживающими достаточного знания русской фразеологии и понимающими идиому *мух давить* как свободное словосочетание, без семантического переосмысления компонентов, в результате которого сформировано значение *выпивать*. Верное толкование первоисточника переводчиками позволило бы избежать столь явной ошибки и столь существенного искажения оригинального текста. На втором этапе коммуникации возникает проблема восприятия и неверной интерпретации переводчиком, затем неверное кодирование средствами языка перевода (соответственно, английского и немецкого) обуславливает неверную интерпретацию читателем. Таким образом, ошибка переводчика не оставляет возможности читателю на восприятие, адекватное задуманному автором произведению.

Остается лишь предполагать, каким оказывается восприятие такой искаженной картины мира русской жизни у зарубежных читателей.

НЕОБХОДИМОСТЬ ХОЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ

Очевидно, выявленные особенности и сложности в одноязычной диахронической коммуникации приобретают лавинообразный синергийный (самоорганизующийся) характер при переходе к двуязычной коммуникации, обремененной не только языковыми, но и культурными различиями. Небезосновательно в связи с этим прогнозировать многочисленные осложнения коммуникации при знакомстве современных иноязычных и инокультурных читателей с текстом романа.

Это служит достаточным основанием для предъявления особых требований к языковым посредникам, транслирующим русскую классику для современных

зарубежных читателей. С их стороны необходимы осознанные значительные усилия компенсации языковых и культурных различий, учет мировоззренческой позиции, геополитической компетентности (пророссийских и антироссийских настроений), религиозной принадлежности (атеистической модели, приверженности христианской, мусульманской, буддистской и т.д. традиции, веротерпимости или ксенофобии), возраста и иных характеристик предполагаемых получателей ПТ. Конечно, призывать к прагматической адаптации до искажения авторского текста (как это имело место в экранизации «Ромео и Джульетты» В. Шекспира в 1996 г.), нелепо [23]. Однако настаивать на обилии комментариев необходимо, поскольку это, по-видимому, единственный рационально возможный способ решения этой сложной коммуникативной задачи.

Например, сочетание языческих и христианских традиций, не вызывающее лишних вопросов у носителей русскоязычной культуры, может быть неверно истолковано как возвращение от христианства к архаичным формам религии при обращении к следующим фрагментам, указывающим на дохристианскую славянскую культуру (спорадически сохранившимся после принятия православия): подробное описание крещенских гаданий (которому вкупе с описанием сна Татьяны и попытками его толкования посвящено 20 стихов романа) или обрядовый плач, предшествующий венчанию: *мне с плачем косу расплели да с пенем в церковь повели* [11. С. 231]:

*I got so scared... my tears kept falling;
And **weeping**, they undid my plait,
Then **sang me** to the churchyard gate [20].*

*Und ich bekam vor Schreck das Heulen.
Mit **Tränen** löste man mein Haar,
Und mit **Gesang** ging's zum Altar [21].*

Невозможно также не принимать во внимание, что наибольшую степень сложности в области перевода представляет собой именно поэтическая коммуникация, где требования метра и рифмы также в немалой степени детерминируют множественные искажения авторского ИТ при его межъязыковой трансляции, многократно отмеченные в отечественной критике перевода.

Поэтический знак, обладающий синкретичной природой, в условиях транскрипционной, межъязыковой и межкультурной передачи создает особое семантическое пространство авторской картины мира, проникнуть в которую реципиенту оказывается тем сложнее, чем больший временной и культурный разрыв отделяет его от автора. Объективным и закономерным следствием этих особенностей поэтической межъязыковой коммуникации является расхождение концептуального и тематического содержания знания реципиента и автора.

Отмеченные факторы взаимодействуют в сложноорганизованной системе, которую невозможно полноценно познать и описать в рамках редуцированной парадигмы лингвистического переводоведения. Здесь необходимы интегративные методологические принципы: необходимо обратиться к опыту смежных гуманитарных наук, использующих в качестве методологического ядра холизм, полу-

чивший некоторое признание в лингвистической сфере, главным образом в общем и частном языкознании [24; 25], но также и проникающий в область теории перевода [26—29].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая представленный анализ диахронии перевода в аспекте проблем, связанных с адресатом поэтической коммуникации, можно резюмировать некоторые выявленные совокупные особенности (эмпирического характера).

1. Основной языковой проблемой является динамика языка, особенно его лексико-фразеологической составляющей, предопределяющей различное понимание оригинального текста адресатами-современниками произведения и адресатами-наследниками в отношении исторически маркированной лексики (реалий, историзмов, архаизмов), фразеологизмов, интертекстуальной информации.

2. Вторичной (в диахроническом аспекте, но константной) проблемой выступает расхождение систем, норм и узусов ИЯ и ПЯ и передача идиостиля произведения в межъязыковом пространстве.

3. Культурологические трудности временной трансляции составляют социокультурные смещения, находящие отражение в изменчивости массового сознания носителей исходного языка и нетождественности общего культурного фона носителей языка перевода и принимающей культуры. Удаление маркеров инокультурности текста или их подмена «родными» для читателя перевода фактами и атрибутами культуры влечет за собой утрату своеобразия аутентичным текстом и искажение колорита произведения, что наносит ущерб автору литературного произведения и ущемляет интересы читателя.

4. Обзор ошибок передачи национального и исторического колорита в поэтическом произведении национальной художественной литературы обнаруживает, что выявленные ошибки затрагивают не только область ответственности отдельных переводчиков, но и бросают тень на издательский коллектив, а в восприятии читателей транспонируются (незаслуженно) с переводной версии на аутентичные произведения и самого автора оригинала. Так, ошибки перевода (в широком смысле) отражаются негативно на межкультурной коммуникации, интересе читательской аудитории к иноязычному автору и его произведениям, а также на восприятии иноязычной культуры в целом.

5. Все вышеозначенные обстоятельства требуют вмешательства теоретиков перевода и повышения контроля качества переводов. Читателям же остается надеяться на самосовершенствование межъязыковых и межкультурных посредников, а также на рост этики [30] в среде переводчиков и издательских коллективов.

Обобщение полученного эмпирического материала приводит к выводу о закономерности переводной множественности в области трансхронической передачи культурного наследия на иностранные языки и трансцендентальности поиска адекватных средств межкультурной передачи поэтических произведений. Синергичный характер фактора адресата в диахронии перевода детерминирует гипотезу о дальнейшем использовании прагматических адаптаций для оптимизации межъ-

языковой, межкультурной и межвременной передачи поэтического текста с учетом прогноза (когнитивной компетентности, национальной, возрастной и социальной принадлежности) реципиентов ПТ. Вопрос об онтологической необходимости прагматической адаптации и о границах ее аппроксимирующего значения предстоит верифицировать в дальнейших исследованиях, на междисциплинарной основе объединяющих прагмалингвистику, когнитивную лингвистику, переводоведение, функциональную стилистику, лингвокогнитологию перевода. Вскрытая антиномия прагматической адаптации перевода и переводческого редукционизма в рамках лингвистической парадигмы переводоведения не может получить однозначного разрешения без обращения к методологии холизма.

© Филиппова И.Н., 2018

Дата поступления: 12.12.2018

Дата приема в печать: 15.02.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 6 (12). С. 71—75.
2. Ершова Е.А., Музыченко Е.Я., Чайковский Р.Р. Художественный перевод и межкультурная диверсификация смысла (на материале переводов «Дуинских элегий» Р.М. Рильке на английский, русский и украинский языки) // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2011. Т. 15. № 15. С. 8—10.
3. Ярцев Ю.А. Искусство и практика перевода. Иное видение при переводе технических текстов с русского на английский. Диверсификация приемов перевода. Таблица и примеры. СПб.: ИД «Петрополис», 2010.
4. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010.
5. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2004. № 1. С. 171—178.
6. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 147—156.
7. Максименко О.И. Мультикультурная среда: сложности понимания // Язык и культура в современном мире. 2014. С. 131—135.
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: Флинта: Наука, 2006.
9. Сидоров Е.В. Опережающее понимание в межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 4. С. 190—195.
10. Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Обновление переводов Священного Писания: причины и следствия // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. № 4. С. 51—54.
11. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. Т. 2.
12. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999.
13. Абрамова Е.И., Ощепкова В.В. Особенности функционирования кельтицизмов, характеризующих природные объекты, в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2013. № 6. С. 52—56.

14. Сидоров Е.В., Сидорова Н.А. Базовая структура аксиологического измерения речевой коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. № 6. С. 166—172.
15. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
16. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
17. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
18. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан, 1997.
19. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47—54.
20. Pushkin A.S. Evgenij Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>.
21. Puschkin A.S. Eugen Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugen-onegin-a-s-puschkin-deutsch-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>.
22. Филиппова И.Н. Избыточность и недостаточность в одноязычии и двуязычии: вопросы теории, практики, методологии, лингводидактики. М.: МГОУ, 2014.
23. Максименко О.И. Адаптация художественного произведения: от романа к комиксу // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 2. С. 111—116
24. Максименко О.И. Формализованная лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2013.
25. Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики. М.: Изд-во МГИМО(У) МИД РФ, 2015.
26. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 81—86.
27. Филиппова И.Н. Лингвистическая объективация холизма // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 14.
28. Филиппова И.Н. Трансцендентальный характер перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12025> (дата обращения: 23.05.2019).
29. Филиппова И.Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20888> (дата обращения: 23.05.2019).
30. Чайковский Р.Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. № 15 (675). С. 229—243.

УДК 81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450

RECIPIENT FACTOR IN POETIC TRANSLATION DIACHRONY

I.N. Filippova

Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy Str., Mytishchi, Russia, 141014

Abstract. The paper's aim is to analyze transchronical interlingual and intercultural poetic communication. Special attention is paid to the recipient, his significance in diachronic translation is investigated. Linguistic and cultural aspects of poetic communication are analyzed: realities, historicisms, archaisms, phraseological units, allusions. The recipient factor is actively studied in pragmalinguistics, which finds

common ground with translation studies and the theory of intercultural communication. The research is based on the integrative method: descriptive, contextual, comparative and discursive analysis are used. The paper reveals the synergetic nature of the recipient, unique on age, gender, worldview, political and cultural characteristics; cognitive dissonance of the author and the recipient in monolingual and in inter-language communication are revealed. The actual basis is the novel in verse Pushkin “Eugene Onegin”, written almost 200 years ago and numerous translations made at different times (1840—2008). The studied empirical material leads to the following conclusions. The translation multiplicity in transchronical transfer of cultural heritage to foreign languages is natural and unavoidable. The search for adequate means of intercultural translation of poetry is transcendental in nature. The syncretic nature of the poetic sign in diachrony strengthens the discrepancy between the recipient's and the author's conceptual and thematic knowledge content. This is particularly evident in terms of the transchronic communication when the author and recipient are separated by a significant time interval. The source language recipients and the target language recipients have objective sociocultural differences which are more evident in trans-temporal interlingual communication. The above-mentioned factors interact in the complex synergistic system that is impossible to cognize and to describe in a reductive linguistic theory of translation. On the basis of insufficiency of the reductionism of the linguistic translation, can be expected the transition to the methodology of holism translation. Holism as a methodological principle and philosophy of knowledge has found effective application in the Humanities. Its use in translation in cross-cultural, cross-language and TRANS chronic communication appear to be objectively necessary. The need for pragmatic adaptation and the borders of its approximate values is to be verified in further studies, combining pragmalinguistics, cognitive linguistics, translation studies, functional stylistics, discourse analysis and linguocognitive translation.

Key words: translation, poetic communication, pragmatic adaptation, reductionism, recipient, holism

REFERENCES

1. Kushnina, L.V. & Silantieva, M.S. (2010). Translator's linguistic identity in light of theory of translation space. *Perm University Herald. Russian and foreign Philology*, 6(12), 71—75. (In Russ.).
2. Ershova, E.A., Muzychenko, E.Ya. & Chaykovsky, R.R. (2011). Literary translation and cross-language diversification of meaning. *Bulletin of the North-Eastern State University*, 15, 8—10. (In Russ.).
3. Yartsev, Yu. A. (2010). Art and practice of translation. Different vision when translating technical texts from Russian into English. Diversification of translation techniques. Saint Petersburg: ID “Petropolis”. (In Russ.).
4. Belozerova, N.N. (2010). The real world and the virtual world: two ecological systems? Tyumen. (In Russ.).
5. Sternin, I.A. (2004). Adresse's Factor in Speech Influence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 1, 171—178. (In Russ.).
6. Lysenkova, E.L. & Tchaikovsky, R.R. (2012). Literary translation in the context of space and time. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*, 2 (18), 147—156. (In Russ.).
7. Maksimenko, O.I. (2014). Multicultural Environment: the Complexity of Understanding. In *Language and Culture in Modern World*. Moscow. pp. 131—135 (In Russ.).
8. Nelyubin, L.L. & Khukhuni, G.T. (2006). Translation Science (History and Theory from Ancient Times to the Present Day). Moscow: Flinta: Science.
9. Sidorov, E.V. (2009). Advance Understanding in Cross-cultural Communication. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University*, 4, 190—195. (In Russ.).
10. Khukhuni, G.T. & Osipova, A.A. (2012). The “Renovations” of the Translations of the Hole Writ: Motives and Consequences. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4, 51—54. (In Russ.).
11. Pushkin, A.S. (1986). Works: in 3 vols. V. 2: Poems; Eugene Onegin; Dramatic works. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. (In Russ.).
12. Minyar-Beloruchev, R.K. (1999). How to become a translator? Moscow: Gothic. (In Russ.).

13. Abramova, E.I. & Oschepkova, V.V. (2013). Peculiarities of Functioning of Celticism which Characterize Objects of Natural in English. *Bulletin of the Moscow State Regional University: Linguistics*, 6, 52—56. (In Russ.).
14. Sidorov, E.V. & Sidorova, N.A. (2009). Basic structure of axiological measurement of speech communication. *Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistic University*, 6, 166—172. (In Russ.).
15. Schweitzer, A.D. (1973). Translation and linguistics. Moscow: Voenizdat. (In Russ.).
16. Nelyubin, L.L. (2003). Explanatory dictionary of translatology. Moscow: Flinta: Science. (In Russ.).
17. Bakhtin, M.M. (1979). Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art. (In Russ.).
18. Chaykovskiy, R.R. (1997). Reality of poetic translation (typological and sociological aspects. Magadan. (In Russ.).
19. Akhmanova, O.S. & Gyubbenet, I.V. (1977). “Vertical context” as a linguistic problem. *Topics in the Study of Language*, 3, 47—54. (In Russ.).
20. Pushkin, A.S. Evgenij Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin/>. (In English.).
21. Puschkin, A.S. Eugen Onegin. URL: <http://originalbook.ru/eugen-onegin-a-s-puschkin-deutsch-evgenij-onegin-a-s-pushkin/> (In German).
22. Filippova, I.N. (2014). Redundancy and shortage in monolingualism and bilingualism: theory, practice, methodology, linguodidactics. Moscow: MGOU. (In Russ.).
23. Maksimenko, O.I. (2016). Bells Letters Adaptation: from the Novel to the Comic. *Bulletin of Moscow State Regional University: Linguistics*, 2, 111—116 (In Russ.).
24. Maksimenko, O.I. (2013). Formal linguistics. Moscow: MGOU. (In Russ.).
25. Ponomarenko, E.V. (2015). Bases of functional lingvosinergetik. Moscow: MGIMO. (In Russ.).
26. Kushnina, L.V. (2011). Translation as a synergetic system. *Perm University Herald. Russian and foreign Philology*, 3 (15), 81—86. (In Russ.).
27. Filippova, I.N. (2013). Linguistic objectification in holism. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4, 14. (In Russ.).
28. Filippova, I.N. (2014). Translation’s transcendence character. *Modern problems of science and education*, 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=12025> (дата обращения: 23.06.2019). (In Russ.).
29. Filippova, I.N. (2015). Pragmalinguistic cause of translation and translatology. *Modern problems of science and education*, 2-1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=20888> (accessed: 23.05.2019). (In Russ.).
30. Chaykovskiy, R.R. (2013). The ethic of literary translation in a multicultural environment. *Vestnik Moscow State Linguistic University*, 675, 229—243.

Для цитирования:

Филиппова И.Н. Фактор адресата в диахронии поэтического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 435—450. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450.

For citation:

Filippova, I.N. (2019). Recipient factor in poetic translation diachrony. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 435—450. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-435-450.

Сведения об авторе:

Филиппова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: inf.perevod@gmail.com

Information about the author:

Filippova Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, assistant professor at the Department of Translation Studies and Cognitive Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: inf.perevod@gmail.com

УДК 811.162.1:811.161.1:81'255.4
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-451-456

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ВИДОВ ОРУЖИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ Г. СЕНКЕВИЧА «ПАН ВОЛОДЫЕВСКИЙ»

В. Шетэля, П.В. Морослин

Институт иностранных языков МПГУ
Пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

В статье предпринята попытка описания способов перевода на русский язык названий оружия, которые были употреблены польским писателем Генриком Сенкевичем в его историческом романе «Пан Володыевский». Разнообразие польских названий холодного оружия, которым пользовались персонажи романа, должно было получить соответствующий перевод на русский язык. Путем сопоставления фрагментов польского и русского текстов с участием таких единиц показано, как переводились на русский язык термины данной тематической группы. Отмечается, что эти единицы способны отразить колорит языка автора и того региона, в котором происходит действие. Данные заимствования, а также другие иноязычные вкрапления во многих случаях являются находкой переводчика, часто имеют характер нововведения в русскоязычном тексте.

Ключевые слова: вкрапление, заимствование, историзм, лексический материал, перевод

Роман «Пан Володыевский», который представляет собой третью и последнюю часть известной исторической «Трилогии» Генрика Сенкевича «Огнем и мечом», «Потоп», принесший ему всемирную славу, переносит нас в те времена, когда Речь Посполитая после восстания Б. Хмельницкого (начало действия в романе — 1647 г.), а затем шведского «потопа», вела войны с Османской империей (начало действия — 1668 г.). На фоне этих исторических событий в романе «Пан Володыевский» развивается сюжетная линия любви главного героя романа Михаила и его избранницы Баси Езёрковской.

Описание военных невозможно без упоминания терминов, называющих различные виды оружия, которым пользовались в данный период польские воины и их противники.

В тексте романа говорится как о холодном и метательном оружии, так и огнестрельном, от самого мелкого ручного пистолета до осадных пушек самого крупного калибра. В данной статье мы рассмотрим способы перевода холодного оружия.

Генрик Сенкевич дает нам возможность узнать оружие прошедших веков, употребление которого в тексте документируется, во-первых, как правдивый исторический факт использования такого оружия в то время, а во-вторых, употребление автором названий подобного рода создает неповторимый колорит давно ушедшей эпохи.

Насколько данный колорит сохранен, можно убедиться по переводу на русский язык рассматриваемых единиц. Источником являются: подлинный текст

Н. Sienkiewicz «Pan Wołodyjowski», 1960 г. [1] и его перевод — Г. Сенкевич «Пан Володыевский», 2011 г. [2], сделанный переводчиками Г.В. Языковой, К.Я. Старосельской и С.Д. Тонконоговой.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что переводчикам не доставляло трудностей в переводе на русский язык названий холодного оружия типа: *buława* — *булава*, *buzdygan* — *буздыган*, *szabla* — *сабля*; а также метательного оружия: *granat* — *граната*, *luk* — *лук*, которые совпадают по форме и значениям, как в польском, так и в русском языке. Не доставляет трудностей в переводе терминов типа: *pistolet* — *пистолет*, *armata* — *пушка*.

Трудность возникает при классификации типов огнестрельного оружия, исходя из информации, которую дает о нем в своем романе Г. Сенкевич, что являлось важным для читателя романа, а также, вероятно, подсказкой для переводчиков, которым требовались знания в области ружейного и артиллерийского дела в их историческом развитии.

Начиная рассмотрение данного вопроса с названий группы **холодного** оружия, которое упоминается в романе Сенкевича, прежде всего, следует назвать *булаву* (*buława*), которая уже в эту эпоху является не столько оружием, сколько знаком полководческой власти, а также, что видно из текста, названием ставки гетмана Яна Собеского.

Рассмотрим фрагмент текста, в котором в данной функции выступает слово *buława* — *булава*: „Konotatkę hetmańska, co masz czynić, posyłam ci z tym pismem, a panu Wołodyjowskiemu rozkazanie od buławy, aby ci wyjeżdżać i przyjeżdżać wraz z twoimi ludźmi nie było wzbronione” [1. Р. 403] и перевод этого же фрагмента, в котором переводчик всё же избегает употребления данного термина, поскольку следовало бы как-то обозначить специфическое значение этого слова в польской военной терминологии: «Наказ тебе от гетмана, что делать надлежит, посылаю с этим письмом, а пану Володыевскому — предписание от гетмана, дабы тебе с твоими людьми свободный проезд давали и не чинили препятствий» [2. С. 333—334]. Если в польском тексте приказ идет «от гетманской булавы», то в русском тексте это «наказ, предписание от гетмана». Небольшой нюанс, по сути, не искажает смысла текста. Выражение «от гетманской булавы» важнее для польского, чем для русского читателя.

Подобным булаве оружием, а также знаком воинской власти, но рангом ниже, является *buzdygan* — *буздыган*, ср.: [Азья] «Machnął buzdyganem, aż burka podniosła się w kształcie skrzydeł drapieżnego ptaka...» [1. Р. 415—416] и «Он взмахнул буздыганом, так что бурка поднялась на нем, как крылья хищной птицы...» [2. С. 343].

Наиболее частотным термином, называющим холодное оружие, является в подлиннике и в переводе слово *szabla* — *сабля*, что и отражает историческую правду — данный вид холодного оружия был наиболее популярен в то время, да и после вплоть до XX в.

Например: «...nie spojrzawszy na nikogo więcej wziął szablę pod pachę i wyszedł» [1. Р. 332] и «...а больше ни на кого не взглянув и, взяв под мышку саблю, вышел» [2. С. 274].

Интересный пример перевода представляет собой термин, называющий такую деталь сабли, как *krzywiec*. Устаревшее и очень редкое в употреблении в настоящее время слово *krzywiec*, скорее всего, следовало бы понимать как «кривой клинок сабли». Эта деталь в переводе названа *концом сабли*. Ср.: «— Ot, żołnierscy grabarzowie! — rzekł wskazując ptaństwo krzywcem szabli Zagłoba» [1. P. 311] и «— Вот они, солдатские могильщики! — сказал, указывая на птиц концом сабли, Заглоба» [2. С. 258].

Интересен фразеологизм с участием слова *szabla* — „lać wodę na szablę” [дословно: «лить воду на саблю»], как обычай, закрепляющий побратимство между бывшими противниками: „Obyczaj jest ten, że wodę na szablę leją i wzajem sobie przyjaźń zaprzysięgają” [1. P. 319]. Переводчик не прошел мимо этого обычая и строку об этом сохранил, ср.: «Обычай же таков: двое воду на сабли льют и клянутся в дружбе» [2. С. 265].

Отметим случай перевода выражения *szablę wytrzymać na spуску не давать*, т.е. «выдержать натиск противника при борьбе на саблях», см.: “...ja bym — nie chwalać się — każdemu na szablę wytrzymał” [1. P. 379] и «...скажу не хвальнось — я на саблях никому спуска не дам» [2. С. 314].

Отметим интересный случай употребления Сенкевичем слова **handżar**, которое является тем же самым холодным оружием, называемым в польском и русском языках **kindżał** — **кинжал**. Считается даже, что слово **кинжал** в русском языке произошло от слова **handżar** (см.: [3. Т. 2. С. 234; 4. Т. 4. С. 221; 5. С. 131—132]). Но существует и другое мнение, высказанное А. Брюкнером о том, что слова **kindżał**, **kinżał** никак нельзя соотносить с восточными **andżar**, **chandżar** и другими подобными, происхождение которых следует искать в арабском языке, а его различные, но близкие фонетические варианты употребляются сербами, болгарам, турками, цыганами. Слово **kindżał**, по мнению Брюкнера, в польском языке является заимствованным словом из какого-то восточного языка. Видно здесь посредничество русского языка и русской формы **кинжал** [6. P. 230]. Как видим, польский ученый наметил даже русское посредничество в заимствовании этого слова польским языком.

Тем не менее, слово **handżar** у Г. Сенкевича употребляется в тех случаях, когда речь идет об этом оружии в руках татарского всадника, а слово **kindżał** обычно является оружием польского воина. См.: „chwyciwszy za kindżał, pocał nim mech i glinę między belkami wyłupywać” [1. P. 391] и «выхватив кинжал, он стал выковыривать им мох и глину между балками» [2. С. 323]. Правда, кинжал употреблен здесь не совсем по назначению. Герой использовал оружие не в бою, а как инструмент, которым можно было проделать дырку в стене, чтобы смотреть на любимую. У Сенкевича сцены кровавой бойни часто заменяются подобными юмористическими сценками.

Следует отметить, что при переводе на русский язык слова **kindżał** переводчик, скорее всего, придерживается мнения М. Фасмера и Н.М. Шанского на происхождение слова **кинжал** — **kindżał** от слова **handżar**, поскольку именно это слово употреблено в русском переводе. Перевод слова **handżar** на **кунджар** своей

формой прямо указывает на этимологию русского и польского слова. См. [речь об ордынцах]: „Większa część zbrojana była w handzary i jatagany tureckie, w kiścienie, w szable tatarskie i w półszczęki końskie wpuszczone w młode dębaki i umocnione powrózkami” [1. Р. 288]. Здесь упоминается целый ряд холодного оружия, такого как: турецкий **ятаган** — «большой кривой турецкий кинжал, отточенный с одной стороны» [4. Т. 4. С. 567], татарская **сабля** и **кистень** — «гирька на ремне» [3. Т. 2. С. 240] и довольно примитивное оружие — **челюсти** конского черепа. В переводе на русский язык все эти названия имеются, но, как уже было сказано, наше внимание приковано к переводу на русский язык слова **handzar**. Ср.: «Большинство вооружены были кинджарами и турецкими ятаганами, кистенями, татарскими саблями и дубинками со вставленными в расщепленный конец и привязанный для прочности бечевкой конскими челюстями» [2. С. 237]. Как видим, употребленное слово **кинджар** может восприниматься как недостающее звено в цепочке между **handzar** и **кинжал** — **kindżał**. Слово **кинджар** является, на наш взгляд, весьма удачной и интересной авторской находкой переводчика, который пошел по пути этимологии, предложенной М. Фасмером и Н.М. Шанским, при переводе слова **handzar**.

Из других названий холодного оружия можно назвать слово **kociuba** — оружие, подобное кочерге. См.: “— Wolałbym na armaty z kociubą iść! — przerwał Kmicic” [1. С. 17]. Благородный порыв героя ради друга идти на пушки с кочергой переводчик недооценил, что видно и в замене слова **kociuba** на **саблю** и тем самым в неполной передаче пафоса самого высказывания. См.: «Легче было бы супротив пушек с саблей идти... — отозвался Кмициц» [2. С. 15]. Заметим, что слово **armata** переводится в данном отрывке как **пушка**.

Особый вид холодного оружия представлял собой **obuch**, уменьш. **obuszek**, который являлся боевым «молотом-тростью» или «оружием в форме трости с молотом». В тексте Сенкевича это оружие употреблено в переносном значении для названия надвигающегося турецкого нашествия и ига. Это значение отмечено и в переводе, ср.: “mówię z afektu iście rodzicielskiego dla Baški. Inaczej, czy bym ja tu jeszcze siedział pod obuchem tureckim...” [1. Р. 530] и «Баську как дочь родную люблю. А иначе черта с два стал бы я сидеть тут под обухом турецким» [2. С. 409]. Результат прямого применения обуха, называемого ласкательно **обушком**, видно со слов персонажа: “...ja zaś rozszczępiłem mu głowę obuszkiem” [1. Р. 258] и «...я ему чеканом разбил башку» [2. С. 210]. Во-первых, польский текст более «кровожадный», а во-вторых, в данном случае взамен слова **обух** употребляется слово **чекан (czekan)**, которое, по мнению Брюкнера, является тем же самым оружием, что **obuch, obuszek** [6. Р. 75]. Формальное несовпадение в названиях **obuch** и **чекан** в едином значении подобного «холодного оружия», возможно и допустимо в данном случае, но оно недопустимо, на наш взгляд, в переводе другого фрагмента романа. В этом фрагменте слово **czekan** употребляется в значении, которое имеется в польском языке — «музыкальный инструмент, подобный флейте» [6. Р. 75]. Это значение слова можно определить из названия музыканта в русском переводе — флейтист. См.: [пригласили:] “dwóch czekanistów, ...owych

zaś grających na czekanach i waltorni nabrzmiwały policzki...” [1. P. 383] и «у флейтистов и валторниста щеки чуть не лопались...» [2. P. 317]. Переводчик избегает в данном случае употребления названия **чекан**, которое, ранее употребленное им в значении оружия, могло ввести в заблуждение русского читателя. Музыканта, играющего на флейте (по-польски *czekanist* от *czekan*) называет флейтистом.

Возвращаясь к слову **obuch**, следует также отметить, что это слово входит в польском языке в состав фразеологического выражения: ***jak uderzyć obuchem (po głowie)*** в значении «получить неожиданное плохое известие». Г. Сенкевич употребил в тексте романа это выражение: „następnie list pana Wołodyjowskiego to były dla niej jakoby dwa uderzenia obucha” [1. P. 159]. В переводе имеем аналогичное русское выражение ***подобный удару грома***: «теперь письма от пана Володыевского были для нее подобны ударам грома» [2. С. 133].

© Шетэля В., Морослин П.В., 2019

Дата поступления: 12.01.2019

Дата приема в печать: 15.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Sienkiewicz H.* Pan Wołodyjowski. Powieść. Warszawa, 1960.
2. *Сенкевич Г.* Пан Володыевский. М., 2011.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1986.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.
5. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Вып. 8. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
6. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Wydanie 8. Warszawa, 1998.

УДК 811.162.1:811.161.1:81'255.4

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-451-456

WAYS OF TRANSLATING NAMES OF WEAPONS IN THE HENRYK SIENKIEWICZ'S NOVEL "PAN WOŁODYJOWSKI"

Victor Szetela, Petr V. Moroslin

Institute for Foreign Languages of Moscow Pedagogical State University
88, Vernadsky pr., Moscow, Russia, 119571

Abstract. The article attempts to describe the ways of translating the names of weapons into Russian, which were used by the Polish writer Henryk Sienkiewicz in his historical novel "Pan Wołodyjowski". The variety of Polish names of cold weapons, which the characters of the novel used, had to receive a corresponding translation into Russian. In the article by comparing fragments of Polish and Russian texts featuring such units, it is shown how the terms of the given thematic group were translated into Russian.

It is noted that these units are able to reflect the colouring of the author's language and the region the action takes place in. In many cases these borrowings as well as other foreign-language inclusions are the findings of a translator, and often have the character of innovation in Russian language text.

Key words: inclusion, borrowed word, historicism, lexical material, translation, dictionary, etymology

REFERENCES

1. *Sienkiewicz H.* (1960). *Pan Wolodyjowski*. Novel. Warsaw. (in Polish).
2. *Sienkiewicz H.* (2011). *Pan Wolodyjowski*. Novel. Moscow. (in Russ.).
3. *Fasmer M.* (1986). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 2. Moscow. (in Russ.).
4. *Fasmer M.* (1987). *Etymological dictionary of the Russian language*. Vol. 4. Moscow. (in Russ.).
5. *Etymological dictionary of the Russian language*. N.M. Shanski (Eds.). Vol. 8. Moscow: Izdatelstvo Moscovskogo Universyteta. (in Russ.).
6. *Brückner A.* (1989). *The etymological dictionary of the Polish Language*. Warsaw. (in Polish).

Для цитирования:

Шетэля В., Морослин П.В. Способы перевода названий видов оружия на русский язык в романе Г. Сенкевича «Пан Володыевский» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 451—456. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-451-456.

For citation:

Szetela, V. & Moroslin, P.V. (2019). Ways of translating names of weapons in the Henryk Sienkiewicz's novel "Pan Wołodyjowski". *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 451—456. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-451-456.

Сведения об авторах:

Морослин Петр Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков МПГУ; *научные интересы*: лингвокультурология; теория и методика преподавания иностранных языков и культур; историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; древние языки и культуры; *e-mail*: pv.moroslin@mpgu.su, mpv_1950@mail.ru

Шетэля Виктор, кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики Института иностранных языков МПГУ; *научные интересы*: история образования, история славянских стран, история и современное состояние русского и польского языков, взаимосвязи славянских языков, методика преподавания этих отраслей науки как школьных и вузовских дисциплин; *e-mail*: v.szetela@mpgu.su, szetela@mail.ru

Information about the authors:

Petr V. Moroslin, Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of Contrastive Linguistics, Institute for Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University Linguistic Culturology; *scientific interests*: theory and methods of teaching foreign languages and cultures; historical, typological and comparative linguistics; ancient languages and cultures; *e-mail*: pv.moroslin@mpgu.su, mpv_1950@mail.ru

Victor Szetela, PhD in Philology, Associate Professor, Chair of Contrastive Linguistics, Institute for Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University; *scientific interests*: history of education, history of the Slavic countries, history and current state of the Russian and Polish languages, interrelationship of the Slavic languages, methods of teaching these branches of science as school and university disciplines; *e-mail*: v.szetela@mpgu.su, szetela@mail.ru

УДК 811.161.1'366:811.111:81'255.2
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-457-474

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОГОВ ЖАНРА «ПОВЕСТЬ» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках)

С.Н. Семенова

Кубанский государственный университет
Ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

В статье представлена классификация предлогов. Цель исследования — классифицировать предлоги по видам и их частотности употребления (количественное и процентное соотношение) в жанре «повесть» как произведения художественной литературы (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках). Для достижения поставленной в работе цели потребовалось решить следующие задачи: 1) изучить текст «Пиковая дама» на русском и английском языках; 2) составить таблицы по видам предлогов; 3) построить диаграммы по видам предлогов; 4) описать собранную информацию. В исследовании материала автор использовал следующие методы: 1) компонентного анализа; 2) количественного подсчета; 3) процентного подсчета; 4) классификационный. В ходе изучения произведения на русском языке обнаружены предлоги, служащие для выражения отношений: пространственных, временных, причинных, целевых, образа действия и объектных; на английском выделены: предлоги отвлечённых отношений (родительного падежа, дательного падежа, творительного падежа, предложного падежа, винительного падежа), пространственных, фразовых глаголов, временных, сложных предлогов, причинных и целевых. Обнаруженные предлоги служат выборкой из текстов на двух языках для дискурсивной деятельности не только специалистов, но и всех, кто интересуется проблемами, связанными с предлогами на русском и английском языках. Согласно проведенному исследованию, можно сделать вывод, что детальный анализ таблиц и диаграмм позволил: 1) выявить основные характеристики предлогов, давая возможность распределить их в соответствующие группы; 2) найти основные сходства между группами английских и русских предлогов, а также различия между ними.

Ключевые слова: текст; оригинал; перевод; служебные слова; классификация; виды предлогов; описание; частотность; количественное и процентное соотношение

ВВЕДЕНИЕ

Развитие любой науки предполагает использование различных методов в анализе проблемы, зафиксированной в данной области. В соответствии с этим обстоятельством расширяются или сужаются пределы изучения этой науки. Предметом исследования в нашей работе является текст (повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама»). Итак, текст рассматривается как закрытый язык, не имеющий субъязыков. Согласно теории В.А. Звегинцева, текст: «Семантически полностью изолирован, и семантика составляющих его слов определяется целиком рамками одного и этого текста. В сравнительно ограниченных языках, минующих морфологию, словоформы могут признаваться раздельными словами. При этом предлоги не отделяются от слов, которыми управляют» [4. С. 328; 7. С. 128; 10. С. 295].

Актуальность исследования определяется важностью избранной темы и ее значимостью для когнитивного направления в лингвистических изысканиях и усиления исследовательского интереса к проблеме предлогов, как в русском, так и в английском языках.

Целью данной работы является классификация предлогов по видам и их частотность употребления (количественное и процентное соотношения) в жанре «повесть» как произведения художественной литературы (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках). В статье были использованы следующие методы: 1) метод компонентного анализа; 2) метод количественного подсчета; 3) метод процентного подсчета; 4) классификационный метод.

Методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, работавших и работающих в области лингвистики:

- 1) изучение предлогов [7—10; 21; 22; 24; 27; 29; 30];
- 2) исследование художественных произведений [2. С. 46; 8; 11. С. 142; 12. С. 30; 13; 14; 18; 19; 26];
- 3) изучение текстовой деятельности [1; 15—17; 20; 23; 25; 28].

Благодаря теории, предложенной В.А. Кухаренко, мы пришли к выводу, что анализ любого художественного да и, вообще, любого текста можно изучать не только как дисциплину общегуманитарную, но и творческую. Так как, раскрывая замысел автора произведения, осознавая смысл произведения, повторяя путь автора, тем самым получаем доступ к его творческой индивидуальности и реальности [6. С. 11].

Опираясь на теоретические выводы, сделанные Луи Ельмслевым, отметим, что лингвистическое исследование начинается с любого текста как единственно данного и с попытки описать этот текст, анализируя или разделяя его с помощью дедуктивного перехода от класса к сегменту и сегменту сегмента [3. С. 148].

На основе данных, полученных в процессе исследования предлогов в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», представляем авторскую классификацию предлогов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛогов ЖАНРА «ПОВЕСТЬ» КАК ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Особое положение в словарном составе служебных слов, в нашем случае предлогов, заключается в невозможности их существования без знаменательных слов, с которыми они сочетаются для выражения отношений, необходимых для составления предложения. Служебные слова показывают отношения между членами предложения [10. С. 295]. Отсюда вытекает вывод, предлоги — это слова, обозначающие подчинительные взаимоотношения между членами предложения (*играли в карты, приняли в нём участие, смотрит на нашу игру, одного из моих товарищей, отказался от платежа* и т.д.) или уточняют падежные значения (*к нему, к ней, против него, для меня, к своему, с барышнейю* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 340—366).

В ходе изучения художественного произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках мы обнаружили предлоги, служащие для выражения нижеследующих отношений:

на русском языке:

— пространственных (*в Версали, на бал, в окно, за ширмами, в бедной своей комнате, под окнами их дома* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 346—350);

— временных (*до пяти часов, до рассуждений, на следующий день, в пятницу, через пять минут* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 340—348);

— причинных (*за то ей благодарен, из-за пяльцев* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 341—352);

— целевых (*для неё, для меня, против него, для них, для своего ответа, для порядка* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 348—360);

— образа действия (*принялась за работу, наклонила голову над канвой, прошла мимо его* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. . С. 350—360);

— объектных (*в доме, в сердце, на колени, в вольтеровы кресла* и т.д.) (Пушкин А.С. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С.360—363).

на английском языке:

— предлоги отвлечённых отношений: родительного падежа (*a chorus of voices, etc.*), дательного падежа (*the secret to one, etc.*), творительного падежа (*coquetting with the soldiers, etc.*), предложного падежа (*about twenty men, etc.*), винительного падежа (*I can arrange for a meeting, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 6—18);

— пространственных (*at the house, to Paris, in the streets, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 6);

— фразовых глаголов (*depended upon, found out, took pity on, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 6—8);

— временных (*for a long time, at the same moment, for a second, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 17—20);

— сложных предлогов (*of course, at last, at least, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 10—14);

— причинных (*with fear, a key with which, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 10);

— целевых (*with a feeling, with a start, with a genial humor, etc.*) (Пушкин А.С. Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017. С. 16—20).

**ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ ДАННЫХ
В КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОЙ ОРИГИНАЛЬНОЙ ВЕРСИИ
ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»**

В данной работе рассматривалось количественное и процентное соотношение предлогов, используемых в тексте произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама».

В русскоязычном варианте были использованы предлоги шести видов (табл. 1). При подробном изучении содержания произведения были выявлены некоторые предпочтения автора в использовании тех или иных видов.

Таблица 1 / Table 1

**Количественное и процентное содержание предлогов
в русскоязычном варианте текста А.С. Пушкина «Пиковая дама» /
Percentage and Quantitative Ratio of Prepositions
in Russian Version of the Text of A.S. Pushkin "The Queen of Spades"**

Виды предлогов	Предлоги	Количество	%
Types of Prepositions	Prepositions	Quantity	%
Пространственные предлоги / Prepositions of Place and Direction	в	98	16,12
	во	1	0,16
	до	1	0,16
	за	10	1,64
	из	15	2,47
	из-за	4	0,66
	из-под	1	0,16
	к	13	2,14
	между	3	0,49
	на	37	6,09
	над	4	0,66
	около	4	0,66
	от	1	0,16
	перед	2	0,33
	по	5	0,82
	под	8	1,32
подле	2	0,33	
при	1	0,16	
против	3	0,49	
Всего / Total		213	35,03%
Временные предлоги / Prepositions of Time	в	31	5,10
	во	4	0,66
	до	6	0,99
	за	1	0,16
	на	6	0,99
	перед	2	0,33
	после	7	1,15
	при	3	0,49
	с	4	0,66
	через	3	0,49
чрез	1	0,16	
Всего / Total		68	11,18%
Причинные предлоги / Prepositions of Cause	из-за	2	0,33
	от	4	0,66
	по	1	0,16
	за	1	0,16
Всего / Total		8	1,32%

Окончание таблицы 1 / End of the Table 1

Виды предлогов	Предлоги	Количество	%
Types of Prepositions	Prepositions	Quantity	%
Целевые предлоги / Prepositions of Purpose	в	1	0,16
	с	3	0,49
Всего / Total		4	0,66%
Предлоги образа действия / Prepositions of the Mode of Action	без	3	0,49
	в	57	9,38
	вниз	1	0,16
	во	2	0,33
	для	5	0,82
	до	1	0,16
	за	19	3,13
	из	4	0,66
	изо	1	0,16
	к	4	0,66
	ко	3	0,49
	мимо	3	0,49
	на	8	1,32
	о	3	0,49
	об	1	0,16
	от	4	0,66
	по	8	1,32
	под	3	0,49
с	47	7,73	
сквозь	1	0,16	
со	4	0,66	
у	4	0,66	
Всего / Total		186	30,59%
Объектные предлоги / Object Prepositions	в	8	1,32
	для	4	0,66
	до	1	0,16
	за	7	1,15
	из	1	0,16
	к	13	2,14
	ко	2	0,33
	на	38	6,25
	над	6	0,99
	о	11	1,81
	об	3	0,49
	от	10	1,64
	по	3	0,49
	про	2	0,33
с	14	2,30	
у	6	0,99	
Всего / Total		129	21,22%
ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО / TOTAL		608	100%

Итак, больше всего было употреблено пространственных предлогов, указывающих на положение предметов в пространстве. Их полный список представлен в графе «Предлоги», вида «Пространственные» (табл. 1). Меньше всего встречались такие предлоги, как: «во», «до», «из-под», «от», «при». Чаще всего — предлог «в». Общий процент от суммарного количества всех служебных частиц составляет 35,03%. Процентное и количественное соотношение пространственных предлогов можно увидеть на рис. 1.

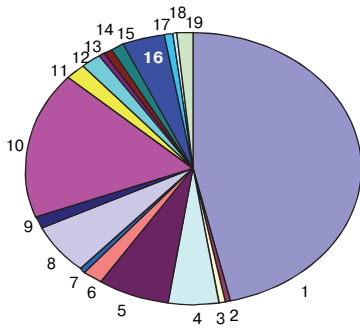

Рис. 1. Процентное и количественное соотношение пространственных предлогов: /
Fig. 1. Percentage and quantitative ratio of prepositions of place and direction:

Предлоги: 1 — в; 2 — во; 3 — до; 4 — за; 5 — из; 6 — из-за; 7 — из-под; 8 — к; 9 — между; 10 — на; 11 — над; 12 — около; 13 — от; 14 — перед; 15 — по; 16 — под; 17 — подле; 18 — при; 19 — против

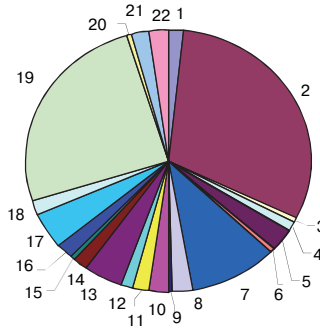

Рис. 2. Процентное и количественное соотношение предлогов образа действия: /
Fig. 2. Percentage and quantitative ratio of prepositions of the mode of action:

Предлоги: 1 — без; 2 — в; 3 — вниз; 4 — во; 5 — для; 6 — до; 7 — за; 8 — из; 9 — изо; 10 — к; 11 — ко; 12 — мимо; 13 — на; 14 — о; 15 — об; 16 — от; 17 — по; 18 — под; 19 — с; 20 — сквозь; 21 — со; 22 — у

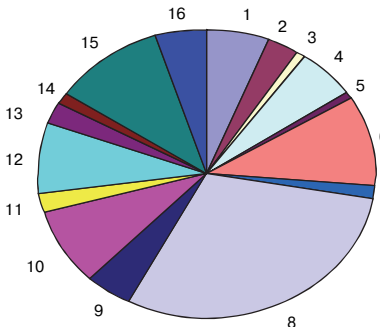

Рис. 3. Процентное и количественное соотношение объектных предлогов: /
Fig. 3. Percentage and quantitative ratio of object prepositions:

Предлоги: 1 — в; 2 — для; 3 — до; 4 — за; 5 — из; 6 — к; 7 — ко; 8 — на; 9 — над; 10 — о; 11 — об; 12 — от; 13 — по; 14 — про; 15 — с; 16 — у

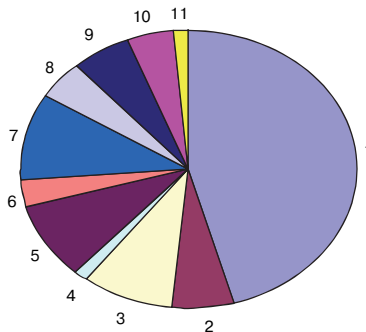

Рис. 4. Процентное и количественное соотношение временных предлогов: /
Fig. 4. Percentage and quantitative ratio of prepositions of time:

Предлоги: 1 — в; 2 — во; 3 — до; 4 — за; 5 — на; 6 — перед; 7 — после; 8 — при; 9 — с; 10 — через; 11 — чрез

Следующим наиболее предпочтительным видом предлогов является вид «Предлоги образа действия». Процентное и количественное соотношение этих предлогов отображено на диаграмме рис. 2.

Общее их количество — 186, что составляет 30,59% от общего числа их употребления. Некоторые предлоги, например: «вниз», «до», «изо», «об», «сквозь» — встретились лишь один раз. А самым употребляемым среди перечня предлогов образа действия, согласно данным табл. 1, стал предлог «в».

Процент служебных частиц вида «Объектные» (табл. 1) составил 21,22% при общем их количестве 129. Данные предлоги указывают на объект, на который направлено действие.

Исходя из данных, представленных на рис. 3, можно сделать вывод, что наиболее предпочтительным в списке предлогов данного вида стал предлог «на», а менее всего были встречены «до» и «из». Их общая частота появления в тесте в процентах составляет 0,16% на каждый из предлогов.

Временные предлоги употреблялись практически в два раза реже объектных и в три раза реже пространственных. Общий процент употребления предлогов данного вида составил 11,18%. Полный их список представлен в соответствующей графе в табл. 1. На диаграмме процентного и количественного соотношения (рис. 4) видно, что чаще всего использовался предлог «в», а менее употребляемыми являлись «за» и «чрез».

Следующие предлоги видов «Причинные» и «Целевые» оказались менее востребованными автором, лишь некоторые из них употреблялись чаще одного раза. В списке предлогов, относящихся к причинным (табл. 1), чаще всего встречались «от» и «из-за», процент употребления равен 0,66 и 0,33% соответственно. А в списке целевых предлогов — «с» его процент составил 0,49%. На диаграммах (рис. 5 и 6) представлены данные о частоте их появления в тексте произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама» в процентном и количественном соотношении.

Если рассматривать процентное и количественное соотношение отдельных групп предлогов, представленных видами, то диаграмма (рис. 7) будет иметь следующий вид:

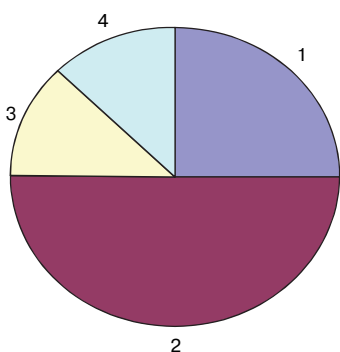

Рис. 5. Процентное и количественное соотношение причинных предлогов: /
Fig. 5. Percentage and quantitative ratio of prepositions of cause:

Предлоги: 1 — из-за; 2 — от;
3 — по; 4 — за

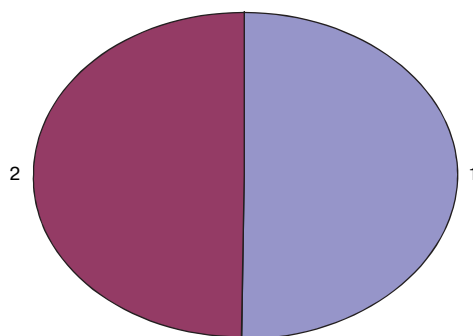

Рис. 6. Процентное и количественное соотношение целевых предлогов: /
Fig. 6. Percentage and quantitative ratio of prepositions of purpose:

Предлоги: 1 — в; 2 — во

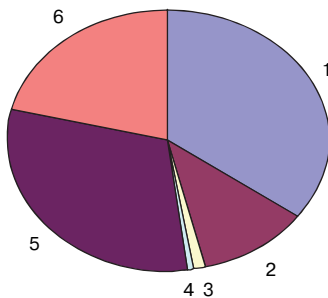

Рис. 7. Процентное и количественное соотношение видов предлогов: /
Fig. 7: Percentage and quantitative ratio of types of prepositions:

Предлоги: 1 — пространственные; 2 — временные; 3 — причинные;
4 — целевые; 5 — образа действия; 6 — объектные

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ И АНАЛИЗ ДАННЫХ В КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДЛОГОВ В АНГЛИЙСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ВЕРСИИ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

Мы посчитали, что будет интересно и важно рассмотреть предлоги, использованные в англоязычной версии русского произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама», переведённого Х. Твитчеллом для дальнейшего исследования избранного материала. Итак, их список и классификация по группам представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

**Количественное и процентное содержание предлогов
в англоязычном варианте текста А.С. Пушкина «Пиковая дама» /
Percentage and Quantitative Ratio of Prepositions
in English Version of the Text of A.S. Pushkin “The Queen of Spades”**

Виды предлогов		Предлоги	Количество	%	
Types of Preposition		Prepositions	Quantity	%	
Предлоги отвлечённых отношений / Prepositions of Abstract Relations	Родительный падеж / Genitive case	against	1	0,26	
		of	81	21,26	
		without	7	1,84	
			Итого / Total	89	23,36%
	Дательный падеж / Dative case	for	7	1,84	
		to	25	6,56	
			Итого / Total	32	8,40%
	Творительный падеж / Instrumental case	at	1	0,26	
		by	7	1,84	
		for	2	0,52	
		to	1	0,26	
		with	15	3,94	
			Итого / Total	26	6,82%
	Винительный падеж / Accusative case	at	1	0,26	
		for	1	0,26	
		in	1	0,26	
		to	1	0,26	
			Итого / Total	4	1,05%
	Предложный падеж / Prepositional case	about	3	0,79	
		for	1	0,26	
in		1	0,26		
of		2	0,52		
		Итого / Total	7	1,84%	
		Всего / Total	158	41,47%	
Пространственные предлоги / Prepositions of place and direction	around	2	0,52		
	at	27	7,09		
	before	3	0,79		
	behind	1	0,26		
	from	10	2,62		
	in	38	9,97		
	into	7	1,84		
	on	15	3,94		
	out of	5	1,31		
	outside	1	0,26		
	over	3	0,79		
	through	1	0,26		
	to	20	5,25		
	under	1	0,26		
upon	7	1,84			
		Всего / Total	141	37,01%	

Окончание таблицы 2 / End of the Table 2

Виды предлогов	Предлоги	Количество	%
Types of Preposition	Prepositions	Quantity	%
Временные предлоги / Prepositions of Time	about	2	0,52
	after	10	2,62
	at	7	1,84
	before	2	0,52
	during	1	0,26
	for	2	0,52
	in	2	0,52
	on	2	0,52
	until	3	0,79
Всего / Total		31	8,14%
Фразовые глаголы / Phrasal verbs	brake up	1	0,26
	bring about	1	0,26
	carry out	1	0,26
	come out	1	0,26
	count out	2	0,52
	drag by	1	0,26
	draw back	1	0,26
	find out	1	0,26
	get smb in	1	0,26
	give smb up	1	0,26
	go on	2	0,52
	go out	3	0,79
	go up	1	0,26
	look down	2	0,52
	look in	1	0,26
	look into	1	0,26
	look on	2	0,52
	move about	1	0,26
	pick up	2	0,52
	put out	1	0,26
	sit down	2	0,52
	stretch out	1	0,26
	take smth on	1	0,26
	take up	1	0,26
throw back	1	0,26	
throw smb down	1	0,26	
turn up	1	0,26	
walk up	1	0,26	
write down	1	0,26	
Всего / Total		37	9,71%
Причинные предлоги / Prepositions of Cause	at	2	0,52
	with	3	0,79
Всего / Total		5	1,31%
Целевые предлоги / Prepositions of Purpose	about	1	0,26
Всего / Total		1	0,26%
Сложные предлоги / Composite Prepositions	of course	2	0,52
	on the contrary	1	0,26
	at last	5	1,31
Всего / Total		8	2,10%
ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО / TOTAL		381	100%

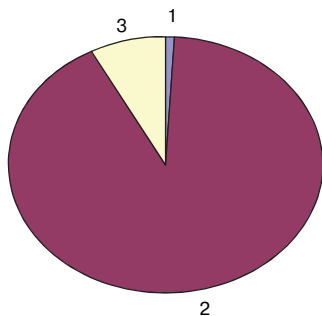

Рис. 8. Процентное и количественное соотношение предлогов родительного падежа: /
Fig. 8. Percentage and quantitative ratio of prepositions of genitive case:
 Предлоги: 1 — against; 2 — of; 3 — without

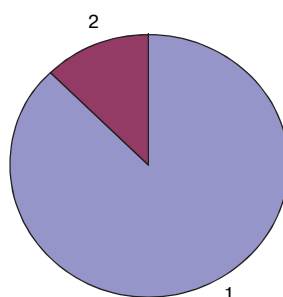

Рис. 9. Процентное и количественное соотношение предлогов дательного падежа: /
Fig. 9. Percentage and quantitative ratio of prepositions of dative case:
 Предлоги: 1 — for; 2 — to

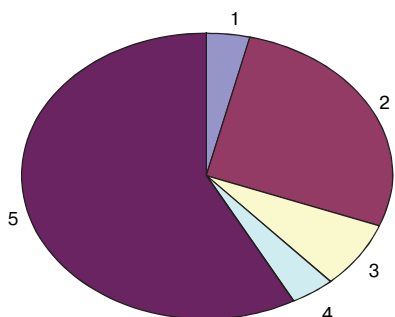

Рис. 10. Процентное и количественное соотношение предлогов творительного падежа: /
Fig. 10. Percentage and quantitative ratio of prepositions of instrumental case:
 Предлоги: 1 — at; 2 — by; 3 — for; 4 — to; 5 — with

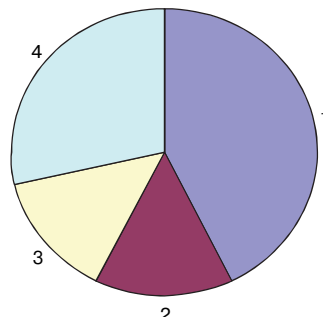

Рис. 11. Процентное и количественное соотношение предлогов предложного падежа: /
Fig. 11. Percentage and quantitative ratio of prepositions of prepositional case:
 Предлоги: 1 — about; 2 — for; 3 — in; 4 — of

Начнём рассмотрение с предлогов отвлечённых отношений, которые подразделяются на несколько подтипов, обозначающих падежные формы. Общий процент предлогов отвлечённых отношений составил 41,47% (табл. 2).

Первый используемый падеж — родительный. Процент от общего количества предлогов данного типа составляет 23,36% в соответствии с данными диаграммы (рис. 8) и табл. 2.

Наиболее типичным для этого падежа предлогом является «of» (рис. 8), который был использован 81 раз, при условии, что общее количество предлогов родительного падежа составило 89 (табл. 2).

Следующий по частоте употребления дательный падеж. Общий процент его использования составил 8,40% (табл. 2), что практически в три раза меньше по сравнению с предыдущим подтипом. Чаще всего в тексте использовался предлог «to» (рис. 9); процент его появления в тексте составил 6,56% (табл. 2).

Всего в тексте было обнаружено 26 предлогов, относящихся к творительному падежу, что составило 6,82% (табл. 2) от общего количества всех найденных предлогов в англоязычном тексте. Меньше всего переводчик Х. Твитчелл использовал в своей работе такие предлоги, как: «at» и «to», отдавая предпочтение предлогу «with» (рис. 10). Последний встретился в тексте 15 раз, что составило 3,94% (табл. 2).

Предложный и винительный падежи использовались редко и процент их появления в тексте равняется 1,84 и 1,05% соответственно (табл. 2). Если предложный падеж был выражен в основном двумя предлогами — «about» и «of» (рис. 11), то винительный не обладал характерным для него служебным словом (рис. 12). К нему можно отнести четыре предлога — «at», «for», «in» и «to», которые встретились в тексте по 1 разу, процент каждого предлога данного подтипа составил 0,26%, что в сумме дало 1,05% (табл. 2).

Следующий вид — пространственные предлоги. Исходя из данных, представленных в табл. 2, общий процент всех предлогов данного типа составляет 37,01%. А наиболее часто встречающимся предлогом является «in» (рис. 13), его процент составил 9,97% (табл. 2). Менее всего были употреблены такие служебные частицы, как: «behind», «outside», «through» и «under» (рис. 13).

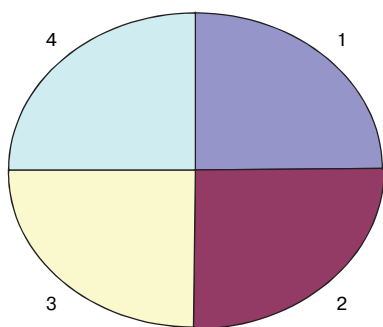

Рис. 12. Процентное и количественное соотношение предлогов винительного падежа: /

Fig. 12. Percentage and quantitative ratio of prepositions of accusative case:

Предлоги: 1 — at; 2 — for; 3 — in; 4 — to

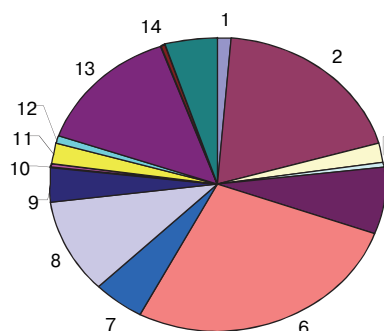

Рис. 13. Процентное и количественное соотношение пространственных предлогов: /

Fig. 13. Percentage and quantitative ratio of prepositions of place and direction:

Предлоги: 1 — around; 2 — at; 3 — before; 4 — behind; 5 — from; 6 — in; 7 — into; 8 — on; 9 — out of; 10 — outside; 11 — over; 12 — through; 13 — to; 14 — under; 15 — upon

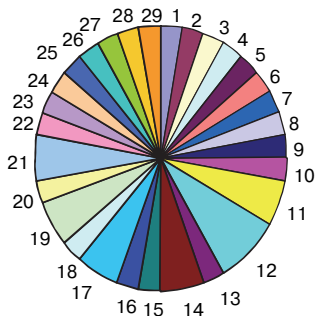

Рис. 14. Процентное и количественное соотношение фразовых глаголов: /

Fig. 14. Percentage and quantitative ratio of phrasal verbs:

Предлоги: 1 — brake up; 2 — bring about; 3 — carry out; 4 — come out; 5 — count out; 6 — drag by; 7 — draw back; 8 — find out; 9 — get smb in; 10 — give smb up; 11 — go on; 12 — go out; 13 — go up; 14 — look down; 15 — look in; 16 — look into; 17 — look on; 18 — move about; 19 — pick up; 20 — put out; 21 — sit down; 22 — stretch out; 23 — take smth on; 24 — take up; 25 — throw back; 26 — throw smb down; 27 — turn up; 28 — walk up; 29 — write down

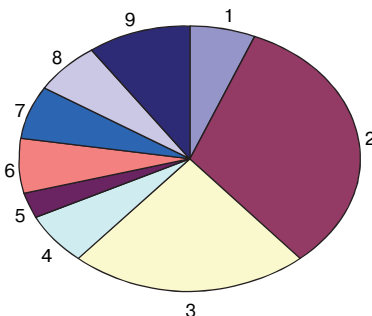

Рис. 15. Процентное и количественное соотношение временных предлогов: /

Fig. 15. Percentage and quantitative ratio of prepositions of time:

Предлоги: 1 — about; 2 — after; 3 — at; 4 — before; 5 — during; 6 — for; 7 — in; 8 — on; 9 — until

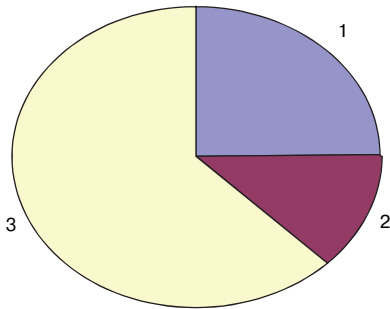

Рис. 16. Процентное и количественное соотношение сложных предлогов: /
Fig. 16. Percentage and quantitative ratio of composite prepositions:

Предлоги: 1 — of course; 2 — on the contrary; 3 — at last

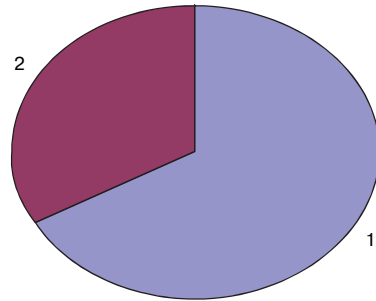

Рис. 17. Процентное и количественное соотношение причинных предлогов: /
Fig. 17. Percentage and quantitative ratio of prepositions of cause:

Предлоги: 1 —at; 2 — with

Далее превосходя ненамного количество временных предлогов, следуют фразовые глаголы. Их процент составил 9,71%, в то время как временные — 8,14% (табл. 2).

Несмотря на то, что количество употребления в англоязычном тексте глаголов с предлогами составляет 37, каждый из отдельного фразового глагола встречался достаточно редко (рис. 14), лишь некоторые из них были встречены более одного раза. Самый частый фразовый глагол из этой группы — это «go out» (рис. 14).

Что касается временных предлогов (рис. 15), то наиболее употребляемым среди списка, представленного в табл. 2, является предлог «after», частота его появления составила 2,63% от общего процента всех предлогов. Сложные и причинные предлоги были использованы нечасто, их процент составил 2,10 и 1,31% соответственно (табл. 2).

Самым востребованным предлогом в списке сложных предлогов является «at last» (рис. 16), процент его появления — 1,31% (табл. 2).

Если обратиться к рис. 17, становится видно, что предлогов данного вида было использовано мало, в основном это был предлог «with», его процент составил 0,79%, хотя и предлог «at» встречался более одного раза, количество его появлений в тексте равно 2, а процент от общего числа — 0,52%. Самым малочисленным видом в табл. 2 стал вид целевых предлогов. К этому типу можно отнести единственный предлог «about» (см. табл. 2), который был использован 1 раз.

В основном в тексте перевода были использованы предлоги отвлечённых отношений и места и направления (пространственные предлоги) (рис. 18). Процентное и количественное соотношение предлогов всех вышеперечисленных видов представлено на соответствующей диаграмме процентного и количественного соотношения (см. рис. 18).

Проанализировав русскоязычную и англоязычную версии одного и того же текста произведения, можно выявить как сходства в употребляемых предлогах, так и их различия.

Первым делом следует отметить, что в обоих вариантах были востребованы в основном пространственные предлоги. Аналогом русского «в» в английской версии стал предлог «in», и в том и в другом варианте они встречались большее количество раз, чем остальные предлоги данного вида.

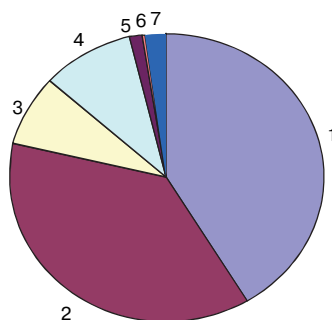

Рис. 18. Процентное и количественное соотношение видов предлогов: /
Fig. 18. Percentage and quantitative ratio of types of prepositions:

Предлоги: 1 — abstract relations; 2 — place and direction; 3 — time; 4 — phrasal verbs;
 5 — cause; 6 — purpose; 7 — composite

В русском языке все падежи, кроме предложного, не выражены предлогами, поэтому сходств в их употреблении с английской версией текста нет. В переведённом варианте большинство предлогов, встреченных в тексте, указывало на различные падежи. Самым распространённым стал родительный, представленный предлогом «of».

Временные предлоги двух вариантов произведения (оригинал и его перевод) также имеют сходства и различия. Например, главным сходством является процент их появления в тексте. Он в табл. 1 и табл. 2 значительно ниже, чем процент употребления предлогов других типов. Отличием же является то, что в русском варианте текста наиболее употребляемым являлся предлог «в», а в английской — «after», что имеет дословный перевод «после».

В англоязычном тексте присутствовали такие группы предлогов, которых нет в русском. Помимо уже описанного выше вида предлогов отвлечённых отношений можно отметить фразовые глаголы. Это глаголы, которые при употреблении со служебной частицей дают совершенно другое значение. В русском языке такого встретить нельзя.

Однако, в отличие от переведённого на английский язык варианта, в оригинале присутствуют объектные предлоги. Подобную разновидность служебных частиц встретить в английском тексте не представилось возможным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вначале был исследован текст русскоязычного варианта произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама», в котором были выделены всевозможные предлоги и распределены в определённые группы согласно их значению. Все полученные данные были занесены в таблицу Excel, где на их основе рассчитывались количественные и процентные показатели соотношения предлогов в тексте. Основываясь на этих значениях, в программе Excel строились все диаграммы. Каждая из них содержала в себе предлоги, принадлежащие определённому виду, итоговая диаграмма определяла соотношение всех этих видов между собой. После завершения работы в Excel таблицы и диаграммы были перенесены в Word, где описывалось их содержание. Затем был проведён идентичный анализ англоязычной версии

текста, переведённого Х. Твитчеллом. Таблица в Excel имела схожий вид с таблицей русского варианта произведения, однако относящиеся к группе отвлечённых отношений предлоги были отнесены к дополнительным подвидам. По каждому из них создавались соответствующие диаграммы. В итоге по группе предлогов отвлечённых отношений была создана дополнительная диаграмма, где было найдено процентное и количественное соотношение между подразделами. Все полученные в Excel данные: таблица и диаграммы — были перенесены в программу Word и описаны наравне с результатами по предыдущему оригинальному русскоязычному тексту.

Таким образом, детальный анализ таблиц и диаграмм позволил выявить основные характеристики предлогов, давая возможность распределить их в соответствующие группы; найти основные сходства между группами английских и русских предлогов, а также различия между ними. Основываясь на проведённом исследовании, можно сделать вывод, что употребление разноязычных предлогов в двух вариантах произведения привело к некоторым расхождениям в конструкциях предложений и составе некоторых абзацев. Эта незначительная перемена повлияла на восприятие текста в целом, что отразилось на общем впечатлении о произведении.

Материалы, выводы и результаты, полученные в процессе классификации предлогов (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках), являются практически значимыми для курсов теории языка, межкультурной коммуникации и могут быть использованы в учебном процессе в вузе, для подготовки практических занятий, при разработке методических пособий и дидактических материалов, а также в практике преподавания русского и английского языков.

© Семенова С.Н., 2018

Дата поступления: 10.12.2018

Дата приема в печать: 10.02.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов А.Г. Когнитивные формализмы текстовой деятельности // Университетский вестник. Пятигорск, 1999. С. 34—37.
2. Галиева М.А. «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина: Фольклористический комментарий. Пути Руслана: Песнь третья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7(49). Ч. 2. С. 45—48.
3. Ельмслев Л. Прологоны к теории языка. Зарубежная лингвистика. I / пер. с англ.; общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. С. 131—257.
4. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1967.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103 «Иностранные языки». Л.: Просвещение, 1978.
7. Маслова А.В. Производный предлог «В отличие от» в художественной литературе XIX—XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52). Ч. 2. С. 127—129.

8. *Ненарокова М.Г.* Пушкинский «Арион» на английском языке: к проблеме полноценности переводов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 794—810. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810.
9. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22—129.
10. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996.
11. *Семенова С.Н.* Имплицитность косвенных высказываний (на материале художественных текстов американских и английских авторов) // Известия Южного федерального университета. Ростов н/Д: ЮФУ, 2015. № 4. С. 140—144. doi: 10.18522/1995-0640-2015-140-144.
12. *Семенова С.Н.* Тезаурус жанра «рассказ» как произведения художественной литературы (на материале рассказов Дж. Лондона «Безмолвие» и «Сын Волка» на английском, армянском и русском языках) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М.: АЛМАВЕСТ, 2017. № 2. С. 28—37. doi: 10.20339/PhS.2-17.028.
13. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.
14. *Abelson R.P.* Psychological Status of the Script Concept // *American Psychologist*. 1981. Vol. 36 (7). P. 715—729.
15. *Beaugrande R. de L., Dressler W.* Introduction to Text Linguistics. London: Longman, 1994.
16. *Bellezza F.S., Bower G.H.* Remembering script-based text // *Poetics*. 1982. Vol. 11. No 1. P. 1—23.
17. *Dijk T.A. van.* Discourse Semantics and Ideology // *Discourse and Society*. London, Thousands, Oaks, CA and New Delhi. 1995. Vol. 6. No 2. P. 243—285.
18. *Dijk T.A. van.* Pragmatics and Poetics // *Pragmatics of Language and Literature*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1976. No 2. P. 23—58.
19. *Divjak D., Levshina N., Klavan J.* Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward // *Cognitive Linguistics*. Germany: Mouton de Gruyter, 2016. Vol. 27. No 4. P. 447—463. doi: 10.1515/cog-2016-0095.
20. *Enquist N.E.* Stylistics, Text Linguistics and Composition // *Nordic Research in Text Linguistics and Discourse Analysis*. Trondheim, 1985. P. 25—45.
21. *Goral M., Conner P.S.* Language Disorders in Multilingual and Multicultural Populations // *Annual Review of Applied Linguistics*. Great Britain: Cambridge University Press. 2013. Vol. 33. P. 128—161. doi: 10.1017/S026719051300010x.
22. *Gries S.T., Ellis N.C.* Statistical Measures for Usage-Based Linguistics // *Language Learning*. The Great Britain: John Wiley & Sons, Inc. 2015. Vol. 65. № S1. P. 228—255. doi: 10.1111/lang.12119.
23. *Jakobson R.* Linguistics in its Relation to other Sciences // *Actes du Xe congress international des linguists*. Bucarest, 1969. Vol. 1. P. 76.
24. *Krause H., Bosch S., Clahsen H.* Morphosyntax in the Bilingual Mental Lexicon: an Experimental Study of Strong Stems in German // *Studies in Second Language Acquisition*. The Great Britain: Cambridge University Press. 2014. Vol. 37. № 4. P. 597—621. doi: 10.1017/S02722623114000564.
25. *Kruse L.* Drehbuecher fur Verhaltensschauplatze oder: Skripts fur Settings // *Ordnung and Variabilitat im Alltagsgeschehen*. Gottingen, 1986. P. 135—153.
26. *Lakoff G.* Language in Context // *Language* 48 (4). 1972. P. 907—927.
27. *Mak W.M., Tribushinina E., Andreiushina E.* Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian // *Discourse Processes*. The USA: Ablex Pub. Corp, 2013. Vol. 50. No 8. P. 557—576. doi: 10.1080/0163853x.2013.841075.
28. *Meusch D., Schmidt S.J.* On the Role of Conventions in Understanding Literary Texts. Amsterdam, 1986.

29. *Romanova N., Gor K.* Processing of Gender and Number Agreement in Russian as a Second Language // *Studies in Second Language Acquisition*. The Great Britain: Cambridge University Press. 2017. Vol. 39. No 1. P. 97—128. doi: 10.1017/S0272263116000012.
30. *Stubbs M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford, 1983.

Источники

1. *Пушкин А.С.* Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2.
2. *Пушкин А.С.* Пиковая дама. Капитанская дочка: книга для чтения на английском языке. СПб.: КАРО, 2017.

УДК 811.161.1'366:811.111:81'255.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-457-474

CLASSIFICATION OF PREPOSITIONS OF STORY GENRE AS A WORK OF FICTION (on Material of A.S. Pushkin's Story "The Queen of Spades" in Russian and English)

Sofiya N. Semenova

Kuban State University
Stavropolskaya st., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Abstract. The article presents the prepositions' classification. The aim of the research is to classify prepositions by types and frequency use (quantitative and percentage ratio) in the story genre as a work of fiction (on A. S. Pushkin's story "The Queen of Spades" in Russian and English). To achieve the goal, it was necessary to solve the following tasks: 1) to study "The Queen of Spades" in Russian and English; 2) to make tables on the prepositions' types; 3) to build diagrams on the prepositions' types; 4) to describe the collected information. The author used in the material research: 1) component analysis method; 2) quantitative calculation method; 3) percentage calculation method; 4) classification method. In the course of studying the Russian version there are found prepositions that serve to express such relationship as: spatial, temporal, causal, target, mode of action and object; in English: prepositions of abstract relations (genitive case, dative case, instrumental case, prepositional case, accusative case), spatial, phrasal verbs, temporal, complex prepositions, causal and target. The found prepositions serve as a sample of bilingual texts for discursive activities not only for specialists, but also for those who are interested in problems related to prepositions in Russian and English. According to the study, it can be concluded that a detailed analysis of the tables and diagrams revealed the main characteristics of prepositions, making it possible to distribute them into appropriate groups; to find the main similarities between groups of English and Russian prepositions, as well as the differences between them.

Key words: text; original; translation; connective words; classification; types of prepositions; description; frequency; quantitative and percentage ratio.

REFERENCES

1. Baranov, A.G. (1999). Cognitive Formalisms of Text Activity. *The journal Vestnik Pyatigorskogo Universiteta*, 3, 34—37. (In Russ).
2. Galieva, M.A. (2015). "Ruslan and Lyudmila" by A.S. Pushkin: Folkloristic Commentary. On the Way of Ruslan: Song Three. *The journal Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 7 (49), 2, 45—48. (In Russ.).

3. Hjelmslev, L. (1999). Prolegomena to a Theory of Language. In *Foreign linguistics*. Trans. from English V.A. Zvegintsev, N.S. Chemodanov. Moscow: Progress Publ. group, I. pp. 131—257. (In Russ.).
4. Zvegintsev, V.A. (1967). *Theoretical and Applied Linguistics*. Moscow: Prosveshcheniye publ. (In Russ.).
5. Karasik, V.I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena publ. (In Russ.).
6. Kukhareno, V.A. (1978). Interpretation of the Text: textbook for students of Pedagogical Institutes on specialty № 2103 “Foreign Languages”. Leningrad: Prosveshcheniye publ. (In Russ.).
7. Maslova, A.V. (2015). Derivative Preposition “В отличие от” (as Opposed to) in Fiction of the XIX—XXI Centuries. *The journal Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 10 (52), 2, 127—129. (In Russ.).
8. Nenarokova, M.G. (2017). Pushkin’s Arion in English: Concerning the Problem of Translation Adequacy *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 794—810. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-794-810. (In Russ.).
9. Austin, George. (1986). Word as Action. New in foreign linguistics. Vol. XVII. *The theory of speech acts*. Moscow: Progress publ. pp. 22—129. (In Russ.).
10. Reformatskiy, A.A. (1999). Introduction to Linguistics, V.A. Vinogradov (Ed.). Moscow: Aspect Press publ. (In Russ.).
11. Semenova, S.N. (2015). Implicity of Indirect Utterances (on Material of American and English Authors’ Fiction Texts). *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. Rostov on/D: UFO publ., 4. pp. 140—144. doi: 10.18522/1995-0640-2015-140-144.
12. Semenova, S.N. (2017). Thesaurus of Short Story Genre as a Work of Fiction (on Material of J. London’s Short Stories “The White Silence” and “The Son of the Wolf” in English, Armenian and Russian), *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 28—37. doi: 10.20339/PhS.2-17.028.
13. Searle, J.R. (1986). The classification of illocutionary acts. In *New in foreign linguistics*, 17. Moscow: Progress publ. pp. 170—194. (In Russ.).
14. Abelson, R.P. (1981). Psychological Status of the Script Concept, *American Psychologist*, 36 (7), 715—729.
15. Beaugrande, R. de L. & Dressler, W. (1994). Introduction to Text Linguistics. London: Longman publ. P. 270.
16. Bellezza, F.S. & Bower, G.H. (1982). Remembering script-based text, *Poetics*, 11 (1), 1—23.
17. Dijk, T.A. van. (1995). Discourse Semantics and Ideology. *Discourse and Society*, 6 (2), 243—285.
18. Dijk, T.A. van. (1976). Pragmatics and Poetics. *Pragmatics of Language and Literature*, 2, 23—57.
19. Divjak, D., Levshina, N. & Klavan, J. (2016). Cognitive Linguistics: Looking Back, Looking Forward. *Cognitive Linguistics*, 27 (4), 447—463. doi: 10.1515/cog-2016-0095.
20. Enquist, N.E. (1985). Stylistics, Text Linguistics and Composition. In *Nordic Research in Text Linguistics and Discourse Analysis*. Trondheim. pp. 25—45.
21. Goral, M. & Conner, P.S. (2013). Language Disorders in Multilingual and Multicultural Populations. *Annual Review of Applied Linguistics*. Great Britain: Cambridge University Press publ. 33. pp. 128—161. doi: 10.1017/S026719051300010x.
22. Gries, S.T. & Ellis, N.C. (2015). Statistical Measures for Usage-Based Linguistics. *Language Learning*, 65 (S1), 228—255. doi: 10.1111/lang.12119.
23. Jakobson R. (1969). Linguistics in its Relation to other Sciences. In *Actes du Xe congrès international des linguists*. Bucarest. P. 76.
24. Krause, H., Bosch, S. & Clahsen, H. (2014). Morphosyntax in the Bilingual Mental Lexicon: an Experimental Study of Strong Stems in German, Studies. In *Second Language Acquisition*, 37 (4), 597—621. doi: 10.1017/S02722623114000564.

25. Kruse L. (1986). Drehbücher für Verhaltensschauplatze oder: Skripts für Settings. *Ordnung and Variabilität im Alltagsgeschehen*. Göttingen. pp. 135—153.
26. Lakoff, G. (1972). Language in Context. *Language*, 48 (4), 907—927.
27. Mak, W.M., Tribushinina, E. & Andreiushina, E. (2013). Semantics of Connectives Guides Referential Expectations in Discourse: an Eye-Tracking Study of Dutch and Russian. *Discourse Processes*, 50 (8), 557—576. doi: 10.1080/0163853x.2013.841075.
28. Meutsch, D. & Schmidt, S.J. (1986). On the Role of Conventions in Understanding Literary Texts. Amsterdam. pp. 558.
29. Romanova, N. & Gor, K. (2017). Processing of Gender and Number Agreement in Russian as a Second Language. *Studies in Second Language Acquisition*, 39 (1), 97—128. doi: 10.1017/S0272263116000012.
30. Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford.

RESOURCES

1. Pushkin, A.S. (1968). Selected works. Moscow: Khudozhestvennaya literature. (In Russ.).
2. Pushkin, A.S. (2017). *The Queen of Spades. The Daughter of the Commandant*. Saint Petersburg: KARO.

Для цитирования:

Семенова С.Н. Классификация предлогов жанра «повесть» как произведения художественной литературы (на материале повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» на русском и английском языках) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 457—474. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-457-474.

For citation:

Semenova, S.N. (2019). Classification of prepositions of story genre as a work of fiction (on material of A.S. Pushkin's story "The Queen of Spades" in Russian and English). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 457—474. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-457-474.

Сведения об авторе:

Семенова Софья Новиковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета; научные интересы: социолингвистика, теория дискурса, семантика; e-mail: sofya.semenova75@yandex.ru

Information about the author:

Semenova Sofya Novikovna, Candidate of Philology, Associate Professor of English in Professional Sphere Department of Roman-German Faculty at the Kuban State University; scientific interests: sociolinguistics, theory of discourse, semantics; e-mail: sofya.semenova75@yandex.ru

УДК 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492

НОМИНАЦИЯ КАК СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР ПУШКИНСКОЙ МЫСЛИ

С.Н. Переволочанская

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)

Ул. Садовническая, 33, к. 1, Москва, Россия, 117997

Статья посвящена описанию процесса моделирования номинативных единиц в языке А.С. Пушкина, которые представляют собой номинативное поле, имеющее определенные ценностные ориентиры. Смысловая валентность пушкинского слова, привязанная к первичному образу (архетипу), проявляется в способности активно разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе. Материалом для исследования послужили функционирующие в языке А. Пушкина единицы двух синонимических рядов с доминантами «арап» и «негр». Цель работы — выявить специфику процесса номинации в языке поэта, охарактеризовать факторы, обуславливающие этот процесс. Анализ языкового материала выявил рефлексивный вектор авторской мысли, скрытый на глубинном символическом уровне. Аналитическая процедура по восстановлению метасмыслового конструкта текста строится на методе компонентного анализа, сочетающегося с контекстуальным анализом, на методе интерпретации и описательном методе. Результаты исследования показали, что указанные номинативные единицы имеют особую аксиологическую ценность для поэта, реализуются в рамках семантических областей «Свое» ('мои предки', 'гордость благодарного потомка') и «Чужое» ('враждебный мир, не понимающий и не принимающий поэта'). Их смысловое развертывание обуславливает организацию знакового пространства текста. Номинативный каркас пушкинского дискурса определяется точкой пересечения двух судеб, разъятых временем, — прадеда поэта Абрама Петровича Ганнибала и Александра Пушкина, это точка схождения «расовой» драмы и драмы общественного и творческого одиночества личностей, не принятых и не понятых в полной мере современниками. Семантический «накал» авторской мысли, ее раздвоенность достигают предела, когда происходит постижение причины рефлексии: она внутри оппозиции *негр* — *арап*, в которой и заложена та семантическая, а шире ментальная точка, которая не оставляет рефлексиирующего сознания поэта. Концептуально значимым является вывод: *чёрный дед мой Ганнибал... сходно купленный арап... Царю наперсник, а не раб*. Смысловые приращения проявляются на широком ассоциативном фоне пушкинской мысли: поэт «моделирует» текст с богатым подтекстом, где каждый «номинативный намек» раскрывается богатством смысловой перспективы. Важными компонентами этого процесса выступают интертекстуально нагруженные единицы — прецедентные имена. Их использование составляет основу когнитивного механизма передачи глубинных смыслов через «экономную» номинативную процедуру. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при создании авторских семантических словарей комплексного типа.

Ключевые слова: А. Пушкин, номинативная картина, смысловой вектор, семантическая сфера, номинативный намек, смысловая оппозиция, смысловая энергия текста

ВВЕДЕНИЕ

Объект исследования данной статьи — понятийные формы авторского мышления, которые обнаруживают себя в способах языкового отражения в актах номинации. Моделирование номинативной единицы разворачивается в смысловом поле

текста. Векторность авторского сознания направлена на предмет, содержательный объем которого требует заполнения смыслами, явными и едва намеченными, привычными и редкими, ни с чем не сравнимыми.

Цель работы — описание особенностей номинативной картины в языке А.С. Пушкина, рассмотрение факторов, обуславливающих процесс номинации. Номинации в языке поэта становится «тесно» в пределах слова, она неизбежно тянется в текст. Слово аккумулирует его семантическую энергию, становится кодовым обозначением смыслового поля текста. Слово-код имеет широкий диапазон бытования. М. Бахтин, указывая на потенциальную предикативность слова, определяет данную единицу как «аббревиатуру высказывания» [1. С. 268]. Сложность самого номинативного процесса свидетельствует о том, что механизм означивания может осуществляться как на уровне привычных номинативных единиц (лексико-деривационного и пропозиционального способов номинации), так и на уровне предикативных единиц (использования потенциала синтаксических единиц с точки зрения функциональной прагматики) [2. С. 43].

1. СМЫСЛОВАЯ СФЕРА СЛОВА

Знаковая единица в тексте в окружении себе подобных заряжается семантической энергией вступающих в контакт слов, что часто приводит к диффузности их семантических сфер и порождает в языке А.С. Пушкина неожиданные смысловые сдвиги. Но данная смысловая «ненормативность» не является спонтанным феноменом, она моделируется в авторском сознании благодаря семантической привязанности к первичному образу (архетипу), его смысловая валентность, понимаемая как потенция слова, проявляется в способности активно разворачивать энергию смысла в текстовой перспективе.

Само слово есть результат ассоциации и апперцепции, что позволяет рассматривать его как механизм вероятностного прогнозирования. Это определяет место и функцию слова в психике: «слово есть поиск» [3. С. 204], слово правит мыслью. При этом смысловая рефлексия воспринимается и как процесс, и как результат. Такое понимание дает возможность говорить о неконечности (а лучше сказать — бесконечности) и глубине смыслового развертывания. Рефлексия как процесс (становление) представляет собой энергетически емкую мыслительную операцию авторского сознания, не только выявляющую смысл, но и порождающую его, а в последующем и моделирующую его в некий идеальный объект. Последнее и есть результат (ставшее) — «энергийно-смысловой конструкт сознания» [4. С. 4]. «Рефлексивность слова понимается как смыслоносная, смыслопорождающая и смыслоформирующая функция речемыслительной деятельности. Рефлексивность слова связана с направленностью, зарядом, напряжением и потенциалом действия выражаемой в нем мысли» [4. С. 5]. Этим определяется двухуровневая природа самой номинации: определенный семантический поток генерирует сгусток смысла, требующий языковой экспликации. Совершив номинационный сброс, конструкт распадается, а накопившаяся потенциальная энергия готова к следующему этапу становления.

В феноменологической концепции З.Я. Кармановой слово является двуипостасной сущностью, проявляет себя в рамках бинарной оппозиции — внутреннее (неявленное) vs внешнее (явленное). Их взаимодействие носит виртуальный характер, результаты не объективированы. Конкуренция между неявленным и явленным, спровоцированная тем самым «романом сознания с языком» [5. С. 571], происходит внутри, на смысловом уровне. «Внутреннее слово представляет собой ментальную субстанцию или „феноменальную материю“, а именно слово-нейрон, или нейросема. Функциональные параметры нейросемы в сознании языковой личности коррелируют с (мета)смысловыми параметрами внешнего слова. Явленная вовне содержательная структура лексемы коррелирует с (мета)смысловой матрицей внутреннего слова, которая имеет определенную конфигурацию. Иными словами, она тождественна или конвариантна матрице нейросемы в феноменологическом поле сознания (нейросеть мозга). По внешнему слову возможны реконструкция, моделирование и диагностирование состояния нейросемы в феноменологическом поле сознания» [6. С. 362].

Двуипостасность слова предполагает и двуипостасность процесса — конструирование и реконструкцию смысловой сферы слова. «Познание сознания во всей полноте его актов и трансакций практически осуществимо через познание содержательной структуры слова. Феноменологическая лингвистика способна пролить свет на механизмы соорганизации мысли и слова, становления мысли-в-слове и слова-в-мысли» [6. С. 363].

Смысловое накопление определяется **вектором мысли** автора (или **рефлексивным вектором** автора). Векторность представляет собой суть всякого движения, в том числе и движения мысли, направленной словом [7]. Сам вектор характеризует изменение, движение, деятельность мысли, силу ее энергии на «глубинно символическом уровне» и этим «выражает сущностный смысл преобразований» [8. С. 6]. Интересной в этом смысле представляется идея о выделении единицы для описания смысловой сферы слова — рефлексемы (рефлексия + сема), дающей возможность «эксплицировать внутреннюю ментальную картинку, заключенную в слове» [6. С. 365].

Задача исследователя — провести аналитическую процедуру по реконструкции и раскрытию содержания метасмыслового конструкта текста. В статье используются методы компонентного анализа в сочетании с контекстуальным анализом, метод интерпретации, опирающийся на ресурсы описательного метода. Все эти, уже ставшие традиционными методы подготавливают основу для феноменологического анализа слова, принцип работы которого еще предстоит осмыслить и описать как механизм смыслообразования, «производства (конструирования) смысла текста» [9. С. 60].

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для анализа в данной статье послужила тематическая группа номинативных единиц, отобранных из Словаря языка А.С. Пушкина¹, в значении которых имеется общий семантический компонент — «человек с темным цветом

¹ Словарь языка Пушкина: в 4 т. М.: Азбуковник, 2000.

кожи»: *арав* (52)², *негр* (15), *мавр* (9), *араб* (3), *аравка* (3), *аравченко*³ // *аравчинок* (2), *африканец* (2), *аравитянин* (1), *бедуин* (1), *мулат* (1). Внутри этой группы слов можно выделить следующие обозначения, характерные для текстового пространства А.С. Пушкина:

1) группы народов, населяющих значительные территории Юго-Западной Азии, Северной Африки (арабы);

2) представители древней североафриканской народности, усвоившие арабскую культуру и подчинившие в эпоху Средневековья своему влиянию Пиренейский полуостров;

3) представители темнокожих народов, являющиеся коренным населением Африки (ср.: в Словаре русского языка XVIII в.⁴ представлен ряд — *эфион*, *мурин*, *мурянин*, *негр*);

4) чернокожие слуги.

Отметим, что Словарь русского языка XVIII века не указывает на различия в значении слов *араб* и *арав*, а также *арабка* и *аравка*. Данные лексические единицы в парах выступают как дуплеты. Хотя в этом же словаре у леммы *араб* имеется помета, свидетельствующая о том, что слово выходит из употребления. В языке А.С. Пушкина лексические единицы в представленных парах расходятся в значениях. Кроме того, исчезает лексема, служащая обозначением лица женского пола, — *арабка*. В одном из писем П.А. Вяземскому поэт отмечает:

(1) «*Араб* (женского р.<ода> не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван* был разграблен степными арабами.

Арав, ж.<женский род> *аравка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые аравы*, негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными аравами*.<...>

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов»⁵.

В отношениях между пропорциями возникает асимметрия *араб* : *арав* // — : *аравка*. Разрушение данной семантической оппозиции приводит к образованию новой пары *арав* : *аравка* с общим семантическим признаком 'слуга' и изолированного компонента *араб*, в содержании которого на первый план выступает не указание на определенную этническую принадлежность, а в большей степени становится рельефной сема 'темнокожесть'.

Анализ значений представленных именованных в языке А.С. Пушкина позволяет выделить внутри тематической группы несколько синонимических рядов.

1. *Мавр*, *араб*, *аравитянин*, *бедуин*. Доминанта ряда *мавр* выражает общий семантический признак ряда 'принадлежность к определённой этнической груп-

² Цифра показывает количество употреблений в языке А. Пушкина.

³ В словах, взятых из *Словаря языка А.С. Пушкина*, во всех текстовых иллюстрациях соблюдена авторская (пушкинская) орфография.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984—1991. Вып. 1—6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992—2011. Вып. 7—19. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 05.03.2019).

⁵ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 208.

пе', имеет преимущество в количественном отношении и характеризуется относительным по сравнению с другими членами ряда разнообразием жанровой специфики — стихи, публицистика.

2. *Негр, арап, африканец, арапченок // арапчинок*. Доминанта ряда — *негр*, общий семантический признак — 'принадлежность к людям негроидной расы' (по признаку '*чернокожий*').

3. *Арап, арапка, негр, мулат*. В доминанте *арап* реализовано основное значение ряда «*чернокожий слуга*».

Границы между рядами зыбки: последний ряд базируется на значении основного компонента 'слуга', но в то же время коррелируется с дополнительным признаком 'чернокожий', который является ключевым в семантическом содержании компонентов второго ряда. И этот же признак характерен для этнической группы первого ряда.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Активное смысловое развертывание пушкинской мысли происходит в рамках двух последних рядов. Причина этого заключается в том, что семантическое содержание этих рядов имеет для А.С. Пушкина особую аксиологическую ценность. Этот тематический стержень — своего рода семантическая, смысловая и концептуальная «метка» в авторском сознании. Именно она определяет направление смыслового вектора мысли поэта, способ организации знакового пространства текста, номинативного каркаса пушкинского дискурса. Это точка пересечения двух судеб, разъятых временем, — прадеда поэта Абрама Петровича Ганнибала и Александра Пушкина, это точка схождения «расовой» драмы и драмы общественного и творческого одиночества личностей, не принятых и не понятых в полной мере современниками. «Ни один из русских писателей не притеснен более моего»⁶, — пишет А.С. Пушкин в письме к А.Х. Бенкендорфу в октябре 1835 г.

В этой точке пересечения мотив отчуждения проявился в рамках семантической оппозиции «Свой мир» — «Чужой мир». Первый член оппозиции, положительно маркированный, фиксируется сознанием автора как понятный, опирающийся на личностные смыслы, на чувство собственного достоинства. Второй член маркируется отрицательно, «это мир этнически... социально или культурно... чуждый и враждебный» [10. С. 17]. В этой парадигме (бинарной оппозиции) ищет развития вектор поэтической мысли автора. Динамика ее внутреннего развертывания строится на оценочной семантике, определяется движением от дружеской иронии в ранних произведениях до сарказма, близкого к негодованию, в более поздних текстах. Коннотативное значение лексических единиц порождается смысловой структурой слова, коннотация как ассоциативная аура обозначаемого объекта выведена за рамки языка в экстралингвистическую сферу. Опираясь на понятие «концептуальная внутренняя форма», Е.Г. Белявская определяет коннотацию как «логически выводную информацию, получаемую на основании знания обозначаемого фрагмента действительности и его концептуальной струк-

⁶ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57.

туры» [11. С. 62]. Тогда коннотация, как экспрессивно маркированный макрокомпонент семантики, включает в свой состав всю информацию, способную производить особый эмоциональный эффект. В качестве таковой выступают ассоциативно-образные сигналы. Коннотативные признаки, присутствующие в значении, квалифицируются как «потенциальная ассоциативная энергия слова» [12. С. 62—63], стилистическая информация, оценочная характеристика. «Слова не хранятся в памяти как слова, но как комплекс признаков. Когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» [13. С. 156].

Ассоциативно-образные сигналы служат средством оценочной характеристики в Послании «К Юрьеву»⁷ (1820), посвященном приятелю А. Пушкина по литературному обществу «Зеленая лампа» и написанном перед отъездом в южную ссылку. Здесь изображен «свой мир», это мир естественных, пылких, страстных чувств, он органичен, в отличие от «мира чужого», в котором всё ложно, искусственно.

Семантическая область «**Чужой**» характеризует адресата послания: *любимец ветреных Лаис, прелестный баловень Киприды; Адонис; Тебе в удел очарованье, И черный ус, и взгляд живой, Любви улыбку и молчанье; желаний пылких чуждый*. Семантическая область «**Свой**» — своеобразный способ выражения внутреннего превосходства автора послания, лирического героя стихотворения: *повеса вечно-праздный, Потомок негров безобразный, Взрощенный в дикой простоте, Любви не ведая страданий, Я нравлюсь юной красоте Бесстыдным беиенством желаний*. Вершиной противопоставления могут служить следующие строки: *К тебе красавиц молодых Летят задумчивые взоры ↔ С невольным пламенем ланит Украдкой нимфа молодая, Сама себя не понимая, На фавна иногда глядит*.

Как видно из сопоставления, семантическая область «**Чужое**» строится на «лакированном» образе прелестного мечтателя. Каскад устойчивых перифраз, где на опорный компонент традиционных перифрастических оборотов — *любимец, баловень* — нанизываются как орнамент детали античной символики: *Лаиса* — имя древнегреческой куртизанки во множественном числе употребляется в качестве условного обозначения женщин лёгкого поведения; красавец *Адонис* ассоциируется с застывшим греческим изваянием.

В семантической области «**Свое**» номинации-перифразы индивидуальны, что свидетельствует об их живости, естественности. Вокруг базового компонента образуется сфера эмотивного притяжения: *повеса* ← *вечно-праздный, [безобразный]* → *потомок* ← *негра*. Здесь происходит усиление признака за счет расширения границ перифрастического оборота *взрощенный в дикой простоте*. Оценочный смысл данной перифразы характеризуется тем, что отрицательная оценка (по признаку ‘безобразность’) достигает своего предела, что дает обратный семантический эффект. Семантический признак ‘некрасивость’ меняет вектор своей направленности и транспонируется в область положительной оценки, сближаясь с семантическим признаком ‘привлекательность’. Этому способствует противопоставление

⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 2. Кн. 1: Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 139.

пары *Адонис — Киприда* («чужое», холодное, светское) паре *Фавн — Нимфа* («свое», природное, безыскусное).

Разная степень проявления семантических признаков ‘привлекательность’ // ‘некрасивость’ наблюдается и в сочетаниях при обязательной внутренней противопоставленности:

аравский профиль / дивный карандаш —

(2) *Зачем твой дивный карандаш Рисует мой аравский профиль?*⁸;

аравское мое безобразие / красавица —

(3) *Здесь хотят лепить мой бюст. <...> Тут аравское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылечим* (Из письма Н.Н. Пушкиной⁹).

В выражении *аравская рожка* в опорном компоненте обнаруживается семантическая тенденция к энантиосемии:

(4) *Присоветуй Рылееву в новой его поэме поместить в свите Петра I нашего дедушку. Его аравская рожка [в подлиннике — роожка] произведет странное действие на всю картину Полтавской битвы*¹⁰.

В контексте (4) приведен отрывок из письма Л.С. Пушкину, «в котором речь идет об исторической поэме К.Ф. Рылеева из эпохи Петра I „Палей“» [14. С. 513—514]. В данном употреблении ‘привлекательность’ // ‘некрасивость’ — признаки, которые одновременно существуют в состоянии притяжения и отталкивания.

Подобные бинарные оппозиции выстраиваются в стихотворении «*Как же-ниться задумал царский арав*» (1824), написанном в духе народных песен и явившемся своеобразным «зачином» («прологом») к тексту исторического романа «*Арав Петра Великого*»¹¹ (1837). В последнем «наряду с актуализированным повествованием» присутствует «завуалированный, подразумеваемый нарратив» — «феномен имплицитности», представляющий собой «имплицитное содержание», которое строится на базе эксплицитной информации, содержащейся в тексте [15. С. 5—6]. Выводные сведения основываются, с одной стороны, на пресуппозиции, а с другой — на импликациях (следствиях), зависящих «от неязыковых знаний получателя» [15. С. 6]. Тем самым воспринимающее сознание активно «вмешивается» в текст, созданный автором, продуцируя другой текст, осмысливающийся как подтекст. Возникает сложная система смысловых взаимоотношений как внутри текста, так и за его «пределами» в рамках диалога автора с читателем.

⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3: Стихотворения, 1826—1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. С. 56.

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837—1937: в 16 т. Т. 16: Переписка, 1835—1837. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 116.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 13: Переписка, 1815—1827. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 143.

¹¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 1—33.

«Художественный дискурс „остраняет“ само имплицитное содержание, деавтоматизируя его восприятие» [15. С. 6]. «Нарратологическая перспектива» строится на линейном развертывании «мотивной структуры текста» [16. С. 14]. В «Арапе Петра Великого» развивается в разных семантических направлениях смысловая оппозиция «Свое» — «Чужое»: восприятие арапа сквозь собственное сознание («я») и восприятие арапа другими («они»). «Они» в смысловом отношении неоднородны — французское общество и русский мир. Такая раздвоенность порождает смысловую уплотненность в парадигме «свой» — «чужой», выражающуюся в семантическом удвоении. Вектор мысли скользит по шкале с тремя компонентами (табл. 1).

Выделим признаки, по которым идет расслоение мысли, которые представлены в табл. 2.

Таблица 1 / Table 1

Компоненты семантических областей «Свое» и «Чужое» /
Components of semantic areas “Свое” and “Чужое”

Семантическая область «Чужое»	Семантическая область «Свое»	Семантическая область «Чужое»
французское общество	↔ арап ↔ ↓ ↔ «Я» ↔	русский мир
«ОНИ»		«ОНИ»

Таблица 2 / Table 2

Признаки смыслового расслоения в семантических областях «Свое» и «Чужое» /
Semantic stratification features in semantic areas “Свое” and “Чужое”

ПРИЗНАКИ	«ОНИ»		«Я»
	Французское общество	Русский мир	
социальный статус	<i>царский негр</i> (le Nigre du czar)	<i>царский арап</i> <i>купленный арап</i> <i>сын арапского салтана</i> <i>человек одинокий</i> <i>без роду и племени</i> <i>чужой для всех</i>	<i>арап Ибрагим</i> <i>негр</i> <i>любимец (Петра)</i> <i>питомец (Петра)</i> <i>крестник (Петра)</i> <i>пришелец в новом</i> <i>моем отечестве</i>
внешний признак	<i>молодой негр</i> <i>молодой африканец</i> <i>высок и строен</i> <i>курчавая голова, чернеющая</i> <i>посреди пудренных париков</i>	<i>черный диавол</i> <i>сплющенный нос</i> <i>вздутый губы</i> <i>шершавая шерсть</i>	<i>черное лицо</i> <i>жалкое творение,</i> <i>едва удостоенное</i> <i>названия человека</i>
черта темперамента, характера	<i>восхищенный Ибрагим</i>	<i>пылкий, задумчивый</i> <i>и подозрительный</i> <i>характер</i> <i>вытаращить арапские</i> <i>белки</i>	<i>африканская кровь</i>
участь, доля			<i>верный негр</i> <i>бедный негр</i> <i>бедственная судьба</i> <i>негра</i>

Примечательно то, как арап Петра Великого определяет свое предназначение в «новом своем отечестве» (русский мир): *быть сподвижником великого человека, действовать на судьбу великого народа, перестать быть пришельцем в новом моем отечестве*. Этот факт подчеркивается еще одной смысловой оппозицией — *арап Ибрагим // дворянин Корсаков: Царский арап — чужой для всех, без роду и племени, человек степенный и порядочный, не чета ветрогону, всех более на человека походит; Корсаков — совершенный чужестранец, воротился из неметчины на святую Русь скоморохом, ветрогон, французская обезьяна, обезьяна заморская*.

В представленных примерах явственно проступает **оценочное значение**, которое в семантических сферах «Свое» — «Чужое» проявляет свою биполярность. Это выражается в векторной разнонаправленности — «стремление» от нейтральной (нулевой) отметки по отрицательно и положительно направленному вектору оценки. Биполярность проявляется и по семантическому признаку ‘цвет’: *черный ребенок, черный младенец, шорни репята, черное лицо, черный дьявол, Шорни Шорт — белый ребенок; черный ворон (народн.-поэтич) — белая лебедушка (народн.-поэтич); арап чернешенек (народн.-поэтич) — душа белешенька (народн.-поэтич)*.

Семантическая драматургия авторской мысли, ее раздвоенность почти достигает предела, происходит постижение причины рефлексии, она внутри оппозиции *негр — арап*, в которой и заложена та семантическая, а шире ментальная точка, не оставляющая рефлексирующее сознание поэта. В лексической номинации *негр* основополагающим выступает признак ‘негроидная раса’, а в лексической номинации *арап* — имплицитная цепочка: ‘слуга’ → ‘должность’ → ‘раб’. Ср.: *Петра питомец, Царей, цариц любимый раб*.

Разрешение этого семантического противоречия представлено в тексте *Моя родословная*¹² (1830), где наблюдается смысловое уплотнение, интенсивность модально-оценочного смысла через оппозицию «свой» — «чужой», она находит выражение в противопоставлении «я» — «они», а также в оппозиции «я» — «не-я». Данный текст может быть представлен как «декларация этической установки», «стихотворение-credo» — текст «с ярко выраженной самопрезентацией субъекта», воплощенной в виде «маркирующей мотивной парадигмы» [17. С. 59—61]. Последнее свидетельствует о смысловой рефлексии, о самопознании. Отчужденность выражается через конструкцию с выделительной семантикой отрицания: многократное употребление частицы «не» (табл. 3) порождает особую экспрессию стиха. Поводом для написания стихотворения послужила опубликованная в одной из газет сатирическая статья Ф. Булгарина, в которой подвергалось сомнению аристократическое происхождение А. Пушкина. Оппоненты — две значимые фигуры в книжно-журнальной полемике первой трети XIX века. Их противостояние не столько личностное, сколько мировоззренческое. Они разворачивали свою литературную деятельность в разных эстетических проекциях на фоне демократизации, профессионализации литературно-журнального дела, коммерциализации

¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3: Стихотворения, 1826—1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. С. 261—263.

литературного творчества. «В целом мир, где только есть Литература, там есть литературные партии, литературные вражды, литературная борьба. <...> Союз, дружба, согласие литераторов — несбыточные мечты! Где в игре человеческое самолюбие, там не может быть ни дружбы, ни согласия. Страсти — пороховая камера, а самолюбие — искра» [18. С. 6].

Статья Ф. Булгарина строилась на «эксплуатации» прецедентного феномена — названия пьесы Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве». Зона конфликта лежала в области рассматриваемой нами оппозиции, затрагивала исторические (родовые) корни А. Пушкина. Текст *Моей родословной* — не столько отражение литературно-общественной борьбы 30-х годов XIX в., сколько концентрация мысли об одиночестве, неприятии современниками творческого гения поэта.

Стратегия написания пушкинского стихотворения отлична от стратегии написания публицистических статей, где Пушкин-журналист делает ставку на полемику как наиболее эффективный способ воздействия на оппонента — издателя «Северной Пчелы» и «Сына Отечества», автора «Ивана Выжигина», представителя концепции «консервативного демократизма» Фаддея Венедиктовича Булгарина. Степень эмоционального накала пушкинских статей провоцирует открытую оценочность. Автор строит свои публицистические тексты, используя разнородные пласты стилистических средств: каждая единица (фразеологизмы, риторические вопросы, «ономастическая карта») подчинена той или иной стилистической задаче. А.С. Пушкин в полемических рассуждениях со своим оппонентом (статья *Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем*) представлен как «автор-маска» [19. С. 11]. Такой способ важен для Пушкина-публициста: использование псевдонима (Феофилакт Косичкин) — удачно найденный прием, где сатирический пушкинский образ, скрытый за маской, расширяет границы условного псевдонима Феофилакт Косичкин до литературного персонажа.

Публицистический текст (фельетон) и стихотворный текст сближает авторская ирония. В стихотворении *Моя родословная* А.С. Пушкин открыт, личностное начало становится для него важным и значимым. Он «моделирует» текст с богатым подтекстом, где каждый «номинативный намек» раскрывается богатством смысловой перспективы. Он чередует номинативные и предикативные конструкции с семантикой отрицания с конструкциями с семантикой утверждения (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Конструкции с семантикой отрицания и утверждения /
Constructions with negation and affirmation semantics

Конструкции с семантикой отрицания	Конструкции с семантикой утверждения
<i>Не</i> офицер я, <i>не</i> асессор, Я по кресту <i>не</i> дворянин, <i>Не</i> академик, <i>не</i> профессор Я <i>не</i> богач, <i>не</i> царедворец	Я просто русской мещанин; Бояр старинных я потомок; Я, братцы, мелкий мещанин; Я, слава богу, мещанин; Я сам большой : я мещанин
<i>Не</i> торговал мой дед блинами, <i>Не</i> ваксил царских сапогов, <i>Не</i> пел с придворными дьячками, В князя <i>не</i> прыгал из хохлов, И <i>не</i> был беглым он солдатом Австрийских пудренных дружин	Я грамотей и стихотворец
(Я) <i>не</i> Мусин	Я Пушкин просто

Текст стихотворения предельно сжатый, интертекстуально нагруженный. Имплицитная основа текста требует семантического кода для дешифровки. Особую значимость приобретает *неявная номинация*. Как когнитивный феномен она уходит в область неявного знания, личностного (субъективного) познания, образуя при этом экстралингвистический фон для понимания смыслового контекста. В предикативных конструкциях стихотворения присутствует смысловая неполнота, намеки поэта можно «расшифровать» лишь обратившись к энциклопедическому фону: это исторические ссылки, характеризующие родоначальников многих знаменитых русских родов.

1. *Не торговал мой дед блинами* — отсылка к прецедентной ситуации, связанной с русским государственным и военным деятелем, сподвижником Петра I Александром Даниловичем Меншиковым. Отец князя, по некоторым источникам, торговал пирогами до поступления на службу к Ф.Я. Лефорту. Отметим, недостоверность этого факта впоследствии опровергнута самим А. Пушкиным в *Истории Петра. Подготовительные тексты. Годы 1701 и 1702*: «Менш.<иков> происходил от дворян белорусских. Он отыскивал около Орши своё родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Это шутка бояр, принятая историками за истину»¹³.

2. *Не ваксил царских сапогов* — отсылка к биографическому факту графа Ивана Павловича Кутайсова, камердинера Павла I. Турецкий мальчик десяти лет был взят в плен русскими войсками и подарен императору. Интересно в этом смысле замечание русского поэта, мемуариста князя И.М. Долгорукова: «Я худо знал тогда, как его [И.П. Кутайсова] зовут, а теперь, встречаясь с ним, титулую его сиятельством и на пирах он очень далеко от меня садится. О Tempora! О Mores! Впрочем, когда же этого и не бывало? Меншиков торговал блинами! Почему же и Кутайсову не быть графом? Он же мастерски брил бороду Павлу! Это не безделица!» [20. С. 185].

3. *Не пел с придворными дьячками* — отсылка к биографическому факту графа Алексея Григорьевича Разумовского, днепровского малоземельного казака, возведённого в графское достоинство, ставшего камергером, фаворитом императрицы Елизаветы Петровны. Известно, что будущий граф в детские годы жил у дьячка и пел на церковном клиросе, где при отборе певчих для Придворного хора на него обратил внимание полковник Вишнеvский. Оценив прекрасный голос и красоту молодого человека, он взял его с собой в Петербург.

4. *В князя не прыгал из хохлов* — отсылка к биографическому факту князя Александра Андреевича Безбородко, малороссийского дворянина казацко-старшинного происхождения, ставшего государственным деятелем, удостоенным высшего ранга канцлера при Павле I.

5. *И не был беглым он солдатом Австрийских пудренных дружин* — возможно, в этих строках заключен намек на представителей немецкого графского рода. Один из них — генерал-лейтенант Андрей Андреевич Клейнмихель, был

¹³ Пушкин А.С. История Петра: Подготовительные тексты // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 10. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 65.

директором Петербургского кадетского корпуса, участником Отечественной войны 1812 года, заграничных походов 1813 и 1814 гг. Его сын — граф Петр Андреевич Клейнмихель, управляющий путями сообщения и публичными зданиями, пользовался расположением графа Аракчеева и Николая I.

Степень сложности данного поэтического текста определяют его аллотропичность — свойство, присущее тексту «множественного кодирования», содержащему «глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы» и представляющему собой «совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами» [21. С. 123]. Маркерами аллотропичности выступают «неузальные синтагматические связи лексем», «интертекстуальность и дискурсивность» [21. С. 123—124]. Прокомментированные строки данного текста свидетельствуют о высоком коэффициенте аллотропичности [21. С. 125], он составляет 0,8: на 6 строк поэтического текста 5 маркеров аллотропичности (прецедентных феноменов).

Неявные номинации данного стихотворения образуют некий виртуальный пласт, создающий подтекстовую смысловую структуру, опирающуюся на исторический фон, требующий толкования для современного читателя. Виртуальный пласт строится на матрице информационно емких единиц, способных направить вектор читательской мысли. Обращение к претексту восстанавливает ассоциативную связь с целым рядом предшествующих текстов-событий. «Подтекстовый и пресуппозитивный смыслы... прецедентные тексты, актуализирующие пресуппозиции, окказиональные номинации» [22. С. 201] помогают читателю «зацепиться» за концептуально значимые точки и моделировать свой текст.

В тексте выстраивается цепь оппозиций по признаку 'принадлежность по рождению' — аристократ / мещанин (*русской мещанин, мелкий мещанин*); по признаку 'социальная значимость' — большой / маленький (*мелкий мещанин / я сам большой: я мещанин*); по признаку 'труд, занятие, служба', 'источник заработка' — государственная служба / литератор (*офицер, ассессор, академик, профессор, царедворец / грамотей, стихотворец*); по признаку 'степень значимости' — Мусин-Пушкин / Пушкин просто. Лексема *мещанин* приобретает в контексте особый смысл: через нее объективируется авторская модальность. Интертекстуальная отсылка к претексту (Ж.-Б. Мольер «Мещанин во дворянстве»), на который опирается в своей жестокой насмешке пушкинский оппонент Ф. Булгарин, теряет свой полемический накал в стихотворном тексте: лексема *мещанин* приобретает положительную коннотацию. Исторический виртуальный фон «выполняет» свою работу, историческая ретроспектива предков рода Пушкиных доказывает их значимость в истории России:

- (5) Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Вплетение в контекст стихотворения словосочетания *нижегородский мещанин* для характеристики определенной исторической эпохи не является случайным. Данная лингвистическая единица представляет собой прецедентное высказывание,

соотносящееся с именем земского старосты Козьмы (Кузьмы) Минина — организатора и одного из руководителей народного ополчения в борьбе против польско-литовской и шведской интервенций в начале XVII века. Лексема *мещанин* приобретает высшее оценочное значение, становится «маркером оценки людей, их поведения, поступков» [23. С. 305]. Словосочетание, несущее богатый ассоциативный фон, выступает как «„национальный лингвомаркер“, который передает национальное своеобразие, „культурную память“, благодаря чему раскрывается этноспецифичность языкового знака» [24. С. 120—121]. Прецедентный текст встраивается в систему ценностей «определенного лингвокультурного сообщества», его «перманентная возобновляемость в дискурсе, наличие символов и атрибутов... которые отсылают к хранимому в памяти инварианту ПТ и активируют его в ситуации актуального общения в точке „здесь-и-сейчас“» [25. С. 164].

Концептуально значимым в этом стихотворении является вывод, построенный на широком историческом, культурном контексте: *черный дед мой Ганнибал... сходно купленный арап... Царю наперсник, а не раб*. Перифраза *царю наперсник* по содержанию выходит за рамки поэтических штампов, ее значение раскрывается в пределах синонимического ряда *сподвижник, доверенное лицо, товарищ*. Данное утверждение семантически усиливается игрой смыслов — едким словесным ударом в адрес оскорбителя.

- (6) Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

Коннотативно окрашенный оним *Фиглярин* является номинацией реального лица, русского писателя, журналиста, критика, издателя Фаддея Булгарина. Каламбурная модификация фамилии (*Фиглярин, Авдей Флюгарин*) — прием, который позволяет намекнуть на специфику журналистской деятельности Булгарина (ср.: *фиглярствовать* в языке А.С. Пушкина имеет следующее значение — *стремиться различными выходками заслужить чье-н. расположение, выделиться; позерствовать; фиглярствовать*). Здесь опять всплывает излюбленный пушкинский прием противопоставления — *мещанин / дворянин*. В оппозиции *я во дворянстве мещанин* ↔ *он в Мещанской дворянин* происходит «мерцание» смыслов в рамках языковой игры. Противопоставленными в смысловом отношении в данном контексте оказываются и однокорневые морфемы разной частеречной принадлежности — *мещанин / Мещанская* (улица). Весь комплекс порождает цепочку импликаций: *мещанин* → *мещанский* → *Мещанская улица* → *район притонов* → *жена Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской*, → *биографический факт в судьбе Булгарина*.

Использование прецедентных имен (или даже имплицитного намека на прецедентность) в пушкинском тексте является своеобразным дескриптором в системе интертекстуальных связей. «Интертекстуальность — способ создания нового смысла через однозначно маркированный эксплицитный диалог „своего“ и „чужого“ текстов» [26. С. 109], «очень развернутая, преобразованная, гипертрофированная

метафора, сравнение» [27. С. 348—349]. Саму интертекстуальность с точки зрения когнитивной теории текста можно рассматривать как «механизм *экономии ментальных и номинативных усилий*» [28. С. 144], «механизм *межпоколенной трансляции социального знания*» [28. С. 145].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким, образом, ассоциативность мышления А.С. Пушкина разворачивается в русле смысловой оппозиции «Свое» — «Чужое», которая дополняется набором семантических признаков: в семантической сфере «Свое» — ‘мои предки’, ‘гордость благодарного потомка’ (ср. *судьба моей братьи негров*); в семантической сфере «Чужое» — ‘враждебный мир, не понимающий и не принимающий поэта’. Рефлексия «работает» со смыслами, выступая при этом в качестве смыслового конфигуратора, «нанизывая» их на ментальную ось, что организует смысловую энергию текста (всё текстовое пространство автора) в некий системный блок. Явная и неявная номинации пересекаются в одной интертекстуальной точке. Возможно, эти имплицитные связи определили авторскую точку зрения. Таким образом, дискурсивная перспектива разворачивания текстового смысла выстраивается как диалог текстов. Первичный авторский текст с развернутой интертекстуальной структурой дает возможность реконструировать текст, выделить смысловой подтекст и моделировать новый текст. Интертекстуальное поле «обеспечивает возможность разноуровневого прочтения, превращая поэтический текст в нелинейную смысловую структуру с нарастающей энтропией смысла» [29. С. 38].

Анализ и интерпретация языкового материала, представленного в данной статье, позволяет говорить о перспективе исследования — возможности обработки и фиксации рассуждений в словарных материалах, отражающих лексикографическое портретирование «интертекстовых единиц» — «интертекстом» [30. С. 41]. Полученные в ходе исследования результаты, связанные с описанием смыслового поля пушкинской мысли, могут быть использованы при создании авторских семантических словарей комплексного типа.

© Переволочанская С.Н., 2019
Дата поступления: 1.03.2019
Дата приема в печать: 1.04.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Буров А.П. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2012.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания. М., 1969.
4. Карманова З.Я. Феноменологические аспекты содержательной структуры слова. Калуга: Издательство «Эйдос», 2014.
5. Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянской культуры, 2006.
6. Карманова З.Я. Феномен сознания vs феномен слова (феноменологические этюды) // Всероссийская конференция по когнитивной науке КИСЭ-2017: материалы Всероссийской конференции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 361—372.

7. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007.
8. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
9. *Бусыгина Н.П.* Феноменологическое описание и интерпретация: примеры анализа данных в качественных психологических исследованиях // *Московский психотерапевтический журнал*. 2009. № 2. С. 52—76.
10. *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. *Белявская Е.Г.* Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // *Концептуальное пространство языка*. Тамбов, 2005. С. 53—66.
12. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
13. *Шапиро Р.Я.* Имена собственные и несобственные в системе номинации // *Семантика слова и смысл текста*. Саранск, 1986. С. 158—163.
14. *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Художественная проза*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 511—558.
15. *Агрятин А.Е.* Поэтика имплицитного повествования: в поисках теоретической модели // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 428. С. 5—11. doi: 10.17223/15617793/428/1.
16. *Баженова Я.В.* Поэтика рассказа И.А. Бунина «Веселый двор»: имя — художественная деталь — нарратив // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 413. С. 14—21. doi: 10.17223/15617793/413/2
17. *Радионова А.В.* Этическая рефлексия в лирическом стихотворении // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 439. С. 57—65. doi: 10.17223/15617793/439/7.
18. *Булгарин Ф.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
19. *Иоанниди И.П.* «Моя родословная» А.С. Пушкина (к вопросу об истоках стихотворного фельетона) // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 1999. № 2. С. 11—14.
20. *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М.: Наука, 1997.
21. *Муратова Е.Ю.* Специфика аллотропичного анализа поэтического текста // *Вестник славянских культур*. 2014. № 2 (32). С. 121—129.
22. *Егорова Е.Н.* Вещь как ключ к воспоминанию (культурно-семантический анализ произведения «Чемодан» С.Д. Довлатова // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 48. С. 200—210.
23. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Ценностные константы русинской паремииологии (на фоне украинского и русского языков) // *Русин*. 2018. № 54. С. 303—317 doi: 10.17223/18572685/54/18.
24. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // *Русин*. 2016. № 3 (45). С. 119—128. doi: 10.17223/18572685/45/9.
25. *Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Симоненко М.А.* Прецедентный текст художественной литературы в культурной памяти студенческой молодежи: социолингвистический аспект // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 45. С. 163—175.
26. *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 106—111.
27. *Кашкин В.Б.* Сопоставительное исследование дискурса // *Концептуальное пространство русского языка*. Тамбов: ТГУ, 2005. С. 337—353.
28. *Шестак Л.А.* Интертекстуальность и когнитивная теория текста // *Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов*. М.: Флинта, 2014. С. 125—147.
29. *Сергодеев И.В., Олизько Н.С.* Текст, гипертекст и интертекст в произведениях Дж. Моррисона // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 430. С. 33—38. doi: 10.17223/15617793/430/.
30. *Сидоренко К.П.* О концепции словаря интертекстовых единиц из басен И.А. Крылова // *Вопросы лексикографии*. 2016. № 1 (9). doi: 10.17223/22274200/9/4.

УДК 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492

NOMINATION AS THE PRINCIPAL AXIS OF PUSHKIN'S THOUGHT

Svetlana N. Perevolochanskaya

The Kosygin State University of Russia
33, Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russia, 117997

Abstract. The article deals with the description of a modeling process of nominative units in A. Pushkin language; the units presenting a nominative field with certain value landmarks. The semantic valence of Pushkin's word related to a primordial image (archetype) is shown in the ability to evolute extensively the meaning energy in a text prospect. The data for study were the units of two synonymic rows with the core units "аран" and "негр" functioning in A. Pushkin language. The study aimed at revealing the nomination specificity in the poet language, and characterizing the factors determining a nomination process. The author's reflective vector in a language material analysis became evident at a deep symbolic level. An analytical procedure to reconstruct a meta-semantic text construct was based on a componential analysis combined with a contextual one, as well as on an interpretation technique and a descriptive method. The findings demonstrated the mentioned nominative units to have a specific axiological value, be implemented within the semantic areas "свое" ('my ancestors', 'pride of grateful descendants') and "чужое" ('hostile world, which failed to comprehend and accept him'). And their semantic evolution specifies the text sign space arrangement. A nominative frame of Pushkin's discourse is determined by a cross point of two destinies disconnected by time — the poet's great grandfather, Abram Petrovich Hannibal, and Alexander Pushkin, a converging point of "racial" drama and public and creative loneliness drama of personalities rejected and unappreciated by their contemporaries. A semantic "tension" of the author's idea, its dualism reaches the summit when the self-consciousness reason is fathomed: it is inside *негр—аран* opposition, where there is a semantic, and wider — a mental point haunting the poet's reflecting consciousness. The conclusion appears to be conceptually significant: *черный дед мой Ганнибал, <...> сходно купленный аран <...> Царю наперсник, а не раб*. Semantic increments are exhibited against a rich association background of Pushkin cognition: the poet 'models' the text with abundant implication, where every "nominative hint" unfolds under the abundance of a semantic prospect. Major components of the process are intertextually loaded units — precedential names. Their usage forms the basis for a cognitive mechanism to convey implication through an "economical" nominative procedure. The study findings can be used to create semantic dictionaries of a complex type.

Key words: A. Pushkin, nominative presentation, semantic vector, semantic sphere, nominative implication, semantic opposition, text meaning energy

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1979). Esthetics of written word. Moscow: Art. (In Russ.).
2. Burov, A.P. (2012). Substantive syntax nomination in the Russian language. Stavropol-Pyati-gorsk: Stavropol State University Press. (In Russ.).
3. Leontiev, A.A. (1969). Psycholinguistic units of the generation of speech utterance. Moscow. (In Russ.).
4. Karmanova, Z.Ya. (2014). Phenomenological aspects of word content structure. Kaluga: Eidos Publishing House. (In Russ.).
5. Gogotishvili L.A. (2006). Indirect speaking. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
6. Karmanova, Z.Ya. (2017). Consciousness phenomenon vs. word phenomenon (phenomenological sketches). In: Russian conference on cognitive science. Modern cognitive researches—2017. Kazan: Kazan University Press. pp. 361—372. (In Russ.).

7. Potebnya, A.A. (2007). Thought and language. Moscow: Labyrinth. (In Russ.).
8. Kolesov, V.V. (2002). Russian word philosophy. S-Petersburg. (In Russ.).
9. Busygina, N.P. (2009). The phenomenological description and interpretation: examples of the analysis of the data in qualitative psychological researches. *Moscow Psychotherapeutic Journal*, 2, 52—76. (In Russ.).
10. Penkovsky, A.B. (2004). Essays on Russian semantics. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
11. Belyavskaya, E.G. (2005). The concept of connotation from a cognitive point of view. In *Conceptual space of language*. Tambov: TSU Publishing House G.R. Derzhavina. pp. 53—66. (In Russ.).
12. Vinogradov, V.V. (1941). Pushkin style. Moscow. (In Russ.).
13. Shapiro, R.Ya. (1986). Proper and improper names in the nomination system. In *Semantics of the word and the meaning of the text*. Saransk. pp. 158—163. (In Russ.).
14. Tomashevsky, B.V. (1978). Notes. In *Pushkin, A.S. The complete works in 10 volumes. Volume 6. Fiction*. Leningrad: Science. Leningrad branch. pp. 511—558. (In Russ.).
15. Agratin, A.E. (2018). Poetics of implicit narration: in search of a theoretical model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 428, 5—11. doi: 10.17223/15617793/428/1.m (In Russ.).
16. Bazhenova, Ya.V. (2016). Poetics of I.A. Bunin's "Happy house": proper noun — art detail — narrative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 413, 14—21. doi: 10.17223/15617793/413/2. (In Russ.).
17. Radionova, A.V. (2019). Ethical Reflection in a Lyric Poem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 439, 57—65. doi: 10.17223/15617793/439/7.
18. Bulgarin, F.V. (2001). Memoirs. M.: Zakharov. (In Russ.).
19. Ioannidi, I.P. (1999). "Moya rodoslovnaya" A.S. Pushkin (on the question of the origins of the poetic feuilleton). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 11—14. (In Russ.).
20. Dolgorukov, I.M. (1997). The Highlands of my heart. Moscow: Science. (In Russ.).
21. Muratova, H.Yu. (2014). Specifics of allotropic poetic texts analysis. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2 (32), 121—129. (In Russ.).
22. Egorova, E.N. (2018). Object as the key to remembering (cultural and semantic analysis of the work "Suitcase" by S.D. Dovlatov). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 48, 200—210. (In Russ.).
23. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of the rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*, 54, 303—317. (In Russ.).
24. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive potential of rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*, 3 (45), 119—128. (In Russ.).
25. Dulina, N.V., Kargapolova, E.V. & Simonenko, M.A. (2017). Precedent text of belletristic literature in the cultural memory of students: sociolinguistic aspect. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 45, 163—175. (In Russ.).
26. Chernyavskaya, V.E. (2004). Intertext and interdiscourse as a realization of text openness. *Issues of Cognitive Linguistics-Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1, 106—111. (In Russ.).
27. Kashkin, V.B. (2005). Comparative discourse study. In *Conceptual space of the Russian language*. Tambov: TSU. pp. 337—353. (In Russ.).
28. Shestak, L.A. (2014). Intertextuality and cognitive text theory. In: *Intertextuality and intertext figures in various types of discourse*. Moscow: "Flint". pp. 125—147. (In Russ.).
29. Sergodeev, I.V. & Olizko, N.S. (2018). Text, hypertext and intertext in the works of J. Morrison. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 430, 33—38. doi: 10.17223/15617793/430/4. (In Russ.).
30. Sidorenko, K.P. (2016). On the principles of the dictionary of intertextual units from I.A. Krylov's fables. *Voprosy leksikografii — Russian Journal of Lexicography*. 2016. 1 (9). pp. 40—63. doi: 10.17223/22274200/9/4. (In Russ.).

Для цитирования:

Переволочанская С.Н. Номинация как смысловой вектор пушкинской мысли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 475—492. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492.

For citation:

Perevolochanskaya, S.N. (2019). Nomination as the principal axis of Pushkin's thought. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 475—492. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-475-492.

Сведения об авторе:

Переволочанская Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); *научные интересы:* семантика, семиотика, теория языка, когнитивная лингвистика, авторская лексикография, язык А.С. Пушкина; *e-mail:* perevolochanskaja@yandex.ru

Information about the author:

Perevolochanskaya Svetlana Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor of the Department of General and Slavonic Philology, Institute of Slavic Culture The Kosygin State University of Russia; *research interests:* semantics, semiotics, linguistic theory, cognitive linguistics, author lexicography, Pushkin language; *e-mail:* perevolochanskaja@yandex.ru

УДК 81'27:281.93"16"

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ XVII ВЕКА КАК «НАМЕКАЕМОЕ» СОДЕРЖАНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНОМИНАЦИИ СОБЫТИЯ В КУЛЬТУРЕ (на материале текстов первой половины семнадцатого столетия)

А.В. Загуменнов

Бюджетное учреждение здравоохранения Вологодской области
«Вологодский областной центр медицинской профилактики»
Ул. Октябрьская, 40, Вологда, Россия, 160000

Актуальность предлагаемой статьи заключается в переосмыслении семиотических тенденций в свете системного подхода. Целью работы является приложение разработок Г.П. Мельникова к исследованию церковного раскола второй половины XVII века как воспроизводимого события во вторичной моделирующей системе. Общее содержание работы подсказала проходившая с 01.04.2019 по 06.04.2019 международная научная стажировка «Общая и частная методология филологической науки», а также некоторые обобщения, опубликованные в коллективной монографии «Системный взгляд как основа филологической мысли» (2016). В качестве материалов привлечены тексты первой половины XVII столетия. Посредством наблюдения, описания, контекстного анализа и элементов филологической герменевтики доказывается, что цельнооформленное событие в культуре обладает своим полем смыслов, способных быть членимыми и имеющих «предконечные» этапы своего становления. В заключении сделан вывод, что церковный раскол второй половины XVII века был «намекаемым содержанием», проекцией индивидуально-творческих сознаний, образовавшихся в надсистеме (социальном сознании) запрос на воплощение семиотически заданных тенденций.

Ключевые слова: системология, семиотика, когноминация, смысл, XVII век

ВВЕДЕНИЕ

Системный подход Г.П. Мельникова не сводится только к типологической лингвистике, когда затрагивается тема воспроизводства в этнолингвокультуре наблюдаемых черт как следствие субъект-субъектного взаимодействия [1. С. 29]. Это переосмысление линии, идущей от работ А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ, уже частично дано в книге «Основы терминоведения». «Надсистемой по отношению к языку является общество, или, более конкретно, **социальное сознание, которое, будучи инвариантом в индивидуальном сознании каждого члена общества, делает индивида личностью, т.е. социальным существом.** Язык, с этой точки зрения, будучи системой в надсистеме... должен быть квалифицирован как одна из форм общественного сознания...» [2. С. 22]. За этим диалектическим взаимодействием двух уровней вскрывается нечто большее, чем разграничение в иерархии понятий. Поскольку надсистема в виде социального сознания оказывается инвариантной структурой сознания личности, то, во-первых, допустимо говорить не только об общности языкового типа, но и о типичности в про-

странстве мышления, а во-вторых, и самое значимое — процессы, которые ведут к стадияльным перестройкам в системе, должны быть сопоставимы или коррелировать с таковыми в надсистеме. И поскольку в семиотическом пространстве язык, текст и культура однородны по форме закрепления (знак), постольку это единство подчиняется общим, но не всегда тождественным и идентичным процессам. Иными словами, разработки Г.П. Мельникова, С.Ю. Преображенского, О.И. Валентиновой допускают описание и, вероятно, прогностику изменения «вторичных моделирующих систем» (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский) как следствие динамических взаимодействий в пределах «надсистемы». Последняя уже содержится во внутренней детерминанте языка в качестве «сюжета» [3], «картины события» [1; 2; 4]. Вероятно, обратное (рекурсивное) отражение в «надсистему» может строиться по принципу намекания и когноминации. Первый из названных, согласно позиции Г.П. Мельникова и С.Ю. Преображенского, «есть принцип, организующий номинацию мыслительных единиц языковыми, от минимальных значащих единиц — морфем, открытых Бодуэном, до их воспроизводимых блоков — слов и словосочетаний» [1; 4. С. 77]. «Когноминация» интерпретируется как «использование узуальных смыслов двух или даже большего числа слов в качестве предконечных для намекания на определенные компоненты конечного смысла» [1. С. 25]. В традиционном «системном» измерении ими оперирует Дж.В. Ченнаккадан [5], а в измерении «надсистемном» — О.И. Валентинова [6; 7], что позволило ей очертить контуры семиотической типологии. В силу всего вышесказанного дальнейшее изложение может рассматриваться как продолжение очерченных линий.

КАРТИНА СОБЫТИЯ И СМЫСЛЫ

Под смыслом в предлагаемой работе понимается «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [8. С. 95]. При таком подходе церковный раскол середины XVII столетия может быть унаследованным, транслируемым, воспроизводимым и внутренне присущим самому христианству «сюжетом», «картиной события». Подтверждением этого тезиса выступает полемическое сочинение И.А. Хворостинина «Повесть слезная о Листрискомъ, сирѣчь Ѳеларскомъ и Фларентискомъ разбойническомъ кровопролитномъ осмомъ соборѣ». Помимо множества описанных нарушений, где первое и определяющее выражено во фрагменте «*изволи царь и патриарси вси || синдону, сирѣчь собору, быти въ влоскихъ странахъ не по уставу и закону*» [9. С. 83], в этом тексте возникает образ патриарха-отступника, который представлял русские земли на Восьмом соборе.

«Исидоръ убо первѣе отступление свое показа и лукавство обычая своего откры, внигда встрѣте его послушницы восточныя церкви со святымъ крестомъ Господнимъ, за нимижь послѣдствоваше западныя церкви изчадіе. Онъ же, поклонився кресту Христову яко забы, премину [и] притече ко оному образу высочайшему и, падъ, поклонився ему. Зря же то епископъ мѣста суждалска церкви восточныя, истинный отецъ, пастырь Христова стада, именемъ Авраамій, велми ужаснувся и дивися зѣло» [9. С. 87].

Вся повесть насыщена оценками как поведения «действующих лиц», так и обсуждаемых догматов, но в пределах массива сочинений первой трети XVII века важен сам факт появления этого текста. Он задаёт прецедентность «сюжета», «картины события», в котором возникает фигура патриарха-отступника и тех, кто это отступничество видит как нарушение устава и закона.

Появление подобного семиотического образования в первой трети XVII века оказывается для современников закономерным. Во «Временнике» И.Т. Семенова описывается, как Лжедмитрий I вмешивается в церковное устройство:

«Подобна же себѣ богоотступный и фатріарха несвященна, Игната имянемъ, изобразитъ, на преосвященнѣмъ величнѣмъ престолѣ сего постави вмѣсто сущаго патріарха Іова, православнаго и въ Росіи перваго, измѣннъ, оземствомъ во градъ нѣкій осуди» [10. С. 370—371].

Этот факт повторяется в «Повести...». И.М. Катырева-Ростовского:

«И нача владѣтельно держати Російское царство и возведе на святительскій престолъ единогогласника своего, богомерскаго еретика Греченина Игнатія; а прежебывшаго великаго патріарха Іова заточенію предаде и мниховъ многихъ» [10. С. 578].

Обращает на себя внимание фрагмент в анонимном «Сказании о Гришке Отрепьеве»:

«И постави на патріаршество Игната Грека, мужа глупа, и пьяницу, и срамословца, и кощунника, потаковника подобна суца себѣ а иныхъ властей, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, оскорби и угрози, и весь освященный вселенскій соборъ постави ни во что» [10. С. 736].

Только из экономии места мы не стали приводить выдержки из «Жития...» протопопа Аввакума, где демонстрируется, что Никон, одобренный на патриаршество царём, «старообрядческий вселенскій соборъ постави ни во что». В социальном сознании первой трети XVII столетия — надсистеме — возникает оппозиция Патриарха/Фатриарха, Истинного пастыря и Лжепастыря, Поборника православия и Противника православия.

В ряде текстов рассматриваемого периода обнаруживается рефлексия языковой личности (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов) над процессом, который О.И. Валентиновой был обозначен как смена герменевтического статуса. В «Сказании...» Авраамия Палицына включен фрагмент, когда народ вместе со священнослужителями выносит иконы из храма для того, чтобы умолять Бориса Годунова принять царствование.

«И нескверныя и неблазныя и нетлѣнныя Пречистыя Царицы воображеніе встѣхъ зъ Богомъ предъ тлѣннымъ челоувкомъ стоитъ на умоленіе, и похвално церковницы и вси велможіе глаголють: се сиі образъ Матери Божіи тебе ради изнесохомъ и тебе ради толикъ путь шествова Царица!» [10. С. 476].

Ожидаемо, что келарь Троице-Сергеевой лавры обратит на это внимание как на некоторое изменение приоритета и значимости христианских символов и атрибутов на фоне таковых в светской культуре. Авраамий Палицын далее рассуждает: «...разсуди: кто есть болій, просяй, или просимый, молимый ли, или молящій?»

[10. С. 476]. Власть земная оказывается значимее, чем власть небесная уже в первой трети XVII века.

В отличие от полемического сочинения И.А. Хворостинина, направленного против католичества и протестантизма, «Сказание...» Авраамия Палицына в первой половине столетия фиксирует нарушение обряда самими православными, что выражается в следующем фрагменте:

*«...и чрезъ заповеди святаго и вселенскаго собора шестаго и утверженія писаній великаго царя благочестиваго Іустиніяна, противу вельгніи Константина Великаго, и забывъ Владимира перваго и другаго по немъ Манамаха славнаго, Греческія законы содержащихъ || и въ церковныхъ преданіи... **се же неразумно содѣя: подаемую убо пшеницу отъ царьскихъ житницъ въ приношеніи безкровныя жертвы всѣхъ благихъ Подателю, повель вместо ея рожь дати на приношеніе Богу**» [10. С. 485].*

Хлеб как тело Христа семиотически и физически деформировался вопреки установленным правилам. Одна из причин этого — запасы пшеницы в голодные годы были розданы Борисом Годуновым бедствующему населению. А. Палицын, однако, пишет, что *«но такового ради времени не бы ему въ грѣхъ вмѣнилось: аще бы впродъ написалъ, исправити таковая»* [10. С. 485]. Но, с одной стороны, указ царя был дан без этой оговорки, а с другой — по независимым от правителя обстоятельствам — заменившую пшеницу рожь *«худу бо зѣло и гнилу даяху»* [10. С. 485]. Разумеется, это не только отступление, но и глубже — оскорбление православной веры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги предварительного анализа, можно утверждать, что за счёт коммуникативной функции языка, «коммуникативности» как свойства оязыковленного мыслительного содержания и, вследствие этого, выстроенного участниками диалога мыследеятельного коммуникативного пространства становится возможной ситуация заданного ранее «сюжета», «картины» события в культуре. Не последнюю роль играет «множественное воспроизведение структуры, которая определяет вектор выведения значений, позволяя усмотреть в тексте смыслы, не данные в прямой номинации» [11. С. 109]. Нами отмечено появление в сочинениях первой трети рассматриваемого столетия фигуры патриарха-отступника и тех, кто это отступничество видит, падение значимости религиозных и возвеличивание светских символов, массовое гонение и уничтожение противников действующего патриарха, нарушение закона и обряда, одобренные царём и неизменные впоследствии. Цельнооформленное событие в культуре обладает своим полем смыслов, способных быть членимыми и имеющих «предконечные» этапы своего становления. В этом отношении церковный раскол второй половины XVII века был «намекаемым содержанием», проекцией индивидуально-творческих сознаний, образовавших в надсистеме (социальном сознании) запрос на воплощение семиотически заданных тенденций, но эти тенденции должен был кто-то воплощать; кто-то, кто был достаточно сильной личностью, чтобы нести ответственность за исторический и культурный выбор.

© Загуменнов А.В., 2018

Дата поступления: 1.09.2018

Дата приема в печать: 30.01.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. М.: Изд-во РУДН, 2000.
2. Мельников Г.П. Основы терминоведения. М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2014.
3. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
4. Мельников Г.П., Преображенский С.Ю. Методология лингвистики: учеб. пособие. М.: Изд-во УДН, 1969.
5. Ченнакадан Дж.В. Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов. Нью-Дели: Изд-во “Goyal Publishers and Distriburers PVT. LTD”, 2017.
6. Валентинова О.И. «Житие протопопы Аввакума»: к истолкованию богословской части жития // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 1. С. 79—85.
7. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 171—302.
8. Исследование рече-мыслительной деятельности / отв. ред. М.М. Муканов. Алма-Ата: [б.и.], 1974.
9. Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 год / под ред. В.Г. Дружина. СПб.: Типография М.А. Александрова (Надеждинская, 43), 1907.
10. Русская историческая библиотека / издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: [б.и.], 1891.
11. Валентинова О.И. Архетипические признаки средневекового богословского текста и их трансформации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 109—118. doi: 10.20916/1812-3228-2016-3-109-118.

УДК 81'27:281.93"16"

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498

THE CHURCH SEPARATION OF THE XVII CENTURY AS “NAMEEEEE” CONTENT: PRESENTATION OF THE PROBLEM OF COGNOMINAL EVENTS IN THE CULTURE (on the Material of Texts of the First Half of the Seventeenth Century)

Alexander V. Zagumennov

Budgetary Institution of Health Care of the Vologda Region
“The Vologda regional center of medical prevention”
Oktyabrskaya Str., 40, Vologda, Russia, 160000

Abstract. The relevance of the proposed article is to rethink the semiotic trends in the light of a systematic approach. The aim of the work is to apply G.P. Melnikov's developments to the study of the Church separation of the second half of the XVII century as a reproducible event in the secondary modeling system. The General content of the work was prompted by the international scientific training “General and private methodology of philological science” held from 01.04.2009 to 06.04.2009, as well as some generalizations published in the collective monograph “System view as the basis of philological thought” (2016). The texts of the first half of the XVII century are used as materials. By means of observation, description, contextual analysis and elements of philological hermeneutics it is proved that the whole-formed event in culture has its own field of meanings capable of being segmented and having “pre-final”

stages of its formation. It is concluded that the Church separation of the second half of the XVII century was a “hinted content”, a projection of individual creative consciousnesses that formed in the supra-system (social consciousness) a request for the implementation of semiotic trends.

Key words: systemology, semiotics, cognomination, meaning, XVII century

REFERENCES

1. Melnikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (2014). Fundamentals of terminology. Moscow: LENAND. (In Russ.).
3. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhensky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). Systemic approach to the basis of philological thought. Language. Semiotics. Culture. Moscow: YASK. (In Russ.).
4. Melnikov, G.P. Preobrazhenskij, S.Yu. (1969) Methodology of linguistics. Moscow: UDN. (In Russ.).
5. Chennakkadan, Dzh.V. The internal form and the grammatical status of the Russian compound words. New Delhi: Goyal Publishers and Distriburers PVT. LTD. (In Russ.).
6. Valentinova, O.I., (2013). “The life of Archpriest Habakkuk”: to the interpretation of the theological part of life. *Philological sciences. Scientific Essays of High Education*, 5, 18—39. (In Russ.).
7. Valentinova, O.I. (2016). Systemic approach to the study of text and style. In: *O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenski, M.A. Rybakov. System view as the basis of philological thought*. Moscow: YASK. pp. 171—302. (In Russ.).
8. Research of speech-thinking activity (1974). M.M. Mukanov (Ed.). Alma-Ata. (In Russ.).
9. Chronicle of the archaeological Commission in 1905 (1907). V.G. Druzhin (Ed.). Saint-Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova (Nadezhdinskaya, 43). (In Russ.).
10. Russian historical library (1891). Archeological commission (Ed.). Saint-Petersburg. (In Russ.).
11. Valentinova, O.I. (2016). Archetypal signs of medieval theological text and their transformation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3 (48), 109—118. (In Russ.).

Для цитирования:

Загуменнов А.В. Церковный раскол XVII века как «намекаемое» содержание: к постановке проблемы когноминации события в культуре (на материале текстов первой половины семнадцатого столетия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 493—498. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.

For citation:

Zagumenov, A.V. (2019). The church separation of the XVII century as “nameeeee” content: presentation of the problem of cognominal events in the culture (on the material of texts of the first half of the seventeenth century). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 493—498. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-493-498.

Сведения об авторе:

Загуменнов Александр Владимирович, аспирант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета; *научные интересы*: теория языковой личности, филологическая герменевтика, история языка, анализ текста, методология; *e-mail*: zaw1991@mail.ru

Information about the author:

Alexander V. Zagumenov, postgraduate student of the Department of Russian Language, Journalism and Theory of Communication Vologda State University; *Interests*: theory of the linguistic personality, linguistic hermeneutics, history of language, text analysis, methodology; *e-mail*: zaw1991@mail.ru

УДК 81:659.441(73)"2000"
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-499-512

US-VERSUS-THEM POLARIZATION IN THE US PRESIDENTIAL DEBATES OF 2000

Denis S. Mukhortov, Elizaveta A. Zhovner

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Leninskiye Gory 1, Moscow, Russia, 119991

Abstract. Political discourse as a specific sign system in which the meaning depends on the speaker's intention tends to portray participants in terms of "us" versus "them", which makes "us-versus-them" polarization one of the main distinguishing features of political discourse. The onset of the 21st century is a turning point in the history of geopolitics, which requires politicians to be more creative in search of vote-winning means. The pragmasemantic approach allows to study presidential debates between G.W. Bush and Al Gore from the standpoint of semantics which studies meaning and which has been recently affected by pragmatics that deals with non-linguistic aspects of meaning such as the context of a situation and the speaker's intention. The presidential debates of 2000 are a vivid illustration of how two opposing politicians strive to share the same objective though different language means. The content-analysis program LIWC (Linguistic Inquiry and Word Count) was used in order to verify the results of research. The analysis of Pronouns, Positive/Negative Emotions, and Tense Focus through LIWC makes a contribution to political discourse studies. This article illustrates how various language means such as use of pronouns "we" and "they", specific vocabulary and slogans, when grouped together, can appear to be an efficient research tactic.

Key words: pragmalinguistics, stylistic idiosyncrasies, a politician's stylistic behavior, pragmasemantic analysis, status-bound type of language identity

INTRODUCTION

The compartmentalization of reality into "us" and "them" has socio-cultural roots. It means that people are guided not only by universal values but also by collective interests. These interests can be different for different groups. As a result, people unite in groups, and these groups oppose each other and are regarded as "us" and "them" groups [1. P. 45]. These divisions exist in different spheres of our lives: in psychology, literature, politics, and others.

Some scholars claim that people tend to think in an ambivalent way because of the binary structure of their nervous system [2. P. 82]. This is to suggest that people tend to have double standards and binary oppositions in their consciousness. Hence, people unconsciously cordon reality into the categories of "good", which is linked with "wanting", and "bad" — "not wanting" [3. P. 51]. This division creates two polar conceptual systems in people's minds, based on positive and negative assessments.

The opposition between "us" and "them" is a cultural constant alongside with such conceptual oppositions as "male/female", "old/young", "life/death", "light/darkness" [4. P. 150]. As the opposition "good/bad" is the basis for morality, the opposition "us/them" is the basis for opposition in politics, and other oppositions are subservient to it.

Another important factor is that the “us-versus-them” polarization is closely connected with the notion “agonism”, which derives from the Greek word “agon”, meaning “contest” [5. P. 1]. The concept of agonism can be applicable to micro-contexts (such as a classroom or a workplace) and to macro-contexts such as a political arena: both include attempts “to de-centre other’s identity” [6. P. 798]. Hence, in political context agonism means confrontation between two contenders.

According to Mouffe, agonism is “a we/they relation where the conflicting parties, although acknowledging that there is no rational solution to their conflict, nevertheless recognize the legitimacy of their opponents” [7. P. 20]. Political communication includes three participants: the speaker (“we”), the audience whose support is sought by the speaker (“us”), and the opponent who aims to discredit the speaker (“them”) [8. P. 209]. Therefore, the “us-versus-them” polarization, which is used “to present politicians in a positive way and to portray their political opponents negatively”, is of special interest for many scholars [9. P. 583].

The article provides insights into essential works on political discourse (Sheigal, van Dijk, Wodak), political communication (Mikhalyova, Parshina), and selected works on how parts of speech work in political discourse and political communication (Pakholkova, Bramley, Pennebaker, Tausczik). For our research, we used a content-analysis program *LIWC* — Linguistic Inquiry and Word Count. The program analyzes each loaded text file, word-by-word, and then compares each word of a text file with a dictionary file. It helps “to detect meaning in a wide variety of experimental settings, including attentional focus, emotionality, social relationships, thinking styles, and individual differences” [10. P. 24]. The research examines the transcripts of the talks by George W. Bush and Al Gore during the US Presidential Debates of 2000.

The paper asserts that “us-versus-them” polarization is viewed as a special instrument that reflects the manipulative and confrontational nature of political discourse. It helps to analyze politicians’ communicative intentions in terms of dividing the electorate into two opposing groups: “us” and “them”.

Political discourse includes what was said as well as who said that, where, when and how [11. P. 52]. “Us-versus-them” polarization forms the basis for political communication. The study of the means of its expression helps us see how politicians impact voters during presidential campaigns. The presidential debates of 2000 still remain meaningful for researchers as the outcome of the election led to the shift of ideology and change of interests, and this still affects the modern politics.

US-VERSUS-THEM POLARIZATION

Political communication can be built on the explanation of political position (orientation), search for supporters (integration) and struggle with an opponent (confrontation). This triad corresponds to “us-versus-them” polarization, therefore, orientation means identification of who belongs to the “us-group” and who belongs to the “them-group”; integration means the merging into the “us-group”, and confrontation means the struggle against the “them-group” [4. P. 149]. By establishing “us-versus-them” separation, politicians seek to reduce “the complexity of actions and events to two distinct groups, one of which (us) is deemed to be good, the other (them) bad” [12. P. 515].

“Us-versus-them” division can be manifested “through a macro-strategy of positive “self”-image and negative image of the “other” [13. P. 5]. According to Wirth-Koliba, “us-versus-them” polarization is based on ideological oppositions: “‘we’ are trustworthy, credible, and the good ones, whereas ‘they’ are deceptive, unreliable, and the bad ones” [14. P. 29]. “Us-versus-them” opposition is a communicative category which determines politicians’ social position and serves as a most widespread instrument in political struggle. As collective entities, “us” and “them” groups represent how various social actors are portrayed in political discourse [15. P. 56]. T. van Dijk defines “us-versus-them” as “a polarized structure controlling power abuse, domination, competition and cooperation among groups” [16. P. 69].

Us-versus-them polarization can be represented at different levels:

- at the morphological level: by means of personal and possessive pronouns;
- at the lexical level: with the help of targeted salutations and pragmemes — special lexemes that contain pragmatic components;
- at the syntactic level by the placing of an agent in a sentence;
- by metaphors as a means of constructing reality;
- by explicit and implicit information in a speech act [17. P. 78].

In our research, we partly use this level division and analyze pronouns, word choice, and slogans as most telling means of “us-versus-them” polarization.

Pronouns

Pronouns play a leading role in creating “us” and “them” groups. They not only express person, number and gender as traditional grammarians say, they also should be studied in the context of interaction. Many languages have deictics as the speaker needs “to identify the participants in the discourse” [18. P. 60]. English pronouns are deictic as their semantic meaning is fixed but their denotative meaning varies and requires additional contextual information [19. P. 185].

We can refer both to “we” meaning “self + one other” and “we” meaning “self + humanity”. Usually “we” is used to speak about “a group membership or a collective identity” [20. P. 9]. “We” and its derivatives *us* and *our* express collective involvement and have an affiliative and uniting sense.

Personal deixis of the pronoun “we” in presidential discourse can have two meanings: 1) we — “myself + people of my country”; 2) we — “myself + my administration, my party, my or my party’s (my country’s) values” [21. P. 121]. According to Pennebaker, “the premature use of we-words, much like the language of a politician, is often perceived as disingenuous and manipulative”, however, it can serve as a rhetoric device [22. P. 146].

We can distinguish between two functions of the pronoun “we”: expressing institutional identity and involving voters in the issue in question.

1. Expressing institutional identity

- (1) BUSH: **We** need to explore our resources and **we** need to develop our reservoirs of domestic production. **We** also need to have a hemispheric energy policy where Canada, Mexico and the United States come together.

- (2) BUSH: So, in my state **we** toughened up the juvenile justice laws. **We** added beds. **We**'re tough. **We** believe in tough love. **We**'ve got laws.
- (3) GORE: **We** need to call upon Syria to release the three Israeli soldiers who have been captured. **We** need to insist that Arafat send out instructions to halt some of the provocative acts of violence that have been going on.

These examples show that Bush suggests his plans about developing energy production and toughening up laws on behalf of the government and administration in Texas, which makes his speech sound more significant for the voters. “We” does not imply only Bush but all government officials as well.

Gore speaks as a representative of the government and suggests measures for solving the Israeli-Palestinian conflict. The use of “we” gives the voters the feeling that people should not worry about the conflict because serious measures will be taken by the government.

2. Involving voters in the issue in question

- (4) BUSH: So, I don't think they ought to look at **us** in any way other than what **we** are. **We**'re a freedom-loving nation and if **we**'re an arrogant nation they'll view us that way, but if **we**'re a humble nation they'll respect us.
- (5) GORE: **We**'re America, and **we** believe in **our** future and **we** know **we** have the ability to shape **our** future. And **we** can renew and rekindle the American spirit and make **our** future what our founders dreamed it could be.

“We” increases connections between Bush and the voters; they are elemental in the speech. He talks about the whole nation highlighting its most important qualities — love for freedom and humility.

Gore talks about the country making all the people come together, which makes them equal. It is important for Gore to highlight that all the Americans build their future together with their leader.

The pronoun “we” includes the allies and potential supporters of politicians; the pronoun “they” refers to the concept of “enemy” — “someone who tries to destroy “us” [23. P. 17]. The pronoun “they” also contains collective meaning, but it is rather distant from collective ‘self’ expressed by “we”. Therefore, “they” is used for creating the image of “other” and it is going from the general to the specific.

1. Creating the image of “other”

- (6) BUSH: I've said that eight years ago **they** campaigned on prescription drugs for seniors. And four years ago **they** campaigned on getting prescription drugs for seniors. And now **they**'re campaigning on getting prescription drugs for seniors. It seems like **they** can't get it done.
- (7) BUSH: We spent a lot of money to make sure people get health care in the State of Texas, and we're doing a better job than **they** are at the national level for reducing uninsured.

The first example shows that “they” creates a negative image of Bush's opponent and his party. Blaming his opponents for their failure to launch an effective campaign, for their words that are not matched by deeds Bush acts as an accuser and at the same time as a defender of the citizenry.

The second example shows a distinct contrast between ‘us’ and ‘them’ which corresponds to the government at the federal and local levels, and “they” is used to create a negative image of the former.

2. Going from general to specific

- (8) BUSH: The Strunk family in Allentown, Pennsylvania, I campaigned with them the other day. **They** make \$51,000 combined income, **they** pay about \$3,500 in taxes. Under my plan, **they** get \$1,800 of tax relief. Under Vice President Gore’s plan, **they** get \$145 of tax relief.
- (9) GORE: Listen, for 24 years I have never been afraid to take on the big drug companies. **They** do some great things. **They** discover great new cures and that’s great. We want them to continue that. But **they** are now spending more money on advertising and promotion.

Going from general to specific is a good example of how the speaker convinces his voters that he thoroughly understands the situation. Speaking about tax cuts, Bush gives general information about his plan and then gives an example of one family in Pennsylvania. Gore, in his turn, favours reducing prices of drugs, which helps him sound more convincing.

Both Bush and Gore understand the importance of creating a sense of unity. Both of them want to show they know the situation completely, and this makes them closer to the voters. They speak on behalf of the whole country and make the voters part of their speech. However, at the same time, Bush seeks to create a negative image of his opponent.

Word choice

Equally important is use of vocabulary. It allows us to see a “pragmasemantic value” of the words as they serve to better understand linguistic profiles of the candidates, including their beliefs and intentions [24. P. 152]. When we speak about the choice of words, we naturally come to the term ‘concept’. According to Siomkin, *concept* is a mental representation that determines how things are connected with each other and classifies objects due to their similarity [25. P. 162]. Concepts create a system of opinions and reflect cognitive and learning experiences of native speakers.

As concepts classify different phenomena they can create stereotypes. Stereotyping is a kind of manipulation as stereotypes are defined as a set of opinions and expectations based on the analysis of how people think and act [25. P. 162]. According to van Dijk, “the lexical expression of mental models in the discourse of powerful speakers may influence not only knowledge but also opinions in the mental models of recipients” [26. P. 472]. These models can lead to “polarization at all levels of discourse, emphasizing the Good properties of Us and Bad properties of Them” though specific lexicon and images [27. P. 35].

1. Hawk and Dove Vocabulary

The analysis of vocabulary reveals the politicians’ attitudes regarding foreign policy, which makes them sound either like a dove (someone who opposes the use of military pressure to resolve a conflict) or like a hawk (someone who is eager to enter into war).

- (10) BUSH: I believe the role of the military is **to fight and win war** and therefore prevent war from happening in the first place.

- (11) BUSH: We have an opportunity, really, if you think about it, if we're smart and have got a strategic vision and a leader who understands strategic planning, to make sure that we change **the terms of the battlefield** of the future.
- (12) BUSH: But I think it ought to be one of our priorities to work with our European friends to convince them **to put troops on the ground**.
- (13) GORE: The first priority has to be on **ending the violence, dampening down the tensions** that have arisen there.
- (14) GORE: We need to insist that Arafat send out instructions **to halt** some of the provocative **acts of violence** that have been going on.
- (15) GORE: I certainly don't disagree that we ought **to get our troops home** from places like the Balkans as soon as we can, as soon as the mission is complete.

These instances show that Gore sounds like a pacifist, his position is to keep peace and stop the violence. Bush, on the contrary, sounds like a hawk: he uses a very aggressive vocabulary and insists on interfering in other countries' conflicts.

2. Interests vs. Values

The choice of words in politicians' speeches also reflects the main concepts of their ideology. The concepts "interests" and "values" can be regarded to be the key concepts in Bush's and Gore's speeches. Let us take a look at these examples and see how these concepts reflect the candidates' ideologies.

- (16) BUSH: Peace in the Middle East is **in our nation's interests**. Having a hemisphere that is free for trade and peaceful is **in our nation's interests**. Strong relations in Europe are **in our nation's interest**.
- (17) BUSH: And I strongly believe we need to keep a presence in NATO, but I'm going to be judicious as to how to use the military. It needs to be **in our vital interest**, the mission needs to be clear, and the extra strategy obvious.
- (18) BUSH: Your question was deployment. It must be **in the national interests**, must be **in our vital interests** whether we ever send troops.
- (19) GORE: I see our greatest national strength coming from what we stand for in the world. I see it as a question of **values**. <...> But our real power comes, I think, from our **values**.
- (20) GORE: We have to protect our capacity to push forward what America's all about. That means not only military strength and our **values**, it also means keeping our economy strong.
- (21) GORE: I see a future when the world is at peace, with the United States of America promoting the **values** of democracy and human rights and freedom all around the world.

Bush focuses his attention on "interests" in his policy while Gore talks about the importance of "values". Bush concentrates on the unity of the community, repeating *our national interests*. The main issue included in the sphere of Bush's interests concerns foreign policy and military affairs.

Gore singles out "values" as the most significant point in his political views talking about democracy, human rights, and national strength. His policy represents his main American concept, the American dream, which is based on the Puritans' doctrine that proclaims that such values as liberty and equality exist for all.

Slogans

A slogan is a memorable phrase to express a certain idea though repetitive use in a commercial, religious, political, or other context. According to Denton, “the brief slogan is an ideal means of calling attention to the key ideographs of movements such as equality, happiness, free speech, freedom, justice, rights, and peace [28. P. 155]. Short, catchy slogans remind the voters of the candidates’ campaign message [29. P. 347].

A slogan is one of the genres in political discourse that represents the confrontational function. It expresses the main ideas or goals in short form. A slogan turns any political theory into a symbolic action [30. P. 72]. It can be perceived by the voters as a real action (or a set of actions) that will probably be implemented by a politician after his winning the election. One of the key goals of slogans is “to generate emotional responses and perform persuasive functions that could contribute to the mobilization of masses” [31. P. 2].

- (22) BUSH: I want to make sure the seniors believe **the promise made will be a promise kept**, but I want younger workers to be able to manage some of their own money, some of their own payroll taxes in the private sector under certain guidelines, to get a better rate of return on their own money.
- (23) BUSH: I think there was a good opportunity **to bring Republicans and Democrats together** to reform the Social Security system so seniors will never go without.
- (24) BUSH: But there’s a larger law. **Love your neighbor like you would like to be loved yourself**. And that’s where our society must head if we’re going to be a peaceful and prosperous society.
- (25) GORE: Because I think that we need to give our democracy back to the American people.
- (26) GORE: I think a woman's right to choose ought to be protected and defended.
- (27) GORE: I see a future when the world is at peace, with the United States of America promoting the values of democracy and human rights and freedom all around the world.

Bush had three main slogans in his presidential campaign: he takes a strong position as a politician who keeps his promises, who thinks that two parties can work together for the prosperity of the USA, and who believes in the Golden Rule. These slogans serve as an instrument to help Bush build an image of a “uniter” who has strong beliefs and moral obligations.

Gore focuses on presenting himself as a true Democrat who spreads the ideas of liberty and equality and who fights for human rights — especially for women’s rights. Hence, a slogan can also be a powerful instrument to express political views.

LIWC

The results of our research can be proved through computerized text analysis. In the 1990s, Pennebaker, Booth and Francis developed a computer program called LIWC — Linguistic Inquiry and Word Count. This program consists of “the processing component and the dictionaries” [10. P. 27]. It analyzes each loaded text file, word-by-word, and then compares each word of a text file with a dictionary file. LIWC examines more than 80 categories and several language dimensions; for instance, the category of articles, the emotion word categories, etc.

For our analysis of the Bush-Gore debates, we chose several the categories Pronouns, Positive/Negative Emotions, and Tense Focus (Past/Present/Future). According to Hart, all these categories are connected in the discourse space that includes three axes: socio-spatial (“us” versus “them”), temporal (past, present, future), and evaluative (“right” versus ‘wrong’) [32. P. 164]. Vivid examples of social, temporal and epistemic relations are the phrases like “close friends/distant enemies”, “near future/remote past”, “close to the truth/far from the truth” [33. P. 58].

Table 1 shows that Bush concentrates on creating we-groups and establishing unity while Gore pays much more attention to creating the image of ‘other’. When it comes to the discussion of foreign policy, both politicians use the pronoun ‘we’ more. The greatest use of the pronoun ‘they’ in the third debate round by Gore can be explained by the fact that Gore tends to blame the administration for wrong decisions in domestic policy.

According to Table 2, we can see that Bush tends to express more positive emotions while Gore has quite a negative mindset. The politician with a negative verbiage has a confrontational mindset [24. P. 153]. Bush’s positive thinking, by contrast, lays the foundation for his goal to bring the voters together.

Table 1 / Таблица 1

**Use of pronouns we and they /
Употребление местоимений we и they**

Pronouns (We)	Bush	Gore
Debate 1	2,18	2,07
Debate 2	3,41	2,78
Debate 3	2,23	2,14
Total	7,82	6,99
Pronouns (They)	Bush	Gore
Debate 1	0,99	0,98
Debate 2	0,85	0,81
Debate 3	0,72	1,10
Total	2,56	2,89

Table 2 / Таблица 2

**Положительные и отрицательные эмоции /
Positive and negative emotions**

Positive Emotions	Bush	Gore
Debate 1	3,54	3,56
Debate 2	4,44	3,15
Debate 3	4,30	3,46
Total	12,28	10,17
Negative Emotions	Bush	Gore
Debate 1	1,07	1,60
Debate 2	1,10	1,78
Debate 3	1,03	1,35
Total	3,20	4,73

Table 3 / Таблица 3

**Употребление времен Past, Present, Future /
Focus Past, Present, Future**

Focus (Past)	Bush	Gore
Debate 1	2,38	2,56
Debate 2	2,92	3,41
Debate 3	2,30	2,70
Total	7,60	8,76
Focus (Present)	Bush	Gore
Debate 1	14,36	11,85
Debate 2	15,71	12,80
Debate 3	16,78	12,73
Total	46,85	37,38
Focus (Future)	Bush	Gore
Debate 1	2,35	1,77
Debate 2	1,38	1,02
Debate 3	1,78	1,86
Total	5,51	4,65

Positive and negative attitudes relate to time orientation and temporal focus of attention. According to Pennebaker and Tausczik, “negative ads focus on past actions of the opponent, and positive ads focus on the present and future acts of the candidate” [10. P. 31]. Table 3 shows that Bush uses more present and future tenses than Gore, hence he is more optimistic, while Gore, who criticizes a lot and uses past tenses, sounds more pessimistic.

The results of the LIWC-based analysis show that Bush has more initiative in the three debates whereas Gore demonstrates more restraint. Bush’s positive thinking and future orientation yielded better results than Gore’s negative mindset and focus on the past.

CONCLUSION

Overall, the outcome of the US presidential debates of 2000 is marked with a forward-looking optimism, predominance of interests over values and attempts to draw a portrait of united nation.

Bush’s election campaign is characterized by his consistency, his desire to pursue a strict foreign policy, bring the nation together and act in the interest of the people. Gore stands up for such values as democracy, freedom and human rights. However, his negative vision of situations within the country makes him sound quite pessimistic; therefore, Gore’s expectations to win are not fulfilled. And all is done through political language which shows the division of the reality into “us” and “them” through use of pronouns, concepts, slogans and, hence, reveals the struggle between the candidates.

Analyzing “us-versus-them” polarization shows that it is a balanced and measured rhetoric, the right choice of vocabulary, and his communicative strategy in general that secured Bush his victory and led to his winning the presidential election of 2000. His victory laid the foundation for the modern political development of the world.

© Мухортов Д.С., Жовнер Е.А., 2018
Дата поступления: 12.12.2018
Дата приема в печать: 15.04.2019

REFERENCES

1. Issers, I.O. (2008). Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: LKI. (In Russ.).
2. Antonova, A.V. (2010). Features of mass consciousness as a target of speech manipulation (on the material of the pre-election debate of the British politicians). *Political Linguistics*, 1 (31), 79—83. (in Russ.).
3. Wierzbicka, A. (1996). Semantics. Primes and Universals. N.Y.: OUP.
4. Sheigal, E.I. (2004). Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis. (in Russ.).
5. Sidorenko, A.V. (2013). Agonism as a linguistic phenomenon. URL: <http://pglu.ru/upload/iblock/18f/p30038.pdf> (accessed: 18.04.2019). (in Russ.).
6. van Leeuwen, B. (2015). Absorbing the agony of agonism? The limits of cultural questioning and alternative variations of intercultural civility. *Urban Studies*, 52 (4), 793—808.
7. Mouffe, Ch. (2011). On the Political. Taylor & Francis.
8. Malysheva, O.P. (2009). Communicative strategies and tactics in public speech (on the material of American and British political leaders). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science*, 96, 206—209. (in Russ.).
9. Wodak, R. (2006). Language and Politics. In *Encyclopedia of Language and Linguistics* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan. pp. 577—594.
10. Pennebaker, J.W. & Tausczik, Y.R. (2010). The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods. *Journal of Language and Social Psychology*, 29 (1), 24—54.
11. Zolyan, C.T. (2016). Semiotics and pragmasemantics of political discourse. *Political linguistics*, 3, 47—77.
12. Wodak, R. (2018). Language and Politics. In *English Language: Description, Variation and Context* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan.
13. Morgan, D. (2015). A Discourse of Legitimation: Beyond the ‘war on terror’ and towards Iran. URL: <http://www.lboro.ac.uk/media/www/lboroacuk/content/phir/documentsandpdfs/topstudentessays/D%20Morgan%20-%20Dissertation.pdf> (accessed: 18.04.2019).
14. Wirth-Koliba, V. (2016). The Diverse and Dynamic World of 'Us' and 'Them' in Political Discourse. *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*, 8 (1), 23—37.
15. Hampl, M. (2017). The Representation of Social Actors in Conflicting Discourse. *Discourse and Ideology: Studies in Political Stylistics*, 66 (4), 56—69.
16. van Dijk, T. (2015). Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach. In *Methods of critical discourse analysis* (3rd ed.). London: Sage. pp. 63—85.
17. Mikhalyova, O.L. (2009). Political discourse: the specificity of manipulative influence. Moscow: Librokom. (In Russ.).
18. Palmer, F.R. (1976). Semantics (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
19. Ulanova, S.B. (2002). Deixis as a feature of nomination. In *Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of research*. Ryazan: RGPU. pp. 185—188. (in Russ.).
20. Bramley, N.R. (2001). Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of ‘self’ and ‘other’ in political interviews. URL: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/46225/6/02whole.pdf> (accessed: 18.04.2019).
21. Pakholkova, L.M. (2012). Several features of pragmatics of personal deixis in institutional political discourse (on the material of inaugural speeches by leaders of the FRG, the RF, the USA). *Vestnik of the Cherepovets State University*, 3(2), 119—122. (in Russ.).
22. Pennebaker, J.W. (2011). The secret life of pronouns: What our words say about us. New York: Bloomsbury Press.
23. Gerő, M., Plucienniczak, P., Kluknavska, A., Navrátil, J. & Kanellopoulos, K. (2017) Understanding Enemy Images in Central and Eastern European Politics. Towards an Interdisciplinary

- Approach. *Intersections. East European Journal of Society and Politics*, 3(3), 14—40. doi: 10.17356/ieejsp.v3i3.365.
24. Mukhortov, D.S. (2016). On several features of the lexical-semantic structure of the English pre-election discourse. *Political linguistics*, 9(1), 152—154. (in Russ.).
 25. Syomkin, M.A. (2011). The role of concepts in forming of stereotypes of public opinion. *Political linguistics*, 2(36), 162—165. (in Russ.).
 26. Van Dijk, T.A. (2015). Critical Discourse Analysis. In D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. New Delhi: John Wiley & Sons, Inc. pp. 466—485.
 27. Van Dijk, T.A. (2018). Socio-cognitive discourse studies. In Flowerdew, J. and Richardson, J.E. (eds.) *The Routledge Handbook of Critical Discourse Analysis*. London—New York: Routledge. pp. 23—46.
 28. Denton Jr., R.E. (1980). The Rhetorical Function of Slogans: Classification and Characteristics. *Communication Quarterly*, 28 (2), 10—18.
 29. Hodges, A. (2014). 'Yes, we can': The social life of a political slogan. In C. Hart, & P. Cap (eds.) *Contemporary critical discourse studies*. Bloomsbury. pp. 347—364.
 30. McConnell, F.D. (1971). Toward a Lexicon of Slogans, *The Midwest Quarterly*, 3(1), 69—90.
 31. Lahlali, E.M. (2014). The Discourse of Egyptian Slogans: from 'Long Live Sir' to 'Down with the Dictator'. *Arab Media and Society*. URL: https://www.arabmediasociety.com/wp-content/uploads/2017/12/20140926111357_Lahlali_Slogans_Final.pdf (accessed: 18.04.2019).
 32. Hart, Ch. (2014). *Discourse, grammar and ideology: Functional and cognitive perspectives*. London: Bloomsbury.
 33. Chilton, P. (2004). *Analyzing political discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.

УДК 81:659.441(73)"2000"

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-499-512

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТАХ 2000 ГОДА

Д.С. Мухортов, Е.А. Жовнер

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, г. Москва, Россия, 119991

Политический дискурс как знаковая система, в которой значение слова может зависеть от намерения говорящего, представляет участников дискурса с точки зрения категории «свои-чужие», одной из важнейших категорий политического дискурса. Начало XXI века является поворотным моментом в геополитике, политикам приходится изыскивать всё более искусные способы для привлечения избирателей на свою сторону. Прагмасемантический подход позволяет проанализировать дебатные выступления Дж. Буша-мл. и Альберта Гора с точки зрения как семантики, предметом изучения которой является значение слова, так и прагматики — дисциплины, которая в последнее время играет значительную роль в политическом дискурсе и занимается изучением ряда лингвистических аспектов, таких как ситуативный контекст и намерение говорящего. На примере предвыборных дебатов 2000 года можно увидеть, как абсолютно разные политики стремятся достичь одной цели при помощи различных языковых средств. Данные, полученные с помощью компьютерной программы Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC), подтверждают результаты исследования. Анализ категорий Pronouns, Positive/Negative Emotions и Tense Focus имеет особую ценность как

для данного исследования, так и для изучения политического дискурса в целом. В конкретном случае репрезентация категории «свой-чужие» происходит за счет местоимений *we* и *they*, выбора специфического вокабуляра и использования слоганов, анализ которых убедительно демонстрирует как одни приемы оказываются действеннее других и, как следствие, победа оказывается за тем выступающим, чьи дискурсивные тактики имеют больший манипулятивный потенциал.

Ключевые слова: прагмалингвистика, идиостиль, вербальное поведение политика, прагма-семантический анализ, социально-статусный тип языковой личности

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
2. *Антонова А.В.* Свойства массового сознания как мишени речевой манипуляции (на примере текстов предвыборных выступлений британских политиков) // *Политическая лингвистика.* 2010. № 1 (31). С. 79—83.
3. *Wierzbicka A.* (1996) *Semantics. Primes and Universals.* N.Y.: OUP, 1996.
4. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
5. *Сидоренко А.В.* Агональность как лингвистическое явление. 2013. URL: <http://pglu.ru/upload/iblock/18f/p30038.pdf> (дата обращения: 18.04.2019).
6. *van Leeuwen, B.* Absorbing the agony of agonism? The limits of cultural questioning and alternative variations of intercultural civility // *Urban Studies.* 2015. No 52 (4). P. 793—808.
7. *Mouffe Ch.* *On the Political.* London: Taylor & Francis, 2011.
8. *Мальшиева О.П.* Коммуникативные стратегии и тактики в публичных выступлениях (на материале речей американских и британских политических лидеров) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* 2009. № 96. С. 206—209.
9. *Wodak R.* Language and Politics. *Encyclopedia of Language and Linguistics* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan. P. 577—594.
10. *Pennebaker J.W., Tausczik Y.R.* The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods // *Journal of Language and Social Psychology.* 2010. No 29 (1). P. 24—54.
11. *Золян С.Т.* Семиотика и прагмасемантика политического дискурса // *Политическая наука.* 2016. № 3. С. 47—77.
12. *Wodak R.* Language and Politics. *English Language: Description, Variation and Context.* 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2018.
13. *Morgan D.* A Discourse of Legitimation: Beyond the ‘war on terror’ and towards Iran. 2016. URL: <http://www.lboro.ac.uk/media/www/lboroacuk/content/phir/documentsandpdfs/topstudentessays/D%20Morgan%20-%20Dissertation.pdf> (дата обращения: 18.04.2019).
14. *Wirth-Koliba V.* The Diverse and Dynamic World of ‘Us’ and ‘Them’ in Political Discourse // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines.* 2016. No 8 (1). P. 23—37.
15. *Hampl M.* The Representation of Social Actors in Conflicting Discourse // *Discourse and Ideology: Studies in Political Stylistics.* 2017. P. 56—69.
16. *van Dijk, T.* *Critical Discourse Studies: A Sociocognitive Approach* // *Methods of critical discourse analysis.* 2015. 3rd ed. London: Sage, 63—85.
17. *Михалева О.Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
18. *Palmer F.R.* *Semantics.* 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
19. *Уланова С.Б.* Дейксис как свойство номинации // *Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональные аспекты исследования: сборник научных трудов / под ред. Л.А. Манерко.* РГПУ. Рязань, 2002. С. 185—188.

20. *Bramley N.R.* Pronouns of Politics: the use of pronouns in the construction of ‘self’ and ‘other’ in political interviews. 2001. URL: <https://digitalcollections.anu.edu.au/bitstream/1885/46225/6/02whole.pdf> (дата обращения: 18.04.2019).
21. *Пахолкова Л.М.* Некоторые особенности прагматики персонального дейксиса в институциональном политическом дискурсе (на материале речей руководителей ФРГ, РФ и США при вступлении в должность) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3 (2). С. 119—122.
22. *Pennebaker J.W.* The secret life of pronouns: What our words say about us. New York: Bloomsbury Press, 2011.
23. *Gerő M., Plucienniczak P., Kluknavska A., Navrátil J., Kanellopoulos K.* Understanding Enemy Images in Central and Eastern European Politics. Towards an Interdisciplinary Approach // *Intersections*. East European Journal of Society and Politics. 2017. No 3 (3). P. 14—40. doi: 10.17356/ieejsp.v3i3.365.
24. *Мухортов Д.С.* О некоторых особенностях лексико-семантической структуры англоязычного предвыборного дискурса // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. 2016. № 9 (1). С. 152—154.
25. *Семкин М.А.* Роль концептов в формировании стереотипов общественного мнения // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 162—165.
26. *Van Dijk T.A.* Critical Discourse Analysis // *The Handbook of Discourse Analysis* / D. Tannen, H.E. Hamilton, & D. Schiffrin (eds.). John Wiley & Sons, Inc, 2015. pp. 466—485.
27. *Van Dijk T.A.* Socio-cognitive discourse studies // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Analysis* / Flowerdew J and Richardson JE (eds.). London/New York: Routledge, 2018. P. 23—46.
28. *Denton Jr. R.E.* (1980) The Rhetorical Function of Slogans: Classification and Characteristics // *Communication Quarterly*. 1980. No 28 (2). P. 10—18.
29. *Hodges A.* ‘Yes, we can’: The social life of a political slogan // *Contemporary critical discourse studies* / C. Hart & P. Cap (eds.). Bloomsbury, 2014. P. 347—364.
30. *McConnell F.D.* Toward a Lexicon of Slogans // *The Midwest Quarterly*. 1971. No 3(1). P. 69—90.
31. *Lahlali E.M.* The Discourse of Egyptian Slogans: from ‘Long Live Sir’ to ‘Down with the Dictator’. *Arab Media and Society*. 2014. URL: https://www.arabmediasociety.com/wp-content/uploads/2017/12/20140926111357_Lahlali_Slogans_Final.pdf (дата обращения: 18.04.2019).
32. *Hart Ch.* Discourse, grammar and ideology: Functional and cognitive perspectives. London: Bloomsbury, 2014.
33. *Chilton P.* Analyzing political discourse: Theory and Practice. London: Routledge, 2004.

For citation:

Mukhortov, D.S. & Zhovner, E.A. (2019). Us-versus-them polarization in the US presidential debates of 2000. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 499—512. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-499-512.

Для цитирования:

Мухортов Д.С., Жовнер Е.А. «Свои» и «чужие» в американских предвыборных дебатах 2000 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 499—512. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-499-512.

Information about the authors:

Denis S. Mukhortov, Ph.D. in Philology; Associate Professor, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: dennismukhortov@mail.ru

Elizaveta A. Zhovner, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *e-mail*: lisayka@mail.ru

Сведения об авторах:

Мухортов Денис Сергеевич, кандидат филологических наук; доцент кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: герменевтическое исследование политического дискурса, семантический анализ гипертекста, лексико-семантические и синтаксические трансформации при переводе речей политика; *e-mail*: dennismoukhortov@mail.ru

Жовнер Елизавета Андреевна, магистрантка кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; *научные интересы*: герменевтическое исследование политического дискурса, семантический анализ гипертекста, анализ стратегий и тактик в предвыборном дискурсе; *e-mail*: lisayka@mail.ru

УДК 811.512.122

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-513-521

THE KAZAKH LANGUAGE HAS THE ASPECT CATEGORY IN ITS MATRIX

F.A. Kakzhanova

Buketov Karaganda State University,
28, st. University, Karaganda, The Republic of Kazakhstan, 100028

Abstract. The subject of the article is the absence of an aspect category, expressing main ideas of sentence propositions in the morphology of the Kazakh language and the conceptual confusion of the aspect category with tense category in the Kazakh language, which create certain difficulties not only in learning of the Kazakh language but also making correct translation from Kazakh into other languages or vice versa. It has no official title, fixed in academic dictionaries, in spite of having objective content plans and expression plans in the Kazakh language.

There are different opinions about the aspect category in the Kazakh language, some linguists consider, that there is the aspect category in the Kazakh language, others deny it. The result is the aspect category has not been presented in the morphology of the Kazakh verbs.

The article is devoted to analyzing the objective prerequisites creating the aspect category in languages, including the Kazakh language and reasons of appearing of subjective negations of the aspect category in this language.

Key words: aspect, single continuum, content plan, expression plan, set theory, discrete meaning, cognitive dissonance.

INTRODUCTION

It is difficult to assert what is denied.

There are different opinions about aspect category in the Kazakh language, some linguists consider that the Kazakh language has the aspect category, some of them deny the existing of it in it. The result is that the Kazakh grammar text-books have no the verbal aspect category in a verb morphology content.

According to N. Sauranbayev, *‘the aspect category still remains a problem in the Kazakh language and in other languages of the Turkic system. Some scholars believe that in general such a category is missing in the Turkic languages’* [1. P. 125—145].

‘In my opinion, to look for the verbal aspect in the Kazakh language is to waste time’ [2. P. 144].

‘There are a lot of problematic issues in Turkology. The problem of the verbal aspect is the most acutely debatable and extremely confusing’ [3. P. 62].

In spite of these opinions, the objective Kazakh language has a set of developed planes of aspect contents and planes of aspect expressions, it will be proved by the objective prerequisites for the existence of the aspect category in the objective Kazakh language.

1. DISCUSSION

The aim. The aim is to identify the objectively existing aspect category and establish its status in the Kazakh language.

The methods of investigation. It was impossible to search of the aspect category of the Kazakh language by postulates of the traditional existing aspect theory, that is why non-paradigmatic and axiological methods through the identification of problems, hypotheses are used.

Investigation results. The objective Kazakh language has all objective prerequisites to have the verbal aspect category. Objective prerequisites creating the basis for the aspect category in the objective Kazakh language had been analyzed to identify and establish the status of the aspect category in the Kazakh language, which are not taken into account. They are the following:

- *verb seme, based on the fractal-quantum properties, generates all verb categories: aspect, tense, voice, mood, number, person;*
- *presence of the aspect content plans in the World View of native Kazakh speakers;*
- *presence of the aspect expression plans in the Kazakh language and its peculiar features* [4. P. 4].

If all these objective prerequisites exist in the Kazakh language, then, undoubtedly, it has the aspect category.

Each language has its own development synergetics, based on a language matrix and an internal determinant inherent to each language.

The first objective prerequisite to have the aspect category is that the Kazakh language should have a verb category, where a verb seme as a semantic unit, carrying the meaning of a word, based on fractal-quantum properties, creates all verb category meanings: tense, mood, voice, number, person, including an aspect category. Having six verb categories thanks to generating property of verb seme, the verb is the center of sentence proposition in syntax semantics.

When a verb is *not* in syntax semantics, it is just a verb, all verb categorical meanings are implicit in the form of just 'dozing', when a verb is in statics, for example, 'oku- to read', one can see only the denotative meaning of the verb, and its phonetic shell. As soon as the verb begins to function in syntax semantics (*okyp zhatyrmyn* — am reading; *okyp boldym* — have read), the verb 'transforms' its implicit categorical meanings into an explicit form.

The morphological form of the verb 'oku' — to read is transformed into different predicates in syntax: (1) *okimyn* — reads; (2) *okyp zhatkan* — was being read and all categories of the verb function in this single continuum of expression and each of them expresses its own discrete meaning:

- aspect: (1) fact; (2) process;
- tense: (1) present and future tenses (such a phenomenon exists in the Kazakh language when one infix (-i, -okimyn) expresses two grammatical forms, that is, two meanings are in one form); (2) the past;
- voice: (1) active; (2) passive;
- mood: (1), (2) indicative;
- person: (1) — I, (2) — all persons;
- number: (1) — singular; (2) plural.

Since each verb category (aspect, tense, voice, mood, person, and number) does not have its own expression plan, they all function in a single continuum of expression. In spite of they function in a single continuum of expression, each of them keeps its discrete meaning in it and expresses it in syntax semantics, describing a verb from different side, based on their discrete meanings.

Such a single continuum of expression is inherent practically to all languages and it is planned in the matrix of languages. A single continuum of verb expression is a unique phenomenon, it is a closed environ that does not miss any verb category from it and does not accept any other language unit from outside. It means that it is impossible to deny the aspect category from this closed continuum of expression, if one denies the aspect category, in that case one has to deny the other verb categories: tense, voice and others, functioning together with the aspect in this single continuum of expression. This fact makes possible to assert that all languages having a verb are aspectual, temporal and etc., despite the subjective opinions that some languages are considered to be temporal (Turkic, including Kazakh) or aspectual (Slavic languages).

But these categories in a single continuum of expression sometimes have a ‘fusion effect’ making difficult to perceive each separate category meaning of a verb: tense, aspect, voice, mood, person and number, which is one of reasons of negation.

Conclusions:

- the Kazakh language has a verb category;
- the Kazakh verb semes have a generating property;
- verb seme generates all verb categories, including the aspect category;
- the Kazakh verb categories, including the aspect category, function in a single continuum of expression;
- when functioning in a single continuum, all verb categories keep their discrete meanings;
- it is impossible to throw out any verb category from a single continuum of verb expression and it is inherent to all languages, including the Kazakh language;
- the Kazakh verb shows all verb categorical meanings, including the aspect category (okymyn — *factual*, okyp otyrmyn — *process aspect + the other meanings of verb categories*), it means that the objective Kazakh language has the aspect category in its matrix.

The second objective prerequisite that indicates the existence of the aspect category is the presence of an aspect content plan in the World View of people, speaking the Kazakh language.

There are a lot of actions in the life of people, but these four actions are the main types of actions: process, protracted, result, and fact and they have their subaspects.

The area of using of these aspect content plans are:

1. Action — process. The plan of content is process. Process is the main necessary stage of actions to transit to a new stage.
2. Protracted action. The plan of content is protracted actions. It expresses also actions started, but not completed because of interrupting by other actions and such actions have further continuation.
3. Result action. The plane of the content is a completed action. Actions in their inner development come to a logical end of development and reach a completely new stage.

4. Fact actions. The plan of content of fact actions is widely spread and quite common. Fact actions cover systematic iterative actions, actions of alternating sequence, instant actions and others.

Conclusions:

— aspect *content* plans express an internal action structuring or inner stages of action development: action-process, action-result, action-fact, prolonged action, etc;

— the main aspect content plans are present in the life of each person, including the life of speakers of the Kazakh language. Human being life is measured by actions and they can not live without actions, which are the aspect content plans.

Thus, the Kazakh language has the second prerequisite, indicating the existence of the aspect category in the World View of the Kazakh people.

The third objective prerequisite for the aspect existence is the presence of aspect expression plan in the Kazakh language. An expression plan is a linguistic phenomenon that fixes the content plans of World View with language means. In order to have the aspect category in languages they should have the aspect expression plans. The Kazakh language is an agglutinative language. The agglutinative language uses different agglutinations.

When analyzing any linguistic phenomenon in the Kazakh language, we often consider it in terms of an agglutinative language, for example, if it is the aspect expression plan, it would be logical to assume that the aspect expression plans should be based on the laws of the agglutinative language. If we do not find an agglutinative nature of language phenomenon in this language, probably this phenomenon will be denied, as it happened with the aspect category in the Kazakh language.

Pure analytic, agglutinative or inflectional languages do not exist, each language has a synthesized form of these enumerated forms, the only difference is that one of these structures dominates in some languages, for example, agglutination in the Kazakh language.

Despite the ‘absence’ of the aspect category in the Kazakh language, we see a single continuum of expression with the aspect category. A single continuum of verb expression in the Kazakh language has: a synthetic form, with elements of agglutination (*okidy*) and an analytical form (*okyp zhatyrmyn*) also with elements of agglutination. These examples of the Kazakh language indicate that the objective Kazakh language has language means for the manifestation of the aspect category.

The formula of the synthetic single continuum of verb category expression of the Kazakh language consists of any semantic Kazakh verb + agglutinations: *aitamyn* — **say**, *koremin* — **see** and express the fact aspect, in spite of the opinions that only the verbs: *zhaty* — *to lie*, *otyry* — *to sit*, *ury* — *to stand*, and *zhury* — *to go* can express synthetic predicates.

The formula of the analytical form of the single continuum of verb category expression consists of *gerund* + *auxiliary verb* + *agglutinations*: *okyp bolamyn*, *okyp tastadym*, where *okyp* is the gerund; -a — the indicator of the Future Tense; *bol-*, *tasta-* are auxiliary verbs; and -myn, -dym, are agglutinations.

Plans of the aspect expressions are the single continuum of expressions, which are different in languages, that is why it is impossible to search for the Kazakh aspect

expression plans on the basis of the aspect expression plans of the Russian, in spite of they belong to one the same synthetic languages, because they have an inner divergence.

Conclusions:

— there are two types of plans of aspect expressions in the Kazakh language: synthetic with agglutinations (*okimyn*) and analytical + agglutinations: (*okyp zhatyrmyn*), they state that the Kazakh language has the plans of aspect expressions in its matrix in the form of single continuum of expression;

— a single continuum of expression expresses all verb category meanings: aspect, tense, voice, mood, person and number.

The Kazakh language has all three prerequisites for having the aspect category mentioned at the beginning of the article:

- 1) verb category with its seme generative property;
- 2) presence of the aspect content plan in the Kazakh speakers' World View;
- 3) presence of the Kazakh aspect expression plans.

They testify to the existence of the aspect category in the Kazakh language. If linguists could not discern this category in a single continuum of expression because of 'fusion effect', is it the reason to state that the aspect category is absent in the Kazakh language?

Having all prerequisites for the existence of the aspect category and it actually functions in this language, what are reasons of appearing of opinions, conclusions denying the existence of the aspect category in Kazakh language?

There are so many reasons of negation of the existence of the aspect category in the Kazakh language. One of the main reasons of negating besides 'fusion effect' is contradictory conclusions and judgments about the aspect category on the basis of 'cognitive dissonance'. 'The cognitive dissonance theory' was proposed by L. Festinger [6]. Cognitive dissonance occurs when there are conflicting judgments about the same concept, phenomenon, in this case it is the aspect category.

Some linguists believe that the aspect category exists; others, on the contrary, deny its existence in the Kazakh language. Different contradictory conclusions about the same concept do not pass without leaving a trace, creating in 'the *minds conflicting series of representations, opinions and ideas*' [6]. Such situation causes doubt and uncertainty about the correctness of judgments. At the end, there comes a moment of acceptance of one of the dominating ideas or conclusions on the topic being investigated, like 'irrefutable argumen' of the proof.

In 1956, a coordination meeting on the most complex topics on the verbal aspect and others in Turkic languages was held in Almaty, convened by the USSR Academy of Sciences and the Institute of Language and Literature of the Kazakh SSR Academy of Sciences, where prominent Türkologists and Kazakh scholars were. They were B.A. Serebrennikov, N.A. Baskakov, L.N. Kharitonov, N.T. Sauranbayev, M.B. Balakayev, I.E. Mamanov, A.I. Kharisov, N.T. Sauranbayev, N.Z. Gadzhiyeva, M.Sh. Shiraliev, S.A. Amanzholov, G.G. Musabaev, A.A. Yuldashev, E.N. Shipova, I.P. Pavlov, V.G. Karpov, Yu.D. Desheriyev, G.D. Sanzheev, I. Uykbaev and others.

This meeting was an important event of that time, it meant that the aspect category was an important category in linguistics and that the problems existing in the aspect category in Turkic languages would be solved.

Some scholars believed that the aspect category in the Turkic languages existed; others considered this category is problematic one in these languages. Proponents of the first direction argued the existence of this category in the Turkic languages without pointing the peculiar features of the aspect category in the Turkic languages. Proponents of the second direction believed that the verbal aspect category in the form that was inherent to Slavic languages did not exist in the Turkic languages and there was lack of explanatories from their side.

In the final speech, B.A. Serebrennikov said, ‘summarizing all our considerations regarding the grammatical aspect category in the Turkic languages, we can draw the following conclusions:

1) the aspect theory in the Turkic languages, proposed by V.A. Bogorodsky and N.K. Dmitriev, was based on a logical understanding of the grammatical category, therefore it can not be accepted;

2) there is no the aspect in the Turkic languages. The combination of gerunds with auxiliary verbs, although they have an aspect meaning, but it does not form a grammar aspect category, since the completeness and duration of action in them are always complicated by an additional shade. Verbs that are combined with various auxiliary verbs could be called aspect classes, but not aspects, they have the aspect meaning, but do not form the aspect category;

3) some past tenses in the Turkic languages also have the aspect meanings. Their aspect meanings are more abstract and they are not associated with an additional shade. However, these tenses do not pass through the entire conjugation system and therefore they do not form the grammatical aspect category [7. P. 29—30].

The essence of the first B.A. Serebrennikov’s remark was, ‘according to N.K. Dmitrieva’s opinion about the idea of the aspect category in the Kumyk language, ‘the aspect category is expressed by gerundial constructions, and besides it is expressed by the past tense in the indicative mood. The ‘idea about the aspect’ in this case is nothing else than a logical aspect category existing first in our consciousness. This logical aspect category in a language can sometimes have its own expressions, but sometimes it has no it. However, the grammatical aspect category, according to the logisticians, does not cease to exist because it is, above all, an idea’ [7].

Counterargument to the first conclusion. Thinking and its main tool — logic are always in relationship with the language for the adequate transferring of deep structures to the surface. If thinking is an instrument of judgment, opinion, reflection which represents the ‘deep structure’ (N. Chomsky, 1957), or its a content plan, then the language is its expression plan, which transforms it to ‘surface structure’. Both of these tools belong to a man. By the definition of O. Shor, *‘there is no a single word in a language, not a single syntactic or morphological phenomenon, which in its origin and development would not be due to the needs of thinking’* [8; 9]. If language does not express thoughts, why do we need language?

A person will not utter a meaningless sentence, since logic always strictly checks the meaning of what is said from the point of view of language, for this reason such a sentence as ‘trees eat apples’ which is perfect from the point of grammar (syntax), but not from the point of meaning. Such a sentence is not permissible (this sentence can be pronounced, but a person who says this will not be accepted to a healthy society). Language conveys only that which is the result of thought processes and it in its turn, must be an objective reflection of reality. Language does not create a deep structure, i.e. the semantic part; it only encodes the results of thought processes and transmits orally or in written form with the help of linguistic units according to the laws of logic to surface. The grammar as a component of the language cannot ignore mind, since grammar usage is determined by contextual syntax semantics, i.e. sentence proposition based on logics.

R. Langacker in his work ‘Cognitive Grammar’ (1987) assigns semantics a central place in grammar, considering it the main in a language.

‘The meaningfulness of grammar becomes apparent only with an appropriate view of linguistic meaning. In cognitive semantics, meaning is identified as the conceptualization associated with linguistic expressions [9. P. 4].

R. Jackendoff (2002) considers that ‘language is instantiated in the minds and therefore the brains of language users, so that linguistics is to be regarded as a branch of psychology’ [10. P. XIV].

Concept meaning (Cm) and language meaning (Lm) represent two pieces of a single human cognitive process: decision-making (Cm) in conceptual structure and its interpretation (Lm) in surface structure. Such duplication of the meanings of the concept ☼ and the word ‘sun’ is a prerequisite for the synchronization of deep and surface structures and the appropriate transformations from the former to the latter. The distinction between the concept ☼ and the word ‘sun’ in their form. They have the same functions (concept and lexis functions), because functions depend on Cm and Lm, they are the same [11. P. 20 —21].

Language can not exist without logics, i.e. without plans of contents.

Counterargument to the second conclusion. If the combination of *gerund with an auxiliary verb(s)* has the aspect meaning and it means that it is the plan of the aspect expression and this single continuum of expression expresses all other meanings of verb categories. A plan of expression (the gerund: *okyp* + the auxiliary verb: *otyrmy*) exists if there is a plan of content (process aspect), if both plans (content and expression) are available, then there the aspect category exists.

Counterargument to the third conclusion. Verb tense and verb aspect are two independent, autonomous discrete categories, such autonomous meanings of these categories are planned a priori in the language matrix, and they never participate in creating of meaning of each other. For example, both predicates (1) *istedi — did*, (2) *istep boldy — have done* express the past tense, but, regardless of this, they express different aspects: (1) factual (2) result, besides it expresses other verb categorical meanings.

The past tense is not the indicator of the result aspect; it is only the indicator of the past tense and no more. The aspect expresses an internal action development stages, tense simply localizes the action on the time line.

2. THE MAIN CONCLUSIONS

The results of analyses show, that the Kazakh language has a set of developed aspect category. It has the plans of contents and its own plans of expressions. It is impossible not to have the aspect category in languages, including the Kazakh language, the aspect category is one of the dominant verb categories, expressing different types of actions inherent to human being, which reveals the essence of each sentence proposition.

© Какжанова Ф.А., 2019

Дата поступления: 12.03.2019

Дата приема в печать: 15.04.2019

REFERENCES

1. Sauranbaev, N.T. (1982). Problems of Kazakh linguistic. Almata: Science Press. pp. 12—17. [In Russ.].
2. Amanzholov, S.A. (1958). Problems of the verbal aspect in the Turkic languages. In *Questions of the grammar of the Turkic languages*. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. pp. 41—44. [In Russ.].
3. Balakaev, M.M. (1958). Problems of the verbal aspect in the Turkic languages. In *Questions of the grammar of the Turkic languages*. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. pp. 62. [In Russ.].
4. Kakzhanova, F.A. (2015). The Aspect category and its subspects in the Kazakh language. Karaganda. [In Russ.].
5. Kantor, G. (1985). Works on Set Theory. Moscow: Nauka. [In Russ.].
6. Festinger, L. (1999). Theory of cognitive dissonance, Trans. from English A. Anistratenko, I. Znaesheva. SPb.: Yuventa. [In Russ.].
7. Serebrennikov, B.A. (1958). Problems of the verbal aspect in the Turkic languages. In *Questions of the grammar of the Turkic languages*. Alma-Ata, Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. pp. 29—30. [In Russ.].
8. Shor, R.O. & Chemodanov, N.S. (1945). Introduction to linguistics. Moscow: State Teaching and Pedagogical Publishing House of the People's Commissariat of Education of the RSFSR. [In Russ.].
9. Langacker, R.W. (2008). Cognitive Grammar. Basic Introduction. Oxford: Oxford University Press.
10. Jackendoff, R. (2002). Foundation of Language. Oxford: Oxford University Press.
11. Kakzhanova, F.A. (2013). Views on Grammar. USA. Fast Pencil. 2013. pp. 21—22.

УДК 811.512.122

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-513-521

О КАТЕГОРИИ АСПЕКТА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.А. Какжанова

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
Ул. Университетская, 28, Караганда, Казахстан, 100028

В статье исследуется проблема категории аспекта, выражающей на морфологическом уровне главную идею предложения на казахском языке. Автор исследует концептуальное смешение категорий аспекта и времени в казахском языке, что приводит к определенным трудностям не только в про-

пессе обучения языку, но и в ходе перевода с казахского языка на другой, и наоборот. Категория аспекта не имеет зафиксированного академическими словарями значения, несмотря на то, что у нее есть объективный план содержания и выражения в казахском языке.

Существуют разные мнения о категории аспекта в казахском языке: некоторые лингвисты признают ее существование, другие отрицают. Однако категория аспекта не представлена в морфологии казахских глаголов.

Статья посвящена анализу объективных предпосылок создания аспектной категории в языках, в том числе казахском, и причинам появления субъективных отрицаний аспектной категории в названном языке.

Ключевые слова: аспект, единый континуум, план содержания, план выражения, теория множеств, дискретное значение, когнитивный диссонанс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сауранбаев Н.Т. Проблемы казахского языкознания. Алмата: Наука Пресс, 1982. С. 12—17.
2. Аманжолов С.А. Проблемы словесного аспекта в тюркских языках // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1958. С. 41—44.
3. Балакаев М.М. Проблемы словесного аспекта в тюркских языках // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1958.
4. Какжанова Ф.А. Категория Аспект и ее субаспекты на казахском языке. Караганда, 2015.
5. Кантор Г. Работает над теорией множеств. М.: Наука, 1985.
6. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. с англ. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента, 1999.
7. Серебренников Б.А. Проблемы словесного аспекта в тюркских языках // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1958. С. 29—30.
8. Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языкознание. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Народного комиссариата просвещения РСФСР, 1945.
9. Langacker R.W. *Cognitive Grammar. Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
10. Jackendoff R. *Foundation of Language*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
11. Kakzhanova F.A. Views on Grammar. USA. Fast Pencil, 2013. P. 21—22.

Для цитирования:

Какжанова Ф.А. О категории аспекта в казахском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 513—521. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-513-521.

For citation:

Kakzhanova, F.A. (2019). The Kazakh language has the aspect category in its matrix. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 513—521. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-513-521.

Сведения об авторе:

Какжанова Фазира Айдархановна, кандидат филологических наук, доцент, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова; *научные интересы:* проблемы семантики, семантика синтаксиса, функциональная грамматика, и отдельные аспекты морфологии (категория аспекта, категория падежа, модальность, нефиниты и др.); *e-mail:* fazira11@mail.ru

Information about the author:

Fazira A. Kakzhanova, PhD in Philology, Associate Professor, Karaganda State University. E.A. Buketova; *research interests:* problems of semantics, semantics of syntax, functional grammar, and certain aspects of morphology (category of aspect, category of case, modality, nonfinite, etc.) *e-mail:* fazira11@mail.ru

УДК 81:316.77:372.881.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-522-531

FOSSILIZATION, COMMUNICATIVE RATIONALITY AND COMMUNICATION STRATEGIES IN SECOND LANGUAGE LEARNING

Zhanna Vavilova¹, John T. Broadbent²

¹Kazan State Power Engineering University
51, Krasnoselskaya Str., Kazan, Russia, 420034

²Professional Education for Academic Requirements (PEAR) Academy
2/127, Rundle Mall Level, Adelaide, Australia, SA5000

Abstract. Fossilization was first defined in 1972 as a failure, or an ultimate attainment in adult second language acquisition that falls short of native-speaker competence. It represents a final stage in the interlanguage development of the individual learner and characterizes all but a very few adult second language learners.

Over the 40 years or so since the term appeared, fossilization in adult second language acquisition has come to be widely accepted by scholars as a genuinely existing phenomenon. Fossilization is now viewed as permanent and resistant to correction either through instruction or acculturation. However, no universally accepted definition or explanation of fossilization has achieved universal acceptance.

This paper attempts to add an extralinguistic perspective on fossilization and its possible outcome in the communicative practice of adult L2 speakers by building a bridge between linguistics and teaching languages, on the one hand, and philosophy of communication, on the other. Habermasian concept of communicative rationality is applied to demonstrate that oratory and writing skills ensure a more significant role in a dialogue, which seems to be sufficient grounds for fighting fossilization.

In terms of the theory of speech acts, the paper attempts to trace the mechanism of fossilizing in a transition from the inner space of an individual consciousness and intent (illocution) to the outer space of the perlocutionary consequence when a locutionary distortion of the speech itself does not affect the speaker's intent and he / she receives no feedback of the error made. Several factors inhibiting the effectiveness of such corrective feedback are touched upon, as well as certain strategies adopted by second language learners in their communicative efforts.

Key words: Fossilization, Second language learning, Communicative rationality, Communication strategies, Speech acts theory

1. FOSSILIZATION: BACKGROUND AND CURRENT ISSUES

Fossilization in adult second language acquisition was first defined by Larry Selinker in 1972, as an ultimate attainment in L2 acquisition that falls short of native-speaker competence [1]. The acquired language ceases developing and fossilizes into an interlanguage. In that respect, it stands in stark contrast to child L1 acquisition which is almost universally entirely successful where success is defined as total mastery of the target language. Fossilization represents lack of mastery of the target language despite continuous exposure to it, motivation to succeed and opportunity for practice. However, it has been pointed out that each individual learner's ultimate attainment is unique to them. It may include native-like competence in some aspects of L2, but not

in others. Failure is therefore differential between learners — even learners sharing similar or identical learning circumstances; and also within learners — total mastery in some respects, but falling short in others.

Over the 40 years or so since Selinker first coined the expression, fossilization in adult second language acquisition has come to be widely accepted by linguists as a genuine and universal phenomenon. Apart from gaining this recognition, acceptance of the reality and persistence of fossilization has prompted some advance in understanding and responding to the diverse manifestations of ultimate attainment in L2 acquisition. Conceptual frameworks have been proposed, within which to understand works on fossilization, backed with a collection of empirical and analytical studies that help ameliorate both the definitional and empirical shortcomings of contemporary fossilization research [2]. The phenomenon is undergoing elaboration, with various allotypes distinguished — for instance, a term ‘pragmatic fossilization’ has been introduced to define the inability to use discourse markers that may bear little semantic load but help to sustain the flow of a conversation [3].

However, in the years that have elapsed since Selinker introduced the notion, there has not been much uniformity in defining and interpreting fossilization and therefore explanatory accounts have been widely disparate, leading to more confusion than clarity in the literature with some researchers associating fossilization with slow-learning; others connecting it to habitual errors; some seeing it as an empirical phenomenon, others as an explanation for other learning phenomena [2]. Without an agreed definition of fossilization, and therefore understanding of what this persistent lack of mastery of L2 language means, it is hard to see how second language acquisition theory can make any progress in this area.

Taking into consideration that for the moment idiosyncratic perspectives on fossilization persist, it appears important to unite them within a framework that would be able to encompass several linguistic models. Speech act theory as well as the concept of communicative rationality seem to be able to provide such basis to make it possible to view fossilization not as a strictly linguistic phenomenon related to teaching and learning languages but as one of the elements of the communicative process in cross-cultural settings.

2. FOSSILIZATION IN THE LIGHT OF COMMUNICATIVE RATIONALITY

Viewed from an extralinguistic social perspective, linguistic processes make up the technologies of social interaction. At the root of Jurgen Habermas’s universal pragmatics lies a model of linguistically mediated interaction regulated by norms in a certain community [4]. His approach may be applied to explain the principles of symbolic reproduction of the ‘lifeworld’, that is, the individual’s linguistically shaped cognitive horizon, based on practices and assumptions that are very much taken for granted in a certain social group. As far as transmitting this lifeworld to a member of another group is concerned, the notion of linguistic mediation should be studied more carefully, especially if it is a matter of cross-linguistic communication. If we often fail to understand a friend, a colleague, a relative — someone who belongs to our circle —

what kind of understanding can we hope for in speaking to a foreigner, when one or both of the interlocutors lack competences acquired through the processes of language learning and socialization and thus have difficulty in comprehension or expression?

Habermas put forward the idea of replacing the paradigm of knowledge of objects with that of mutual understanding between subjects [4]. Bringing this idea into the realm of language use, the knowledge of phonological and grammar correctness cedes to communicative competence and attainment of one's communicative goal, that is the achievement of mutual understanding. It is true that instrumental rationality — phonological and grammatical correctness — may be viewed as necessary to achieve effective interpersonal linguistic communication. As Hymes put it, it is not just knowledge, but an ability to use it effectively that makes up one's competences [5]. However, it is surely simplistic to see fossilization merely in terms of lack of knowledge and competence and, in this respect, a cause of considerable communicative disruption and failure, at least on the interpersonal level. In fact, L2 learners may even be able to communicate successfully for their immediate purposes, that is achieve certain instrumentality, but also achieve an even higher level of communicative competence. In her study, R. Shapira describes a case of Zoila, a young Spanish-speaking woman, a Guatemalan immigrant into the USA, whose process of L2 acquisition seems to have been totally arrested at a fairly rudimentary stage and showed no evidence of development over the three years that she was the subject of study, not just because she passed a certain age of natural language acquisition, but to a great extent because she developed necessary skills to be able to communicate for living [6]. The author argues that since Zoila had an instrumental rather than integrative motivation, her performance had reached a certain point at an elementary stage in the process of language acquisition which satisfied her needs but had not improved since. Once she reached her immediate goal in her daily communicative practices, she made no further attempts to improve her language performance.

Going back to the concept of communicative rationality, good oratory and writing skills lead to a better argumentation and ensure a more significant role in a dialogue than a mere wish to be understood. In which case, advanced L2 learners have a better claim in the Habermasian dialogue, however inclusive it is supposed to be. Still, in practice, L2 learners are often content with their performance, especially if, unlike Zoila, they are not exposed to the target language outside the classroom.

In terms of the theory of speech acts which was also applied by Habermas to substantiate his communicative rationality concept, we may trace the mechanism of fossilizing in a transition from the inner space of an individual consciousness and intent (illocution) to the outer space of the perlocutionary consequence when a locutionary distortion of the speech itself does not affect the speaker's intent and he / she receives no feedback of the error made. Though it was initially applied to explain illocutionary forces employed by speakers of a linguistic community [7], the same criterion of achieving conditions of satisfaction may be applied when analysing communicative practices between speakers of different communities. Condition of satisfaction is a criterion of successfulness of speech which is here related to an adequate receiver's reaction, rather than to achieving grammatical or phonological correctness of the utterance.

The importance of teaching how to manage speech acts has become salient ever since the competence approach started replacing the cognitive paradigm. Speech acts in second language teaching became not merely a subject of study or an aim to be achieved; they comprise certain patterns that organise the teaching process itself. For the study of fossilization, feedback as an element of a speech act, is especially important, for it is not just an indicator of pragmatic success, but a crucial factor having a certain impact on language attainment.

If the feedback contains a certain correction of the statement that bears an error or a mistake, it may serve as an instruction for the L2 learner. However, not every instructive feedback serves to tackle fossilization [8. pp. 72—73]. It is another point about fossilization that needs further research. Profound differences of opinion exist as to the effectiveness of correction in averting fossilization in L2 acquisition. Among the factors inhibiting the effectiveness of correction could be the following:

(a) inconsistency on the part of L2 teachers in identifying and drawing attention to errors and in the form of correction they apply;

(b) the teaching materials used;

(c) inter-student talk — which will be in varying levels and forms of interlanguage and likely to be as influential in the development of individuals' interlanguage as the model provided by the L2 teacher;

(d) the linguistic competence of the teacher, especially if he / she is not a native-speaker of the target language;

(e) the teaching strategies employed;

(f) the opportunities that exist outside the classroom for practising the target language.

It might appear that the best kind of feedback is one indicating that the speaker has been understood, but at the same time providing the correct pattern or pronunciation for the same utterance. However, in the classical study cited above, while the student is sensitive to the subject and mood of the conversation, she is not at all sensitive to the language model that the native speaker provides. On the contrary, the researcher adapts her own speech to match that of the learner while the learner is providing the model for the native-speaker's speech.

Zoila: Do you think is ready?

Shapira: I think is ready.

Zoila: Why she's very upset for me?

Shapira: S. is upset for you?

Zoila: Yeah, is [6. p. 247].

This often happens in places where a language may fossilize into a genuine creole, on the level of whole communities, and not just into an idiolect, on the level of an individual language learner. As long as all members of communities share this language variety, each one having a better opportunity to achieve their communicative goals through its use, fossilization persists. For instance, in Malaysia, where 'Manglish', a kind of creole, is a normal form of discourse both between and within the different racial groups that make up the majority of Malaysian society — Malay, Chinese and Indian,

the L1 model of English used by expat native English speakers is hardly ever adopted by locals. Instead, English speakers commonly and quickly adopt the speech-model of Manglish which became a communicatively more successful option for this specific setting than “standard” English. It has become a kind of friendly patois even among those who would be expected to follow all norms and standards of English, e.g. English teachers who live and work in Malaysia. These adjustments can be viewed as steps towards the mutual understanding and dialogue argued for by Habermas. In intercultural communication, it is not only the task of L2 speakers to turn their illocutionary force towards a pragmatic outcome. It is also a challenge for native speakers to be able to understand them, thus overcoming the other’s fossilization.

3. COMMUNICATIVE STRATEGIES IN SECOND LANGUAGE LEARNING

To demonstrate the points made in this paper, conversation analysis was applied as a tool of verbal interaction research in naturally occurring linguistic environments. The data for the analysis have been gathered during the years of the authors’ language teaching practice.

The transcripts of conversations have been analyzed and relevant to the study extracts have been classified according to Ellen Bialystok’s taxonomy of communication strategies that are commonly adopted by second language learners in their attempts to convey ideas and information for which they have insufficient (L2) language [9]. Her discussion of communication strategies stands as a very useful insight into the processes that may lead to L2 fossilization. These strategies are very familiar to language teachers and to anyone who has attempted, from adolescence, to learn a second or subsequent language. They are all contrivances, that make evident the participation of the conscious mind in the process of acquiring a second language, a mind familiar with the concept of system in language (L1) and aware that L2 must itself be systematic even if that system is only partially known or understood.

Bialystok distinguished between L1 and L2-based strategies, the former including the language switch, foreignizing, and transliteration. To the latter belong semantic continuity, description, and word coinage.

3.1. Language switch

Language switch occurs when the learner incorporates words and phrases from L1 into a target-language utterance.

- (1) Hear *loceng api*, all go out!
Malay L1 *loceng api* (fire-alarm) + English L2
‘When you hear the fire-bell, you must all go outside!’

This is an example of a widespread convention; the instruction is in English but it does not use the simple word ‘fire-alarm’ or ‘fire-bell’.

- (2) *Kil ale skorei!*
Tatar L1 *kil ale* (come please) + Russian L2 *skorei* (faster)
‘Please come faster!’

Tatar, belonging to the group of Turkic languages and spoken as the mother tongue mostly by Tatars who dwell on the territory of Russia, is in a rather asymmetrical relationship with Russian, which often results in fossilization both with Russian and Tatar speakers [10]. This often produces a variety of peculiar utterances which are usually understood by everybody, irrespective of their mother tongue.

Another good example of language switch is that of native-English speakers, expats living in Holland, who often use Dutch words to convey something which exists in English but has a context in Holland which is quite distinctive. The word ‘*zolder*’ is used to denote an attic, but whereas in England, the word ‘attic’ conveys a sort of a store-room under the eaves, perhaps entered by a drop-down ladder, in Holland it may be a furnished bedroom, a workroom, even a laundry, under the eaves, approached by a flight of stairs. So English speakers in Holland use ‘*zolder*’ even when speaking English to refer to that kind of attic. Another example would be the Russian word ‘*dacha*’ which is often used in English with reference to a little rural hideaway, a holiday home, not a permanent dwelling.

3.2. Foreignizing

In case of foreignizing the L1 language item stands for ‘the creation of non-existent or contextually inappropriate target-language (L2) words by applying L2 morphology and / or phonology to L1 lexical items’ [9, p. 10].

- (3) *Fingerpoken ist verboten!*
 English L1 + German *ist verboten* (is forbidden)
 ‘Please do not poke fingers at...!’

Here ‘*Fingerpoken*’ is a mock-German word, devised from an English (L1) phrase — ‘poking fingers’ — and given a German (L2) form, either for humorous reasons, as a warning to children or to make up for a genuine L2 deficiency. The words are English — though ‘finger’ is also German — but put into a mock German verbal form.

- (4) *Kibette skidkalar barmy?*
 Tatar L2 *kibette* (in the shop), *barmy* (is / are there?) + Russian L1 *skidka* (discount) + plural Tatar suffix *-lar*
 ‘Is there a discount in the shop?’

In an authentic Tatar utterance the word for discount would be in singular, so the Russian speaker is mistakenly putting the word that he / she does not know in a form that would be appropriate in Russian. Considering a great number of Russian loan-words in Tatar and numerous semantic doubles that emerged both from borrowing and translating words [11], this sounds quite a natural utterance even for a native Tatar-speaker.

3.3. Transliteration

Transliteration implies use of L2 lexis and structure to form a usually non-existent literal translation of an L1 word or phrase.

- (5) Everybody please to wear their *swimvest!*

Here, an L1 German speaker ‘anglicises’ a German word ‘*Schwimmweste*’ to convey the actual English expression ‘life-jacket’.

3.4. Semantic continuity

Semantic continuity means use of a lexical item similar in meaning to the target item selected from the learner's limited L2 vocabulary — e.g. 'porte' (door) selected in lieu of 'barriere' — intended, but unknown — to refer to a gate into a field. It is a way of conveying something for which a specialised term exists but the speaker does not know it. Usually it works adequately and the interlocutor understands what is being described and may even provide the correct word.

3.5. Word coinage

Word coinage is an alternative to description comprising the word sense in a word or word combination of one's own.

(6) *laveur de vêtements*

This is coined in French (L2) for *machine à laver* (a washing machine).

3.6. Description

Description, or a descriptive circumlocution, is often used in the hope that the interlocutor will supply the appropriate missing word.

(7) a small machine ... electric ... very noisy ... to make small holes.

Until the interlocutor supplies the necessary word (i.e. an electric drill), the speaker is reduced to gestures, circumlocution and description. Description is a very widespread strategy in the classroom of upper-intermediate or advance learners who yet lack the knowledge of specific terms.

These strategies provide clear examples of fossilization. However, they help L2 learners not to avoid the topic or keep silent and thus enable them to stay involved in the communicative process. It is rational to use them, in this respect — though perhaps on the level of instrumental rationality, with a mere purpose of satisfying one's basic needs. If we conceive of knowledge not in terms of objective truth and success, but as a communicatively mediated concept, then rationality may be related to the capacity of speakers to reach an intersubjective recognition and understanding. In this case fossilization may be seen as an impediment, or not — depending on its extent. So long as L2 learners are understood, and treated the way they claim to be, the incorrectness of their grammatical constructions, their accent, or else the lack of fluency of their speech, as well as any other parlance shortcoming, should not be seen as a serious impediment to speaking out. According to the concept of communicative rationality, one, in all one's otherness, has equal rights with others to be respected and not discriminated against or excluded from the public sphere.

One the other hand, we might ask whether or not total native-speaker-like mastery of an L2 is a realistic expectation of adult L2 learners. Indeed, what most L2 learners want is to be able to communicate effectively, orally and verbally with L2 native-speakers. But they are rarely expected to demonstrate language perfection if they learned the language in their post-childhood or in artificially created conditions of the classroom; their imperfections of lexis, grammar or pronunciation may well be part of their identity — what makes them distinctive, special. What matters is that communication is effective and understanding is secure.

4. CONCLUSION

Rationality concerns people's ability to acquire and use fallible knowledge; from a linguistic perspective, a higher level rationality, consequently, may be thought of as overcoming one's fossilization. Ultimately, humans are learning beings. Apart from the advantages of total immersion into an L2 environment, modern means of education and communication may provide learners with alternatives. For example, linguistic corpora may help to eliminate learners' dependence on the teacher by exposing them directly to the naturally occurring language. Online language forums can also serve as a gateway to the world of target language speakers whose speech patterns can be borrowed by L2 learners. In this respect, the concept of life learning may be seen as a framework for tackling fossilization, be it viewed as one's idiosyncrasy or an obstacle to mutual understanding.

In the search for answers — or at least greater clarity in understanding the problem of fossilization — it is clear that further careful research into the circumstances of L2 learning as a probable causal factor in fossilization is needed. It may well give us a clearer understanding as to why fossilization occurs and that may well enable us to better sequence the teaching of L2 to improve its reception and assimilation.

© Вавилова Ж.Е., Бродбент Дж.Т., 2018

Дата поступления: 1.06.2018

Дата приема в печать: 15.12.2018

REFERENCES

1. Selinker, L. (1972). Interlanguage. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 10 (2), 209—232.
2. Han, Z.-H., & Odlin, T. (2005). *Studies of fossilization in second language acquisition*. Multilingual Matters.
3. Trillo, J.R. (2009). Discourse markers. In J.L. Mey (Ed.) *Concise Encyclopedia of Pragmatics* (pp. 191—194). Elsevier.
4. Habermas, J. (2015). *The Philosophical Discourse of Modernity. Twelve Lectures*. Translated by Frederick Lawrence. John Wiley & Sons.
5. Hymes, D. (1972). On communicative competence. In J.B. Pride, J. Holmes (Eds.) *Sociolinguistics: Selected Readings*. Harmondsworth: Penguin. pp. 269—293.
6. Shapira, R.G. (1978). The Non-Learning of English: Case Study of an Adult. In E. Hatch (Ed.) *Second Language Acquisition* (pp. 246—255). Rowley, MA: Newbury House.
7. Green, M. (2007). Speech Acts. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved April 14, 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/speech-acts/>.
8. Wang, J. (2011). Impacts of Second Language Classroom Instruction on IL Fossilization. *Journal of Cambridge Studies*, 6 (1), 57—75.
9. Bialystock, E. (1980). Oral communication strategies for lexical difficulties. In *Interlanguage Studies Bulletin*, 5 (1), 3—30.
10. Broadbent, J.T., & Vavilova, Zh. (2015). Bilingual identity: issues of self-identification of bilinguals in Malaysia and Tatarstan. In *3L: Language, Linguistics and Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 21 (3), 141—150.
11. Galieva, A., Vavilova, Zh., & Gafarova, V. (2017). Developing Tatar Corpus-Based Dictionaries for Educational Purposes. In *11th International Technology, Education and Development Conference INTED-2017 Proceedings* (pp. 9014—9022). Spain, Valencia: Inted.

УДК 81:316.77:372.881.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-522-531

ФОССИЛИЗАЦИЯ, КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ж.Е. Вавилова¹, Дж.Т. Бродбент²

¹Казанский государственный энергетический университет, Казань, РФ
Ул. Красносельская, 51, Казань, Республика Татарстан, РФ, 420034

²Центр языковой подготовки «PEAR Academy»
Австралия, Аделаида, Уровень 2/127 Rundle Mall, SA5000
Level 2/127 Rundle Mall, Adelaide SA5000

Фоссилизация была впервые определена в 1972 году как неудача или окончательная остановка в освоении иностранного языка взрослыми обучающимися, которая не соответствует компетенции носителей языка. Она представляет собой заключительный этап в речевом развитии индивида и характеризует большинство попыток изучить иностранный язык в зрелом возрасте.

За 40 лет с момента возникновения термина «фоссилизация» в освоении иностранного языка взрослыми получила широкое признание в научных кругах как подлинно существующее явление. Теперь она рассматривается в качестве феномена постоянного и устойчивого к коррекции как посредством целенаправленного обучения, так и под влиянием аккумуляции. Однако до сих пор не выработано общепризнанного определения или объяснения механизма фоссилизации.

В статье предпринята попытка рассмотреть фоссилизацию и ее возможный исход в коммуникативной практике взрослых обучающихся с экстралингвистической точки зрения, опираясь на языкознание и теорию и практику преподавания языков, с одной стороны, и философией коммуникации — с другой. Применяется концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса: в работе демонстрируется, как совершенствование навыков ораторского искусства и письменной речи обеспечивает коммуниканту более значимую роль в диалоге, что представляется достаточным основанием для того, чтобы стремиться преодолеть фоссилизацию.

С точки зрения теории речевых актов в статье предпринята попытка проследить механизм фоссилизации при переходе из внутреннего пространства индивидуального сознания и интенции (иллюкции) во внешнее пространство перлокуции, когда локутивное искажение речи не влияет на намерения говорящего и он не получает реакции о сделанной ошибке. Рассматриваются некоторые факторы, препятствующие эффективности подобной коррекции, а также ряд стратегий, применяемых обучающимися в коммуникативном процессе.

Ключевые слова: фоссилизация, изучение иностранного языка, коммуникативная рациональность, коммуникационные стратегии, теория речевых актов

Для цитирования:

Вавилова Ж.Е., Бродбент Дж.Т. Фоссилизация, коммуникативная рациональность и коммуникационные стратегии в обучении иностранному языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 522—531. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-522-531.

For citation:

Vavilova, Zh.E., Broadbent, J.T. (2019). Fossilization, communicative rationality and communication strategies in second language learning. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 522—531. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-522-531.

Сведения об авторах:

Вавилова Жанна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций Казанского государственного энергетического университета; *научные интересы*: компьютерно-опосредованная коммуникация в философской интерпретации; модели и средства мультимодального синтеза текстов для интеллектуальных обучающих систем; теоретические аспекты управления стратегическими коммуникациями; *e-mail*: zhannavavilova@mail.ru

Джон Тейлор Бродбент, консультант центра языковой подготовки «PEAR Academy»; *e-mail*: johntaylorbrdbnt@hotmail.com

Information about the authors:

Zhanna Evgenievna Vavilova, senior lecturer, Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Energy University; *research interests*: computer-mediated communication in philosophical interpretation; models and means of multimodal text synthesis for intelligent learning systems; theoretical aspects of strategic communications management; *e-mail*: zhannavavilova@mail.ru

John Taylor Broadbent, consultant, language training center “PEAR Academy”; *e-mail*: johntaylorbrdbnt@hotmail.com

УДК 316.77:811.111'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-532-543

ADDRESS FORM AS A REFLECTION OF ETHNO-CULTURAL STYLE OF COMMUNICATION (based on British and Canadian English)

Yulia B. Yuryeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Culture and the process of communication are interrelated, since culture not only indicates between which members of the society a communication act is possible, but also helps to decode correctly the meaning of the message that was encoded, and also according to what conditions the message would be correctly interpreted by the interlocutor. The historically established ethno-cultural style of communication (T. Larina) reflects the communicative peculiarities of people's behavior when choosing verbal and non-verbal means in the process of communication.

The article is devoted to sociocultural features that influence the choice of language means for expressing an initial speech formula. The aim of our research is to examine address forms in the boundaries of one language but in two different countries (Canada, Great Britain) with their historical and cultural background. We draw on Cultural Dimensions of G. Hofstede (1991), the Theory of Politeness (Brown & Levinson 1987, Leech 2014), the background of Intercultural Pragmatics (A. Wierzbicka 2003, I. Kecskes 2014), Speech Accommodation Theory (Giles 1977) and etc. The article presents the results of the study on the usage of address forms among the representatives of British English (BrE) and Canadian English (CanE) in order to identify similarities and differences and to explain the results according to cultural characteristics.

Key words: initial speech formula, address forms, Canadian English, British English, intercultural communication

INTRODUCTION

Nowadays our modern world is developing along the way of cooperation in all spheres of human life. Each of us, regardless of belonging to one or another linguocultural community, is in a situation where it is necessary to address the interlocutor in order to start a communicative act. The process of communication and culture are interrelated and have a mutual influence on each other. Experience, perception and culture have a great impact on the style of communication. Culture provides its members with an implicit knowledge of how to behave and how to interpret the behavior of the representatives of other cultures in different situations. Any communicative act begins with an initial speech formula, which can be expressed by different means and may include nominative address forms. Since childhood, the representatives of different cultures learn that address forms depend greatly on various factors: on social and gender characteristics of the addressee (age and gender), relationships between the interlocutors, the communication situation as well.

As the process of communication is a complex multidimensional process, there are two types of interactions between the interlocutors: 1. aimed at cooperation (coopera-

tion); 2. aimed at creating competition (conflict). For the successful communicative act the speaker needs to choose proper address forms taking into account his / her intentions and expectations of the addressee. According to the address forms which a speaker may use while addressing the interlocutor s/he define their relationships. As Fitch distinguishes, the relationships may be close / distant, personal / professional, peers / rank-differentiated, etc. [7].

The issue of intercultural communication is much more complicated as the representatives of each culture share the rules which are normally shared by the representatives of their own cultural community. During our research we draw on the cultural dimensions of G. Hofstede (1991), the theory of politeness (Brown & Levinson 1987, Leech 2014), the background of intercultural pragmatics (A. Wierzbicka 2003, I. Kecskes 2014), Speech Accommodation Theory (Giles 1977) and etc. [3—6; 10].

English is a global language and the term “English as an International Language” (EIL) corresponds to British English (BrE), Canadian English (CanE), American English (AmE), Australian English (AusE). The aim of our research is to examine address forms in the boundaries of one language but in two different countries (Canada, Great Britain) with their historical and cultural background.

This paper investigates the social and cultural features that govern the use of address forms in BrE and CanE while addressing a stranger in everyday situations focusing mainly on similarities and differences. The data for analysis was collected through questionnaires, interviews and ethnographical observations. The given situation was chosen in order to determine the cultural impact on the usage of address forms according to symmetrical and asymmetrical relationships among the interlocutors referring to the age.

1. DATA AND METHODOLOGY

The data for analysis was collected through questionnaires, interviews and ethnographical observations. The aim of our research was to examine address forms in the boundaries of one language but in two different countries (Canada, Great Britain) with their cultural and historical background. During our research we collected and tried to examine the address forms which were normally used while addressing a stranger in everyday situations. The given situation was chosen in order to determine the cultural impact on the usage of address forms in accordance with symmetrical and asymmetrical relationship among the interlocutors referring to the age.

In order to explain the differences in the usage of address forms we have based our contrastive analyses on the cultural dimensions of G. Hofstede (1991), the theory of politeness (Brown & Levinson 1987, Leech 2014), Speech Accommodation Theory (Giles 1977) and etc.

The questionnaire was filled in by fifty Canadian and fifty British informants (mostly middle aged informants with high education). This article is focused on the results which reveal the essential similarities and differences in the usage of address forms among the representatives of two different cultures in accordance to age difference. It's important to mention that the collected data needs more detailed analyses on the assumption of gender and social differences.

2. THE IMPACT OF CULTURE ON COMMUNICATIVE BEHAVIOR

Culture and the process of communication are inseparable, as culture not only indicates between which members of the society a communication process is possible, but also helps to understand the correct meaning of the message that was encoded, and also under what conditions the message will be correctly interpreted by the interlocutor.

The process of communication is a way of people's activity, during which interlocutors may encounter various problems: violation of personal space, inappropriate style and way of communication. The communication process includes sending both: verbal messages (words, messages) and non-verbal messages (distance between interlocutors, gestures and etc.).

As the process of communication is a complex multidimensional process, there are two types of interactions between the interlocutors: 1. aimed at cooperation (cooperation) and 2. aimed at creating competition (conflict). That is why communicative behavior can be divided into normative and non-normative. The first one is observed by the overwhelming majority of the representatives of the community and is aimed at a successful communication process. The second one is connected with the violation of generally accepted norms and rules of behavior in the society by the representatives of a single group.

During the process of communication, the participants use not only universal strategies adopted in the world, but also individual and ethnocultural ones. An incorrect perception of communicative behavior by the representatives of a single culture can lead to misunderstanding, and as a result may lead to an interpersonal or an inter-ethnic conflict situation.

As for communicative behavior, it can be considered in three different aspects: individual, situational, and cultural. Intercultural norms reflect the generally accepted rules of polite communication in everyday situations (address, acquaintance, greeting, apology and etc.). However, the general cultural norms of behavior are nationally specific. While greetings a smile is obligatory for Americans and Canadians, unlike for British people.

In the intercultural aspect, culture predetermines the behavior of its representatives and allows us to identify and understand the national and cultural characteristics of the representatives of different cultures.

According to G. Hofstede there are 4 dimensions for the classification of cultures: individualism — collectivism; power distance; uncertainty avoidance; femininity — masculinity.

In accordance with the classification of G. Hofstede UK (89) and Canada (80) top the list of the most individualistic cultures. For people in these countries, their personal interest is of great importance. But they don't always pay much attention to interests of the family, group or team. The representatives of this type of culture value independence, equality and respect human rights. The representatives of these countries make all decisions only in their own interests, and not in the interests of the collective, team or group. Moreover, this society is focused on respecting the rights of each member of society and the value of human life.

The second dimension for measuring cultures — Power Distance is associated with an equal / unequal distribution of power within an institution or society. Based on the classification of G. Hofstede, UK (35) and Canada (39) are countries with a small Power Distance. Representatives of culture with a small power distance value equal rights, equal distribution of power. According to these dimensions, status and social distance are interrelated: a lower power index is characteristic for individualistic countries, and a higher power distance is characteristic for collectivistic countries.

Uncertainty avoidance is a degree of discomfort or level of anxiety that representatives of different cultures may experience in unclear, uncertain situations. As far as people are not afraid of awkward or conflict situations or, on the contrary, they try to avoid them. According to the classification of G. Hofstede, Canada (48) and the United Kingdom (35) belong to cultures with a low degree of uncertainty avoidance. These cultures are characterized by uncertainty, dynamism, high mobility, challenges and risks, high tolerance for unknown situations, new ideas.

The fourth dimension of culture — masculinity / femininity is associated with its organization, which is characteristic for culture. In the masculine culture, the social roles of men and women are clearly determined. The man is focused on completing tasks and achieving success. A woman, in turn, is feminine, tender. Unlike masculine cultures, in a feminist culture, the social roles of men and women are not clearly defined and may overlap. In such cultures, much attention is paid to education, spiritual values. In accordance with this parameter, England (66) and Canada (52) occupy a middle place [3].

An American anthropologist E. Hall has divided cultures into:

- high / low context;
- monochronic / polychronic;
- the difference in proxemics.

Based on this theory, high context cultures are characterized by a large number of non-linguistic context (appearance, hierarchy), which is already laid in the minds of representatives of this culture for a complete and correct interpretation of the message. Low context cultures express a large part of verbal information. The representatives of these cultures openly express their desires and intentions, their messages do not contain hidden meaning or understatement. This type of cultures includes Canada and England.

Monochronic / polychronic cultures differ in their attitude to time. In monochronic cultures, which include Canada and the United Kingdom, only one kind of activity is possible in one period of time, all actions occur sequentially, one by one. In polychronic cultures, several actions may be done simultaneously by the representatives of these cultures, during one period of time.

The third parameter of culture is the difference in proxemics (the way a person identifies interpersonal space) in each culture is different and, depending on the culturally-determined features, can be incorrectly interpreted by the representatives of another culture. On the basis of 4 interpersonal spaces, cultures can be divided into 2 types: personal / public space. In cultures with the predominant role of personal space, personal distance, autonomy of personality are valued, all meetings are discussed in advance, as they can be regarded as an invasion of personal space (England, Canada) [15].

Both British and Canadian cultures are characterized by equality and distance in communication. According to cultural characteristics the interlocutors normally use informal norms while addressing strangers in everyday communication, so they seldom have difficulties while interacting with people.

Politeness is connected with the basic principles of sociocultural organization and interpersonal relationships within social groups and should be viewed in the context of Social distance and Power distance, which are considered the main dimensions of cultures [14. С. 534].

Address forms as the initial speech formula depict ethnocultural differences while a speech act. While addressing people, people evoke personal identities, create and define relationships such as close / distant, personal / professional, peers / rank-differentiated, etc. [7]. As British people and Canadians are the representatives of individualistic cultures they value mainly equality and try not to show differences in social status, as well as they don't reveal the asymmetry in age and gender.

3. ADDRESS FORMS IN BRITISH ENGLISH

According to the research, the representatives of British English are limited in the variety of address forms in a given situation (while addressing a stranger). Normally the speaker doesn't use address forms. The speakers prefer to address the stranger with the help of the "attention getter" — *Excuse me*, without any address forms in order to attract attention of the interlocutor. Informants used "attention getters" to a greater degree when referring to addressees of older age than when referring to addressees of the same age or younger (teenagers):

- (1) *Excuse me! Would you show me how to get to the bus stop? Please.*
- (2) *Excuse me, could you help me with the directions, please?*

Greetings as an initial speech formula were used much less frequently. According to the received data informants used formal greetings (*Hello, Good morning, Good afternoon*). The most frequently used greetings were *Hello* (16%), *Good morning* (10%). Most often they were used while addressing addressees of the same age or younger. When addressing older informants, greetings were used much less frequently. Informal (neutral) greetings (*Hey, Hi*) were used only when addressing men and women of the same age or younger and teenagers:

- (3) *Hey, could you show me the way to the bus stop, please.*
- (4) *Hello! Do you know where the bus stop is?*

Based on the results of our study, nominative address forms in the context of our research were used much less frequently and at the same time their usage didn't depend on the age of the addressee. The informants used them with approximately the same degree of frequency. The results of the study show that informant used nominative address forms, as an initial speech formula, only in combination with the "attention getters" or greetings.

Nowadays honorific titles can be used in extremely rare situations. In the given context honorific titles were used mainly as a polite address form and only when

referring to the addressees of older age. Honorific titles were used to emphasize the high status of the interlocutor. For men, the speakers mostly used such honorific title as — *Sir* and for women they usually used — *Madam*:

- (5) *Excuse me Madam, could you show me the way to the bus station, please.*
- (6) *Excuse me Sir! Would you show me how to get to the bus stop? Please.*

When addressing the interlocutor of the same social status and the same age the informants prefer not to use honorific titles. As T. Larina notes “this fact highlights the growth of informality in society and the insignificance of “status distance” which is now characteristic of the British communicative culture” [2].

While addressing informants of the same age, nominative address forms were also used. According to the received data nominative address forms were not widely used. Mostly the following address forms were used as: *buddy*, *mate*, *dear*, *luv*:

- (7) *Excuse me dear, could you show me the way to the bus stop, please.*
- (8) *Hello mate, could you show me the way to the bus stop, please.*

When addressing teenagers, nominative address forms were rarely used. Informants mainly used such nominative address forms as: *buddy*, *mate* and *child*:

- (9) *Hey, Buddy. Do you know where the bus stop is?*
- (10) *Hello mate. Can you show me way to the bus stop?*

The usage of informal address forms while addressing the interlocutors of the same age confirms the fact of the grown informality in the British communicative culture. The received data confirms the fact of the changing values nowadays. According to our research the informants prefer not to point out on the status and age difference among the interlocutors.

Based on the obtained results, in British culture, the use of a zero initial speech formula is characteristic, regardless of the social and gender characteristics of the addressee (age and sex), which indicates the autonomy and distance of the British communicative culture. If informants use nominative address forms, they use them only in the combination with the “attention getter” or greeting, which are used not only to attract attention, but also to establish contact with the addressee.

4. ADDRESS FORMS IN CANADIAN ENGLISH

According to our research Canadians don't normally use address forms in a given situation (while addressing a stranger). Normally the speakers tried to avoid the usage of address forms. The speakers prefer to address strangers with the help of the “attention getter” — *Excuse me* or a greeting, without nominative address forms in order to attract attention of the interlocutor. Informants used “attention getters” usually when referring to addressees of older age or of the same age. While addressing the interlocutor who was younger or even a teenager they didn't use attention getters:

- (11) *Excuse me! Can you please tell me how to get to...*
- (12) *Excuse me, can you please give me directions to the bus stop?*

Greetings as an initial speech formula were used with the same frequency while addressing the interlocutors of the same age or older. According to the received data informants used formal greetings (*Hello*, *Good morning*). The most frequently used

greetings were *Hello* (28%), *Good morning* (10%). Most often they were used while addressing addressees of the same age or older. When addressing younger informants, greetings were used much more frequently. Informal (neutral) greetings (*Hi*) were used often when addressing younger informants and teenagers:

(13) *Hi, can you tell me how to get to the bus stop.*

(14) *Hi there, do you know where the bus stop is?*

According to the results of our study, nominative address forms in the context of our research are used very seldom and at the same time their usage does not depend on the age of the addressee. The informants used them with approximately the same degree of frequency. The results of the study show that informant used the nominative address forms, as an initial speech formula, only in combination with the “attention getters” or greetings.

Presently honorific titles can be used in extremely rare situations. In the given context honorific titles were used mainly as a polite address form and only when referring to the addressees of older age. Honorific titles were used to emphasize the high status of the interlocutor. Normally Canadians used such honorific title as: *Sir* (for men) and *Madam* (for women):

(15) *Excuse me Madam, can you tell me how to get to the bus stop.*

(16) *Excuse me Sir! Do you know how to get to the bus stop? Please.*

While addressing informants of the same age or younger people nominative address forms were also used very seldom. According to the received data nominative address forms were not widely used. Mostly the following address forms were used as: *buddy, mate*:

(17) *Hello mate, can you tell me how to get to the bus stop.*

When addressing teenagers, nominative address forms were seldom used. Informants mainly used such nominative address forms as *buddy*:

(18) *Hell, Buddy. Do you know where the bus stop is?*

Canadians do not have such a strict social hierarchy, which requires incredibly formal rules, unlike the representatives of British culture. What is considered polite is “in the middle” for Canadians. It means that Canadians behave formally in some social situation or when they don’t know for sure how to behave. According to the received data the informants prefer not to point out on the status and age difference among the interlocutors.

5. DATA ANALYSES

According to our research we have analyzed the results of the situation where the informants were required to address a stranger of different age in everyday situation:

- a man who was older;
- a man of the same age;
- a woman who was older;
- a woman of the same age;
- a teenager.

As the aim of our study was to study symmetrical and asymmetrical relationships between the interlocutors we have found some similarities and differences in the usage of address forms.

Any communicative act begins with an initial speech formula. Based on the study, in British and Canadian communicative cultures, we can distinguish three the most frequent initial speech formulas:

- formula for attracting attention;
- greeting;
- nominative address form, which is used only in the combination with the attention getter or greeting.

According to the results of our study the British and Canadian speakers didn't normally use nominative address forms or used zero address forms as the initial speech formula. As the representatives of British style of communication ignore status it is so called person-oriented [11]. British speakers more likely than Canadian speakers used "attention getters". Greetings were more likely used by Canadian speakers, especially while addressing teenagers (See table 1).

Table 1

Attention Getters

"Attention getters"	Addressee	British English (%)	Canadian English (%)
	Old man	94	62
	A man of the same age	78	58
	Old woman	92	68
	A woman of the same age	76	60
	A teenager	68	10
Total		81,6	51,6
Greetings	Old man	6	38
	A man of the same age	22	42
	Old woman	8	32
	A woman of the same age	24	40
	A teenager	32	90
Total		18,4	48,4

The results of our study confirmed some previous observations and showed new peculiarities. The British communicative culture is characterized by a formal style of communication, which is based on the principle of maintaining distance between interlocutors.

According to the obtained data the representatives of both cultures prefer to use a zero address form as the initial speech formula. British speakers often use "attention getters" while Canadians use both "attention getters" and greetings with the same frequency. While addressing a stranger the representatives of both countries use a formal style of communication. The principle of maintaining distance between interlocutors is the basic one for British speakers. The usage of informal address forms while addressing the interlocutors of the same age confirms the fact of the grown informality in the British communicative culture. The received data confirms the fact of the changing values nowadays. As for the representatives of both cultures distance and equality in society play a fundamental role. If there is a difference in age, they prefer not to em-

phasize this asymmetry. If the representatives of both cultures use a nominative address form, they use it only in combination with the “attention getter” or greeting, the function of which is not only to attract attention, but also to establish contact with the addressee.

CONCLUSION

In this article we have presented the results of the analysis of communicative behavior of the Canadian and British speakers relating to the usage of the initial speech formula (address form), while addressing a stranger in everyday situation. The article was devoted to sociocultural features that influence the choice of language means for expressing the initial speech formula. We have examined the usage of address forms in the boundaries of one language but in two different countries (Canada, Great Britain) with their historical and cultural background. In this article we have presented only selected results as it's not possible to list all the differences in one paper.

The results of our study confirmed some previous observations and showed some new peculiarities. While addressing a stranger the representatives of both countries use a formal style of communication, as distance and equality play a great role for the representatives of both cultures. The principle of maintaining distance between the interlocutors is the basic one for the representatives of British culture. Nowadays, as the result of the development of our modern world along the way of cooperation in all spheres of human life and mutual influence of different cultures, there are some changes in the communicative behavior. The usage of informal address forms while addressing the interlocutors of the same age confirms the fact of the grown informality in the British communicative culture. The received data confirms the fact of the changing values nowadays.

© Юрьева Ю.Б., 2018

Дата поступления: 10.11.2018

Дата приема в печать: 03.03.2019

REFERENCES

1. Larina, T. (2015). Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres, 195—215.
2. Larina, T. & Suryanarayan, N. (2013). Madam or aunty ji: address forms in the British and Indian languages. In Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.). *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives*. Peter Lang Edition. pp. 190—217.
3. Hofstede, G.H. (1991). *Cultures and Organizations: Software of the mind*. McGraw-Hill Book Company (UK) Limited. London.
4. Kecskes, I. (2014). *Intercultural pragmatics*. OUP USA.
5. Brown, P. & Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP.
6. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press.
7. Fitch, K. (1998). *Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection*. New York: The Guilford Press.
8. Clyne, M., Norrby, C. & Warren, J. (2009). *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge: CUP.

9. Kachru, B. (2012). World Englishes: Agony and Ecstasy. *Journal of Aesthetic Education*, 30 (2), Special Issue: Distinguished Humanities, 135—155.
10. Wierzbicka, A. (2003). Cross-cultural pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
11. Gudykunst, W. & Ting-Toomey, S. (1990). Culture and Interpersonal communication. *Interpersonal communication*, 8. Sage Series. Sage Publications.
12. Giles, H. (1977). Language, Ethnicity and Intergroup Relations: European Monographs in Social Psychology. London: Academic Press.
13. Gladkova, Anna & Larina, Tatiana (2018). Anna Wierzbicka, Language, Culture and Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 717—748. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.
14. Iliadi, P.L. & Larina, T.A. (2017) Refusal Strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.
15. Hall, E. (1990). Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Yarmouth, Maine: Intercultural Press.
16. Clyne, M. (2009). Address in intercultural communication across languages. *Intercultural Pragmatics*, 6 (3), 395—409.
17. Crystal, D. (2013). English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Schneider, K.P. (2010) Sociopragmatic variation and culture-dependent schemata of linguistic behavior. In *34th International LAUD Symposium. Cognitive Sociolinguistics: Language Variation in its Structural, Conceptual and Cultural Dimensions*. Landau / Pfalz (Germany). pp. 245—275.

УДК 316.77:811.111'373

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-532-543

ФОРМА ОБРАЩЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ (на материале британского и канадского вариантов английского языка)

Ю.Б. Юрьева

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Культура и процесс коммуникации неразделимы, так как культура не только указывает, между какими членами общества возможен процесс коммуникации, но и помогает правильно распознать значение сообщения, которое было закодировано, а также при каких условиях данное сообщение будет правильно интерпретировано собеседником.

Сложившийся исторически, этнокультурный стиль коммуникации (Т.В. Ларина) отражает коммуникативные особенности поведения народа при выборе вербальных и невербальных средств в процессе коммуникации.

Статья посвящена социокультурным особенностям, которые влияют на выбор языковых средств при выражении инициальной речевой формулы. Целью нашего исследования было изучение форм обращения в рамках одного языка, но в двух разных странах (Канада, Великобритания) с их историческим и культурным прошлым. Мы основываемся на параметрах измерения культур Г. Хофштеда (1991), теории вежливости (Браун & Левинсон 1987, Лич 2014), основах межкультурной

прагматики (А. Вежбицкая 2003, И. Кечкеш 2014), теории речевой аккомодации (Х. Гайлс). В статье представлены результаты исследования употребления форм обращения среди представителей британской и канадской культур с целью выявления сходств и различий и объяснение результатов через особенности культур.

Ключевые слова: инициальная речевая формула, форма обращения, канадский вариант английского языка, британский вариант английского языка, межкультурная коммуникация

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. Vol. 7. No 5. Special Issue: Communicative Styles and Genres. 2015. P. 195—215.
2. Larina T., Suryanarayan N. Madam or aunty ji: address forms in the British and Indian languages. // *Variation in Language and Language Use: Linguistic, Socio-Cultural and Cognitive Perspectives* / Monika Reif, Justina A. Robinson, Martin Putz (eds.). Peter Lang Edition, 2013. P. 190—217.
3. Hofstede G.H. *Cultures and Organizations: Software of the mind*. McGraw-Hill Book Company (UK) Limited. London, 1991.
4. Kecskes I. *Intercultural pragmatics*, OUP USA, 2014.
5. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: CUP, 1987.
6. Leech G. *The pragmatics of politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
7. Fitch K. *Speaking Relationally: Culture, Communication, and Interpersonal Connection*. New York: The Guilford Press, 1998.
8. Clyne M., Norrby C., Warren J. *Language and Human Relations: Style of Address in Contemporary Language*. Cambridge: CUP, 2009.
9. Kachru B. World Englishes: Agony and Ecstasy // *Journal of Aesthetic Education*. 2012. No 30 (2). Special Issue: Distinguished Humanities. P. 135—155.
10. Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
11. Gudykunst W., Ting-Toomey S. *Culture and Interpersonal communication* // *Interpersonal communication*. 8. Sage Series. Sage Publications, 1990.
12. Giles H. *Language, Ethnicity and Intergroup Relations: European Monographs in Social Psychology*. London: Academic Press 1977.
13. Гладкова А.Н., Ларина Т.В. Анна Вежбицкая: язык, культура и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. No 22 (4). С. 717—748. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748.
14. Илюди П.Л., Ларина Т.В. Стратегии отказа в английской и русской лингвокультурах // Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. № 8 (3). С. 531—542. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542.
15. Hall E. *Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans*. Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1990.
16. Clyne M. Address in intercultural communication across languages // *Intercultural Pragmatics*. 2009. No 6 (3). P. 395—409.
17. Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
18. Schneider K.P. Sociopragmatic variation and culture-dependent schemata of linguistic behavior // 34th International LAUD Symposium. *Cognitive Sociolinguistics: Language Variation in its Structural, Conceptual and Cultural Dimensions*. Landau / Pfalz (Germany), 2010. P. 245—275.

For citation:

Yuryeva, Yu.B. (2019). Address form as a reflection of ethno-cultural style of communication (based on British and Canadian English). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 532—543. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-532-543.

Для цитирования:

Юрьева Ю.Б. Форма обращения как отражение этнокультурного стиля коммуникации (на материале британского и канадского вариантов английского языка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 532—543. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-532-543.

Information about the author:

Yulia B. Yuryeva, PhD student of the Department of Foreign Languages, RUDN University; *Research interests*: comparative linguistics, pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: yuryeva-yub@rudn.ru

Сведения об авторе:

Юрьева Ю.Б., аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: сравнительно-сопоставительное языкознание, прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: yuryeva-yub@rudn.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК
